

Министерство образования и науки Российской Федерации

Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет

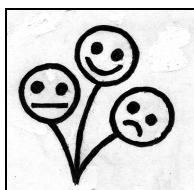
*Научно-исследовательская
лаборатория*
«Аксиологическая лингвистика»

Воронежский государственный
университет

Центр
коммуникативных
исследований

АНТОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ

Том 8

Волгоград
«Парадигма»
2011

ББК 81.0 + 81.432.1

А 21

Научные редакторы -

доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик,
доктор филологических наук, профессор И.А. Стернин.

Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика,
И.А. Стернина. Том 8. Волгоград: Парадигма, 2011. –
328 с.

А 21

ISBN 978-5-903601-48-6

Антология концептов представляет собой словарь нового типа – концептуарий культурно значимых смыслов, закрепленных в языковом сознании и коммуникативном поведении. В основу книги положены диссертационные исследования, посвященные концептам – сложным ментальным образованиям, воплощенным в различных языковых единицах на материале различных языков — русского, английского, немецкого, французского, китайского, калмыцкого. Рассматриваются концепты в религиозном, политическом, идеологическом, административном, художественном и обиходном типах дискурса.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы когнитивной лингвистики, культурологии и межкультурной коммуникации.

ББК 81.0 + 81.432.1

© Редактирование. В.И. Карасик, И.А. Стернин, 2011.

© Коллектив авторов, 2011.

ISBN 978-5-903601-48-6

Содержание

Добро и зло	<i>Георгиева О.Н. (Волгоград)</i>	3
Счастье	<i>Богданова М.А. (Армавир)</i>	21
Родина	<i>Есмурзаева Ж.Б. (Кемерово)</i>	39
Подвиг	<i>Дорджиева Д.В. (Элиста)</i>	54
Смерть	<i>Тронько С.С. (Иркутск)</i>	70
Небо	<i>Демидова Е.Е. (Кемерово)</i>	84
Сердце	<i>Зибров Д.А. (Иркутск)</i>	104
Гордость и стыд	<i>Малахова С.А. (Армавир)</i>	114
Лицемерие и искренность	<i>Храмова Ю.А. (Астрахань)</i>	137
Воровство	<i>Павлова О.В. (Волгоград)</i>	156
Жертва	<i>Басс Г.П. (Калининград)</i>	174
Мода	<i>Чурсина О.В. (Астрахань)</i>	189
Женщина	<i>Лю Бо (Владивосток)</i>	204
Брак	<i>Михалева М.В. (Курск)</i>	225
Дом	<i>Базылова М.А. (Брянск)</i>	234
Старость	<i>Блинова И.С. (Волгоград)</i>	247
Человек	<i>Ядрихинская Е.А. (Воронеж)</i>	264
Учитель	<i>Заречнева Е.Н. (Барнаул)</i>	281
Интернет	<i>Агаюлова С.И. (Астрахань)</i>	291
Настольные игры	<i>Гориславец Е.В. (Волгоград)</i>	306
Содержание предыдущих выпусков Антологии концептов		322

О.Н. Георгиева (Волгоград)
ДОБРО И ЗЛО

Объектом исследования являются аксиологические компоненты концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло, представленные в сознании носителей русской и французской лингвокультур. В качестве предмета изучения выступают этноспецифичные лингвокультурные характеристики данных аксиологических компонентов, закрепленные в семантике имен концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло, репрезентирующие свои доминантные признаки в разных типах дискурса.

Цель исследования – выявить, систематизировать, охарактеризовать, классифицировать и описать набор актуальных аксиологических элементов (ценностей и антиценностей), отражающих этноспецифику аксиологического пространства французских и русских концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло.

Материалом для исследования послужили прецедентные тексты на французском и русском языках, актуальные анекдоты на французском и русском языках, данные этимологических словарей, словарей синонимов, толковых словарей русского и французского языков, двуязычных словарей, лингвострановедческих справочных изданий; результаты, полученные в ходе осуществления серии лингвистических экспериментов, проведенных среди носителей французского и русского языкового сознания (общее число респондентов – 200 человек).

Анализируемые концептосферы *bien*/добро и *mal*/зло являются универсальными и доминантными понятиями как для русской, так и для французской аксиологической картины мира, которые «поляризуя» ее (*bien*/добро как абсолютный плюс, *mal*/зло – абсолютный минус), образуют иерархию ценностей. Языковая характеристика выбранных единиц исследования обладает универсальной культурной значимостью.

Данные, полученные нами посредством проведения этимологического анализа, анализа словарных дефиниций, сопоставления лексических группировок – синонимических рядов, образованных ядерными репрезентантами концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло, иллюстрируют основные этноспецифичные черты заданных концептосфер, нашедших реализацию в аксиологических положитель-

ных (ценностях) и отрицательных (антиценностях) компонентах, представленных нами в таблицах 1 и 2:

Таблица 1

Наименование лингвистического анализа	Базовые лексикографические характеристики ядерного репрезентанта концептосферы «bien»	Базовые лексикографические характеристики ядерного репрезентанта концептосферы «добро»
Этимологический анализ	активность, благосостояние, благотворительность, вежливость, здоровье, комфорт, помощь, радость, рассудительность, соблюдение норм, установленных обществом, счастье, удовольствие, устроенность быта;	сила, талант, крепкое телосложение, храбрость;
Анализ словарных дефиниций	благотворительность, добродетель, здоровье, материальное благополучие, помощь, похвала, соблюдение общественных норм и традиций, справедливость, успех, честность,	материальное благополучие, милосердие, помощь, сила, чувство благодарности,
Анализ синонимического ряда	помощь, похвала, работа, справедливость, честность,	благополучие, дружба, милосердие, нежелание мстить, помощь, терпимость, умение прощать, честность,

Таблица 2

Наименование лингвистического анализа	Базовые лексикографические характеристики ядерного репрезентанта концептосферы «mal»	Базовые лексикографические характеристики ядерного репрезентанта концептосферы «зло»
Этимологический анализ	бедность, болезнь, страх;	бесчеловечность, грубость, ложь, несправедливость;
Анализ сло-	бедность, безнравствен-	гнев, злопамятность;

варных дефициций	ность, болезнь, взяточничество, глупость, злословие, ложь, непривлекательная внешность, отсутствие эстетического вкуса, отсутствие представлений о стиле, смерть, хамство, чрезмерное усердие;	неблагодарность, подлость;
Анализ синонимического ряда	бедность, безнравственность, болезнь, взяточничество, глупость, жестокость, злословие, нарушение закона, некрасивая внешность, подлость, посредственность, хамство, чрезмерное усердие;	безжалостность, жестокость, злопамятность, обидчивость, отсутствие сострадания;

В качестве детализации этноспецифичных черт исследуемых нами концептосфер выступают «ценностные ориентиры», содержащие экспликативную информацию о критериях, согласно которым те или иные понятия относятся представителями французской и русской лингвокультурных традиции к категориям «ценность» или «антиценность».

Так, если для носителей франкоязычного сознания релевантными являются: материальное благополучие; весомое положение в обществе; соблюдение прав личности; уважение закона; положительная оценка представителями социума тех или иных поступков, действий личности, для которой восхищение является высшей формой одобрения; поддержание благоприятного морального климата в социуме; эффективность принципа «услуга за услугу», являющегося залогом того, что в будущем человек, получивший поддержку, сможет быть чем-то полезен; проявление интеллектуальной состоятельности личности; развитие и рост личности во всех сферах жизни; комфорт и устроенность быта, как нормальное явление необходимое для повседневной жизни личности; то для носителей русскоязычного сознания внутренний мир человека обладает большей значимостью, чем внешний мир, который его окружает, что находит свое подтверждение в том, что релевантными для русской лингвокультурной традиции являются следующие понятия, выполняющие роль «ценностного

ориентира»: духовное развитие личности; воспитание характера как основная, первичная цель активной и качественной реализации способностей личности в профессиональной сфере.

В соответствии с результатами анализа паремиологического слоя французского и русского языков мы разделяем выявленные аксиологические элементы концептосфер *bien*/ добро и *mal*/ зло на две основные группы – «универсальные ценностные элементы» и «этноспецифичные ценностные элементы», общее количество которых составляет 97 понятий, – положительных и отрицательных аксиологических компонентов, распределенных по индексу частотности в порядке убывания, и образующих шкалу ценностей, где французская лингвокультура выступает в качестве оси, задающей вектор сопоставительного анализа.

В рамках исследования детальному рассмотрению подверглись первые пять универсальных ценностей и «антиценностей», получивших наибольшее число контекстуальных реализаций во франко- и русскоязычных паремиях, и представляющих собой доминанты паремиологического сознания французского и русского народов, – к ним относятся: «*femme*»/ «женщина/жена», «*réussite matérielle*»/ «материальное благополучие», «*geras*»/ «еда», «*esprit*»/ «ум», «*vie*»/ «жизнь» (ценности); «*maladie*»/ «болезнь», «*pauvreté*»/ «бедность», «*mort*»/ «смерть», «*folie*»/ «безумие», «*bêtise*»/ «глупость» («антиценности»); а также все аксиологические компоненты, вошедшие во вторую группу – «этноспецифичные ценностные элементы», которые перечислены в таблицах 3 и 4:

Таблица 3

№	Этноспецифичные аксиологические компоненты концептосферы « <i>bien</i> »	Этноспецифичные аксиологические компоненты концептосферы «добро»
1.	<i>Homme</i> (m) (мужчина)	Гостеприимство
2.	<i>Mariage</i> (m) (брак)	Мать
3.	<i>Pouvoir</i> (m) (власть)	Совесть
4.	<i>Plaisir</i> (m) (удовольствие)	Прошлое
5.	<i>Bon goût</i> (m) (хороший вкус)	Настоящее
6.	<i>Justice</i> (f) (справедливость)	

Таблица 4

№	Этноспецифичные аксиологические компоненты концептосферы	Этноспецифичные аксиологические компоненты концептосферы

	сферы «mal»	«зло»
1.	Chômage (m) (безработица)	Война
2.		Обида

Описание этноспецифичных черт французских и русских концептосфер *bien*/ добро и *mal*/ зло осуществляется в несколько основных этапов: выделение базовых «семантических узлов», смысловых доминантных сфер анализируемых понятий; детализация содержания базовых «семантических узлов»; сопоставление результатов с целью выделить различия в восприятии рассматриваемых нами аксиологических единиц представителями французской и русской лингвокультурных традиций.

Изложенную выше процедуру исследования можно проиллюстрировать на примере ценностной единицы «*femme*»/ «женщина, жена», релевантность которой проявляется, как через ее способность отражать акценты французского и русского аксиологического пространства исследуемых концептосфер, так и через частотность употребления данной лексемы в паремиях, размещенных в рубриках с тематикой *bien/mal* и добро/зло. Индекс частотности, вычисленный по количеству объективаций данной лексемы в рамках французских пословиц и поговорок, составил 12% (абсолютный максимум по сравнению с другими понятиями), тогда как проанализированные нами русские пословицы и поговорки фиксируют значительно более низкий показатель – 3% контекстуальных реализаций понятия «женщина/жена». На основе данных когнитивного анализа мы выделяем три основные группы «семантических узлов» ценностной единицы «*femme*»/ «женщина/жена», получивших реализацию в паремиологическом слое французского и русского языков: 1) универсальные «семантические узлы», к ним относятся: «Женщина/ жена как основа гармоничных отношений в семье» («*La femme est le bon Dieu de la maison*» (Женщина – хранительница домашнего очага); «Добрый мир в семье женой держится»), «Основные положительные качества женщины/жены» («*Une jolie femme est un bon compagnon*» (Красивая женщина – хороший спутник); «Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать»); 2) «этноспецифичные семантические узлы, характерные исключительно для французского паремиологического сознания»: «Романтизация легкомысленности, как одной из основных черт женского характера» («*Femme, vent,*

temps et fortune se changent bien comme la lune» (*Женщина, ветер, погода и удача изменчивы как луна*)), «Применение физической силы по отношению к женщине/ жене как неприемлемая модель поведения в семье» («*Qui frappe sa femme frappe un sac de farine le bon s'en va, le mauvais reste*» (*Тот, кто бьет свою жену – бьет мешок с мукой: хорошее уходит, а плохое остается*)); 3) «этноспецифичные семантические узлы, характерные исключительно для русского паремиологического сознания»: «Применение физической силы по отношению к женщине/ жене как приемлемая модель поведения в семье» («*Чем больше жену бьешь, тем щи вкусней/лучше*»).

На основе проанализированных текстов французских и русских волшебных сказок, выделяется ряд этноспецифичных черт, нашедших выражение в степени релевантности и особенностях семантической наполненности тех или иных аксиологических компонентов.

Одним из принципиальных отличий главного героя французской народной сказки является его осознанное стремление самостоятельно добиться успеха. В большинстве русских фольклорных произведений этого жанра наблюдается диаметрально противоположная ситуация: главный герой добивается успеха, побеждает врага, во многом благодаря помощи и поддержке со стороны друзей и родных, в чем выражена идея единения, как высшей формы взаимопонимания между людьми, благодаря которому в конечном итоге становится возможным торжество добра над злом.

Данное предположение частично находит подтверждение в том факте, что в проанализированных французских сказках волшебные помощники предлагают главному герою только подсказки, намеки, но не готовый ответ, или четкий план действий. Чтобы воспользоваться полученной информацией или чудесным даром, герою необходимо самому приложить большие усилия, хорошо подумать и правильно понять слова, сказанные добрым духом или феей, проявив тем самым, свою интеллектуальную самостоятельность и умение самостоятельно принимать решения. Этноспецифика французской лингвокультуры заключается в рассудительности, преимущественно рассудочном восприятии мира героев французской народной сказки, что становится очевидным из сопоставления вышеперечисленных фактов с поведением

главного героя русских народных сказок, для которого залогом успеха являются его доброта, умение доверять, и четкое следование указаниям, предложенных его волшебным помощником.

Еще одна отличительная особенность, являющаяся типичной исключительно для главного героя французской сказки, может быть сформулирована во фразе «казаться, а не быть»: «ничем не выдавать своих внутренних переживаний», «создавать иллюзию счастья», «формировать выгодное представление других людей о своей жизни» – данные умения для носителей французской лингвокультурной традиции представляют гораздо большую ценность, чем противоположные им «открытость», «искренность», «бесхитрость», релевантные для представителей русской лингвокультуры.

В качестве примера, иллюстрирующего установленный нами факт, может выступить фраза, в которой закреплена реакция, характерная для большинства главных героев русской волшебной сказки, на услышанное ими печальное известие: «*Заплакал Иван-царевич*», – подобное проявление эмоций крайне нетипично для мужчин, выступающих в роли главного героя французских народных сказок, что скорее свидетельствует не о различии ценностей гендерного характера, а о некотором несовпадении рисунка ценностного кода в целом.

Так, наиболее распространенной реакцией героя на плохую новость, описанной в текстах французского фольклора, является потеря аппетита, сна и ухудшение настроения, проявляющегося в нежелание героя улыбаться, смеяться. Это позволяет нам говорить о доминировании в русской концептосфере «добро» и русской лингвокультуре в целом таких аксиологических элементов, как «открытость», «искренность» (герой не скрывает своих переживаний), и о приоритете таких ценностей, как «хорошее настроение», «аппетит» (как возможность получить максимальное удовольствие от гастрономических изысков) в рамках французской лингвокультуры.

В проанализированных нами прецедентных текстах русского фольклора, случаи, детально описывающие внешний вид основных или второстепенных персонажей, носят единичный характер. В то время как большое количество текстов французских сказок фиксируют пристальное внимание главного героя к предметам одежды, как способу подчеркнуть свою индивидуальность, обра-

тить на себя внимание, что передает этноспецифику французского языкового сознания, где такие ценности, как «чувство стиля», «хороший вкус», «умение хорошо одеваться» обладают значительное более доминантной позицией, чем в рамках русского языкового сознания.

Неприятие системой ценностей русского народа социально-классового членения мира, рассмотрение личности через призму социальных различий, является еще одной этноспецифичной чертой русской лингвокультуры. Если в рамках французской народной сказки выразителями подобных идей становятся либо нейтральные, либо положительные персонажи (т.е. данное понятие рассматривается как норма или ценность), то в русских народных сказках персонажи, выбравшие для оценки других людей такой параметр, как социально-классовая принадлежность, являются отрицательными. Необходимо отметить, что «о милосердии русских крестьян к чужим для них в социальном отношении людям писали декабристы и многие другие ссыльные, встречавшие сочувствие и помощь на всем пути их следования в ссылку».

Проблема «выбора пути», как метафоризация «поиска смысла жизни», характерная для сюжетной линии русских народных сказок, ни разу не была выявлена нами в рамках рассмотренных французских фольклорных произведений данного жанра.

Следующим этапом исследования была верификация и актуализация описанных ранее данных, полученных в ходе реконструкции концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло, осуществляемые с помощью целого ряда лингвистических экспериментов. Полевые исследования проводились среди носителей кодифицированного французского и русского языков в возрасте от 18 до 25 лет, являющихся студентами вузов России и Франции (общее количество респондентов составило 200 человек) и осуществлялись в рамках трех основных этапов:

1) анкетирование «первой волны» направлено на верификацию и актуализацию результатов, полученных в процессе реконструкции аксиологических компонентов концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло. Анкета состоит из 18 вопросов;

2) анкетирование «второй волны», основанное на сочетании методики семантического дифференциал и ассоциативного эксперимента, направлено на определение «ценностного индекса»

аксиологических компонентов, вошедших в установленный список ценностей и «антиценностей» (испытуемому предлагалось разместить оцениваемое понятие на шкале, фиксирующей значения, согласно которым +4 «très bien»/«очень хорошо», +3 «bien»/«хорошо», +2 «plutôt bien que neutre»/«скорее хорошо, чем нейтрально», +1 «plutôt neutre que bien»/«скорее нейтрально, чем хорошо», 0 «neutre»/«нейтрально», -1 «plutôt neutre que mal»/«скорее нейтрально, чем плохо», -2 «plutôt mal que neutre»/«скорее плохо, чем нейтрально», -3 «mal»/«плохо», -4 «très mal»/«очень плохо»), а так же на фиксирование базового ассоциативного поля каждого понятия;

3) анкетирование «третьей волны», основанное на частичном использовании методики градуального шкалирования, представляет собой заключительный этап полевых исследований и в качестве основной задачи имеет построение шкалы ценностей, отображающей этноспецифику концептосфер bien/ добро и mal/ зло, а также французской и русской лингвокультуры в целом, через комбинаторику вошедших в нее элементов.

В рамках данного диссертационного исследования были выстроены 2 шкалы ценностей, состоящие из 80 компонентов с положительной семантикой и 50 компонентов с отрицательной семантикой, и отражающие аксиологические доминанты французского и русского современного языкового сознания. Фрагменты аксиологических парадигм представлены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5.

№	Ценности, зафиксированные в русском языковом сознании	Ценностный индекс (ЦИ) понятия	Кол-во (%)	Ценности, зафиксированные во французском языковом сознании	ЦИ понятия	Кол-во (%)
1	Доверие	+3,23	89	Amitié (дружба)	+4,0	91
2	Любовь	+3,35	82	Honnêteté (честность)	+3,45	83
3	Свобода	+3,23	80	Générosité (щедрость)	+3,45	76
4	Семья	+3,88	71	Solidarité (единение)	+3,0	72

5	Дружба	+3,05	70	Vie (жизнь)	+3,09	74
6	Здоровье	+3,70	65	Amour (любовь)	+3,18	65
7	Жизнь	+2,82	62	Courage (смелость)	+3,45	68
8	Мир	+2,88	63	Liberté (свобода)	+2,81	62
9	Честность	+3,47	59	Pardon (прощение)	+2,72	62
10	Общение	+3,35	58	Sagesse (мудрость)	+2,81	62

Таблица 6.

№	Антиценности, зафиксированные в русском языковом сознании	Ценностный индекс (ЦИ) понятия	Кол-во (%)	Антиценности, зафиксированные во французском языковом сознании	ЦИ понятия	Кол-во (%)
1	Жадность	-2,47	97	Cruauté (жестокость)	-3,95	96
2	Ложь	-2,58	87	Scrupulerie (подлость)	-3,34	88
3	Безнравственность	-2,89	85	Pollution de l'environnement (загрязнение окружающей среды)	-3,58	75
4	Хамство	-3,11	84	Cupidité (жадность)	-3,32	74
5	Жестокость	-3,88	83	Mensonge (ложь)	-2,11	71
6	Подлость	-3,52	79	Trahison (предательство)	-3,55	70
7	Эгоизм	-1,52	77	Corruption (взяточничество)	-3,62	68
8	Зависть	-2,88	75	Manque de respect aux parents (неуважение к родителям)	-3,23	66
9	Предатель-	-3,47	74	Amoralité (без-	-3,10	63

	ство			нравственность)		
10	Война	-3,41	74	Egoïsme (эгоизм)	-2,60	62

Сравнив ассоциативное поле понятия «*amitié*» (f), которое занимает 1-ое место на шкале ценностей французской лингвокультуры, с ассоциативным полем его лексического аналога в русском языке – «дружба», мы выделили универсальные и этноспецифичные лингвокультурные характеристики данных аксиологических элементов.

Самой распространенной ассоциативной реакцией франкоязычных респондентов на данное слово-стимул, является прилагательное «*vital*» («жизненно необходима») – 33% опрошенных ответили подобным образом. Далее, в порядке убывания, расположились следующие реакции: *fête* (f) (праздник) – 14%, *sincérité* (f) (искренность) – 12%, *partage* (m) (способность разделить чувства) – 9%, *joie* (f) (радость) – 8%, *confiance* (f) (доверие) – 8%, *loyauté* (f) (лояльность) – 8%, *amour* (m) (любовь) – 7%.

Русскоязычные респонденты, в системе ценностей которых понятие «дружба» занимает 5-ое место, дали следующие ассоциации: руки – 21%, поддержка – 15%, друзья – 14%, нечто святое/самое ценное – 14%, взаимопонимание – 14%, доверие – 8%, близкий по духу – 7%, мужская – 5%, улыбка – 2%.

Опираясь на сопоставительный анализ полученных результатов, для определения этноспецифики восприятия аксиологических элементов «*amitié*» (f)/ «дружба» в качестве основного критерия можно выделить «степень личностной дистанцированности».

Так, «*amitié*» (f) (дружба) для представителей французской лингвокультуры, – это, преимущественно, необходимый элемент социализации, полноценной жизни («*vital*»), источник положительных эмоций («*fête*» (f), «*joie*» (f)), основанный на искренности, доверии, любви и лояльном отношении друг к другу.

Представители русской лингвокультуры склонны минимизировать, сокращать личностную дистанцию, так называемое «личное пространство», между людьми, находящимися в дружеских отношениях, в основе которых лежит не только доверие, но и взаимопонимание, базирующееся на общности духовных ценностей.

Согласно вышеизложенной схеме, в рамках данного параграфа были проанализированы 3 положительных аксиологических компонента и 3 отрицательных аксиологических компонента, выполняющих роль ценностных доминант современного франко- и русскоязычного сознания, и потому являющихся наиболее актуальными для рассмотрения в рамках лингвокультурного сопоставительного исследования.

Кроме того, в ходе серии экспериментов нами было зафиксировано произошедшее смещение «смысловых акцентов» в аксиологическом пространстве французских и русских концептосфер *bien/ добро* и *mal/ зло*, – понятия обладавшие статусом доминантных ценностных компонентов для представителей фольклорного сознания, утрачивают свою релевантность для носителей современного языкового сознания или переходят в диаметрально противоположную категорию. Так, одни из наиболее отвергаемых в русской лингвокультурной традиции понятия «мечь» и «гнев», зафиксированные нами как базовые элементы концептосферы «зло», нашедшие реализацию в прецедентных текстах русского фольклора, 10% респондентов причислили к разряду «ценность». Об изменениях во французской аксиологической картине мира, намечившихся в последнее десятилетие и активно набирающих обороты, свидетельствуют показания, согласно которым ключевые аксиологические компоненты фольклорного сознания представителей французской лингвокультурной традиции – «работа» (*travail*), «предприимчивость» (*esprit d'entreprise*), «материальное благополучие» (*réussite matérielle*), «соревновательность» (*compétitivité*) не только не вошли в десятку наиболее актуальных ценностей, но были отнесены к категории «антиценность» (14% респондентов).

Далее в работе были проанализировано проявление концептов «добро» и «зло» в юмористическом дискурсе, в рамках которого особенности объективации установленных нами аксиологических компонентов максимально ярко отражают этноспецифику анализируемых концептосфер, а также французской и русской лингвокультур в целом.

Детальное рассмотрение в рамках работы получили три наиболее популярные тематические рубрики: «*Les personnes âgées*» («Анекдоты о пожилых людях»), «*Les fonctionnaires*» («Чиновники»), «*Les charades et combles*» («Анекдоты-загадки»),

результаты контекстуального анализа анекдотов, относящихся к оставшимся этноспецифичным сюжетным сферам, представлены схематично.

Изучая анекдоты этноспецифичной тематики, мы выявили ряд отличительных особенностей французской лингвокультуры, проявляющихся при объективации аксиологических компонентов концептосфер *bien*/ добро и *mal*/ зло в юмористическом дискурсе. Рассмотрим в качестве примера тексты анекдотов, относящихся к одной из наиболее популярных рубрик «*Les personnes âgées*» («Анекдоты о пожилых людях»), где зафиксировано достаточно четкое представление носителей французской лингвокультуры о таком понятии, как «старость», в частности о границах данного возрастного периода человеческой жизни. При кратком описании пожилого человека, который является ключевым персонажем анекдотов этой тематической линейки, очень часто указывается его возраст, начинающийся от 75 лет: «*Une dame de 80 vient d'épouser un homme de 85 ans*» («80-летняя дама только что вышла замуж за 85-летнего мужчину»), «*Un gars de 75 ans*» («75-летний мужчина»), «*il a 90 ans*» («ему 90»). Аналогичное представление о начале старости фиксирует словарь французского языка в виде выражения «*quatrième âge*», которое, выступая в роли своеобразного эвфемизма, призвано обозначить период жизни человека после 75 лет, что не является характерным для тезауруса русского языка.

Отличительная особенность семантического наполнения такой универсальной ценности, как «*vie*» (f) (жизнь) проявляется через категорию «высокая продолжительность жизни», обладающая большей актуальностью для представителей французской лингвокультуры, чем для представителей русской лингвокультуры, что находит многочисленные подтверждения в тексте проанализированных нами французских анекдотов, герои которых всерьез задумываются над возможными способами продлить жизнь.

Этноспецифика ценностной единицы «*santé*» (f) (здоровье), которая является неотъемлемой частью предыдущего понятия, складывается из представлений носителей французского языкового сознания, согласно которому отменное здоровье необходимо для того, чтобы продлить ощущение праздника, радости жизни даже на ее закате. Одна из стандартных фраз, выполняющих роль завязки в большинстве анекдотов данной тематики - «*Un gars de*

75 ans va faire un bilan de santé chez son médecin...» («Один 75-летний мужчина идет к своему врачу, чтобы пройти полное обследование...») – является подтверждением вышесказанному.

Проанализированный материал убедительно доказывает, что одним из крайне негативных, по мнению представителей французской лингвокультуры, факторов старения является потеря привлекательности, увядание красоты. Этот неизбежный для любого человека процесс остро переживается в сознании французов, о чем свидетельствует многочисленное обсуждение этого вопроса в рамках юмористического дискурса, где реализуется защитная функция психики.

Помимо этого были выделены особенности репрезентации такой ценностной единицы, как «esprit» (m) (ум), раскрывающиеся через категории «хорошая память», «живость ума», «способности адекватно оценивать окружающую действительность». В текстах анекдотов данной тематики происходит «переворачивание» еще одного крайне ценного для французского языкового сознания параметра аксиологической единицы «ум» – «lucidité» (f) (ясность ума), что находит многочисленное отражение в тексте анекдотов о пожилых людях.

Анекдоты, относящиеся к тематике, характерной исключительно для русской лингвокультуры. Как показал материал, к данной категории относятся 8 тематических рубрик: «Синоптики», «Бухгалтеры», «Ученые», «Учителя», «ДПС», «Новые русские», «Наркоманы», «Террористы». Тот факт, что большая часть (5 из 8) указанных выше этноспецифичных тематик посвящена представителям тех или иных профессий, обусловлен особенностями русской лингвокультурной традиции, согласно которой в русской крестьянской среде «профессионализм» рассматривался в первую очередь, как залог «доброй славы», т.е. свидетельствовал о чести, порядочности, добросовестности и трудолюбию личности, являвшихся основой для хорошей репутации.

В отличие от русской лингвокультуры, в рамках которой нами были зафиксированы анекдоты, относящиеся к рубрике «Террористы» (например: «*Парень, догоняя девушку, кричит ей: "Девушка, девушка вы сумочку забыли!"*, на что она отвечает: "*Аллах Акбар!"*»), представители французской лингвокультуры не рассматривают данную тематику в рамках юмористического дискурса. Найти этому частичное объяснение можно рассмотрев

особенности менталитета представителей французского и русского языкового сознания, реализованные в ответах, полученных в ходе выполнения одного из заданий, вошедшего в состав разработанной нами анкеты «первой волны», которое было сформулировано следующим образом: «*Продолжите фразу: в России не смеются над...*» (для русскоязычных респондентов), «*Continuez la phrase: en France on ne rigole pas de...*» (для франкоязычных респондентов «продолжите фразу: во Франции не смеются над...»). Список наиболее популярных ответов приведен в таблице 7:

Таблица 7.

Ответы франкоязычных респондентов	Ответы русскоязычных респондентов
<ul style="list-style-type: none"> - «<i>d'un crime commis sur un enfant</i>» (над преступлениями, совершенными по отношению к детям) – 21%; - «<i>de l'escroquerie du bien commin</i>» (над махинациями, связанными с общественным благом) – 16%; - «<i>du racisme</i>» (над расизмом) – 14%; - «<i>des droits de l'homme</i>» (над правами человека) – 12%; - «<i>de la démocratie</i>» (над демократией) – 11%; - «<i>de la cherté de la vie</i>» (над дороговизной жизни) – 10%; - «<i>on rigole de tout</i>» (над всем смеются) – 5%; 	<ul style="list-style-type: none"> - «<i>религиозными понятиями, Богом, верующими</i>» – 31%; - «<i>нищими и убогими, инвалидами</i>» – 26%; - «<i>над всем смеются</i>» – 19%; - «<i>сиротами</i>» - 11%; - «<i>нелепыми ситуациями</i>» – 5%

Проанализированные ответы свидетельствуют о значительно более высоком уровне гражданского сознания представителей французской лингвокультуры, что закреплено в тезаурусе французского языка и лексикализовано в целом ряде деривативных понятий, большая часть которых не имеет однозначного лексического соответствия в русском языке: «*civisme*» (m), «*civilisation*» (f) «*civil,-e*» (adj), «*civiliment*» (adv), «*civilisable*» (adj), «*civiliser*» (vt), «*civilité*» (f), «*civique*» (adj). Этноспецифика внутреннего со-

держания такой ценности, как «patriotisme» (m) (патриотизм), частью которого является гражданское сознание в представлении французов, раскрывается через семантическую двойственность системообразующей морфемы - корня «civil-»: с одной стороны она содержит в себе понятие «гражданственность», а с другой – «вежливость» и «хорошие манеры», что в рамках французской лингвокультуры не является противоречием, а скорее, наоборот, представляет собой два неразрывно связанных и взаимодополняющих понятия.

Резюмируем.

1. Реконструкция ценностных компонентов концептосфер *bien*/ добро и *mal*/ зло свидетельствует об экстраполяции (ориентированности на внешний, реальный мир) аксиологического пространства концептосфер *bien*/ *mal* во французской лингвокультурной традиции и об интраполяции (ориентированности на внутренний мир) аксиологического пространства концептосфер добро/ зло в русской лингвокультурной традиции, что находит отражение в наборе этноспецифичных положительных и отрицательных аксиологических элементов фольклорного сознания французского и русского народов, объективированных в лексикографических характеристиках ядерных репрезентантов исследуемых концептосфер, а также во франко- и русскоязычных прецедентных текстах.

2. Существуют противоположно направленные тенденции смещения смысловых акцентов в актуальном аксиологическом пространстве концептосфер *bien*/добро и *mal*/зло: в современном языковом сознании представителей французской лингвокультуры происходит перенос центра тяжести в сторону духовных ценностей – «дружба», «единение», «любовь», «прощение», в то время как представители современного русского языкового сознания акцентируют такие ценности, как «материальное благополучие», «социальное положение», «нацеленность на успех», «активность», «карьера».

3. Несмотря на новые тенденции осмысления и переживания базовых ценностей *bien*/добро и *mal*/зло во французской и русской лингвокультурах, традиционные установки в рассматриваемых ценностных картинах мира остаются неизменными: для французского языкового сознания приоритетными остаются стремление к получе-

нию удовольствия от жизни, индивидуальный успех и материальное благополучие, для русского – справедливость, понимание, умение прощать.

4. Существует дискурсивная специфика в осмыслении базовых ценностей *bien/добро* и *mal/зло*: в текстах словарных дефиниций наблюдается значительное сходство в толкованиях имен соответствующих концептов во французской и русской лингвокультурах, в паремиях находят выражение традиционные ценностные установки французов и русских с присущими этим установкам этнокультурными различиями, в юмористическом дискурсе в значительной мере проявляются новые тенденции понимания ценностных компонентов добра и зла.

Литература

Георгиева, О.Н. Ценности и «антиценности» французской и русской лингвокультур как базовые единицы аксиологической картины мира // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. – 2008 № 2. – С. 116-121.

Георгиева, О.Н. Актуализация этноспецифичных элементов французской аксиологической картины мира в юмористическом дискурсе // Вестн. ВолГУ. – Сер. 2. Языкознание». – 2009 № 2. – С. 172-178.

Георгиева, О.Н. Система ценностей французской и русской лингвокультур как актуальный объект лингвистических исследований // Система ценностей современного общества: сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ЦРНС – Изд.-во СИБ-ПРИНТ, 2008. – С. 83-87.

Георгиева О.Н. Специфика функционирования паремиологических единиц русской и французской лингвокультур в юмористическом дискурсе // Материалы межрегион. науч. конф. «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков». Волгоград, 8 февраля 2007. С. 117 – 122.

Георгиева О.Н. Элементы концептологической парадигмы в русском и французском культурном пространстве // Пространство в языке и речи: лингвистические проблемы изучения и описания. Волгоград, 2007. С. 91 – 98.

Георгиева О.Н. Тезаурус как зеркало души народа // Материалы IV международной конференции «Человек в современных философских концепциях» Т. 4. Волгоград, 28-31 мая 2007, с. 239-242.

Георгиева О.Н. Анекдот как реализация «закона карнавализации ценностей» во французской и русской лингвокультурах // Материалы междунар. науч. конф. «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики». Волгоград, 29 января 2008. С. 95 – 100.

Георгиева О.Н. Система ценностей французской и русской лингвокультур как актуальный объект лингвистических исследований // Система ценностей современного общества. Сборник материалов III Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во СИБ-ПРИНТ, 2008. – С. 83-87.

М.А. Богданова (Армавир)
СЧАСТЬЕ

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологии. Объектом исследования является лингвокультурная идея счастья, вербализуемая средствами русского и французского языков. Предметом анализа являются сходства и различия в вербальном наполнении идеи счастья в русском и французском языках, охватывающем как научное, так и обыденное сознание носителей соответствующих языков в разных типах дискурса (философско-этическом, социально-психологическом, религиозном, художественном и обыденном).

Введение термина «лингвокультурная идея» дало толчок к расширению лингвистического мировоззрения от анализа концептов к рассмотрению пары «концепт-антиконцепт»: «идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с «тезисом» в ней содержится и «антитезис», вместе с «концептом» и «антиконцепт»» [Воркачев, 2007, с. 19]. Так, счастье неотделимо от несчастья.

Цель исследования состоит в комплексном описании идеи счастья в русской и французской лингвокультурах.

Исходя из цели, объекта, предмета и сформулированной гипотезы исследования нами были выдвинуты следующие задачи: дать определение лингвокультурной идеи; рассмотреть идею счастья в различных типах дискурса; раскрыть наполнение идеи счастья; выявить специфику представления идеи счастья в сравниваемых лингвокультурах на материале лексических, фразеологических, паремиологических единиц, различных типов текстов и данных психолингвистического эксперимента.

Материалом для исследования служили данные сплошной выборки из толковых, синонимических, фразеологических и идиоматических словарей французского и русского языков,

словарей и сборников французских и русских пословиц, из художественных произведений на французском и русском языках, а также данные, полученные методом экспериментального анализа. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором вербально объективируется идея счастья. Всего проанализировано 5573 текстовых фрагментов.

Под концептом, вслед за С.Г.Воркачевым, в работе понимается «единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой». В данной работе развивается предложенное С.Г.Воркачевым понятие «лингвокультурная идея», которое включает не только «концепт», но и «антиконцепт», где счастье неотделимо от несчастья. В плане языкового выражения лингвокультурная идея характеризуется достаточно высокой степенью «семиотической насыщенности»: она передается целым рядом синонимов и антонимов, паремий, фольклорных и художественных образов.

Анализ понятийной составляющей концепта «счастье» показал, что главным значением счастья во всех рассмотренных источниках является значение «состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости, блаженство», а несчастье – «тяжелое событие, тяжелые неблагоприятные обстоятельства, положения». Судя по данным толковых словарей, счастье оказывается ближе к судьбе, а несчастье представлено как воплощение злой, грозящей бедами, судьбы.

Анализ паремиологического фонда русского языка показал, что счастье и несчастье предстают как две стороны судьбы человека, рассматриваемой как события жизни человека и как сила, определяющая эти события. Смысл подчиненности человека судьбе сохраняется при употреблении понятия судьбы как данного человеку Богом, который осуществляет распределение судьбы, а, следовательно, счастья и несчастья между людьми: *Бог не гуляет, а добро перемеряет. Кому пироги да пышки, а нам желваки да шишки*. Счастье и несчастье являются не только объектом воздействия высшей силы, но и могут выступать в качестве неких божеств, проявляющих свою волю и способных воздействовать на человека: *Счастье бредет на клюках, а несчастье летит на крылах. Счастье с несчастьем близко живут. Беды вереницами*

ходят.

Счастье – нечто желанное, обладающее абсолютной ценностью; несчастье – очень плохое и тяжелое, от него необходимо уклониться, что сделать довольно трудно: *Где беде быть, там ее не миновать. От притчи на коне не уйти.*

Счастье обычно принадлежит другим, субъекту же достается несчастье: *Кто идет пировать, а мы горевать. Ваши играют, а наши рыдают. Ваши скачут, а наши плачут.* Счастье притягивает удачу, несчастье – новые беды: *У счастливого умирает недруг, у несчастного друг.* Счастье и богатство умножаются, а бедняки становятся еще беднее, несчастливее: *Деньги идут к богатому, а злыдни к убогому. Счастье на коне, несчастье под конем. Счастливый скачет, несчастный плачет.*

Свое счастье человек оценивает как нереальное, существовавшее в прошлом. Напротив, свое несчастье существует здесь и сейчас: *И то бывало, что и мы кашу едали, а ныне и тюря в честь.* Счастье и несчастье обусловлены определенным временем: *Счастье до поры не вредит, а со временем скоро сгубит.*

Несмотря на имеющиеся различия, счастье и несчастье не всегда выступают как противоположности. Они существуют в непосредственной близости друг от друга, взаимно обуславливают друг друга, способны переходить одно в другое, выступают как части единого целого. Так, в русских пословицах отражают несчастье как «проводник» к счастливой жизни: *Кто нужды не ведал, и счастья не знает. Бояться несчастья – счастья не видеть.*

Проведенный анализ паремий выявил репрезентацию поведенческих концептуальных признаков идеи счастья в русском национально-культурном пространстве. Это проявляется в дидактической направленности паремий, которые чаще всего являются общими назидательными высказываниями, регулирующими восприятие образа жизни, привычек и склонностей человека.

Счастье является высшей ценностью. Оно уникально и неповторимо, поэтому человек боится его потерять, дает ему отрицательную характеристику или предпочитает о нем молчать. Счастье и несчастье абсолютны по силе воздействия на человека. Однако за человеком сохраняется право управлять своей жизнью. Для того чтобы стать счастливым, необходимо трудиться, не думать о счастье, не посягать на счастье других людей, надо уметь

достойно переживать как несчастливые, так и счастливые моменты жизни.

Анализ русской художественной литературы показал, что традиционное для обыденного сознания, зафиксированное в толковых словарях понимание счастья и несчастья широко представлено в русской художественной литературе. Прежде всего, в отобранном материале следует отметить разнообразие источников счастья, представленных в текстах художественной литературы, ставших неотъемлемой частью русской культуры: *Я пошла спать, счастливая от мысли, что завтра ... будет хорошая погода* (Л. Толстой) и др.

Собранный нами материал позволяет отметить то, в чем может состоять счастье человека (в любви, в радостях, в наслаждении), что является смыслом жизни и, как следствие, – мотивацией всех поступков, действий, желаний человека: *Известно, что истинное счастье человека в науке и труде* (М. Горький); *Счастлив ты в прелестных дурах, / В службе, в картах и в пирах* (А. Пушкин).

В художественной литературе счастье определяется как состояние полной удовлетворенности жизнью, чувство высшего довольства, радости: *Ее сморщенное, всегда испуганное лицо сияло счастьем.* (А. Чехов); идеал, мечта; оно заключается в том, чего человек желает, к чему стремится, о чем сожалеет: *На свете счастья нет, но есть покой и воля* (А. Пушкин). Мы также находим примеры, где авторы показывают, что счастье – это жизнь, понимание смысла жизни, чувство того, что ты являешься хозяином своей жизни: *Я ведь без комплексов, и даже в самые непроходимые дни жизни я не сомневалась в счастье самой жизни, в самоценности даже ее страданий.* (Г. Щербакова).

Стремление к счастью может подразумевать необходимость счастья как всеобщего, абсолютного блага. И здесь опять проявляется нравственная составляющая – неуместность личного счастья в условиях, когда другие люди несчастны, а также способность души разделять несчастье других: *Если я несчастна, то не своим несчастьем. Мне кажется иногда, что я страдаю за всех притесненных, бедных, жалких на Руси... нет, не страдаю, а негодую за них, возмущаюсь* (И. Тургенев).

В текстах русской литературы широко представлено понимание счастья-блаженства, т.е. все, что идет на пользу человеку и обществу, дает удовлетворение; добро, счастье, благополучие:

Тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем, кто свою личность приносит в жертву общему благу (И. Тургенев), а также счастье-удача, а именно совокупность благоприятных обстоятельств, успех, везение: *Сыграем в шашки... Ведь это не в банк; тут никакого не может быть счастья или фальши: все ведь от искусства.* (Н. Гоголь) и др.

В текстах русской художественной литературы мы встречаем примеры, в которых описывается безграничное счастье, полное и невозмутимое счастье – это свобода: *... снилось наяву давно желанное блаженство – свобода* (Ю. Лермонтов); *И мне казалось, что счастье – в свободе!* (Э. Радзинский.).

Противоречиво выражено отношение к материальным благам и деньгам. В некоторых примерах они считаются необходимыми для приобретения счастья, в некоторых нет: *Счастье не в деньгах* (В. Баранец); *Имел он все, что надобно / Для счастья: и спокойствие, / И деньги, и почет* (Н. Некрасов).

Выделяются индивидуальные концептуальные признаки, которые мы встречаем в единичном случае. Счастье – это честь: *Быть с ним рядом воспринималось как величайшее счастье, как честь, получив которую мы чувствуем себя в неоплатном долгу* (В. Бережков); умиротворение: *Счастье – это умиротворение* (Д. Липскеров); природа: *Разулся я, побродил по мокрой траве, такой свежей, – какое счастье!* (А. Битов); смерть: *Она считала, что смерть не есть абсолютное зло, что сплошь и рядом – это благо и даже счастье* (Г. Щербакова); воспоминание: *Вообще счастье – это воспоминание* (В. Пелевин) и др.

Счастье и несчастье в языковой картине мира связаны отношениями взаимообусловленности. Сохраняется представление о несчастье как необходимом условии счастья: *Ведь иногда бывает так: не было бы несчастья, не получишь счастья* (П. Козлов). Несчастье может и не быть антиподом счастья: одно событие приобретает смысл на фоне другого. Они могут иметь не только один источник происхождения, т.е. являться результатом деления на части, доли, но и «меняться местами», вырастать друг из друга: *В несчастье живет счастье, в счастье таится несчастье* (Г. Коган).

Во многом благодаря традиционным воззрениям на счастье, а также на традиционное религиозное понимание жизни как стра-

дания, несчастье в языке художественной литературы стало выделяться как некое индивидуализирующее: *Несчастливые дети умнеют скорее счастливых... на свою беду* (И. Тургенев); *У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает* (Н. Некрасов).

Как показывает анализ, в текстах художественной литературы широко используется идея счастья. Счастье и несчастье в русской художественной литературе – это одновременно и оценка жизни, ее качества, и событий, которые в ней происходят, и эмоциональное переживание всей судьбы человека.

Анализ образно-метафорической составляющей идеи счастья в русских текстах в большей степени представлены антропоморфная и реиморфная метафоры, реже встречаются зооморфная, синестезирующая и растительная виды когнитивной метафоры языка.

Анализ дескрипций обнаруживает высокую степень распространенности антропоморфной метафоры. Счастье и несчастье в «наивной картине мира» представителей русской лингвокультуры складывается из уподобления их человеку. Счастье и несчастье выступают как живая всеобъемлющая сила, обладающая собственной волей и определяющая судьбу человека: *О счастье! злобный обольститель* (А. Пушкин); *Как у всех людей, которых гнетет судьба, у Дмитриева выработалось суеверие: он замечал, что бывают дни везения, когда одна удача цепляется за другую, и в такие дни надо стараться проворачивать как можно больше дел, и бывают дни невезения, когда ни черта ни клеится, хоть лопни.* (Ю. Трифонов) и др.

Реиморфная метафора встречается реже, чем антропоморфная. Чаще всего счастье и несчастье уподобляются некой жидкости и горячему веществу: *Мне подавая кубок счастья, / В него роняла капли слез* (А. Фет); *И дружба здесь бессильна, и года / Высокого и огненного счастья* (А. Ахматова); *Огонь в груди – и есть земное счастье, / Всё остальное – просто чепуха* (А. Болутенко) и др.

Встречаются единичные сравнения счастья с атомом, закрытым на замок дверьми, жилищем, воздушным шаром: *Невидимое счастье – словно атом, / Есть путь к нему – молекулу создать* (А. Болутенко); *Стучись полночными часами / В блаженства замкнутую дверь!* (А. Блок). Несколько реже счастье сравнивается

с воздухом: *Дышало счастьем все кругом, / Но сердце не нуждалось в нем* (И. Тургенев). Счастье также уподобляется свету, туману: *Довольно мне нестись душою / К её небесным высотам, / Где счастье брежжит нам порою, / но предназначено не нам* (А. Блок); *Познай – покой души не вечен, и счастье на земле – туман!* (М. Лермонтов). Несчастье предстает в образе острого, тяжелого предмета: *Она сидела, согнувшись, придавленная горем, безучастная ко всему на свете* (В. Осеева). Встречаются единичные случаи, где счастье и несчастье уподобляется сосуду: *Да во время войны эта дикая черта не проявилась ли почти как всеобщая: если кто-нибудь в глубоком горе, или разбомблен, сожжен или эвакуируется — уцелевшие соседи, простые советские люди, стараются в эти-то минуты и пожить за его счёт?* (А. Солженицын).

Значительно реже в русском языке встречаются зооморфные метафоры. Счастье предстает в образе коня, вольной птицы: *С тех пор у нас неуряды. / Скатилась со счастья возжа* (С. Есенин); вольной птицы: *Счастье женское – синяя птица, / Как спугнешь, может миг улететь* (А. Болутенко). Несчастье уподобляется птице – черному ворону и белому кречету: *Он летит ясным соколом / А горюшко вслед черным вороном* (Народная песня о горе); *Полетел молодец ясным соколом / А Горе за ним белым кречетом* (Повесть о Горе-Злосчастии).

Редко встречается синестезическая метафора, которая представлена вкусовой и цветовой метафорами: *Ведь не сравнить судьбу с судьбой, / И горькой может быть, и сладкой, / Едва заметною тропой / Или же магистралью гладкой* (А. Болутенко). Вкусовая метафора представлена следующими фразеологизмами: *солёный вкус горя, горькая беда, горе горькое, запах беды, чуют беду*. Счастье ассоциируются с белым цветом, а несчастье – с черным: *Ребенка несла на руках чужая старуха, почерневшая от горя, сухонькая, маленькая* (В. Колупаев) и др.

Очень редко в русском языке встречаются ботанические метафоры: Здесь счастье уподобляется цветку: *Но сладкое счастье не дважды цветет* (В. Жуковский).

Человек переосмысливает и перекодирует мир в метафорически образном языке, вновь и вновь изобретая живые метафоры. В этом смысле каждая метафора неповторима, их количество – бесконечно.

Исследование значимостной составляющей лингвокультурной идеи счастья показало, что историческая семантика, воплощенная в «культурной памяти» данной идеи, отражена на распределении ЛСВ, а также участвует в становлении его синонимических и антонимических ассоциативных связей. Проанализировав синонимический ряд слова «счастье» и «несчастье», мы приходим к выводу, что счастье в русском языке вербализуется такими лексемами, как блаженство, судьба, фортуна, удача, а несчастье по-полняется такими лексемами, как беда, горе и неудача.

Счастье и несчастье – абстрактные имена, инвариантная часть содержания которых, общая для всех носителей русского языка и обеспечивающая их функционирование в речи, мала по сравнению с вариативной, производной от опыта данной языковой личности. Тем не менее, счастье в русском языковом сознании выступает как абсолютная ценность.

Анализ понятийной составляющей показал, что семантическое наполнение идеи счастья претерпело следующие изменения. Изначально счастье во французском языке было представлено лексемой «*heur*». Однако в современном французском языке счастье представлено лексемой «*bonheur*», которая репрезентирует идею счастья в полном ее объеме. Несчастье во французском языке представлено лексемой «*malheur*». В настоящее время под ним понимается тяжело переживаемое событие – «*situation pénible, douloureuse*», в котором проявляются действия отрицательной, «черной» стороны судьбы. Отсюда и появляется значение «неудача – *mauvaise chance*». Анализ словарных толкований и метод компонентно-дефиниционного анализа показал, что счастье во французском языке – это удача, везение, счастливый случай, тогда как душевное состояние человека отходит на последний план. Несчастье – неудача, неуспех, несчастный случай, где проявляется событийность, неожиданность.

Анализ паремиологического фонда показал, что французские пословицы отражают жизнь французов, как современную, так и историческую, первобытную, знакомят нас с суевериями, нравственными правилами, представлениями об окружающем мире, людях, отношении к ним.

Во французских пословицах счастье представляется абсолютной ценностью: *Il vaut mieux être fils de bonheur que de bonne*

mère; Mieux vaut heur et félicité que beauté; Plus heureux que sage и др.

Во французском языке, как и в русском, мы видим, что по отношению к счастью и несчастью человек может занимать двоякую позицию. С одной стороны, счастье и несчастье являются неотъемлемой частью жизни, они «сопровождают» человека с момента рождения, играют доминирующую роль в отношениях с ним: *Qui vient et entre en cette vie, entre en misère et maladie; Père trop piteux rend ses enfants malheureux*. С другой стороны, человек может выбрать активный стиль поведения в отношении счастья и несчастья: *Le seul bonheur consiste dans l'attente du bonheur; Qui trop attend maintes fortune advient; Soit heureux qui peut, il ne l'est pas qui veut* и др.

Выделяется группа паремий, в которых отражена точка зрения, что счастье является результатом труда, личных заслуг человека, труд возвышает и облагораживает человека: *Femme travailleuse, homme heureux; Chacun est forgeron de sa fortune; Chacun est l'artisan de sa fortune (de son bonheur)* и др. Однако мы находим во французском языке пословицу, где беда приходит именно к трудолюбивому человеку: *La misère regarde à la porte de l'homme travailleur*.

В обиходном сознании французов укоренены воззрения на счастье как на условие богатства: *Fortune peut touloir la richesse, non la vertu ne la sagesse; Les malheureux n'ont point de parents (d'amis)* и др. В то же время зафиксирована точка зрения, согласно которой деньги не являются необходимым атрибутом счастья, обладание материальными благами не приводит к счастью: *L'argent ne fait pas le bonheur; L'argent est un bon serviteur et un mauvais maître; Ni l'or ni la grandeur ne nous rendent heureux* и др.

Также в обыденном сознании французов закрепился ряд условий, без которых счастье невозможно, наиболее широко из них представлены такие условия, как дружба: *Prosperité, d'ami fidele à nécessité; Lorsque la chance nous sourit, nous rencontrons des amis*; благо, добро, добродетель: *Bonne créance et belle grace rend l'homme heureux en toute place; Cherche un bon protecteur, tu auras toujours bonheur*; скромность: *Enfant humble en jeunesse, heureux en vieillesse; Sois humble en ta prospérité*; великодушные: *La fortune reformide magnanimite*; воспитанность: *Grâce d'entregent plus que vertu, rend l'homme heureux et bien venu*.

Интересен тот факт, что во французских пословицах и поговорках отношение «счастье – любовь» часто носит отрицательный характер, т.е. любовь никак не связана со счастьем, где появляется любовь, там счастье исчезает: *Veux-tu être heureux un jour, prends linge blanc ou fais l'amour; Il n'y a pas d'amour heureux.* Также счастье не сопоставимо с женщиной, т.е. где женщина – там несчастье: *Celui qui a beaucoup de filles et beaucoup de toits, jamais heureux ne se voit; Chance avec les bêtes, malchance avec les femmes font les riches paysans* и др.

Выделяется группа паремий, в которых отражена точка зрения, что здоровье – источник счастья: *Dormir de bonne heure et lever le matin, conserve fortune et santé; En santé et prospérité, facilement nous conseillons autrui* и др.

Мы находим французские паремии, где счастье отождествляется с удачей, которая важна в любом деле: *Le melon et le mariage question de chance; De la fortune nul nest content; Beaucoup chance, et rien mesure; La chance est pour les chanceux.* Однако счастье-удача не приходит одна: *Jamais une fortune ne vient seule; La roue de la fortune, n'est pas toujours une; Quant une fortune vient ne vien seule.* Удача, везение часто ориентировано на внешнее стечение обстоятельств, на не зависящие от человека вмешательства.

Как следствие, у окружающих людей счастье другого человека может вызвать зависть, негативные чувства, т.е. счастье выступает причиной зависти: *Envie suit félicité et guye; L'envie est le propre lacay de prospérité; Prospérite est envyée de malignité.* Во французских пословицах и поговорках мы встречаем примеры, где зависть побеждает несчастье: *La seule misère est franche d'envie; Pauvres chetifs et malheureux ne sont sujets aux envieux.*

Следование нормам поведения, праведный образ жизни являются необходимыми условиями счастья для французов, а не соблюдение норм предвещает несчастье: *Ce qu'on a accoustumé entretient félicité; Savoir à sobriété est félicité; Il est bienheureux qui ne prend esgard, a mauvaise langue poignant comme un dard* и др.

В то же время в пословицах французского прослеживается стремление самого человека приложить усилия для достижения счастья: *Personne ne fait sa chance; Fortune aide à celui qui se veut aider.*

Во французском языке несчастье представляется неизбежным, о чем свидетельствуют следующие паремии: *Après une misère,*

vient une autre; Il n'y a point de plaisir sans peine; Un malheur en amène son frère и др. Однако как счастье, удача, так и несчастье, горе и беда – не вечны: *Malheur ne dure pas toujours, Le mal vient à cheval, et s'en retourne à pied.*

В обыденном сознании французов закрепились идеи, что именно в несчастье и беде проявляется истинность и верность дружбы: *Misère et calamité découvrent la vraie amitié; On ne cognoit en la prospérité, le bon ami mais en adversité* и др.

Во французской паремиологии отмечается, что учителем может быть только своя собственная беда: *Il y a pas de meilleure école que la misère, A quelque chose malheur est bon.* Только познав горе и печаль, можно познать радость и счастье: *Après la pluie, le beau temps; Il faut savoir tenir sa misère joyeuse* и др.

Французское счастье и несчастье могут иметь не только один источник происхождения, но и находиться в непосредственной близости друг от друга: *Il y a pas un malheur sans un bonheur; Prospérité est sœur d'adversité* и др.

Счастье и несчастье предстают как две стороны судьбы человека, рассматриваемой как события жизни человека и как сила, определяющая эти события. Счастье и несчастье абсолютны по силе воздействия на человека:

Анализ французской художественной литературы показал, что счастье выступает как абсолютная ценность, которая стала неотъемлемой частью французской культуры: *Roi de l'immensité, / Tu pouvais cependant, au gré de ton envie, / Puiser pour tes enfants le bonheur et la vie / Dans ton éternité. / Sans t'épuiser jamais, sur toute la nature / Tu pouvais à longs flots répandre sans mesure / Un bonheur absolu. / L'espace, le pouvoir, le temps, rien ne te coûte. / Ah! ma raison frémit; tu le pouvais sans doute, / Tu ne l'as pas voulu. / Quel crime avons-nous fait pour mériter de naître? / L'insensible néant t'a-t-il demandé l'être, / Ou l'a-t-il accepté? / Sommes-nous, ô hasard, l'œuvre de tes caprices? / Ou plutôt, Dieu cruel, fallait-il nos supplices / Pour ta félicité?* (А. Ламартин).

В текстах французской литературы представлено понимание счастья-блаженства: *Les fruits, du raisin et les poires, achevèrent cet heureux abandon des fins de déjeuners copieux* (Е. Зола). Однако авторы указывают на тот факт, что блажен тот, кто гоним за справедливость: *Un écolier des Bernardins [...] s'en vint prêcher à Port-Royal; il le fit assez bien et s'étendit fort sur la huitième*

béatitude: Bienheureux ceux qui souffrent persécution pour la justice (Sainte-Beuve).

Также мы встречаем в текстах примеры, где представлено счастье-удача, а именно совокупность благоприятных обстоятельств, успех: *Le marquis d'Ajuda [...] avait regardé cette brouille et ce raccommodement comme une circonstance heureuse* (H. Balzac); *J'ai eu de la veine. Je pouvais me tuer en tombant [...]* (B. Clavel).

В языке французской художественной литературы мы находим примеры, где очень часто причина счастья усматривается в любви: *Marescot affirma qu'il existe beaucoup d'unions heureuses* (Flaubert); *Mais au moins dites-moi, Madame, par quel sort / Votre Clitandre a l'heur de vous plaire si fort?* (Molière).

Мы также находим примеры, где авторы показывают, что счастье – это жизнь, понимание смысла жизни: *Hippolyte est heureux qu'aux dépens de vos jours / Vous-même en expirant appuyez ses discours* (Racine).

Противоречиво выражено отношение к материальным благам, деньгам и власти. Так, например, в некоторых примерах они считаются необходимыми для приобретения счастья: *C'est pourquoi le monde regarde toujours un heureux joueur dans l'homme très puissant ou très riche* (Valéry); *À en croire les bien-pensants, l'ouvrier français, comblé, crèverait de bien-être* (Bernanos). В некоторых примерах отмечается, что деньги счастья не приносят: *Ni l'or ni la grandeur ne nous rendent heureux* (La Fontaine); *La misère de l'homme se conclut de sa grandeur, et sa grandeur de sa misère* (Pascal).

Выделяются также примеры, где авторы показывают, что счастье – это удовлетворение и исполнение желаний: *Le désir est à la passion ce que le plaisir est au bonheur: mais le désir devient souvent passion, et nul plaisir n'est encore devenu bonheur* (Rivarol) и др.

В текстах французской художественной литературы мы встречаем примеры, в которых описывается счастье как приятное ощущение, отсутствие забот, проблем и неприятностей: *Ce fut une minute de béatitude: il avait tout oublié de ses misères passées, et il ne lui semblait plus possible d'être jamais malheureux* (M. Gard).

В рамках французского менталитета значимой также оказывается тот факт, что счастлив тот человек, который делает других счастливыми, т.е. дарит счастье: *Quand nous aurons compris que le secret du bonheur n'est pas dans la possession, mais dans le don, en*

faisant des heureux autour de nous, nous serons plus heureux nous-mêmes (Gide).

В то же время мы находим примеры, где во французском сознании счастье представляется как миф, мечта; оно не существует, неизвестно человеку, а также необъяснимо: *Il n'est point de parfait bonheur sur la terre* (Massillon); *Je ne m'explique pas la fortune d'une croyance qu'on trouve dans la Bible* (A. France).

Мы встречаем также примеры, где человек сам выступает причиной всех несчастий и бед: [...] *toutes nos misères véritables sont intérieures et causées par nous-mêmes. Nous croyons faussement qu'elles viennent du dehors, mais nous les formons au-dedans de nous de notre propre substance* (A. France).

В некоторых примерах мы встречаем ситуации, где несчастье делает человека нравственным: *On devient moral dès qu'on est malheureux* (M. Proust).

Анализ художественной литературы показывает, что когда человек счастлив, он не способен понять горя: *Le cœur grossier de la prospérité ne peut comprendre les sentiments délicats de l'infortune* (Chateaubriand).

Также сохраняется представление о том, что большинство людей живет бок о бок с несчастьем, не замечая его: *La plupart des hommes vivent à côté de la misère sans la voir* (J. Simon).

В большинстве случаев мы встречаем примеры, где счастье употребляется вместе с несчастьем: *J'étais si heureux et si malheureux à dix-sept ans* (A. France); *On n'est jamais si malheureux qu'on croit, ni si heureux qu'on avait espéré* (La Rochefoucauld) др. Счастье и несчастье во французской языковой картине мира связаны отношениями взаимообусловленности: *Entre la prospérité de quelques-uns et la misère du plus grand nombre, Dieu tisse un lien mystérieux* (Gide).

Как показывает наш анализ, в текстах французской художественной литературы широко используется идея счастья. Традиционное для обыденного сознания французов, зафиксированное в толковых словарях понимание счастья и несчастья широко представлено в художественной литературе.

В результате изучения метафорических реализаций лингвокультурной идеи счастья во французском языке, было выявлено наличие антропоморфной, зооморфной, пространственной, ботанической и синестезирующей метафор.

Обнаруживается высокая степень распространенности антропоморфной метафоры. В основе данной метафоры лежат такие явления, как персонификация и олицетворение. Счастье и несчастье в «наивной картине мира» представителей французской лингвокультуры складывается из уподобления их человеку. Счастье выступает как божество, у которого имеется свой храм: *Mais que vous sert votre mérite? / La Fortune a-t-elle des yeux?* (La Fontaine); *La fortune l'ayant traité à la façon des cailloux que la mer polit en les roulant* (A. France) и др.

Во французском языке счастье уподобляется женщине – богатой и экстравагантной: *La fortune est souvent comme les femmes riches et dépensières, qui ruinent les maisons où elles ont apporté une riche dot* (Chamfort).

Несчастье выступает как демон, у которого нет лица: *Pour les misérables, l'idée de la misère suffit. Leur misère n'a pas de visage* (Bernanos). Счастье и несчастье представлены как неожиданные гости, которые приходят и уходят: *Les catastrophes et les félicités entrent, puis sortent, comme des personnages inattendus* (V. Hugo). Счастье и несчастье представляется живым существом, обладающим собственной волей, и определяющим судьбу человека: *Nous voilà [...] dans un monde où rien n'est selon un plan [...], où nécessité l'ingénieuse montre ses solutions de fortune* (Alain).

Реиморфная метафора во французском языке встречается реже, чем антропоморфная. Счастье и несчастье уподобляются некой жидкости: *Il triomphait, il se vengeait, il baignait dans la félicité* (Barrés); *Les amoureux nagent dans le bonheur*. Счастье – поток: *Le bonheur des méchants comme un torrent s'écoule* (Racine), несчастье – дождь: *Encore cette pluie de malheur!* (RB 2004:1019). Счастье и несчастье также уподобляется огню, жару, теплу: *Heureux si je pouvais, dans l'ardeur qui me presse, / Au lieu d'Astyanax lui ravir ma princesse!* (Racine); *Cette tiède sensation de bien-être* (M Gard).

Значительно реже во французском языке встречаются зооморфные метафоры. Счастье предстает в образе волка: *Comme elle disait ces mots, / Le loup de fortune passe* (La Fontaine). И счастье, и несчастье выступают в образе птицы: *Une fois de plus, le fadeur Pézet prenait son ton d'oiseau de mauvais augure. Allons, allons, facteur; lui disait Simon en riant, la catastrophe n'est pas pour demain* (P. Gamarra). Несчастный человек во французском языке сравнивается с собакой, зверем.

Пространственная метафора представлена такими устойчивыми выражениями, как *être au comble du bonheur (de la félicité)*, *être aux anges (au ciel)*.

Редко встречается синестезическая метафора, которая представлена вкусовой и цветовой метафорами. Во французской художественной литературе мы находим пример, где счастье представлено белым и красным цветом: [*Le Marquis*] ...*Ces petits morceaux de carton peint ne sont pas pour lui rouge ou noir; ils veulent dire heur ou malheur* (А. Musset), а несчастье – черным и золотым: *Être, vivre dans une misère noire* [GLLF, т.4, 1975, с. 3395], *Misère dorée* [GDLF, т.2, 1978, с. 2042].

Вкусовая метафора представлена следующим примером, где счастье описывается как нечто сладкое, которое можно пробовать на свежесть, вкушать и наслаждаться его приятным вкусом: *Il n'est de bonheur pour personne. Ce monde-ci n'est pas établi pour une stabilité de satisfactions quelconques. / J'avais eu des bonheurs, c'est-à-dire des joies, dans l'amour maternel, dans l'amitié, dans la réflexion et dans la rêverie. C'était bien assez pour remercier le Ciel. J'avais goûté les seules douceurs dont je pusse avoir soif* (G. Sand).

Очень редко во французском языке встречается растительная метафора: *La chance [...] En ce temps-là, on l'a beaucoup attendue, avec Schborn, en courant de rue en rue. Et le soir venu, on l'attendait encore, fidèles [...] On guettait. Le petit brin de veine. Que ça se décide. Ça ne venait pas* (L. Calaferte).

Наличие метафор и сравнений, включающих в себя идею счастья, свидетельствует о том, что идея счастья является используемой, значимой для носителей французской культуры.

Анализ прецедентно-образной составляющей идеи счастья во французском языковом сознании показывает, что прецедентные феномены представляют собой одновременно и инструмент трансляции «культурной памяти» французов от одного поколения к другому, и способ объединения народа вокруг его культурных ценностей, которые часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие оценку реальности.

Так, басня «Искатели фортуны» Ж. Лафонтена является прецедентным произведением о счастье. Герой басни в поисках счастья объехал многие страны; потеряв состояние, разочаровавшись, он возвращается домой и видит фортуны у дома своего соседа, который никогда не покидал родного очага. Таким образом,

по мысли Лафонтена, счастье заключается в спокойствии духа, в умиротворенности желаний; счастье рядом, надо только суметь увидеть его.

Повесть «Задиг, или Судьба» Вольтера является прецедентным произведением о человеческом счастье, в котором отражается оптимистический взгляд на мир. Задиг испытывает самые невероятные жизненные перипетии: он проходит школу жизни. Задиг не может разобраться во всей сложности людских отношений. Он начинает думать, что все его знания, честность, мужество были постоянно только источником его несчастий. Он уже готов поверить, что миром правит злой рок. Но на его пути встречается отшельник, оказавшийся ангелом Иезрадом, который его поучает, что нет такого зла, которое не рождало бы добра, нет несчастья, которое не помогало бы счастью. Задиг, повинувшись повелению Иезрада, идет в столицу, где царствует его возлюбленная, но достигает счастья не волей провидения, а собственной мудростью и силой, победив на турнире перед лицом народа своего злого соперника. Таким образом, слепая судьба, играя человеком, перебрасывая его, как мячик, между счастьем и несчастьем, в конце концов, приводит к тому, чего он на самом деле заслуживает.

Прецедентным произведением, на наш взгляд, является роман «Собор Парижской Богоматери» («Notre-Dame-de Paris») В. Гюго. Данное произведение выступает символом злого рока, человеческого несчастья. Злой рок погубил красивых и уродливых, злых и добрых. У каждой эпохи есть собственный «рок», но постоянно и неистребимо человеческое стремление к свободе, любви, счастью. И архитектура собора Парижской Богоматери, напоминающая каменную книгу, свидетельствует, на наш взгляд, об этом стремлении. Именно Собор Парижской Богоматери выступает символом злого рока.

Исследование значимостной, внутрисистемной составляющей идеи счастья во французском языке показывает, что историческая семантика, воплощенная в ее «этимологической памяти», в определенной мере отражается на распределении ЛСВ и частеречных реализаций данной идеи. Таким образом, анализ значимостной составляющей идеи счастья во французском языке позволяет утверждать, что ядерной лексемой французского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «счастье», яв-

ляется лексема *bonheur*. Ближнюю периферию составляет лексема *chance* и *heur*, к дальней периферии возможно отнести лексема *béatitude* и *félicité*, к крайней периферии – лексему *prospérité*. Ядерной лексемой французского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «несчастье», является лексема *malheur*. Ближнюю периферию составляет лексема *misère*, к дальней периферии возможно отнести лексему *malchance*, к крайней периферии – лексему *déveine*.

Резюмируем.

1. Оценочное отношение человека к своей судьбе реализуется в виде идеи счастья, содержащей базовые концепта «счастье» и «несчастье».

2. Лингвокультурная идея счастья, включающая в себя концепты «счастье» и «несчастье», является этномаркированным семантическим образованием, определяющим национально-специфичный поведенческий модус человека в избирательно-личностных отношениях.

3. Концепт «счастье» как аксиологическая ментальная единица языковой картины мира репрезентирует такие базовые смыслы, как «благосклонность судьбы», «удача», «интенсивная радость», «положительный баланс жизни», «чувство удовлетворения жизнью», выступая чувственно-эмоциональной формой идеала, а концепт «несчастье» – «неудача», «горе», «беда», «тяжелое событие», «тяжелые неблагоприятные обстоятельства, положения», причиняющие человеку глубокую душевную, боль, страдания.

4. Идея счастья имеет исторически эволюционирующий и изменчивый характер, что нашло отражение в особенностях ее реализации в различных типах текстов.

5. Сходства концептов «счастье» и «несчастье» в сравниваемых лингвокультурах наблюдаются в понятийной (паремиология) и образной (метафорика) составляющих.

6. Основные отличия концептов проявляются в области понятийной составляющей (словарные дефиниции).

7. Этнокультурная специфика идеи счастья сосредоточена прежде всего в области эссенциальной семантики, связанной с набором сложившихся в социуме концепций как житейских и теоретических взглядов на природу и сущность счастья и несчастья.

Литература

Богданова М. А. Идея счастья в паремиологическом фонде русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – 2010. – № 4. – С. 57–59.

Богданова М. А. Идея счастья в этической парадигме // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии: Материалы II Межрегионального научного семинара молодых ученых (г. Армавир, 22-26 октября 2007 г.) / Под ред. С. Г. Воркачева. Вып. II – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. – С. 12–15.

Богданова М. А. Лингвокультурная идея // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии: Материалы III Межрегионального научного семинара молодых ученых (г. Армавир, 27-31 октября 2008 г.) / Под ред. С. Г. Воркачева. Вып. III – Армавир: РИЦ АГПУ, 2008. – С. 12-15.

Богданова М. А. Счастье в этике // Этика: диалоговый словарь / Под общ. А. Д. Похилько (Диалоги школы культурной антропологии. Вып. 4). – Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. – С. 197–199.

Богданова М. А. Значимая составляющая идеи счастья во французской лингвокультуре // Инновационные технологии образования: инвестиции в успех будущих специалистов: материалы научно-практической конференции [Текст] (г. Армавир, 9-20 марта 2010 г.). – Ч. II. Кн. 3. – Молодые ученые. – Вып. 8. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – С. 180–181.

Богданова М. А. Идея счастья во паремиологии // Инновационные технологии образования: инвестиции в успех будущих специалистов: материалы научно-практической конференции (г. Армавир, 9-20 марта 2010 г.). – Ч. II. Кн. 3. – Молодые ученые. – Вып. 8. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – С. 181–183.

Богданова М. А. Наполнение лингвокультурной идеи счастья // В мире научных открытий. – Красноярск, 2010. – №4 (10). – Ч.13. – С. 63-65.

Богданова М. А. Лингвокультурная идея счастья в лексикографии // Инновационные технологии в преподавании иностранных языков. Материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Армавир, 20–29 апреля 2010 г.). – Армавир: РИЦ АЛСИ, 2010. – С. 95–101.

Богданова М. А. Идея счастья в религиозном дискурсе // Система ценностей современного общества. Сборник материалов XIII Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 21–25.

Богданова М. А. Идея счастья во французской паремиологии // Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции «Наука о языке и человек в науке» (памяти выдающихся романистов В. Г. Гака и Л. М.Скрелиной). – Т.1. – Таганрог, 2010. – С. 60-64.

Ж.Б. Есмурзаева (Кемерово)
РОДИНА

Концепт РОДИНА становится объектом лингвистических исследований с конца 90-х годов прошлого века, когда формирование российской идентичности связывалось с образованием собственной национальной государственности, немислимой без базовых представлений о Родине/ родине/ государстве/ Отечестве/ Отчизне.

Культурный концепт РОДИНА привлекает и далее внимание исследователей, поскольку он теснейшим образом связан как с этническим самосознанием, так и с государственной идеологией. Система образования, как колоссальный социальный институт, который исторически выполнял и продолжает выполнять множество социально значимых функций, «обслуживает» новый идеологический заказ, связанный с формированием патриотических ценностей. Доказательством тому служит текст Стандарта общего образования, в котором постулируется необходимость достижения важнейших идеалов и ценностей патриотической направленности: любви к России, своему народу, своей малой родине, служения Отечеству и долга перед ним, старшими поколениями, семьей.

Объект исследования - концепт РОДИНА (его структура и содержательное наполнение) в русской языковой картине мира и педагогическом дискурсе. Предмет изучения - репрезентации признаков концепта РОДИНА, объективированных лексическими единицами педагогического дискурса.

Целью исследования является выявление специфики структуры и содержания концепта РОДИНА в современном педагогическом дискурсе на основании анализа семантики языковых репрезентантов данного концепта.

Материал исследования составляют 700 языковых единиц, содержащих семантический компонент *родина* и полученных в результате сплошной выборки из текстов школьных учебников и хрестоматий (1998 - 2007 гг.). В ходе экспериментов было получено: 1724 реакции 320 испытуемых студентов на слова-стимулы *родина, отечество, отчизна, государство* в ассоциативном эксперименте, 447 языковых единиц, содержащих семантический

компонент 'родина', в 100 школьных сочинениях на тему «Родина для меня - это ...». В исследовательскую работу также были включены дефиниции из толковых словарей русского национального языка, словарей синонимов, историко-этимологических и энциклопедических словарей, а также языковые единицы-стимулы и единицы-реакции из русского ассоциативного словаря. В диссертации использовался также материал Национального корпуса русского языка (338 микроконтекстов, полученных по запросу - ключевому слову *родина*).

Диахроническое исследование репрезентантов концепта РОДИНА, представленное лексемами «патриотической триады» - *Родина - Отечество - Отчизна*, проводилось по лексикографическим источникам (этимологические, исторические, энциклопедические, толковые словари и справочники) и позволило проанализировать эволюцию его содержания. Процесс эволюции заключается в накоплении концептуальных признаков в результате движения исследуемого концепта от природно-этнического представления (XI - первая половина XIV века: *Русская Земля, Русь, мать-земля, родная земля*) через этапы этического (XV - XVI вв.: *Святая Русь*) и гражданского понятия о Родине (конец XVII - XVIII вв.: *Отечество, Отчизна*) к идее национальной идентификации (XIX - начало XX вв.: *Родина*) на основе национального языка, литературы, религии, истории. В XX веке идея национальной идентификации нивелируется, в содержании концепта доминирует идея всеобщего братства (*Наша Родина - СССР*). Как результат, в современном русском языке концепт РОДИНА имеет следующие ядерные смыслы, которые являются «константными для коллективного носителя идентичности и остающимися таковыми на протяжении нескольких поколений коллективного субъекта» (Л.И. Гришаева): 1. Родина - 'мать'; 2. Родина - 'земля, край отцов, где живут родные и близкие' («малая родина»); 3. Родина - 'государство, в котором человек родился' («большая Родина»); 4. Родина - 'отечество, отчизна, государство, гражданином которого человек состоит' («гражданская Родина»). Ключевым именем концепта является лексема *родина*, с одной стороны, как исторически первичное, с другой - в большей степени, нежели другие имена, присущее русской ментальности.

Исходя из цели исследования выявление актуализируемых признаков концепта РОДИНА осуществляется на материале дидактических текстов педагогического дискурса.

В работе осуществлен анализ художественных произведений авторов, представленных в хрестоматиях и учебных пособиях, комментариев к ним, литературоведческой информации, а также содержания формулировок к заданиям и упражнениям. Отмечается, что учебники для начальной школы отличаются большей интенциональностью. Так, организующая и коммуникативная стратегии актуализированы заданиями типа: «Прочитай пословицу. Объясни ее смысл. Придумай историю, в которой можно было бы использовать эту поговорку: *Нет в мире краше Родины нашей*». В учебниках и хрестоматиях для среднего звена школы микроконтексты, содержащие репрезентации концепта РОДИНА, используются также в качестве иллюстративного материала к правилам пунктуации: «Найдите в предложениях обращения. Спишите, расставляя недостающие знаки препинания: *Прощайте скалистые горы на подвиг Отчизна зовёт... (Н. Букин). И мы сохраним тебя русская речь великое русское слово (А.Ахматова)*». В отличие от описанных выше стратегий, использующихся в текстах для младшей и средней школ, в содержании учебников и хрестоматий для старших классов задания, реализующие коммуникативные интенции в рамках реализации концепта РОДИНА, незначительны. Задания включают в себя вопросно-ответные упражнения к художественным произведениям: «В чем выражается любовь поэта к Родине? Какие литературные приемы и средства использует автор для выражения своего чувства?»

Признаковая наполняемость концепта РОДИНА в исследовании, выраженная всеми словами и словосочетаниями, включает ядерные смыслы, репрезентирующие архетипические и энциклопедические представления, и обусловленные современным педагогическим дискурсом блоки признаков - историко-географический, эмоционально-ценностный и императивный. В процентном соотношении ядерные смыслы представлены в дидактических текстах как 10:18:30:42 («Родина -мать», «малая родина», «большая Родина», «гражданская Родина» соответственно). Блоки признаков, содержащие образную (историко-географический) и ценностную (эмоционально-ценностный, им-

перативный) составляющие исследуемого концепта, соотносятся как 46:44:10 соответственно.

Для моделирования структуры концепта РОДИНА на следующем этапе работы выделены группы лексико-семантических репрезентаций признаков описываемого явления. Так, группа «Россия» включает в себя номинации страны России: *Русь, страна (родная), держава, государство, Отечество, Отчизна*.

Группа «личностные чувства» связана с эмоциональной сферой человека. С одной стороны, *когда человек произносит такое теплое, доброе слово Родина, он видит за ним все лучшее, «огромное, родное, дышащее существо»*. С другой стороны, испытывает *страх, «и страсть, и ненависть к Отчизне»*. Вера в будущее России и пожелание ей *благоденствия еще более, нежели славы*, формирует особое «чувство Родины», которое *глубоко и выстрадано*.

Группа «географическая среда обитания» включает в себя репрезентации природно-ландшафтных признаков. Родина - Россия, *многообразна по климату, по почве, по природным богатствам*. Наряду с описанием лесов, полей и рек, рисуются картины родной природы, *пленительного русского пейзажа. Береза*, как «универсальный символ» (С.Г. Воркачев), олицетворяющая образ России, доминирует в представленном дидактическом материале.

Группа «место рождения и проживания - родная земля/край» конституируется лексемами, актуализирующими ядерный смысл «малая родина» и связанными с ним репрезентациями топонимических признаков. Для одних - это *родная Сосновка*, навсегда заронившая *в юную душу драгоценные семена любви к отчему краю*. Для других - это *Мещерский край, клочок земли, научивший видеть и понимать прекрасное, как бы невзрачно на вид оно не было*.

Группа «любовь» является ядром эмоционально-ценностного блока признаков. В исследуемом материале представлены различные формы любви: от *тютчевской «любви - веры»*, *лермонтовской «странной любви»*, *блоковской «страсти - ненависти»* до *ломоносовского отождествления Родины с возлюбленной*.

Выделение группы лексико-семантических репрезентаций признака «люди» обусловлено наличием в дидактическом материале признаков, актуализирующих демографическую составляющую. *Народ* является могучей, богатой жизненными силами

загадочной стихией. В учебниках акцентируется внимание на многонациональном составе населения РФ: *память о жизни, о разных народах, которые вместе, рядом жили и живут в России - общем нашем Отечестве*. На старшей ступени обучения с целью формирования российской идентичности и самоидентификации школьников как граждан России актуализируется признак *«русский/русские»*.

Группа *«долг / обязанность»* обладает деонтической (нормативной, предписывающей) модальностью и связана с императивами патриотического сознания: долгом и обязанностью перед Родиной, стремлением ее оберегать и защищать, жертвенностью. *Служение Родине* понимается как *служение народу*. Актуализация готовности жертвовать для Отечества всем, приумножать его, беречь и защищать своей жизнью происходит также при помощи паремиологического фонда русского языка: *Жить - Родине служить. Родина — мать, умей за нее постоять. Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи*.

Группа лексико-семантических репрезентаций признака *«ностальгия»* наиболее актуализирована в учебниках и хрестоматиях для старших классов. *Тоска по Родине* становится классическим выражением эмигрантской ностальгии. Такое чувство обусловлено зовом *Родины*.

Группа *«качественные показатели»* включает в себя лексико-семантические репрезентации качественных измерений - *протяженность, наличие границы, территориальность, расстояние «близко/далеко»*. *«Красота»* как признак актуализирован также через фразеологические единицы: *Нет в мире краше Родины нашей, Родина краше солнца, дороже золота*. Родина наделена силой. Сравнительная степень прилагательного *хорошо /лучше* в исследуемом нами материале оказывается в контекстах высказывания превосходной: *Ни вблизи, ни вдали/ Я не знаю земли/ Лучшие той, что меня растила*. Кроме того, Родина - Россия при всей своей «громадности» - *нежная, милая, многострадальная, светлая*.

Группа *«история»* проистекает из упоминания событий и личностей, связанных с историей Российского государства. Привлекая «исторический» материал, авторы текстов педагогического дискурса обращают внимание на истоки Отечества.

Группа лексико-семантических репрезентаций признака «*уникальность*» конституируется лексемами *одна, единственная*. Неповторимость Родины актуализирует сравнение матери с родной землей: *одна у человека мать, одна у него и родина*. Кроме того, наличие Родины облигаторно: *К родине мы привыкаем и часто не замечаем её. Она ведь всегда рядом, это одна, единственная страна*.

Нами был проведен семантико-когнитивный эксперимент. Как разновидность теста на свободную интерпретацию, эксперимент состоит в обращении к информанту с просьбой эксплицировать выражение. В эксперименте участвовали 100 школьников 2-11 классов (8-17 лет). Исходным является положение о том, что формирование концепта РОДИНА в сознании школьников происходит на протяжении всего периода обучения. Являясь культурной доминантой, он обеспечивает замещение многих стереотипов в процессе мышления и определяет национально-своеобразное отношение к родной стране, государству, своим предкам, природе и т.д. Можно предположить, что к моменту окончания школы, у человека формируется осознанная самоидентификация, знания о национальном своеобразии и национальной традиции становятся личностными ценностями.

Выявленные в ходе исследования ядерные смыслы в процентном соотношении представлены в эксперименте как 2:46:41:11 («Родина - мать», «малая родина», «большая Родина», «гражданская Родина» соответственно).

Наиболее актуализированной в сознании школьников группой репрезентаций является «*место рождения и проживания/ учебы (Омск - родной край)*», которая выражает словарное значение родины, как 'места рождения кого-либо' («малая Родина»): *Родина для меня - это место, где я родилась, живу и учусь*. Местом рождения и проживания для испытуемых становится *Омск, родной край, малая родина, бабушкина деревня, край - Сибирь*. Учеба, как основной вид деятельности респондентов, актуализируется через их ответы (*где ты учишься*).

Группа «*географическая среда обитания*» наряду с вызываемыми личностными чувствами занимает 2-3 ранг в иерархии описываемых нами концептуальных признаков. Наиболее частотными являются лексемы *леса, поля и реки: Родина - это поля, леса, реки, озера*. Также в эту группу включены языковые единицы,

относящиеся к природе и природным ресурсам: от богатства недр родной земли (*У нас на Родине много полезных ископаемых*) до наименования видов деревьев и цветов: *Вошло в понятие Родины, врезалось в память детское впечатление: ... юркая тропинка уводит в ромашковый луг, мимо ржаного поля с синими глазами васильков, вдоль оврага к лесу, где что-то лепечет звонкий ручей.* По мнению респондентов, природные богатства родины значительны (*Наша Родина богата многими ресурсами*). Родная земля олицетворяет собой также образ женщины-воспитательницы и кормилицы потому, что *Родина нас кормит и поит.*

Группа лексико-семантических репрезентаций признака «личностные чувства» объективирует чувства радости (*уютно, здесь хорошо*) и любви. Чувство любви взаимно: *Мы любим Родину не за то, что она велика и богата, что дает обильные урожаи, а за то, что она прекрасна, хотя свою застенчивую красоту раскрывает не сразу и не всем, а тем, кто любит ее.* Любовь к Родине обязательна (*она в каждом из нас*). Из этого проистекает чувство радости и гордости за родину: *Для меня родина - это жизнь, когда есть счастье на своей родной земле, и когда чувствуешь за свою страну гордость.* Индивидуальные ассоциации, вызываемые личностными чувствами, невозможно объяснить без учета концептуальной системы индивида: *Родина - это то, что живет в тебе; Если бы не было родины, не было бы меня; Для меня Родина - это там, где твоя душа.* Следует отметить, что не было получено ни одной негативной реакции.

Личностные чувства вызваны не патриотическим пафосом, а трепетным отношением к дому, где живут родные и близкие. Следствием такого отношения является актуализация группы «дом/семья»: *Родина - это тот же дом, только общее его понятие.* В культурной традиции дом является средоточием основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и мертвых).

Группу «качественные показатели» составили языковые единицы, связанные с описанием характеристик: *великая, святая, красивая/красивый.* Актуализация качественных показателей *хороший/хорошо* и *лучший/лучше* происходит посредством интерпретации фразеологизма «В гостях хорошо, а дома лучше»: *Я ездил в Турцию. Там хорошо, а дома лучше.*

Группа «Россия» репрезентирует ядерный смысл «большая Родина». В данное понятие респонденты включают также лексемы *страна, держава: Для меня родина - это моя страна, в которой я живу*. Испытуемые также отмечают наличие символов у России - Родины - флаг и столицу: *Флаг является символом страны! Столица нашей Родины - Москва*. Россия* в сознании школьников - правовое государство, которое гарантирует определенные социальные блага. Объединяющим фактором для населения России - Родины, безусловно, является наличие единого языка: (на Родине) *Говорим мы все на одном языке*. Преобладающим становится русский язык, который следует изучать: *Наш родной язык - русский*.

Необходимость для блага Родины что-либо предпринимать конституируется группой лексико-семантический репрезентаций признака «долг / обязанность»: *Каждый должен постоять за свою Родину*. В сознании респондентов актуализировано также знание того, что *каждый человек должен любить свою Родину, ценить и уважать ее*. Родину нужно беречь (*потому что ты здесь родился, это твой дом*) и защищать: *Родина - это то, что в тебе живет, и ты ее должен защищать*. При этом защитой родной земли занимаются как военные и армия (*Родину защищает наша армия*), так и простое население (*У каждого человека есть родина: ее нужно беречь и защищать*). Желание помочь родной стране преуспеть во всем связано с готовностью *для блага Родины хорошо учиться и работать* в данный момент и в будущем (*Я, когда вырасту, буду служить для своей Родины*), а также брать пример с премьер-министра В.В.Путина и Президента РФ Д.А.Медведева: *Я буду брать пример с В.В.Путина. Как он защищать интересы нашей великой и могучей Родины*.

Именно такое отношение к Родине обусловлено ее неповторимостью, что позволило нам выделить группу «уникальность»: *У каждого есть своя Родина. И род нее края уже не будет*.

Содержание концепта РОДИНА исследовалось также с привлечением ассоциативного эксперимента. В эксперименте участвовало 320 студентов 1 - 5 курсов (возраст 18-25 лет). Для проведения ассоциативного эксперимента использовалась техника предъявления испытуемым «слова - стимула». Обработка результатов исследования включила в себя следующие этапы: распределение слов-реакций на предложенные стимулы по выявленным

ранее ядерным смыслам и группам лексико-семантических репрезентаций признаков; интерпретация концептуальных признаков. Всего было получено 1724 ассоциативные реакции.

Выявленные в ходе исследования ядерные смыслы в процентном соотношении представлены в ассоциатах как 4:30:39:27 («Родина - мать», «малая родина», «большая Родина», «гражданская Родина» соответственно).

Так, отождествление Родины с государством осуществляется посредством группы лексико-семантических репрезентаций признака «государство» и вербализовано лексемами *страна, государство, держава*. Соотнесение студентами Родины с *Отечеством* и *Отчиной* обусловлено этимологией обозначенных языковых единиц. Группа «дом/семья» занимает второй по значимости ранг в языковом сознании студентов. Дом понимается как родные истоки человека, где жили предки и сейчас существуют родные и близкие. Круг близких ограничен лексемами *отец и мама/мать/матушка, родители, родственники, жена, дитя, друзья*. Ядерный смысл концепта РОДИНА «малая родина» актуализирован за счет топонимов *Сибирь, Омск, Омская область, Казахстан* и названий малых населенных пунктов и позволяют сформулировать группу репрезентаций «место рождения и проживания». «Война» как группа конституируется значительным количеством ассоциативных реакций: *война 1945, война с фашистами, Первая мировая война*. В сознании также актуализированы *победы, героизм, отвага, честь* и т.д. Группа лексико-семантических репрезентаций признака «Россия - место рождения и проживания» актуализирована ассоциатами *Россия, РФ* и частично соответствует ядерному смыслу «большая Родина». Группу «личностные чувства» составляют чувства *любви и гордости*.

Особое чувство Родины находится *в сердце* и вызывает только положительные эмоции. Выделение группы лексико-семантических репрезентаций признака «люди» обусловлено ценностью человека и самоидентификацией респондентов, которые, прежде всего, *люди русские*. «Географическая среда обитания», как группа, отражает как стереотипные представления о природе и ландшафтных особенностях (*береза, поля, мороз*), так и индивидуализированные (*лед, облака*).

Группа лексико-семантических репрезентаций признака «патриотизм» конституируется одноименными ассоциатами. Их представленность значительна, что указывает на ценность и облигаторность этого понятия для моделирования исследуемого концепта. Группа «символы» репрезентирована клишированными цитатами и формирует образы Родины (*икра, богатырь; Умом Россию не понять...*). Группа «качественные показатели» вербализована ассоциатами, связанными с описанием внешних характеристик территориального пространства. Группа лексико-семантических репрезентаций признака «долг/обязанность» конституируется в сознании испытуемых императивом *надо*. Долг каждого человека *ответственно* относиться к Родине и защищать родную землю. Группа «уникальность» обусловлена неповторимостью Родины и ее ценностью для респондентов. Оставшиеся за пределами групп ассоциативные реакции позволяют предположить, что список признаков является далеко не полным.

При сопоставительном анализе экспликации концепта РОДИНА в дидактических текстах педагогического дискурса и материалах семантико-когнитивного и ассоциативного экспериментов выявлено 14 групп лексико-семантических репрезентаций признаков исследуемого концепта. Так, группа «государство» занимает 1 ранг (22%) в сознании студентов, в дидактических текстах 8 ранг (7,9%), в то время как в сочинениях школьников признаки этой группы отсутствуют. Такая разница в экспликации наглядно демонстрирует, что студенты имеют четкую гражданскую позицию: у них в достаточной мере сформировано патерналистское представление о *родине как государстве*. Вера в сильную державу сложилась исторически (Н.Бердяев), что и обуславливает «гипергосударственность» русского сознания.

Группа «дом / семья» актуализирована в дидактических текстах педагогического дискурса и ответах респондентов - школьников и студентов, являясь наиболее репрезентированной в сознании студентов (2 ранг, 18%). Дом понимается ими как место, где человек родился, это родные истоки, родные места, где живут родные, средоточие основных жизненных ценностей, единства семьи и рода {отец и мама/мать/матушка, родственники, жена и дитя}. Для школьников (ранг 4, 10,5%) круг близких составляют *мать и отец, семья, родня, родители, сестры и братья, бабушки и дедушки*. Близкие люди - это *друзья* для обеих

категорий респондентов. Такое отношение обуславливает своеобразная человеко-друго-центричность, присущая русскому языковому сознанию (Н.В. Уфимцева).

Группа *«историческая память/ история»*, выделенная на основе упоминаний личностей, связанных с историей Российского государства, представлена только в дидактических текстах (11 ранг, 2%). При этом в ассоциативных реакциях студентов актуализирована подгруппа *«война»*, связанная с военными действиями исторического прошлого страны. Эта группа занимает 4 место (8%) и включает следующие ассоциаты: *война, ВОВ, война 1945, война с фашистами, Первая мировая война*. В дидактических текстах описываемая группа репрезентаций занимает 16 ранг (0,3%), в работах школьников отсутствует вовсе.

Следующая по частотности группа *«место рождения и проживания»* коррелирует с лексикографическими значениями *родины - 'малая родина'* и *'большая Родина'*. Так группа репрезентаций признака *«место рождения и проживания - Омск, родной край, Сибирь и т.д.»* в сознании школьников занимает 1 место (30,5%). Отличительной особенностью репрезентации этого признака является то, что учеба, как основной вид деятельности респондентов, актуализируется через их ответы. Региональный компонент реализуется как в ответах школьников, так и студентов (3 ранг, 13,2%): наряду с *местом рождения*, информанты используют ландшафтные конкретизаторы *Сибирь, Омск, Омская область, Казахстан* и названия малых населенных пунктов. В дидактических текстах данная группа также составляет 11% репрезентаций признаков (4 ранг). Группа *«Россия»* наиболее актуализирована в дидактических текстах (1 место, 13,2%) и вербализована топонимами *Россия, РФ*. В сознании школьников и студентов эта группа конституируется соответственно 8% (6 ранг) и 7,4% (5 ранг) и репрезентирует ядерный смысл *«большая Родина»*.

Группа *«личностные чувства»* включает в себя признаки, связанные с принадлежностью (*моя/мое, родному*). В сознании информантов-школьников лексико-семантические репрезентации этой группы конституируются 16,4% (2-3 ранг наряду с группой *«географическая среда обитания»*) и актуализируют чувство радости. В ассоциациях студентов эту группу составляют лексемы и словосочетания (6 ранг, 6%) *память детства, чувство по-*

кой/спокойствия. Родина вызывает *возвышенные, светлые и теплые чувства*. Несмотря на то, что в дидактических текстах группа «личностные чувства» актуализирована 12% (2 ранг) репрезентаций и представляет собой целую гамму чувств от горя, беспокойства и скорби до блаженства и радости, в сознании испытуемых наблюдаются только положительные эмоции. Отметим, что не было получено ни одной негативной реакции.

Процесс актуализации группы «любовь» имеет разноплановые репрезентации в ассоциатах студентов (13 ранг, 1,8%) и дидактических текстах (5 ранг, 11%). Такое доминирование группы в содержании школьных учебников и хрестоматий обусловлена целью современного подхода к образованию, где любовь к Родине трактуется как ценность, важная для достижения общенационального воспитательного идеала.

Группа «гордость» конституируется равным количеством репрезентаций признака в ассоциативных реакциях студентов (14 ранг, 0,6%) и текстах школьных учебников и хрестоматий (14 ранг, 0,6%). Чувство гордости проистекает из эмоциональной привязанности к родной земле. *Сила, величие, красота*, безусловно, вызывают восхищение и *гордость* за Родину.

Чувство ностальгии репрезентировано одноименной группой «ностальгия», лексико-семантические репрезентации которой актуализированы только в дидактических текстах (10 ранг, 3%).

Группа «люди/ этнос» имеет приблизительно одинаковую представленность в ответах студентов (7 место, 5,2%) и в дидактических текстах (6 место, 10%). В материалах семантико-когнитивного эксперимента лексико-семантические репрезентации описываемого признака отсутствуют. Отметим, что если в школьных учебниках и хрестоматиях формируется представление о родине как многонациональном государстве, то в ассоциатах студентов население России это, прежде всего, *русские люди*.

Группа «географическая среда обитания» включает в себя репрезентации признака, связанные с ландшафтными и природными особенностями России - Родины. Природа ассоциируется со стереотипными (*береза, леса, поля, снег, мороз, медведи*) и индивидуализированными (*пейзаж, цветы, лед, облака, материк*) представлениями. В дидактических текстах признаки этой группы занимают 3 ранг и представлены 11% репрезентантов. В сознании школьников актуализировано представление о родине как гео-

графической среде обитания 16,4% репрезентантов (2 ранг). Реакции студентов фиксируют 4,8% ассоциатов, соответствующих 8 рангу.

Группа «*патриотизм*» репрезентирована одноименными ассоциатами. Эта группа лексико-семантических репрезентаций признака представлена 3,5% (9 ранг) в ассоциативных реакциях респондентов, в дидактических текстах - 0,6% (13 ранг), в школьных сочинениях эта группа отсутствуют.

В группу «*символы*» вошли символические и клишированные репрезентации концепта, актуализированные только в сознании студентов (2,6%, 10 ранг). Символические репрезентации концепта РОДИНА позволяют говорить скорее не о сформированном педагогическим курсом представлении о родине, а об этнокультурных образах, сложившихся в национальном сознании (*икра, балалайка, богатырь* и т.д.).

Группу «*качественные показатели*» составили языковые единицы, связанные с описанием Родины как объекта. Актуализация в дидактических текстах осуществляется 6,5% (9 ранг) репрезентаций признаков, в ассоциативных реакциях студентов - 2,4% (11 ранг). Качественные характеристики в ответах школьников конституируются 8,5% (5 ранг) лексем, объективирующих описываемые признаки. В ответах респондентов актуализируется представление об *огромной, великой и свободной* стране, *сила* которой в *безграничности просторов*. При обширности территории это то, что *рядом, самое близкое*. Аксиологическая оценка Родины как объекта реализуется в лексемах с общеоценочным значением *хороший/хорошо, лучший/лучше*. Актуализация происходит посредством интерпретации фразеологизма «*В гостях хорошо, а дома лучше*». Родина всегда *лучшая*.

Группа «*сердце*» занимает 12 ранговое место (1,9%) в ассоциативных реакциях студентов и 17 (0,1%) - в дидактических текстах. Экспликация происходит преимущественно одноименными репрезентациями (*дорогая/милая сердцу*). Родина «находится» постоянно *в сердце*, которое выступает «вместилищем чувств, мыслей, памяти и опыта», «особой областью в теле, где человек испытывает эмоции» (М.В. Пименова).

Необходимость защищать и беречь Родину конституируется группой «*долг / обязанность*». Если в дидактических текстах и ответах школьников языковые единицы представлены 7 рангом

(9%), то в ассоциатах студентов лексико-семантические репрезентации описываемого признака занимают только 15 место (6,4%). Предположим, это обусловлено тем, что долг и обязанность ассоциируются у информантов со службой в армии и *необязательно по своей воле*.

Группа «*уникальность*» занимает разное ранговое место в дидактических текстах и материалах семантико-когнитивного и ассоциативного экспериментов. Наиболее уникальной родина предстает в сознании школьников (9 ранг, 3,1%). В дидактических текстах группа занимает 12 место (0,8%), в ассоциативных реакциях студентов - 16 (0,3%). С одной стороны, доминанта РОДИНА является общечеловеческой категорией: Родина есть у всех. С другой стороны, в ответах испытуемых репрезентирована исключительность этого понятия: она *одна*.

Группа «*родина - мать*» конституируется 0,4% (15 ранг) лексико-семантических репрезентаций в дидактических текстах и 0,2% (10 ранг) в ответах школьников. Сравнение матери и родной земли актуализирует аксиологическую ценность обоих понятий и эксплицирует архетипический ядерный смысл, лежащий в основе формирования концепта РОДИНА.

Полученные результаты исследования концепта РОДИНА, объективированного педагогическим дискурсом, фиксируют специфический характер актуализации концептуальных признаков в дидактических текстах и сознании участников педагогического дискурса (школьников и студентов). Так, ядро структуры исследуемого концепта в дидактических текстах педагогического дискурса представлено группой лексико-семантических репрезентаций признака «*место рождения и проживания, большая Родина*», в то время как для школьников ядерным признаком выступает «*место рождения и проживания, малая родина*», а для студентов - «*государство*». Периферию составляют группы лексико-семантических репрезентаций признаков «*личностные чувства*», «*географическая среда обитания*», «*любовь*», «*люди*», «*долг/обязанность*», «*ностальгия*», «*качественные показатели*», «*история*», актуализированных в разной степени в дидактических текстах и сознании респондентов.

Делается вывод о наличии лакунарных групп лексико-семантических репрезентаций признаков концепта РОДИНА: «*война*», «*люди/этнос*» в материалах семантико-когнитивного

эксперимента, «*родина-мать*» в материалах ассоциативного эксперимента, «*символы*» в дидактических текстах и материалах семантико-когнитивного эксперимента, «*сердце*», «*патриотизм*» в материалах семантико-когнитивного эксперимента.

Сопоставление лексико-семантических репрезентаций концепта РОДИНА в дидактических текстах и сознании участников педагогического дискурса позволило выявить в сравниваемых дискурсивных формах различный характер объективированных концептуальных признаков, обнаруживающий зависимость от внеязыковых факторов: государственной идеологии (содержание текстов дидактических учебников и хрестоматий), социальных и ментальных параметров (материалы ассоциативного и семантико-когнитивного экспериментов).

Литература

Есмурзаева Ж.Б. Ядерные смыслы концепта *РОДИНА* (по данным лексикографических источников) // *Личность. Культура. Общество.* – М., 2009. - Т. 3 (50). - С. 475-480.

Есмурзаева Ж.Б. Ценностная составляющая лексико-семантического поля концепта *РОДИНА* (по данным эксперимента) // *Вестник Омского университета.* - Омск, 2010. - № 3. - С. 195-200.

Есмурзаева Ж.Б. Национальная культура и языковая картина мира // *Сборник материалов к российско-польской конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ.* 2007 год. - Новосибирск - Омск: Сибирская академия политических наук, 2007. - С. 77-79.

Есмурзаева Ж.Б. Понятие «концепт» как элемент языковой картины мира // *Теоретические проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: материалы межвузовской научно-практической конференции 25 апреля 2007 г. / Омский институт иностранных языков «Ин.яз. - Омск».* - Омск: Изд-во «Ин. яз. - Омск»; «Вариант - Омск», 2007. - С. 22-25.

Есмурзаева Ж.Б. О взаимовлиянии языка и культуры // *Вестник ОмГАУ.* - № 1. - Омск, 2007. - С. 69-70.

Есмурзаева Ж.Б. Понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира» в современных исследованиях // *Альманах современной науки и образования.* № 2 (9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. - В 3 ч. – Ч. 3. - Тамбов: «Грамота», 2008. - С. 56-58.

Есмурзаева Ж.Б. Представление о родине в русском и английском языковом сознании // *Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов; труды междунар. науч.-практ. конф.*

(Кемерово, 4 июля 2008 года). - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. - С. 64-65.

Есмурзаева Ж.Б. Концепт «родина» (в русском и английском языках) в системе ценностных концептов языковой картины мира // Альманах современной науки и образования. ~ № 8(15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. - В 2 ч. - Ч. 2.- Тамбов: «Грамота», 2008. - С. 53-55.

Есмурзаева Ж.Б. Специфика мировосприятия студентами понятий «родина» и «патриотизм» // Сборник материалов к международной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2008 год. - Новосибирск - Омск: Сибирская академия политических наук, 2008. - С. 104-106.

Рогожникова Т.П., Есмурзаева Ж.Б. Языковые средства репрезентации концепта «родина» в русской языковой картине мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр.: вып. 4/ сост., отв. ред. Т.В. Симашко. М.; Архангельск, 2009. - С. 153-158.

Есмурзаева Ж.Б. Культурная доминанта РОДИНА в ценностной картине мира // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. (К юбилею Рины Ахметовны Рияновой). - Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2010. - С. 68 -72.

Есмурзаева Ж.Б. О соотношении ментальности и менталитета // Вопросы межкультурной коммуникации в лингвистике, международном менеджменте и туризме: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. / Омский институт международного менеджмента и иностранных языков «Ин. яз. - Омск». - Омск: Изд-во «Ин. яз Омск»; «Вариант - Омск», 2010.- С. 131-134.

Рогожникова Т.П., Есмурзаева Ж.Б. Актуализация периферийных признаков концепта РОДИНА (на материале текстов педагогического дискурса начала XXI века) // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». - Челябинск, 2010. - № 1(177). - С. 13- 17.

Д.В. Дорджиева (Элиста)

ПОДВИГ

Объектом изучения являются языковые репрезентации, объективирующие концепт «подвиг» в русской, калмыцкой и английской лингвокультурах. В качестве предмета исследования рассматриваются понятийные, образные и ценностные характери-

стики этого концепта в эпических произведениях в сопоставительном плане.

Цель исследования состоит в определении и описании понятийных, образных и ценностных характеристик концепта «подвиг» в русском, калмыцком и английском героических эпосах.

Поставленная цель конкретизируется в следующих задачах: 1) установить понятийные характеристики концепта «подвиг» в современной и эпической русской, калмыцкой и английской языковых картинах мира; 2) выявить образные характеристики концепта «подвиг» в рассматриваемых лингвокультурах применительно к современному и эпическому сознанию; 3) определить ценностные характеристики анализируемого концепта в рассматриваемых лингвокультурах; 4) объяснить лингвокультурную специфику отношения к подвигу в сравниваемых лингвокультурах.

Материалом исследования послужила выборка из толковых, синонимических словарей и паремиологических справочников, художественных и публицистических текстов на русском, калмыцком и английском языках и интернет-источников. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором обозначен или выражен исследуемый концепт. Всего проанализировано 5000 текстовых фрагментов. В работе использовались также ответы информантов (по 100 информантов соответственно).

Согласно анализу этимологических словарей, было установлено, что лексема «подвиг» этимологически подвиг подразумевает под собой некое изменение состояния с опорным значением «двигать в горизонтальном или вертикальном положении». На следующем этапе мы рассмотрели серию определений данного концепта, а именно – словарных дефиниций, для того чтобы выявить интразону и экстразону концепта «подвиг». На основании анализа словарных дефиниций интразону слова подвиг можно представить в виде следующего набора признаков: 1) выдающийся поступок, 2) сопряжён с риском для жизни или большими препятствиями, 3) имеет важную значимость для общества. Моделирование семантики подвига основывается на выделении признаков «неблагоприятные обстоятельства» и «отношение субъекта к этим обстоятельствам». Такое отношение выражено как волеизъявление свершения поступка, который избавить кого-то или что-то от неприятных обстоятельств пусть, даже, если для этого тре-

буется пожертвовать своей жизнью. Постоянное стремление к самоотвержению можно объяснить архаичным значением религиозности подвига, ранее составлявшую интразону исследуемого концепта. Экстразона подвига содержат следующий ряд признаков:

А: 1) определенные физические или моральные поступки 2) связанные со степенью усилия над собой 3) имеют ценность для общества или для себя самого.

В: 1) ряд неблагоприятных поступков, 2) осуждаемые обществом или не представляющих никакой моральной ценности.

Чтобы рассмотреть образные характеристики концепта вслед за В.И.Карасиком мы противопоставляем образно-перцептивные и образно-метафорические компоненты концепта. Образно-метафорические характеристики таких концептов выявляются на основе анализа мотивирующих контекстов. В результате анализа художественной литературы было установлено, что в русском языке: 1) подвиг ассоциируется с самопожертвованием; 2) подвиг представляет собой тяжелый труд; 3) За совершенный подвиг требуется награда ; 4) на подвиг надо воодушевлять; 5) о подвигах разносится слава; 6) подвиг - определенная степень усилия над собой; 7) Подвиг - усилия совершаемые человеком ради приближения к Богу; 8) Подвиг остается в истории; 9) на подвиг дают благословление; 10) Подвиг совершается ради Родины; 11) Подвиг - неблагочестивые поступки.

Для подтверждения и уточнения полученных данных рассмотрим образно-перцептивные характеристик концепта «подвиг». Образно- перцептивные характеристики концептов мы установили посредством опроса информантов, которым было предложено написать короткие сочинения, раскрывающие их представления об этом концепте на тему: «Когда я думаю о подвиге, я представляю себе...». В ходе исследования было опрошено 100 респондентов разного возраста – студенты и преподаватели Калмыцкого государственного университет, в результате чего мы пришли к выводам, что в современном языковом сознании русских информантов подвиг ассоциируется с темпоральными особенностями развития общества, немаловажное влияние на которые имеет кодекс нравственных ценностей. Степень восприятия значимости подвига колеблется от «максимума» который подразумевает великий, необычайный поступок во благо Родины, народа, совер-

шаемого выдающимся человеком до «минимума» подразумевающего каждодневный подвиг простого обывателя.

Таким образом, основными образными характеристиками является то, что концепт «подвиг» также как и в понятийной характеристике можно рассматривать в трех ипостасях. Согласно первой, теперь уже, можно сказать, архаичной стороны, подвиг – это усилия, сделанные человеком ради приближения к Богу, требующий благословения. Согласно второй - это смелый поступок, который нужно совершить для устранения опасности, возникшей в результате агрессии противостоящей стороны или чьего-либо проступка с готовностью к самопожертвованию, ради Родины и народа, наградой за который будет долгая память в истории. Эта точка зрения согласно понятийным характеристикам соответствует интразоне концепта. Согласно третьей ипостаси подвиг - это поступок, требующий определенных тяжелых умственных или физических усилий над собой, степень который зависит от личностных качеств человека. Если такой подвиг предполагает частотный характер, он приобретает пейоративный оттенок. Такой подвиг согласно понятийным характеристикам относится к экстразоне концепта.

Ценностная характеристика «подвига» в русском языке проведенная на анализе пословичного фонда показывает, что концепт «подвиг» может сопрягаться с разными лексемами, ядерная коннотация которых зависит от социального развития общества. В паремиологическом фонде исследуемого языка лексема «подвиг» встречается редко, поэтому анализ был проведен с помощью смежных ему концептов смелость, геройство, мужество, отвага. Рассмотрев паремии в классических словарях, мы можем отметить следующие выводы: 1) подвиг должен быть бессмертным; 2) подвигу должна сопутствовать удача; 3) подвиг должен совершаться человеком, чья смелость противостоит тысячи трусливых; 4) для совершающего подвиг нет преград; 5) подвиг должен проявляться на деле, а не на словах.

Согласно данному списку подвиг представляет собой поступок смелого, бесстрашного человека, который в момент опасности готов отдать свою жизнь ради общего блага, беззаветно. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном случае была представлена интразона концепта «подвиг».

В современных Интернет-чатах среди высказываний о подвиге наиболее частотной является идея подвига как: 1) совершения определенного усилия над собой: «Чем ленивее человек, тем больше его труд похож на подвиг», 2) как следствие чье-то халатности к своей работе: «Подвиг одних - это исправление ошибок других», 3) преодоление трудных препятствий: «Жизнь в России - уже подвиг, жизнь в России зимой - Великий подвиг!!!» 4) ироничное высказывание по отношению к чьим-либо проделкам: «Разорение могилы наших героев - величайший подвиг эстонского народа», «В жизни всегда есть откидное место для подвига», 5) противопоставление жизни и смерти: «Подвиг героя - форма публичного самоубийства», «Жизнь, не уступай место подвигу!», «Если жизни нет, остается найти место подвигу», 6) если мужчина не способен на подвиг, то он ни на что не способен, 7) своевременный поступок: «Подвиг не ко времени – преступление», 8) способность проявления скромности: «Подвиг - молчание автора героического поступка о факте его совершения». В современных источниках более частотным является употребление экстразоны слова подвиг.

Интразона данного концепта в понятийных характеристиках выделяет идею жертвенности поступка, готовностью героя пойти на все ради подавления врага, образные характеристики подчеркивают непреодолимые обстоятельства на пути у героя, требующие храбрости и мужества, ценностные характеристики подчеркивают, что такой подвиг имеет большую значимость, о нем будут всегда помнить, за него полагается награда. Жертвенность подвига в интразоне концепта можно объяснить взаимосвязью с историческим значением подвига как поступка, связанного с религиозной деятельностью.

Экстразона концепта «подвиг» в исследуемых характеристиках рассмотрена в двух ипостасях. С одной стороны, «подвиг» согласно понятийным характеристикам представляет собой поступок, совершенный для достижения собственной цели, в образной составляющей акцентируется внимание на восприятие подвига в смысле преодоления препятствий, с относительной степенью тяжести, требующего силы духа и решимости, профессиональной компетентности, ценностная характеристика подчеркивает как личностную, так и общественную значимость. С другой стороны, подвиг согласно понятийной характеристике представ-

ляет собой неблагоприятные поступки, образные характеристики подчеркивают, что такой подвиг может совершить каждый, не требует особых навыков, может иметь частотный характер, ценностные характеристики подчеркивают негативное отношение общества на такой поступок.

Понятийные характеристики концепта «подвиг» представлены в текстах русских былин не прямым употреблением данной лексемы, а в виде набора следующего сочетания лексем: «выслуга наша богатырская», «служба да великая», «выслуга-то великая». Следует отметить, что данные сочетания лексем, воспринимаемые нами как подвиг, основное значение свое находят в лексеме «служба», которая в первую очередь делает акцент на модальное отношение совершающих это действие. В свою очередь лексема «выслуга» в толковых словарях дается с пометкой «устаревшее». В то же время, для уточнения понятийных характеристик считаем необходимым рассмотреть этимологию слов «выслуга» и «служба». Отсутствие в былинах самой как таковой лексемы «подвиг» можно аргументировать тем, что во времена создания данных былин исследуемая лексема имела иной содержательный смысл, подразумевая духовный, религиозный подвиг. Для уточнения характеристик исследуемого концепта лексемы «выслуга наша богатырская», «служба да великая», «выслуга-то великая» были рассмотрены в контексте былинных текстов. В результате чего было установлено, что данные лексемы можно определить следующей развернутой ситуацией: «ратный подвиг, представляющий реакцию на неблагоприятную ситуацию освободительного характера, значимый как для объекта, так и для субъекта.

Образные характеристики концепта «подвиг» в русских былинах рассмотрены в виде следующего набора содержательных признаков: характеристика героев и врагов, обстоятельства совершения подвига - место, время, наличие помощников, ход поединка - применяемое оружие, нанесенные удары, кровопролитие, кульминация поединка. Образные характеристики концепта «подвиг» дополняют и расширяют содержание исследуемого концепта. В результате анализа этих содержательных признаков было установлено, что подвиг в былинах: 1) совершается богатырем, наделенным особой силой, 2) который, нарушая предсказания, запреты и наставления, 3) в открытую ведет битву с сильным противником, 4) посягающего на свободу народа, религии и

государства, 5) местом подвига чаще всего становится «чисто поле», 6) длительность поединка имеет стремительный характер, 7) при необходимости пользуется помощью своего боевого коня, иногда принимает помощь друзей и божественной силы, 8) проявляя благородство по отношению к противнику, находящемуся в неравном положении, 9) но с особой жестокостью расправляется с равным ему или ранее обманувшим.

Далее были проанализированы рассматриваются ценностные характеристики концепта «подвиг» в Русских былинах. Ценностные характеристики конкретизируют отношение к подвигу. Ценностные характеристики концепта «подвиг» в русских былинах были рассмотрены нами в виде прескриптивных и постскриптивных признаков, где прескриптивные признаки представлены мотивацией совершения подвига, а постскриптивные признаки эпических подвигов представлены в двух ипостасях: текстовые последствия и современные отражения. Согласно анализу текстовых мотиваций былинный подвиг совершается богатырями из: 1) альтруистических порывов, 2) защищать свою Родину, 3) религию, 4) на благо народа 5) чтобы завоевать уважение и славу, 5) отомстить противнику за обиды родной земли, 6) или из-за любви к риску и поиску приключений. Текстовые последствия подразумевают, что подвиги заканчиваются победой богатырей, которая: 1) приносит гибель противникам, 2) освобождает родную землю, 3) приносит богатырю славу и уважение, 4) поощряется материально и чинно, 5) и широко празднуется.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятийные и образные характеристики концепта «подвиг» в русских былинах совпадают с определением интразоны концепта «подвиг» в русской лингвокультуре.

Относительно проблемы отражения героических подвигов в современной русской культуре, стоит отметить, что имена былинных героев сформировалось как полноценный лингвокультурный концепт, в котором выделяют три уровня: уровень внеличностной концептуализации, самоконцептуализации, социальной концептуализации.

Следующим этапом исследования был анализ концепта «подвиг» в калмыцкой лингвокультуре. В калмыцком языке слово «подвиг» имеет соответствия «баатр йовдл» - дословно «поступок героя», «зöргтæ йовдл» - дословно «смелый, мужественный

поступок», «зöргмж» - подвиг. Так как в калмыцком толковом словаре нет отдельной сноски к данным лексемам мы сочли целесообразным рассмотреть каждую лексему, при помощи которых выражается рассматриваемый нами концепт, в отдельности, учитывая их синонимы, что в дальнейшем позволило нам самостоятельно дать определение к данным лексемам. Из проведенного анализа, мы составили следующие словарные статьи:

Баатр йовдл 1) подвиг 2) поступок богатыря, героя, 3) отважный, доблестный, героический поступок.

Зöргтæ йовдл 1) подвиг 2) смелый, отважный, храбрый поступок.

Таким образом, вышеприведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что все три единицы «баатр йовдл», «зöргтæ йовдл» и «зöргмж» можно правомерно использовать, что обозначения слова «подвиг» в калмыцком языке. Разницу в их использовании мы видим в следующем: 1) лексема «баатр» в единице «баатр йовдл» помогает нам понять, кем должен быть человек, совершающий этот поступок, а именно: он должен быть героем, 2) лексемы «зöргтæ» и «зöргмж» являясь однокоренными словами, указывают на качества, которыми должен обладать этот человек, а именно: храбрость, отвага, бесстрашие. Однако лексема «зöргмж» упоминается только в одном словаре, что говорит о неустойчивости употребления данной лексемы, следовательно, в дальнейшем анализе данная лексема может не найти своего подтверждения. Общим местом в этих единицах можно считать мотивы движения и стремления вперед, которые содержат в себе лексема «йовдл» в единицах «баатр йовдл», «зöргтæ йовдл». Мотив движения и стремления вперед содержит в себе и лексемы «зöргмж» и «зöргтæ йовдл», так как образованы от лексемы «зöрх», основное значение которой «стремиться к чему-либо, передвигаться навстречу друг другу». Мотив движения при определении подвига можно объяснить тем, что калмыки, будучи исторически кочевым народом, находились в постоянной необходимости передвижения в поисках новых пастбищ для своего скота. Если подвиг в русском языке связан в первую очередь с охраной родного края, то мы можем отметить, что, для калмыков подвиг – это не только защита своих земель, но и завоевание новых территорий для своего блага.

Для выявления особенностей образно-метафорических характеристик мы провели анализ художественной литературы в калмыцком языке и выявили следующие характеристики концепта «подвиг»: 1) подвиг воодушевляет; 2) о подвиге помнят; 3) за совершенный подвиг требуется награда; 4) подвиг – это самопожертвование; 5) подвиг совершают лишь храбрые и сильные; 6) подвиг приносит славу; 7) для подвига нужен подходящий момент.

В результате анализа художественной литературы на калмыцком языке, мы можем прийти к выводу о дифференциальном употреблении лексем обозначающих подвиг: «баатр йовдл» и «зöргтæ йовдл». Лексема «баатр йовдл» употребляется в калмыцких сказках, среди которых выделяют отдельный цикл - «баатр йовдла туульс» - «героические, богатырские сказки». Опираясь на выводы о словообразовании лексемы «баатр йовдл» как о поступке богатыря, можно сделать заключение, что «баатр йовдл» в качестве обозначения «подвига» начало использоваться ранее. Согласно анализу сочетание «баатр йовдл» несет в себе следующее определение: 1) смелый, решительный поступок, 2) который требует подходящего момента, 3) совершается с достоинством и блеском, 4) о нем распространяется слава, 4) широко отмечается всеми». Что касается лексемы «зöргтæ йовдл», то она встречается в военной литературе калмыцких писателей и несет в себе следующие качества: 1) подвиг совершается только храбрыми и сильными людьми, 2) готовыми пожертвовать жизнью ради Родины, 3) вдохновляя других на подвиги, 4) о подвиге будет долго помнить и разносить славу, 5) за совершенный подвиг полагается награда.

Общая модель образных характеристик подвига формируется как реакция храброго человека, действующего в подходящий момент в ответ на возникновение опасной ситуации для кого-либо или чего-либо, совершаемый поступок он выполняет бескорыстно, с достоинством и блеском, при необходимости он готов пожертвовать жизнью ради достижения цели. Впоследствии об этом подвиге распространяется слава, вдохновляя других на подвиг, широко отмечается всеми, а герой награждается.

Анализ ценностной составляющей изучаемого концепта мы провели на примере паремий. Согласно паремиологическому анализу подвиг можно вывести следующие характеристики цен-

ностных составляющих исследуемого концепта: подвиг должен совершаться смелым человеком, обладающего умом и смекалкой, он не должен испытывать страх, ему надо быть готовым к боли и смерти, с достоинством преодолевать препятствия. За совершенный подвиг следует похвалить.

Таким образом, содержательный минимум концепта «подвиг» в калмыцком языке представляет собой набор дефиниций, в котором выделено: 1) кто совершает: богатырь - сильный, смелый, выносливый человек, 2) какими качествами он обладает: стремление вперед, целенаправленность, ум, смекалка 3) как он совершает это действие: с достоинством и благородством, бескорыстно, с готовностью пожертвовать собою, 4) как к нему относятся: уважение, хвала, награда, память.

Понятийная составляющая концепта «подвиг» в калмыцком народном эпосе «Джангар» не представлена отдельной лексемой. В переводах калмыцкого эпоса лексема «подвиг» употребляется только в одном случае – в строке, где богатыри дают клятву: «жил насн хойран жидин үзүрт өлгий» - «жизни свои острию копья посвятим», в переводе некоторых исследователей звучит как «жизни свои ратным подвигам посвятим». Следовательно, чтобы понять, что собой подразумевает концепт «подвиг» в калмыцком героическом эпосе считаем необходимым полностью рассмотреть клятву богатырей, которую принято считать «моральным кодексом калмыцкого воина». На основе анализа вышеуказанного фрагмента было выявлено, что основной идеей эпоса является подвиг: 1) совершаемый богатырем в бою, 2) который действует на благо Родины и народа, 3) ничего не боится и готов отдать свою жизнь, 4) поступает всегда справедливо и честно. Таким образом, можно сделать вывод, что понятийная составляющая концепта «подвиг» в калмыцком эпосе совпадает с интразоной концепта подвиг в калмыцкой лингвокультуре.

Образные характеристики концепта «подвиг» в данном эпосе рассмотрены в виде следующего набора содержательных признаков: характеристика героев и врагов, обстоятельства совершения подвига, ход поединка и кульминация. В результате анализа данных составляющих было установлено, что «подвиг»: 1) совершается богатырем основная характеристика выражена в обладании ими 99 достоинств-доблестей – «йирсн йисн эрдэм төгсегсен», которые включают в себя чудесное рождение, ранние

подвиги, необыкновенную титаническую силу, ловкость, выносливость, бесстрашие, храбрость, гордость, верность, высокую нравственную чистоту, магическую неуязвимость, магическое воздействие на природу, стихию, расстояние и время и т.д.) богатырям противостоят враги равные ему по силе, или же превосходящие в силе и в количестве. 3) являющиеся на пир с ультиматумом, о подчинении страны, выдачи жены Джангара, лучших богатырей и коней. 4) Отправляясь на совершение подвига, богатырь соблюдает ряд ритуалов, открывающих ему удачу в пути, также он четко следует пророчеству; 5) Местом совершения подвига часто становится вражеский стан; 6) Длительность поединка как и количество врагов согласно закономерностям числовой символики в калмыцком языке с числа 1 «негн» и заканчивается самым верхним пределом – числом 100 миллионов «дуншур». 7) При совершении богатырем подвига, ему помогает его верный конь, но вмешательство другого богатыря не допустимо, так как это может обесценить весь смысл подвига. Магическая сила, которой обладают богатыри, используется не в бою, а после боя: для заживления ран и оживления мертвых. 8) В ходе боя богатырями используется большое разнообразие оружия: от архаичных до огнестрельных, что могло сопровождаться большим кровопролитием, 9) богатырь всегда проявляет благородство по отношению к противникам человеческого происхождения, но жестоко расправляется с мифическими существами, 10) Кульминационный момент наступает при ранении врага в уязвимое место, или с прибытием хана Джангара на место боя. Из вышеизложенного следует, что понятийные и образные характеристики концепта «подвиг» представляют собой ратный подвиг, совершенный богатырем, с доблестью, честью, открыто, не страшась отдать свою жизнь.

Особенный интерес представляет эстетика подвига, которая в калмыцком эпосе тесно переплетена с героизмом. Отправляясь на подвиг, богатырь с особой тщательностью подготавливает свои доспехи, еще более детальное внимание привлекается к красоте, силе и скорости коня. Важно не только просто победить противника, но сделать это грациозно и изящно. Поиск славы героями. Стоит также отметить, что в «Джангаре» богатыри не ищут великой славы среди народа, она и так им уже присуща, но они бегут её, боясь заполучить «худую славу»- «му нерн авх». Это

связано с тем, что на наш взгляд в «Джангаре» хорошо отражён вопрос о ранних религиозных верованиях калмыков - зарождение буддийского культа. Столь холодное отношение героев к вероятной близкой гибели можно объяснить тем, что согласно буддизму умирает лишь физическое тело человека, а душа его перерождается уже с наработанной кармой и то, что он оставил незавершённым в одной жизни, он будет стремиться выполнить в другой. Страх заполучить «худую славу» также мотивирован религией, из-за возможной её предстоящей передачи в последующем перерождении.

Последствия эпических подвигов можно представить в двух ипостасях: текстовые последствия и современные отражения. Под текстовыми последствиями подразумевается следующий набор признаков: 1) эпические подвиги всего заканчиваются победой богатырей, которая: расширяет владения Бумбы, приумножает её богатство и славу, приносит освобождение поработанному народу противник, 2) противнику даруют помилование, оставляя клеймо у него на щеке, а поработанный противником народ приобретает свободу, 3) после этого богатырями устраивается пир в честь празднования победы, широта и длительность пира знаменует важность и значимость совершенного подвига. Чем труднее достается победа в бою, тем пышнее он отмечается. Празднование пира в эпосе – символ начала долгой и счастливой жизни для всей страны и ее народа.

Современные отражения концепта «подвиг» выражены, прежде всего, в концептуализации имен на уровне внеличностной концептуализации, самоконцептуализации, социальной концептуализации, несмотря на то, что долгое время эпические имена оставались именами-табу в калмыцкой культуре из-за священного отношения к эпосу. Переломным моментом для начала пополнения калмыцкого именника героическими именами эпических богатырей стала ссылка в Сибирь, где, с одной стороны требовалась, постоянная апелляция к героическому тексту, с другой стороны, растворялись традиционные поверья.

Следующим этапом исследования был анализ концепта «подвиг» в английской лингвокультуре в целом и в героическом эпосе «Беовульф». Слово «подвиг» в английском языке согласно русско-английскому словарю А.И.Смирницкого имеет несколько эквивалентов: «exploit», «heroic deed», «feat». Рассмотрев этимоло-

логию лексем, представляющих лексему «подвиг» в английском языке мы приходим к выводам, что под подвигом первоначально подразумевалась идея выдающегося поступка, совершаемого сильным, смелым, благородным человеком напоказ для достижения своих целей или ради чьей-либо защиты. В следующем этапе был проведен анализ словарных дефиниций, которые дают нам представить интразону слова подвиг в виде следующего набора признаков: 1) смелый, выделяющийся поступок, 2) заслуживающий внимания, 3) совершаемый напоказ, 4) приводящий публику в волнение или развлекающий, 5) подразумевает благородное исполнение. Моделирование семантики подвига основывается на выделении признаков «неблагоприятные обстоятельства» и «отношение субъекта к этим обстоятельствам». Такое отношение выражено как волеизъявление свершения поступка, который должен быть исполнен с особой благородной манерой поведения, на публику.

Образно-метафорические характеристики исследуемого концепта, выявленные путем анализа художественной литературы, показывают, что в английском языке сочетаемость концепта подвиг проявляется в следующих признаках: 1) Подвиг прославляют; 2) Подвиг одного вдохновляет других; 3) В память о подвиге возводится памятник; 4) Подвиг - достижение цели, подразумевающей преодоление препятствий; 5). Подвиг может совершить каждый; 6). Частотность подвига вызывает недоверие; 7). Подвиг может внушать ужас; 8) Рассказы о подвигах могут угнетать; 9). Подвиг - это приключения; 10). Подвиг получает одобрение; 11) Прошлые подвиги смягчают наказание; 12). Подвиги завоевывают сердце дамы:

Анализ ценностных характеристик исследуемого концепта мы провели, учитывая ассоциативный ряд концепта «подвиг», включающего лексемы *bold, brave, hero, deed, action, courage, valor*. В результате анализа можно делать следующие типы ценностных суждений: 1) поступки следует противопоставлять словам; 2) подвиги должны сопровождаться славой; 3) Храбрость должна щедро вознаграждаться; 4) за один подвиг следует простить тысячу проступков; 5) смелые должны заслуживать самое лучшее; 6) смелым должна сопутствовать удача; 7) Смелого человека следует бояться даже безоружного; 8) Смелому нельзя отступать; 10)

Подвиг должен быть зрелищным; 11) следует уметь проигрывать.

Понятийная составляющая концепта подвиг в эпосе «Беовульф» представлена лексемой “deed” со следующим набором синонимического ряда: brave deed, battle deed, daring deed, mighty deed, lauded deeds, doughty deeds, deeds of valor, valiant deed, acts of prowess. Анализ примеров контекстного употребления этих сочетаний предлагает ассоциативный ряд понятийный характеристик к лексеме «подвиг» в поэме. Подвиг – это поступок: а) смелого, храброго, дерзкого, отважного человека, б) совершаемый в битве, с) и хвалебный.

Образные характеристики концепта, выявленные путем анализа таких признаков, как характеристика героев и врагов, обстоятельства совершения подвига, его ход и кульминация показывают следующее. 1. Подвиг подразумевает благородное происхождение героя, обладающего качествами идеального воина и идеального правителя. 2. Подвиг представлен как вызов судьбе. 3. Подвиги героев направлены против мифологических существ, угрожающих жизни племенного народа. 4. Противники героя и место их обитания, куда героям приходится добираться, ассоциируются с преисподней и её обитателями, что доказывает их жестокость и обладание магическими свойствами. 5. Необходимость в помощи, наличие и использование снаряжения допустимо и зависит от степени опасности. 6. Подвиг должен быть выполнен с особой эстетикой, по возможности «без меча и оружия». 7. Противник должен быть убит любой ценой.

Следовательно, что понятийные и образные характеристики исследуемого концепта в эпосе «Беовульф» показывают, что подвиг реализуется в эпосе в интразоне исследуемого концепта, реализуемого в понятии «героического поступка, исполняемого с доблестью и честью».

Мотивацией подвига могли быть: альтруистические порывы героев, верность народу и правителю, поиск приключений, слава, месть и эстетика. Среди перечисленных мотиваций особенной стороной необходимо отметить славу и эстетику. В «Беовульфе» мотивация славы выражена в стремлении героя к «вековечной славе» своего имени, которое можно объяснить тем, что англосаксы во времена зарождения данного эпоса не верили в жизнь после смерти. Для них единственным способом продлить свою

жизнь было - оставить о себе память в устах других людей. Этого можно было достичь, совершив благородный поступок полный мужества и смелости. Эстетика подвига проявляется в том, что для героя важным было не только исполнить свой военный долг, но и уметь красиво рассказать о его выполнении, продемонстрировать доказательства победы и награду

Последствия эпических подвигов можно представить в двух ипостасях: текстовые последствия и современные отражения. Текстовые последствия включают в себя следующий набор признаков: 1) Смерть противника. Данный факт можно объяснить тем, что враги в английском эпосе по своей сути мифологические существа, поэтому проявление жалости со стороны героя не находит своего отражения, 2) Слава героя, совершившего подвиг в битве. В эпосе отмечены её следующие признаки: а) долговечность, б) широта распространения, 3) Награда выражается герою с помощью драгоценных даров, оружия, вручения победного знамени или породистых лошадей, в дальнейшем сопровождаемая пиром, 4) Смерть героя.

Подведем основные итоги.

1. Интегративные понятийные характеристики концепта «подвиг» в русской, калмыцкой и английской лингвокультурах сводятся к следующим признакам: а) неблагоприятные обстоятельства, б) активная реакция на преодоление неблагоприятных обстоятельств, в) важные для общества последствия. Эти признаки совпадают в сравниваемых лингвокультурах и представляют собой общечеловеческую типовую реакцию на неблагоприятные обстоятельства. Специфические этнокультурные понятийные признаки данного концепта таковы: для русского сознания важным является жертвенность подвига, для калмыцкого – исключительная храбрость и бесстрашие, для английского – мужество и благородство.

2. Образные характеристики концепта «подвиг» в русских былинах, калмыцком героическом эпосе «Джангар» и английском эпосе «Беовульф» включают описания обстоятельств сражения (противник, превосходящий по силе или количеству, имеющий магическую защиту; готовность героя пойти на смерть; место подвига – чистое поле, вражеский стан; большое кровопролитие; длительность поединка). Важнейшие отличия образного содержания подвига в сравниваемых лингвокультурах таковы: у рус-

ских богатырей могут быть помощники и соратники, калмыцкий богатырь *баатыр* совершает подвиг в одиночестве, английский герой бросает вызов врагу; в русском и калмыцком эпосе акцентируется большое пространство, которое должен преодолеть герой перед подвигом, а также значима числовая символика обстоятельств; для английского эпоса «Беовульф» значима нечеловеческая сущность врагов.

3. Ценностные характеристики концепта «подвиг» в сравниваемых лингвокультурах совпадают в плане мотивации подвига и его последствий. Для русского сознания приоритетна этическая сторона подвига, для английского – эстетическая, для калмыцкого – и этическая, и эстетическая. В русском эпосе акцентируется жестокость врагов и жестокость расправы над ними, в калмыцком – благородство по отношению к противнику, в английском – демонстрация результатов победы. В современном массовом сознании появилось новое ценностное осмысление подвига как личного достижения героя – подвига как спортивно-зрелищного события.

Литература

Дорджиева Д.В. Мотивация концепта «подвиг» в калмыцкой и английской лингвокультурах на материале эпосов «Джангар» и «Беовульф» // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: Материалы постоянно действующего семинара. 23-25 апреля 2008 года. / Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 89—95.

Дорджиева Д. В. Понятийная составляющая концепта «подвиг» в русской, калмыцкой и английской лингвокультурах // Труды по когнитивной лингвистике: сб. научных статей, посвященный 30-летию юбилею кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета. Серия «Концептуальные исследования». Вып.10. — Кемерово: КемГУ, 2008. — С. 170—174.

Дорджиева Д. В. Современное концептуальное отражение героических подвигов эпоса «Джангар» в калмыцкой антропонимике // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики. Том 2. Актуальные проблемы лингвистики. Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 октября 2008. — Волгоград, 2007. — С. 70—77.

Дорджиева Д.В. Образная сторона концепта «подвиг» в английской, русской и калмыцкой лингвокультурах // Изменяющаяся Россия: Славянский мир: Новое в концептуальных исследованиях: сборник статей.

Серия «Концептуальные исследования». Вып.11.— Севастополь: Риб-эст, 2009. С. 475—480.

Дорджиева Д. В. Подвиг // Русские и калмыцкие лингвокультурные концепты. — Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. — С. 133—139.

С.С. Тронько (Иркутск) **СМЕРТЬ**

Феномен смерти играет важную роль в культуре многих народов, этому явлению посвящены исследования многих наук (философия, медицина, религия, этика). Смерть подобно другим современным экзистенциальным феноменам нельзя увидеть и пережить так, как натуральные объекты, имеющие определенные характеристики. Культура каждого народа предлагает различные точки зрения на это явление, формирует определенное отношение к нему, рисует свойственный менталитету данного народа образ смерти и ищет собственные пути преодоления страха смерти.

Объектом настоящего исследования является концепт TOD в немецкой языковой картине мира и его актуализация в военной прозе. Предмет исследования составляют языковые репрезентанты немецкоязычного концепта TOD и особенности их реализации в военном повествовании.

Цель работы заключается в выявлении актуализаторов концепта TOD в системе немецкого языка и в изучении особенностей его реализации в военной прозе.

Материалом исследования послужили примеры из лексикографических источников и текстов 11 художественных произведений немецкой литературы, повествующих о первой и второй мировых войнах. Картотека, используемая в работе, насчитывает 767 актуализаторов концепта в языке, а также 2068 примеров их употреблений в военной прозе.

Концепт TOD вербализуется в немецком языке различными номинативными техниками (767 единиц): лексическими, фразеологическими и паремиологическими средствами. Лексемы, представленные первичными и вторичными номинациями, играют первостепенную роль в описании концепта. Однако наиболее глубоко он рефлексивируется носителями языка во фразеологизмах и паремиях, поскольку они насыщены оценочностью и образно-

стью и, следовательно, обладают большей лингвopsихологической фасцинацией.

Источником интерпретации концепта TOD являются словарные значения лексемы *der Tod* как ключевого слова концепта. Этимологические и толковые словари немецкого языка (*Herkunftsworterbuch der deutschen Sprache*, Словарь немецкого языка *Wahrig*, Большой словарь *Langenscheidt* и др.) представляют следующие лексико-семантические варианты лексемы *der Tod*: 1. прекращение жизнедеятельности организма; конец жизни; угасание; 2. прекращение существования человека, животного; 3. (поэтич., высок.) живое существо, олицетворяющее смерть; 4. смертная казнь; 5. (перен.) провал дела, прекращение какой-либо деятельности; 6. моровая язва, чума; 7. эмоциональное усиление: очень, чрезвычайно, в высшей степени; 8. (разг.) опасность, беда; 9. состояние отжившего. Анализ указанных вариантов, а также привлечение данных медицинского и философского словарей позволяют выделить минимальное содержательное ядро концепта TOD: прекращение жизнедеятельности организма, переход из состояния бытия в состояние небытия.

На лексическом уровне (412 единиц) концепт TOD представлен группой первичных номинаций: *der Tod, sterben, der Tote, tot, todlich, versterben, ableben, aussterben, der Mord, ermorden, der Morder, der Friedhof, das Grab, der Sarg, begraben* и т.д. Стремление к «экономии» языковых средств и «завуалированию» негативных явлений привело к появлению вторичных номинаций: *das Ende, das Hinscheiden, der Heimgang, der Hintritt, der Hingang, entschlafen, abfahren, hinfahren, ausatmen, erbleichen, entschlummern, abkratzen, erblassen* и т.д.

Важную роль в объективации исследуемого концепта играют также сверхсловные номинанты (355) - фразеологизмы, пословицы и поговорки, которые наиболее рельефно демонстрируют самобытность и оригинальность языкового мышления того или иного лингвокультурного сообщества. Такие фразеологические образования, как *Gott hat ihn zu sich abberufen, der Teufel hat seine Seele bekommen, zu Jesus kommen, seinen Frieden mit Gott machen, bei Petrus anklopfen, den letzten Weg gehen, mit Tode abgehen, von der Buhne des Lebens abtreten* и другие, истолковываются как обычные языковые метафоры, эвфемистические замены, вызванные табуированием прямых обозначений смерти и умирания, од-

нако сам характер подобных номинаций подчеркивает прямую связь с культурой, верованиями народа и содержит оценку фрагмента объективируемого в языке мира.

Лексикографический анализ языковых средств, вербализующих концепт TOD, позволяет говорить о номинативной плотности концепта, что, в свою очередь, свидетельствует о значимости этого концепта в немецкоязычной картине мира.

При построении лексико-фразеологического поля концепта TOD выбран компонентный анализ семем каждой единицы поля. В результате анализа были выявлены следующие семы:

1. процессуальные семы, отражающие следующие признаки: «состояние» - 162 (*die Agonie, sterben, im Verscheiden liegen, im Sterben Hegen*); «физические действия» - 92 (прежде всего глаголы, каузирующие насильственную смерть: *toten, erwtirgen, erstechen, totprugeln*);

2. субстанциональные семы, отражающие следующие признаки:

а) функциональные:

- объект: «объект смерти» - 208, данная сема является интегральной в лексемах: *der Tote, der Verstorbene, der Gefallene, der Sterbende* и дифференциальной в лексемах: *der Leichnam, die Leiche, das Gebein* (книж.) (тело умершего); *die Witwe* (жена умершего); *die Totenmesse, die Bestattungsfeier, die Gedenkfeier* (просьба об упокоении для умершего); «объект действия» - 9, данная сема интегральна в лексемах: *der Getotete, der Ermordete, der Erschlagene* и дифференциальна в лексемах: *der Gefallene* (на войне), *der Erschlachtete* (убитое животное);

- «субъект действия» - 44, *der Totschlager, der Totengrdber, der Prosektor, der Morder, der Bestatter*;

- «место» - 24, (*das Leichenhaus* - место для хранения трупа, морг; *der Sarg* - место, куда кладут тело; *das Grab* - место захоронения; *das Paradies, die Holle* - место, где может пребывать душа умерших);

- «время» (относительно момента смерти), здесь выделяется сема «предсмертный» - 33, например, *die Agonie* (предсмертное состояние организма), *in den letzten Zugen liegen* (разг.), *mit einem Bein im Grabe stehen* (находиться при смерти); сема «после смерти» - 102, например, *die Witwe* (женщина, не вступившая в новый брак после смерти мужа), *im Grabe ruhen* (пребывание после

смерти); сема «момент смерти» - 5, (*die Sterbeminute, die Sterbestunde*);

- «способ действия» - 61, (можно эксплицировать с помощью придаточного предложения: *sterben, wenn man Hunger hat - verhungern*; предложно-падежного сочетания «*bei, in, an, mit, durch* + *sterben, toten: durch Versinken im Wasser sterben - ertrinken*);

- «инструмент, средство» - 41, (убить колющим, заостренным орудием - *erstechen, erdolchen*; казнить на виселице - *erhängen*; лишить головы - *kopfen, enthaupten*);

- «цель» - 41, (лишение жизни с целью наказания - *hinrichten*; ритуальное убийство - *die Menschenopfer*; с целью избавления от страданий - *die Euthanasie, der Gnadentod*). Сюда относится также лексика, маркированная признаком «ритуальные действия», выполняемые с целью соблюдения ритуальных обрядов – 6 (*begraben, beerdigen, die Gedenkfeier*);

- «причина гибели» - 109, например, *ermorden, kopfen, erhängen, erschlagen, ertrinken*.

б) квалификативные:

- «тело, часть тела» - 43, например, *der Leichnam, die Leiche, das Totengerippe, der Totenkopf die Totenmaske*;

- сема, указывающая на возраст участников ситуации - 15, например, *die Todgeburt, totgeboren, die Waise, das Waisenkind*;

- «животное» -39, например, *erschlachtet, das Aas, der Kadaver, entzuckt sein, modern*;

- «родственник» - 27, например, *der Vatermord, der Frauenmorder, die Waise, die Witwe, ihm ist der Vater gestorben*,

в) квантитативные - 11, могут быть представлены в словарях со значением «количество», «массовый», «много, множество», например, *der Massenmord, der Sterbet (швейц.), das Massensterben, die Sterbeziffer, sterben wie die Fliegen*.

Значения лексических единиц поля TOD могут включать также следующие семы:

- ментальная сфера «память» - 11, например, *die Totenfeier, die Totenehrung, gedenken*; «религиозные представления» - 19, например, *das Paradies, die Holle, im Himmel sein, bei Petrus an-klopfen*;

- «сфера речевой деятельности» - 19, например, *der Nekrolog, die Trauerrede, die Sterbesakramente, die Bestattungsfeier*;

- сфера эмоций «скорбь» - 7, например, *die Tragödie, die Trauer, der Verlust, wehklagen, das Requiem*;
- «движение, перемещение» - 9, например, *der Leichenwagen, in die letzte Reise begleiten*;
- «символы, атрибуты» - 10, *das Sterbebett, die Sterbekerze, der Sterbeablaß, die Trauerkleidung*;
- «расходы» - 9, (*die Bestattungskosten, das Sterbegeld, die Sterbekasse*). 3. аксиологические семы:
- отделение души от тела - 5 (*J-s Geist ging in Gott auf seine Seele aushauchen, seinen Geist aufgeben*);
- путь, «уход», переход в другую стихию - 33 (*urns Leben kommen, den letzten Weg gehen, mit Tode abgehen, von der Bühne des Lebens abtreten*);
- конец жизни, исчерпанность доли, отпущенного человеку срока 7 (*J-d wurde von seinen Leiden erlost* (эвф.), *jmds Tage sind gezahlt, jmds Zeit ist gekommen, jmds letztes Stundlein hat geschlagen, jmds Uhr ist abgelaufen*);
- сон, покой - 17 (*die ewige Ruhe finden* (высок.,эвф.), *Der Schlaf ist das Bild des Todes*);
- живое существо (мужчина) - 27 (*der Sensenmann, der Knochenmann, Freund Hein*), здесь можно отметить признаки: существование во времени - 5 (*Der Tod ist gewiss, doch ungewiss die Stunde; Der Tod halt keinen Kalender*); движение - 4 (*Der Tod kommt stets zu ungelegener Zeit; Der Tod kommt ungeladen*); поддержание существования, питание - 1 (*Der Tod macht alles gleich, er frisst arm und reich*); ментальные действия - 2 (*Der Tod hat noch keinen verges sen*);
- непобедимая, уравнивающая, разрушающая сила - 12 (*Gegen den Tod ist kein Kraut gewachsen; Der Tod lauert überall, er kommt zu Fest und Ball; Im Sterben sind wir alle Meister und alle Lehrjungen*).

С учетом данных компонентного анализа ЛФП концепта TOD в языке имеет следующую структуру. Ядро поля представлено лексемами *der Tod, sterben, der Tote, tot*.

Лексика ядра имеет большой ряд нейтральных и стилистически маркированных синонимов. Нейтральные единицы совпадают по своему значению с лексикой ядра и принадлежат к *около-ядерной зоне* поля. Так, лексема *der Tod* обнаруживает в словарях 4 нейтральных синонима: *Ableben, Ende, Lebensende, Sterben*.

Глагол *sterben* представлен 3 синонимами: *ableben*, *versterben*, *eingehen*. Лексема *der Tote* имеет 1 нейтральный синоним *der Verstorbene*.

Зона ближней периферии представлена в зависимости от наличия в значении единицы семы 'причины смерти' субполями «Естественная смерть» и «Неестественная смерть». Субполе «Естественная смерть» образовано по семе "отсутствие внешних причин смерти" микрополями «Умирание», «Предсмертное состояние», «Подготовка к смерти» и «Обстоятельства перед смертью».

Микрополе «Умирание» включает в себя ряд стилистических синонимов (134 единицы) ядерных лексем поля: (*высок.*) *hinscheiden*, *dahingehen*, *seine Tage beschließen*; (*разг.*) *sich davon machen*, *dran glauben müssen*, *sein Sterbchen machen*; (*поэт.*) *davongehen*, *erblassen*, *die Welt verlassen*; (*зруб.*) *drauf gehen*, *krepieren*, *abfahren*, *abkratzen* и т. д. Наличие дифференциальных сем "темпоральный" и "локальный" дает основание для выделения в данном микрополе групп «Время смерти» (5 единиц): *das Sterbedatum*, *der Sterbetag*, *die Sterbestunde* и «Место смерти» (6 единиц): *das Sterbezimmer*, *das Sterbelager*, *das Sterbebett*. Микрополя «Обстоятельства перед смертью» (*die Sterbesakramente*, *die Todesfurcht*, *das Todeszeichen*) и «Подготовка к смерти» (*sein Testament machen*) представлены 21 и 11 единицами соответственно. Дифференциальными семами для единиц, образующих микрополе «Предсмертное состояние» (22 единицы), являются сема "физиологическое состояние" и темпоральная сема 'предсмертный': *der Todeskandidat*, *der Anwärter des Todes*, *im Sterben liegen*, *es geht mit jm zu Ende*.

Выделение субполя «Неестественная смерть» возможно на основании присутствия в ряде языковых единиц компонента "наличие внешних причин смерти". Наличие сем 'насилие', "убить" позволяет выделить здесь микрополе «Насильственная смерть», где различаются группы «Убийство» (104 единицы): *toten*, *ermorden*, *urns Leben bringen*, *umbringen*, *j-m den Garaus machen*, при совпадении субъекта и объекта убийства «Самоубийство» (18 единиц): *Selbstmord begehen*, *sich das Leben nehmen*, *sich erschießen*. Отсутствие в семном составе языковых единиц каузирующего компонента "насилие" дает основание для выделения микрополя «Смерть при особых обстоятельствах»: группы «Ги-

бель на войне» (18 единиц): *im Krieg bleibenjm Kampfe fallen, sich von der Verpflegung abmelden*, «Смерть в результате несчастного случая» (53 единицы): *ertrinken, sein Grab in den Wellen finden, der Weifitod, sich den Hals brechen*.

При наличии компонентов 'статический' можно выделить субполе «Пребывание в состоянии смерти» (47 единиц): *im Grabe ruhen, es nicht mehr lange tun*, в котором выделяется группа «Загробное существование» (14 единиц): *im Himmel sein*.

Лексема *der Tote* включает группы «Тело умершего» (44 единицы): *toter Korper, der Leichnam, eine Leiche verbrennen* и «Родственники умершего» (9 единиц): *eine Witwe werden, , eine Waise sein*.

В зоне ближней периферии находятся также единицы, образующие субполе «Посмертные обряды» с его микрополями «Похоронные обряды» (61 единица): *beerdigen, die Totenmesse, die Trauerfeier, j-n zur letzten Ruhe betten* и «Поминальные обряды» (20 единиц): *gedenken, die Gedenkfeier, der Leichenschmaus (пазг)*.

Зону *дальней периферии* образуют фразеологические единицы с эмоционально-оценочными коннотациями (71 единица). Здесь были выделены следующие субполя: «Смерть как разлучение души с телом» (*j-s Geist ging in Gott auf, seine Seele aushauchen, seinen Geist aufgeben, Gott hat seine Seele abberufen, der Teufel hat seine Seele bekommen*) (9 единиц), «Смерть как путь, переход в другую стихию» (*zu Jesus kommen, den letzten Weg gehen, mit Tode abgehen, in den Himmel gehen (высок.), seinen Frieden mit Gott machen, bei Petrus anklopfen (пазг), seine letzte Reise antreten, den Weg alles Irdischen gehen, den Weg alles Fleisches gehen (высок.)*) (42 единицы), «Смерть как вечный покой» (*zum ewigen Frieden eingehen (высок,эвф.), die ewige Ruhe finden (высок.,эвф.), in Frieden hinubergehen (эвф.), ins ewige Leben eingehen (высок.,эвф.)*) (9 единиц) и «Смерть как конец жизни, отпущенного человеку срока» (*j-d wurde von seinen Leiden erlost (эвф.), jmds Tage sind gezahlt, jmds Zeit ist gekommen, jmds letztes Stundlein hat geschlagen, jmds Uhr ist abgelaufen*) (11 единиц).

Здесь представляется возможным выделение также статических и динамических моделей смерти. Например, *sich in die Erde legen (высок.), fur immer davongehen (высок., эвф.), in Frieden hinubergehen (высок.), zu Staub werden (высок.)* описывают динамику процесса смерти; *unter der Erde liegen (пазг.), sich den Rasen*

von unten ansehen (разг.) содержат в себе представление о смерти как о пребывании в определенном состоянии, нахождении в каком-либо месте.

Зона *крайней периферии* представлена деривационными номинантами, содержащими компоненты: *tot-*, *sterbens-*, *tod-*, *Tod-*, *Toten-*, а также устойчивыми сочетаниями, содержащими существительное *Tod*. По характеру значения данные образования (40 единиц) позволяют выявить такой когнитивный слой концепта TOD как «сильная сущность». Например, *zu Tode betrübt* (глубоко опечаленный), *j-n auf den Tod nicht leiden/stehen können* (не терпеть, не любить кого-либо), *sich zu Tode schämen* (умереть от стыда), *die Todfeindschaft* (смертельная вражда), *die Totenstille* (мертвая тишина), *sterbensunglücklich* (очень несчастный), *sich totärgern* (ужасно сердиться), *todernst* (архисерьезный). Большинство единиц этой группы имеет стилистическую помету «разг.».

Интерпретационное поле концепта TOD образуется пословицами и поговорками (61 единица), содержащими оценки и трактовки, мнения и суждения, выстраиваемые на базе концепта, которые имеют хождение в обществе немецких культурноносителей. Здесь возможно выделение субполей: «Смерть - живое существо» (*Der Tod kommt stets zu ungelegener Zeit; Der Tod kommt ungeladen; Der Tod macht alles gleich, er frisst arm und reich; Der Tod hat noch keinen vergessen*), «Смерть - безжалостная сила» (*Der Tod ist keiner Münze fell; Gegen den Tod ist kein Kraut gewachsen; Der Tod lauert überall, er kommt zu Fest und Ball; Im Sterben sind wir alle Meister und alle Lehrjungen*), «Смерть - вечный сон» (*Der Schlaf ist das Bild des Todes*), «Нравственно-этическая оценка смерти» (*wie gelebt, so gestorben; Was der Mensch ist wird offenbar, wenn es ans Sterben geht; Zum Leben zu wenig, zum Sterben zu viel; Umsonst ist nur der Tod; Nicht gestorben, nur vorausgegangen; Geniesse das Leben beständig, du bist länger tot als lebendig*).

В целом, анализ репрезентантов концепта TOD в немецкоязычной картине мира выявил, что данный концепт является многослойным образованием, в котором отражаются научные, обыденные и религиозные знания, а также суеверия.

Исследование концепта TOD не могло быть полным без погружения его в ситуацию реальной действительности, где он функционирует как один из ключевых. Этим объясняется из-

бранный для анализа тип повествования - произведения военной тематики. Именно в ситуации войны человек повсюду сталкивается со смертью и вступает в конфронтацию с ней, вырабатывает свои механизмы противодействия ей, не свойственные человеку, живущему в мирном обществе.

Концепт TOD вербализуется в исследуемых произведениях военной тематики общим объемом 4388 страниц 142 лексическими единицами и 111 сверхсловными образованиями в 2068 употреблениях, что свидетельствует о клишированности средств, используемых для именованя явления смерти в ситуации войны. АСП концепта TOD в военном повествовании представлено, прежде всего, первичными номинациями (*der Tod, sterben, toten, der Tote, ermorden, begraben* и т.д.), в отличие от присутствия большого количества вторичных номинаций в ЛФП. Это позволяет сделать вывод об отсутствии стремления к эвфемизации при именовании смерти на войне.

Ядро концепта представлено лексемами *der Tod, sterben, der Tote, tot*. *Околоядерная зона* образована синонимами лексем ядра: *das Ende, das Sterben, ableben, versterben, aussterben, verstorben* и др. (6 лексем и 4 сверхсловных образования). Лексика ядра и околоядерной зоны употреблена в 1061 контекстном окружении. При этом лексема *der Tod* и ее синонимы встречаются в 643 употреблениях, *sterben* и синонимы - в 171, *der Tote* и синонимы - в 172, а синонимичное им атрибутивное сочетание *tot + сущ.* и его синонимы - в 75 употреблениях.

Зона ближней периферии представлена (при наличии в единицах указания на причины смерти) субполями «Естественная смерть» и «Неестественная смерть». Субполе «Естественная смерть» образовано по семе 'отсутствие внешних причин смерти'. В нем можно выделить в зависимости от сем 'время' и 'физическое состояние' микрополя «Подготовка к смерти» (4 лексемы и 3 сверхсловных обозначения в 10 употреблениях), «Предсмертное состояние» (12 лексем и 15 сверхсловных образований в 62 употреблениях) и «Смерть как результат» (12 лексем и 13 сверхсловных образований в 51 употреблении). Наличие сем 'время' и 'место' позволяет дифференцировать в последнем микрополе группы «Время смерти» и «Место смерти». Субполе «Неестественная смерть» выделяется по семе 'наличие внешних причин смерти'. Присутствие в единицах компонента 'насилие' способствует вы-

делению в нем микрополя «Насильственная смерть», которое образовано при различии субъекта и объекта действия группой «Убийство» (30 лексем и 26 сверхсловных образований в 318 употреблениях) и при совпадении в одном лице субъекта и объекта группой «Самоубийство» (9 лексем и 7 сверхсловных образований в 34 употреблениях). Отсутствие в единицах компонента 'насилие' позволяет говорить о микрополе «Смерть при особых обстоятельствах» (7 лексем и 8 сверхсловных образований в 48 употреблениях). Наличие у репрезентантов компонентов 'физическое состояние' и 'статический' позволяет образовать субполе «Пребывание в состоянии смерти» (4 лексем и 22 сверхсловных образований в 206 употреблениях), в котором выделяется группа «Загробное существование». Языковые единицы, содержащие в своем толковании семы 'после смерти' и 'обряд', формируют субполе «Посмертные обряды» (25 лексем и 6 сверхсловных образований в 91 употреблении). Оно включает в себя микрополя «Похоронные обряды» и «Почитание умершего». К ядерной лексеме *der Tote* примыкают в зоне ближней периферии группы «Тело умершего» (6 лексем и 2 сверхсловных образования в 96 употреблениях) и «Родственники умершего» (4 лексем в 12 употреблениях). В группе «Тело умершего» выделяется микрогруппа «Части тела».

В зоне *крайней периферии* находятся единицы, содержащие сему 'высшая степень проявления чего-либо' (18 лексем и 9 сверхсловных образований в 79 употреблениях).

Интерпретационное поле концепта создают единицы, которые не содержат сем, имеющих отношение к имени поля, но которые благодаря контекстному сближению ассоциативно, образно и символически связаны с актуализаторами общезыкового поля [Попова, Стернин, 2002]. Изучение контекстов употребления единиц поля TOD в военных произведениях позволяет установить, что смысловое пространство вербализаторов исследуемого концепта задается также такими смысловыми доминантами указанных текстов как жизнь, война, страх, нужда, спасение, свобода, долг и т.д. (426 употреблений).

Таким образом, анализ репрезентантов концепта TOD в исследуемых текстах позволяет говорить о количественных и качественных расхождениях между набором средств, существующих в языке (767 единиц), и средств, употребляемых в художествен-

ной речи (253 единицы). Однако количество употреблений единиц, обнаруженных в военных произведениях (2068 употреблений при общем объеме текстов 4388 страниц), свидетельствует о значимости концепта и необходимости анализа синтагматических реализаций вербализаторов поля, актуализирующих смыслы концепта и формирующих его ассоциативно-семантическое поле.

Ключевая лексема *der Tod* и лексема *das Sterben* часто рассматриваются как синонимы. Однако, по мнению Моники Шварц-Фризель, смерть (*der Tod*), интерпретируемая как момент перехода, как момент вступления в состояние небытия, является собой умирание (*das Sterben*). Таким образом, умирание (*das Sterben*) - это процесс перехода из состояния «живой» в состояние «неживой», временно ограниченный процесс, а смерть (*der Tod*) - это и процесс, и неограниченное во времени состояние. [Schwarz-Friesel, 2007, S. 252-253]. Г. Гофе также подчеркивает разграничение процесса умирания и самой смерти: *...da haben wir viele Lieder von Sterben und Tod gesungen...* (Hofe. *Roter Schnee*, S. 394). Данные лексем рассматриваются как синонимы, поскольку объединены единым инвариантным значением.

Синтагматические реализации лексем ядра и околядерной зоны позволяют конкретизировать объект смерти, ее характеристики, оценки и следствия. Объект смерти эксплицируется атрибутивными словосочетаниями с лексемой *der Tod* (*der Tod des Bruders, ihrer Liebsten, ungezahlter Kameraden, Lenins Tod*), предикатными структурами *сущ. + sterben* (*ableben, abkratzen, versterben, foepieren u m.д.*) и *сущ. + tot, verstorben sein*, а также атрибутивным сочетанием *tot, verstorben + сущ.* (*der tote Mann, ihr toter Freund, seine vers tor bene Frau*).

Атрибутивные, объектные и предикатные сочетания с ядерными лексемами и их синонимами обнаруживают следующие характеристики смерти: количественные (*uber tausend Tote, der vielgestaltige Tod, viele Tote u m.д.*); антропоморфные: *Der Tod im Lager war dein Geselle. Der Tod vor dem Zaun ist dein Freund!* (Aplitz. *Nackt unter Wolf en*, S. 231); качественные: *die Bitterkeit des Todes, die Ruhe des Todes, der sichere Tod u др.*; локальные: *die Nahe des Todes, der Tod war weit weg u др.*; темпоральные: *...,dass sein Tod erst so kurze Zeit zurucklag* (Hofe. *Roter Schnee*, S. 519); аудио-визуальные: *das Dunkel des Todes, die Lichtpause des Todes, ...er horte den Tod heranrauschen... u др.*; контейнерные: *tief in den*

Tod и др.; зооморфные: *Der Tod war noch immer da, die breiten gewaltigen Flügel deckten das Haus...* (Seghers. *Die Toten bleiben Jung*, S. 458); вкусовые: *das Sterben ist süß*. Количественные и антропоморфные характеристики превалируют над остальными, что подтверждает мысль о персонификации смерти и ее массовости, инперсональности на войне.

Смерть на войне может выступать объектом желания, поиска, достижения (*den Tod suchen, finden, wollen, begehren, wünschen*), объектом мыслительных действий (*an den Tod denken, den Tod vergessen, an den Tod glauben*) и эмоциональных отношений (*den Tod fürchten, verachten, hassen, Angst vor dem Tod haben*). Смерть кого-либо, с одной стороны, влечет за собой изменения в поведении и образе жизни человека, боль, горе, безразличие по отношению к другим и себе, отчаяние и неприятие мысли о потере близких. С другой стороны, смерть на войне «закаляет» людей, делает их суровыми и беспощадным, а также «избавляет» от трудностей, вызванных условиями существования во время войны.

Объектное сочетание типа *sterben für j-n, etw.* и его синонимы дают представление о смысле смерти и позволяют судить о ней как о подвиге: *Erwin war für die Seinen gestorben, für die er gekämpft hatte* (Seghers. *Die Toten bleiben Jung*, S 17).

В произведениях военной тематики ядерная лексема *der Tote* и ее синонимы представлены в нескольких значениях: умерший как конкретное лицо, умерший как обобщающая номинация и тело умершего. В зависимости от конкретной ситуаций умершего могут почитать и ненавидеть, о нем могут говорить, помнить и не замечать, игнорировать. Для ситуации войны релевантны следующие чувства и отношения: *Trauer, Zartlichkeit, Treue, Eckel*. Последнее из них (отвращение) вызвано постоянным присутствием мертвых тел на поле боя. Поскольку смерть - это прекращение всех жизненно важных функций организма, то умершие, соответственно, характеризуются отсутствием чувственных, эмоциональных и витальных проявлений. Они не имеют социальных и профессиональных различий, т.к. смерть уравнивает всех.

Контекстуальные окружения единиц, находящихся в субполе «Естественная смерть», конкретизируют причины смерти (*an der Grippe, an Tuberkulose, an kaputten Nieren, an Krampfadern sterben*), а также ее темпоральные и локальные обстоятельства

(*der Todes tag, die Todes stunde, die Sterbeminute, das Sterbezimmer, das Totenbett*).

Субполе «Неестественная смерть» представлено единицами, конкретизирующими не только объект, но и субъект смерти (отдельные лица, военачальники, руководители), а также причины смерти (*im Krieg fallen, das Opfer eines Unglücksfalls sein, vergiften, ersticken u др.*). Группы «Убийство» и «Самоубийство» содержат контексты, описывающие способы умерщвления (*toten, totschiagen, erstechen, mit einem elektrischen Strom oder mit einer Gasleitung toten u др.*). При этом подчеркивается, что люди, несущие смерть на войне, являются специалистами в своем деле, обученными различным способам убивать: *Wir sind eine Truppe von Spezialisten. Im Toten und Zerstdren* (Thiirk Die Stunde der toten Augen, S. 13). Они делают это, спасая себя и своих близких, не находя выхода из сложившегося положения - убей, иначе будешь убит. Следовательно, субполе «Неестественная смерть» является самым многочисленным по составу, что обусловлено тематикой войны, где главная цель - противодействие и уничтожение противника.

Контекстуальное окружение единиц субполя «Посмертные обряды» характеризует непосредственные составляющие обрядов (действия, субъекты обрядовых действий, атрибуты обрядов, связанные с умершими и живыми) и эмоции, сопровождающие их (скорбь, печаль, гордость, ирония), а также выявить отношение к умершему. При описании единиц группы «Тело умершего» авторы часто употребляют метафорические образы: *das Leichenfeld, der Haufen Toter, die Leichenstapel, der Brei aus Blut und Schnee und Fetzen und Fleisch*. Это свидетельствует о том, что смерть является обыденным явлением на войне, привычкой, поэтом мертвые тела не привлекают внимание живых, либо вызывают у них неприятие и отвращение. На войне редко думают о семьях погибших товарищей, чем объясняется немногочисленность употреблений единиц «Родственники умершего».

Единицы крайней периферии поля представлены в тексте как интенсификаторы при выражении эмоций и состояний, являясь первым компонентом композитов: *die Todfeinde, die Todesangst, todunglucklich, grabeskalt, sterbenslangweilig, todesmutig*, а также выраженные с помощью словосочетаний: *auf den Tod erschrocken sein, zu Tod argern*. Элементы данного поля позволяют также рас-

смагивать смерть как мерило человеческих ценностей, таких как верность, любовь, что обычно употребляется в клятвах и обещаниях (*schworen, treu bis in den Tod zu sein; bis dass der Tod euch scheidet*). Данные единицы, не являясь непосредственными вербализаторами концепта TOD, дают представление о смерти как сильной сущности.

Синтагматические реализации актуализаторов концепта TOD позволяют выделить в интерпретационном поле концепта следующие «ассоциативные параллели» [Карпенко, 2000, с. 26]: TOD - LEBEN; TOD - KRIEG; TOD - ANGST; TOD - FREIHEIT; TOD - SINN; TOD - RETTUNG; TOD - GEWOHNHEIT; TOD - PFLICHT; TOD - MENSCH. Наибольшее количество употреблений (108) представлено в микрополе TOD ~ LEBEN, что соотносится с экзистенциальной сопряженностью этих двух концептов, невозможностью их существования друг без друга. Лейтмотивом всех произведений о войне выступает мысль о том, что война - это грань между жизнью и смертью, это сама смерть. Она вызывает страх, ощущается солдатами как бессмысленная, хотя руководящие чины оправдывают ее смысл долгом перед отечеством. Являясь привычным явлением на войне, смерть становится освобождением для солдат, спасением от страшной «жизни» и бессмысленности своего существования.

В целом, эмпирический материал показал, что актуализация концепта TOD в языке и в военной прозе обнаруживает расхождения по следующим показателям: количество репрезентантов, (767 единиц в языке и 253 единицы в тексте), частотность употребления средств в тексте (от 1 до 643 употреблений одной и той же единицы), наличие эвфемистических замен (9 эвфемизмов в военной прозе и 83 эвфемизма в лексикографических источниках) и способность конкретизировать элементы ситуации смерти. Редкие случаи эвфемистических замен в тексте подтверждают мысль о том, что на войне люди называют вещи и явления своими именами, не прибегая к поиску других языковых средств. Реализация средств в военном тексте выявила противоестественное отношение человека к смерти: с одной стороны, смерть становится обыденным явлением, не затрагивающим сердца живых людей, с другой стороны, она воспринимается пафосно как творящая благо и дарующая свободу от жалкого существования, порожденного войной.

Литература

Тронько С.С. Конвенциональные средства репрезентации концепта «ТОД» в современном немецком языке // Вестник Челяб. гос. пед. ун-: Научный журнал. - 2007. - №6. - С. 279 – 288.

Тронько С.С. Построение поля репрезентантов концепта ТОД в современном немецком языке // Мир науки, культуры, образования: Научный журнал. - №5 (17). - 2009. - С. 38 – 42.

Тронько С.С. Устойчивые словесные комплексы как средство выражения концепта «конец жизни» в современном немецком языке // Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей. Материалы V Регион. науч.-практ. конф.-конкурса. - Томск, 2005. - С. 118-120.

Тронько С.С. Народные представления о смерти в зеркале немецкоязычных пословиц и поговорок // Материалы I науч. конф. сотрудников и слушателей Центра повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. С.-Петербург. 13 декабря 2005г. - СПб, 2006.-С. 57-59.

Тронько С.С. Словарные значения лексемы *der Tod* как источника интерпретации концепта ТОД в немецком языке // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 5 -6 октября 2006г.). В 2 частях. - Барнаул, 2006. - Ч. 1. - С. 294 – 296.

Тронько С.С. Поле вербализаторов концепта ТОД в современном немецком языке // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посв. 55-летию ЛИИИ БГПУ. - Барнаул, 2008. - С. 349 – 350.

7. Тронько С.С. Фрагмент ассоциативно-семантического поля немецкоязычного концепта ТОД // Язык: Мультидисциплинарность научного знания: Научный альманах. - Барнаул, 2009. - С. 161 – 168.

Е.Е. Демидова (Кемерово)

НЕБО

Объектом исследования являются способы языковой актуализации и структуры концептов *небо* и *heaven*. Предмет исследования – языковые единицы с основными репрезентантами концептов *небо* и *heaven* в русской и английской языковых картинах мира (с одной стороны, это лексемы, свободные и устойчивые сочетания с лексемами *небо* и *heaven*, с другой – авторские контексты. Под авторским контекстом понимается конструкция с включенным компонентами *небо* и *heaven* и их производными и/ или их синонимами).

Цель исследования – выявление и описание структур и способов вербализации концептов *небо* и *heaven* на материале русских и английских словарей разного типа и литературных произведений. Анализ данных концептов проводится с целью установления групп признаков, формирующих их структуры, выявления структурных особенностей, сравнения этих групп признаков между собой на предмет сходства и различий. В соответствии с целью исследования в работе ставятся следующие задачи: 1. Описать основные способы объективации концептов *небо* и *heaven* и их признаков. 2. Определить внутренние формы слов – основных репрезентантов концептов, понятийные (объективированные в словарных дефинициях) признаки концептов *небо* и *heaven*. 3. Установить образные признаки неживой и живой природы концептов *небо* и *heaven*. 4. Описать группу понятийных признаков концептов *небо* и *heaven*. 5. Представить группу оценочных признаков концептов *небо* и *heaven*. 6. Проанализировать группу символических признаков концептов *небо* и *heaven*. 7. Выявить общие и специфические этнокультурные признаки изучаемых концептов. 8. Восстановить структуры исследуемых концептов.

Материалом для исследования послужили слова, синтаксические конструкции с включенным компонентом основных репрезентантов концептов *небо* и *heaven* и их производных, отобранные из толковых словарей, русских и английских литературных произведений (4761 единица для концепта *небо* и 4952 единицы для концепта *heaven*). В материал исследования были включены данные энциклопедических и толковых словарей современных русского и английского языков, в том числе электронных (см. список использованной литературы и список словарей), а также словарей символов.

Концептуальная система – это основа языковой картины мира. Концепты – составные части концептуальной системы – объективируются в виде слов или сочетаний слов, в которых «прочитываются» признаки фрагментов языковой картины мира.

Концепт *небо* вербализуется в языке в разных формах: в лексемах (*небо*, *небеса*, *небесный*, *небосклон*, *небожитель*, *небоскреб*), свободных и устойчивых словосочетаниях (*высокое небо*; *Как с неба свалился*; *Небу жарко стало*), пословицах и поговорках (*К небесам высоко, в реку глубоко, а приходит вертеться*; *Если бы не мороз, то овес бы до неба дорос*; *Сверху небо, снизу*

земля, а с боков ничего нет – оно и продувает!), загадках (Два стоящих, два ходящих и два минующих «небо и земля, солнце и месяц, день и ночь»), авторских контекстах (Туча прошла, не бросив ни одной капли дождя и сделав воздух сухим и легким, и **высоко**, на **середину неба**, поднялся разрезанный месяц с прозрачным, тающим краем. Андреев). В английском языке исследуемый концепт вербализуется разными языковыми средствами: существительными *heaven, heavens, sky, welkin* поэт. «небо, небеса».

Первый этап анализа концептов – выявление их **мотивирующих признаков**. *Мотивирующим* называется такой признак, который послужил основанием для именованя некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. «В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом» (Пименова 2007: 18-19).

По свидетельству М. Фасмера слова *небеса, небесный* являются заимствованием из церковнославянского языка. Ср.: др.-инд. *pábhā* ср. р. «туман, пар, небо», авест. *pabāh-* ср. р. «воздушное пространство, небо», греч. *νέφος* ср. р. «облако» (Словарь Макса Фасмера). По П.Я. Черных, индоевропейский корень *(e)nebh- означал «видимое небо», особенно «облака», «туман». Ср. лит. *debesis* «облако», «туча», греч. *νεφός* – «облако», «туча», «туман», др.-инд. *pábhāh* «облако», «туман», «чад», «небо» (Черных I: 563).

Проанализируем мотивирующие признаки концепта *небо*:

1. **‘Воздушное пространство’**. Актуализация понятийного признака ‘воздушное пространство’ возможна при помощи существительного *воздух* и его производных, *эфир*, а также в виде предложно-падежных конструкций *в воздухе, на воздух, в воздушных струях, в небо*. Признак ‘пространство’ отличается частотностью и в современном русском языке. К небесам относится воздушное пространство, где летают птицы (см.: Быт. 1: 26; Мф. 6: 26). Небо – освоенное пространство, где летают созданные человеком машины – аэропланы, самолеты, вертолеты, ракеты, спутники.

2. **‘Всё видимое над Землёй пространство’**. Признак ‘видимость’ актуализируется в контекстах целым набором различных языковых средств: глаголами *видеть, смотреть* (на), *созерцать*,

косить (на), взирать (на), глазеть (на), глядеть и их производными, причастием *видимый*, предикативной конструкцией *окинуть взором*. Эпитет *неба* – *неоглядное*.

Признак ‘над Землей’ передается целым набором языковых средств: предложно-падежными конструкциями *над землей, до неба, на (дальнем) горизонте, под небом/ небесами*, адвербиальными конструкциями *высоко в небе, невысоко в небе*, именными конструкциями *в небесной выси, в недостижимой вышине, в голубой вышине воздуха, из-под небес* и др.

3. ‘Облака’. Чрезвычайно актуальный до сих пор признак у анализируемого русского концепта. Этот мотивирующий признак, перешедший в понятийный, вербализуется при помощи существительного *облако* и производных, прилагательных *облачный, безоблачный*. Среди дополнительных способов объективации этого мотивирующего признака – лексема *глыбы*, конструкции с количественным значением: *ни одного облачка, неиссякаемые облака, ряды облаков, редкие облака* и др.

4. ‘Туман’. Этот признак объективируется существительным *туман*, прилагательными *туманный, затуманенный*, наречием *туманно*, именными конструкциями *туманная высота, остатки тумана*, предложно-падежной конструкцией *в тумане*, существительным *клубы* и производным *клубиться*. Туман и *небо* сближаются по общим для них признакам – зыбкости форм и очертаний, затрудненности ориентации.

5. ‘Туча’. Мотивирующий признак ‘туча’ достаточно часто встречается в собранном фактическом материале (*Левша думает: небо тучится, брюхо пучится...* Лесков). Тучи располагаются по всему видимому пространству *неба*, заволакивая и покрывая его.

6. ‘Чад’. Этот признак связан с бытовым приготовлением пищи, а также с обрядом жертвоприношения. Чад – это едкий, удушливый дым (*небо коптить*). Данный признак может быть выражен существительными *копоть, дым* (*А небо?.. точный дым*. Пушкин), прилагательным *удушливый*, именными конструкциями *дым коптильный, дымчатая мгла*.

7. ‘Пар’. Этот мотивирующий признак малочастотен (*Вчерашнее тепло было так сильно, что с полудня пары земные собрались наверху так густо, что явно уменьшили силу света солнца, хотя не было на небе ни одного облачка*. Пришвин).

Меняются времена, но мотивирующие признаки остались актуальными и в наши дни: признаки 'воздушное пространство' и 'всё видимое над Землёй пространство' функционируют сейчас в виде понятийных. Высокой частотностью у концепта *небо* отличаются мотивирующие признаки 'всё видимое над Землёй пространство' (40%), 'воздушное пространство' (28%), 'облака' (15%), актуальные для современных носителей языка.

Необходимо отдельно рассмотреть этимологию слова *heaven* – репрезентанта исследуемого концепта и выявить мотивирующие концептуальные признаки. В словарях английского языка указывается несколько мотивирующих признаков *heaven*.

1. и 2. *Heaven* «Anglo-Saxon, *heofon*, from *heofen*, **elevated, vaulted**» (*Dictionary of Phrase and Fable*). Эти мотивирующие признаки активно используются в наши дни разными авторами в художественном дискурсе (...*The black vault of heaven*... London).

3. и 4. «О.Е. *heofon* "home of God," earlier "sky," possibly from P.Gmc. **khemina-* (cf. Low Ger. *heben*, O.N. *himinn*, Goth. *himins*, O.Fris. *himul*, Du. *hemel*, Ger. *Himmel* "heaven, sky"), from PIE base **kem-/*kam-* "to cover" (cf. *chemise*). Plural use in sense of "sky" is probably from Ptolemaic theory of space composed of many spheres, but it was also formerly used in the same sense as the singular in Biblical language, as a translation of Heb. pl. *shamayim*. *Heavenly* "beautiful, divine" is from 1460, often (though not originally) with reference to the celestial "music of the spheres;" weakened sense of "excellent, enjoyable" is first recorded 1874» (Online Etymology Dictionary). В собранном материале лексема *heaven* либо синонимична *sky*, либо они взаимодополняют друг друга.

Небо – дом Бога или Богов (...*That mountains were closer to the heavens, where the gods were said to live, so they built the pyramids as their own mountains*. London). Этот признак до сих пор устойчив в английской лингвокультуре.

5. и 6. «ОЕ. *heven*, *hefen*, *heofen*, AS. *heofon*; akin to OS. *hevan*, LG. *heben*, *heven*, Icel. *hifinn*; of uncertain origin, cf. D. *hemel*, G. *himmel*, Icel. *himmin*, Goth. *himins*; perh. akin to, or influenced by, the root of E. **heave**, or from a root signifying **to cover**, cf. Goth. *gahamn* to put on, clothe one's self, G. *hemd* shirt, and perh. E. *chemise*» (Webster's Revised Unabridged, 1913 Edition). Мотивирующий признак 'to cover' объективируется в современном английском языке не через предикаты лексем *heaven*, а обычно посред-

ством предикатов лексем *cloud* и *sky* (*Even in winter, when the clouds themselves came down from **the sky** and covered the earth with their soft whiteness... Dickenson*).

В этимологических словарях встречены взаимообратные дефиниции, когда слово *sky* объясняется значением «heaven»:

7. и 8. «Sky. Meaning "upper regions of **the air**" is attested from c.1300; replaced native *heofon* in this sense (see *heaven*). In M.E., the word can still mean both "cloud" and "heaven," as still in *the skies*, originally "**the clouds**" (Online Etymology Dictionary).

9, 10, 11 и 12. «Sky (M. Eng. *skie*, **cloud**; O. Eng. *skua*, shade; connected with an Indo-European root *sku*, cover; whence "scum", Lat. *obscurus*, **dark**); the apparent covering of **the atmosphere**, the overarching heaven» (1911 edition of the Encyclopedia Britannica). Другими словами, *heaven* имеет признаки '**atmosphere**' «атмосфера», '**height**' «высота», '**dark**' «темный» и '**air**' «воздух (высшие слои атмосферы)», которые достаточно широко представлены в авторских контекстах.

Эти признаки дополняются еще одним – 'cloud(s)' «облака», относящимся к мотивирующим у английского концепта (*the clouds of heaven*). Облака на небе похожи на дым (*Smoke like rebellious heavens rolled Curled over coloured flames... Chesterton*).

В английской лингвокультуре принято деление небес на близкие и дальние: «Modern philosophers divide the expanse above and around the earth into two parts, the atmosphere or aerial heaven, and the ethereal heaven beyond the region of the air, in which there is supposed to be a thin, unresisting medium called ether» (Webster's 1828 Dictionary). Это разделение повлияло на употребление для их обозначения разных лексем – *sky* и *heaven* (*The heart is like **the sky**, a part of heaven... Вурон*). Самыми частотными и поныне выступают такие мотивирующие признаки концепта *heaven*, как 'home of God' (25% от количества примеров с мотивирующими признаками), 'sky' / 'upper regions of the air' (22%), 'height' (18%). Остальные мотивирующие признаки актуальны, но их отличает относительно низкая частотность употребления.

Таким образом, мотивирующие признаки сравниваемых концептов почти не имеют между собой ничего общего (кроме признака 'облако'). Данные мотивирующие признаки не исчезли. Они не перестали быть востребованными, они и поныне функционируют в виде понятийных признаков. Другими словами, одни и

те же признаки возникли в структурах исследуемых концептов в разные периоды осмысления соответствующего фрагмента мира.

Следующий этап – исследование **образных признаков** концептов *небо* и *heaven*. Образные концептуальные признаки – первичный этап осмысления внутренней формы слова.

У сравниваемых концептов выделены вещественные признаки. В Библии упоминается, что небо есть «твердь»: «назвал Бог твердь небом» (Быт. 1: 8). Эта метафора выражается через признаки ‘твердого вещества’ неба. Частотный признак *heaven* – ‘твердое вещество’. Существует представление (Библейская энциклопедия Брокгауза), согласно которому, небо – это подобие свода, хрустального (Иез. 1:22), зеркального (Иов 37:18) или выполненного из чистого сапфира (Исх. 24:10), где звезды – драгоценные камни (*A vaulted dome like Heaven's, far bespread With starlight gems...* Keats). В аристотелевской космографии хрустальное небо – прозрачная материальная сфера, движущая планеты (СРЯ XVIII в.). Частотными признаками вещества для русской лингвокультуры выступают ‘мутная жидкость’ (9%) и ‘прозрачность’ (8%).

Среди признаков неживой природы у сравниваемых концептов отмечены признаки ‘продукта/ пищи’ (**Небо сметаной обмазано, Месяц как сырный кусок**. Есенин). Небо «гложут» (*Красная звезда Марс студеным вихрем приближалась по ночам к земле, и каменные поля, не прикрытые снегом, лежали, черны и неподвижны, под небом, изглоданным холодом*. Катаев), «отрезают» ножом (*Выдутые ветрами такыры блестели соляными кристаллами, и на сотни верст кругом небо было отрезано от земли, как мясничьим ножом, по ровной и мутной линии низкого горизонта*. Лавренев), «пьют» его нектар (...*И мне казалось, что Анна Федоровна вкушает небесный нектар*. Нагибин).

В метафорах цвета неба встречается ритуальная лексика, связанная с медом и молоком – обрядовой пищей на поминках (*медовое/ молочное небо*). Небесная корова обеспечивает изобилие на земле (**Небесного молока Дажьд мне днесь**. Есенин). Облака и дождь описываются метафорами молока (**В небесах облака лакать?** Есенин). В русском материале встречены признаки ‘хлеб’ (*Она вкусила хлеб небес!* Ершов) и ‘приготовленная пища’ (*Надо мной кружилось низкое, склоненное широким краем к Байкалу небо – какое-то ... приготавливаемое и еще не готовое*. Распу-

тин). Образных признаков пищи среди русского фактического материала почти в 3 раза больше, чем среди английского. К частотным признакам концепта *небо* относятся 'молоко' (44%), 'продукт' (28%), 'нектар' (16%), концепта *heaven* – 'сладость' (58%), 'продукт' (28%). Признаки пищи для английского концепта оказались малочисленными. Еще одним, сохранившимся до наших дней, символом *неба* является древний образ Небесной коровы, с которой связана обрядовая пища – молоко (44 %). Этот же образ находится в основе метафор мутной и прозрачной жидкости, столь частотных в русском языке (всего 17 %). Для английской лингвокультуры актуальными и поныне являются иные воззрения – о твердом небе (на это указывает частотность соответствующих метафор – 32 %). Достаточно устойчивым оказался для обеих лингвокультур миф о Древе Мировом, перенесенном на христианский рай. К ним восходят метафоры 'нектара' *неба* и 'сладости' *heaven*.

Сейчас в языке существуют тенденции ориентации на мир предметный: природный и артефактный. Предметный мир представлен двумя видами: природные предметы (камень, палка, прут, дупло) и созданные руками человека – артефакты. Неживая природа не является широко задействованным источником метафорической экспансии. Источник артефактных метафор – текст Библии, именно в ней упоминается о том, что «Бог создал небо и землю» (Быт. 1: 1). На 'сотворенность' *неба* указывают такие его признаки, как 'создание' (*Ему кажется, что ... это небо и солнце созданы только для него*. Беляев; *As if the great name of the Creator of Heaven and earth could be made more solemn by a knuckle-bone...* Dickens), 'рукотворность', 'изготовление'. Выделены блоки артефактных признаков концепта *небо*: 1) *небо* – скрижаль, свиток, бумага (лист бумаги), книга, 2) *небо* – нечто связующее человека с миром и его судьбой – нить (клубок), ткань (функциональные признаки: покров, покрывало, канва; вид ткани – атлас, бархат, виссон, кружево, ситец, шелк; изделия из ткани – лента, ковер, платок, скатерть, сеть, знамя), одежда (риза, порфира, ряса, схима, хитон), 3) *небо* – домашняя утварь (посуда – сосуд, блюдо, кружка, кубок, сито, таз, урна, фиал, чаша), 4) *небо* – предмет домашнего обихода (постель, подушка, тюфяк), 5) *небо* – выпавший жребий: религиозная утварь (сосуд, чара, купель), 6) *небо* – магический предмет (зеркало). Частотными признаками концепта *небо*

являются 'сосуд' (13%), 'книга' (в целом 10%), 'чаша/ чашка' (9%), 'сито' (4%), у концепта *heaven* – 'создание' (20%), 'сотворение' (17%), 'ткань' (17%), 'сосуд' (14%), 'книга' (15%).

Наиболее распространенными выступают метафоры «неба – живого существа. Это связано с дохристианскими представлениями, что небо – живое (*Небо не ярко, но так живо, так молодо светило в бледных, в бесцветных деревьях сада.* Бунин). Соматические признаки чрезвычайно распространены у сравниваемых концептов. Частотными соматическими признаками среди собранного фактического материала для концепта *небо* выступают 'тело' (25%), 'одетое тело' (21%), 'брови' (11%), для концепта *heaven* – 'лицо' (29%), 'глаз' (19%), 'руки' (17%) и 'тело' (13%). Русский концепт отобразил миф о создании мира из тела Бога-неба. Структура концепта *heaven* отобразила миф – древнегреческий – об Аргусе – многоглазом чудовище, заброшенном Богом на небо. Английских примеров с соматическими признаками исследуемого концепта в 2 раза меньше, чем русских.

Вегетативные метафоры неба мало распространены в художественной литературе. Собранный материал показывает только небольшое количество признаков растений у исследуемых концептов. Вегетативные метафоры образуются на основе религиозных ассоциаций: небо – место Бога и Великой Богини (в христианстве – Божьей Матери), их символами могут быть Дерево Мировое (*Скучно слушать под небесным дровом Взмах незримых крыл...* Есенин; *Смолистая, небесная листва шелестела мягко.* А.Н. Толстой; *With the whisper of heaven's trees...* Keats), верба (*Ныне Солнце, как кошка, С небесной вербы Лапкою золотою Трогает мои волосы.* Есенин), кедр (*Шумит небесный кедр.* Есенин) и даже тополь (*Там, за млечными холмами, Среди небесных тополей, Опрокинулся над нами Среброструйный Водолей.* Есенин). Мифологические и символические признаки неба и его объектов связаны прежде всего с образом Великой богини неба. Для концепта *небо* частотными выступают вегетативные признаки 'дерево' (12,5%), 'цветущее растение' (12,5%), 'сад' (12,5%), 'нива' (12,5%), для концепта *heaven* – 'дерево' (29%), 'сад' (24%), 'цветущее растение' (18%), 'плодоносное дерево' (11%).

Зооморфизм неба заложен в тотемических древних традициях. На Дальнем Востоке Небеса символизируются драконом, а земля – белым тигром, а также дымкой и горой, конем и быком (Сло-

варь символов). *Небо* в русской лингвокультуре предстает в образах ‘зверя, покрытого шерстью’ (*По сизо-черному мохнатому небу протянулись узкие облачные полоски.* Лавренев), ‘быка’ (*Два быка бодутся, вместе не сойдутся* (небо и земля). Словарь В.И. Даля), ‘коровы’ (*Отелившееся небо Лижет красного телка.* Есенин). Метафорический и метонимический переносы ассоциативно связывают небо с образами зверей, птиц и насекомых, что более характерно для русской лингвокультуры. Частотными признаками русского концепта являются ‘добыча, в которую стреляют’ (32%) и ‘корова’ (25%), для английского концепта свойственны только три признака: ‘хищник’, ‘полет’ и ‘разрываемая добыча’.

Самым мощным источником метафорического образования является антропоморфная область. Антропоморфные характеристики неба разнообразны. Антропоморфизм – основной способ категоризации действительности. Различные метафоры используются для передачи признаков неба, оживляя описываемый образ. Небо предстает в облике человека, с его статусом, характером и т.д. Антропоморфные признаки подразделяются на индивидуальные и социальные. К индивидуальным относятся признаки характера, эмоциональные, ментальные и признаки занятий. Социальные признаки включают в себя интерперсональные, этические, религиозные, а также признаки культуры.

При матриархате небесные божества обычно женского пола, иногда боги Неба бывают бесполоыми (Словарь символов). Лексема *небо* в русском – среднего рода. Английская картина мира отличается от русской тем, что в ней небо редко описывается как бесполое (12 %). На это указывают соответствующие местоимения *its, itself* и др. (*Whether the new King wished to be in favour with the priests, ... to cheat **Heaven itself** into the belief that he was not a usurper, I don't know.* Dickens). Небо-творец выступает в русской лингвокультуре в двух ипостасях: женской (Великая Богиня Мать; Божья Матерь) и мужской (пастух-пастырь, громовержец, охотник), в английской – в мужской ипостаси (отец небесный) и женской ипостаси (Богородицы). Христианские традиции переняли этот образ в виде девы Марии. На это указывают важные ее витальные признаки ‘юности’, ‘молодости’ и ‘детства’ (последний относится к метонимическому переносу – из-за актуальности ее аспекта богородичности).

В сравниваемых лингвокультурах нашли отражение космогонические представления о браке неба с землей. Небо и земля связаны узами брака; человек – их ребенок. Как показывает собранный языковой материал, частотностью у русского концепта отличаются такие гендерные признаки, как ‘роды’ (21%), ‘отец сына’ (17%), ‘отец’ (14%), ‘мать’ (14%), ‘беременность’ (14%). Мужская ипостась *неба* в русской лингвокультуре проявляется во вторичных образных признаках одежды (всего 8,5 %). Источником таких метафор выступает одежда царей, священнослужителей и нищих. Но и здесь в основу создания подобных образов все-таки положены «женские» метафоры нитей, ткани, изделий из ткани (всего 26 %). Такие признаки относятся к сфере женского труда – прядению и ткачеству. Частотными для английского концепта являются признаки ‘отец’ (55%), ‘женщина’ (12%).

Проведенный анализ фактического материала показывает: мотивирующие признаки не растворились во времени и не исчезли из сознания носителей языка. Они, «обрастая» новыми образами, продолжают функционировать, меняя свою актуальность и способности вербализации.

Рассмотрим подробнее **понятийные признаки** концепта *небо*, выявленные на основе анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта, а также на основе анализа собранного фактического материала. Разные словари русского языка предлагают от 2 (Словарь Д.Н. Ушакова) до 11 значений (Словарь В.И. Даля) лексемы *небо*.

1. **‘Всё видимое над Землёй воздушное пространство’**. Это пространство обычно описывается в русском языке как *даль, ширь, простор, гладь* (*Только синяя-синяя небесная гладь, только теплый берег.* Осипов). Этот признак восходит к мотивирующему.

2. **‘(В религиозных представлениях:) обитель бога, богов, святых, где находится рай’**. В дохристианских мифах небо понималось как «тот свет», куда по смерти уходят души умерших в виде звезды. Ныне дохристианские и христианские представления слились воедино; *небо* – «тот свет» и, одновременно, царство небесное. Рай, по аналогии с *небом*, ассоциируется с возвышенным, идеальным, совершенным.

В царстве небесном свои правители – царь небесный – Бог, царица небесная – Богородица, мать Бога. Другими словами –

царством небесным управляет мать и ее сын. Эта традиция управления государством восходит к древнеегипетским (Исида и Гор), ведийским (Майя и Прадьямна) и индийским мифам (Деваки и Кришна). Это связано с бытовавшими ранее распространенными традициями вести свою родословную по материнской линии.

3. **‘Судьба, рок, провидение, божественные силы’**. Влияние *неба* на человека передается в виде юридических метафор закона, правосудия, наказания (*Закон небесный Нас к славной цели предызбрал*. Ершов; *Орудие небесной кары*. Хомяков). *Небо* выносит приговор, и суд *неба* не всегда бывает милосердным (*Народ ... ждет небесной казни*. Пушкин).

4. **‘Воздушное пространство над какой-л. территорией** (в какой-л. стране, в каком-л. месте)’. Небо ограничено тем местом, над которым располагается (*Мне приснилось рязанское небо...* Есенин). За его пределами находится иное небо (*О других небесах вздыхает...* Есенин).

5. **‘Мировое пространство’**. Этот признак выявлен на основе дефиниции «об окружающем Землю мировом пространстве» (БАС XI: 515). В научной картине мира такое *небо* именуют *астрономическим, эфиром*.

6. **‘О чем-то возвышенном** (о блаженстве, наслаждении, радости и т.п.)’. Прототипические характеристики неба – величие и превосходство над всем, что находится на земле. Созерцание *неба* вызывает у человека восторг. *Небо* ассоциативно связывается с мечтами, счастьем, любовью, удачей, оно есть символ идеального, возвышенного, божественного

7. **‘Согласно теории о геоцентрической системе мира – ряд сфер**, расположенных вокруг земли, являющейся их центром’. По Библии, исчисляются три неба: первое – планетное, второе – твердь и третье – эмпирейское (*Высочайшее или Эмпирейское показывает небо, нами невидимое*. Буслаев).

8. **‘Звездное пространство’**. Этот признак указывается в словаре В.И. Даля: «Небо. Об ... окружающей землю сфере с неподвижно расположенными звездами». Признак ‘звездное пространство’ объективируется в виде лексем *звезда, звездное, вызвездить* и их производными. Свет звезд передается словами *блеск, сияние, мерцание, сверкать, сиять, мерцать* и их производными.

9. **‘О богах’**. В Новом Завете слово "небо" употребляется в значении "Бог небесный", или "Бог (явивший Себя) с неба" (Мф. 21:25; Мк. 11:30; Лк. 15:18). Бог называется *небо небес*. В культурах многих народов *небо* связывалось со сверхъестественными силами, богами. В египетской мифологии это была Нут, в греческой мифологии – Уран. Теоморфизм *неба* выражается в признаках, которые присущи Богу.

10. **‘Край, местность, относительно природы и воздушных перемен’**. У лексемы *небесный* этот признак уточняется «Климатический пояс, климат» (СРЯ XVIII в.). Этот понятийный признак можно выразить как **‘погода/ климат’** (...*Черные печати среди морозно пылавшего по западу неба*. Бондарев).

11. **‘Мнимая твердь над нами’**. В.И. Даль так описывает этот признак: «воображаемая твердь, предел вселенной». Согласно Библии, в которой отразились древневосточные космогонии (Энциклопедия Кольера), небо представляет собой огромный, твердый куполообразный свод (или "твердь") над землей (*небесная твердь*). Над твердью располагались первобытные воды и находилась обитель Бога, на самой тверди помещались звезды и планеты, а в пространстве между твердью и землей плыли облака и летали птицы.

12. **‘Потолок/ небесный свод’**. Этот сложный понятийный признак выделен на основании понимания земного мира как дома: природного и артефактного мира. Этот понятийный признак представляет с одной стороны геоцентрическую научную теорию, с другой – наивную картину мира. В русском фольклоре «небо – терем божий: звезда – окна, откуда ангелы смотрят» (Павлович 2004: 61).

13. **‘Верхняя часть, свод, потолок чего-л.’**. Признак ‘верхняя часть, свод, потолок чего-л.’ уточняется: «Горное: небо, потолок, потолочная крепь, накат, настилка в штольне, орте и всякой лежачей разработке; у охотников небо берлоги, крыша, верх, заваленный хворостом» (Словарь В.И. Даля), «Верхняя часть свода русской печи» (Словарь В.И. Даля). Этот признак относится к разряду устаревших, среди фактического материала он не отмечен.

14. **‘Верхняя чугунная доска водяного жема, гнета’**. На этот признак примеров в собранном материале не встретилось.

15. **‘Выражение мольбы/ восклицание’** (*О небо! Зверь без разума, без слова.* Тургенев). Лексема *небо* используется в форме восклицания, не несущего собственного значения, кроме усиления, акцентирования последующих слов. Первоначально эти восклицания представляли форму обращения.

16. **‘Стороны горизонта’**. Словари не всегда позволяют выявить весь набор понятийных признаков концептов. Некоторые признаки можно обнаружить, анализируя дополнительно лексему *небесный* в словарях и в контекстуальном окружении. «Словарь русского языка XVIII века» отмечает у лексемы *небесный* значение «Стороны горизонта» (*Как небо южного восхода Волибный храм горит в огнях.* Ершов). Четыре стороны света выступают в качестве признаков концепта *небо*: ‘север’, ‘юг’, ‘запад’, ‘восток’.

17. **‘Свет/ источник света’**. Небо – источник естественного света на земле. *Небо* и *свет* – взаимопределяемые понятия (*светлое небо; небесный свет*). На небе располагаются светила – звезды, луна, солнце; метонимическое именование солнца, луны и звезд – *небесный свет*.

18. **‘Высота’**. Признак не отмечен в словарных дефинициях в виде соответствующей семы. Этот признак актуализируется словами различной частеречной принадлежности: существительными *высота, вышина, высь*, прилагательными *высокий, свышний, наивысший*, наречиями *ввысь, наверх, наверху, вверх, вверху, высоко, сверху*, предложно-падежными конструкциями. Высота *неба* может быть относительной, и тогда *небо* описывается как *низкое*.

19. **‘Цвет’**. В толковых словарях этот признак в виде соответствующей семы не указан. Тем не менее, он чрезвычайно актуален для концепта *небо*. *Небо* может быть описано колоративными признаками, под которыми понимаются признаки различных цветов. Спектр цвета *неба* в собранном фактическом материале описывается богатством признаков.

20. **‘Время’**. По состоянию неба и небесных объектов определяют время: утром на небе появляется солнце, ночью – месяц. В полдень солнце находится в зените, по звездам можно сориентироваться во времени (*Желая приблизительно определить время по цвету неба, Афанасий Иванович взглянул в окно...* Фет).

Для русской лингвокультуры самыми актуальными являются такие понятийные признаки, как ‘все видимое над Землей про-

странство' (15, 4 %), 'цвет' (13 %), 'воздушное пространство над к.-л. территорией' (11, 2 %), 'обитель бога, богов, святых, где находится рай' (8, 3 %), 'высота' (8 %), 'свет, источник света' (8 %), 'время' (6 %), 'о богах' (5 %), 'погода/ климат' (5 %). Низкой частотностью отличаются признаки 'мнимая твердь' (0, 4 %), 'выражение мольбы; восклицание' (0, 3 %).

Толковые словари английского языка предлагают от 2 до 10 дефиниций слова *heaven*. На основе анализа словарных дефиниций основного репрезентанта концепта и собранного фактического материала были выделены следующие **понятийные признаки** английского концепта *heaven*:

1. **'The sky/ air/ the atmosphere/ an elevated place'**. Данный признак вербализуется существительными *space* (*The freshness of the space of heaven above...* Keats), *air*, *sky*, *firmament*, *scale* «размах», *atmosphere*, прилагательным *endless*, предложениями *above*, *up*.

2. **'The abode of God, the angels, and the spirits'**. Небо – место обитания богов и небожителей, ангелов и святых, демонов, душ после смерти людей, небесного воинства и небесных светил, которые именуются небесными силами (*the heavenly host; the host(s) of heaven*). Небо в английской лингвокультуре называется королевством (*the Kingdom of Heaven*), где правит Бог – король, монархией (*But he who reigns Monarch in Heaven...* Milton), империей (*Thrones and Imperial Powers, Offspring of Heaven, Ethereal Virtues!* Milton). Бог метафорично предстает в образе хозяина своего владения – неба (*Fair lord of heaven*).

3. **'Fate'**. В словарях нет соответствующей дефиниции, однако фактический материал показывает, что представления о связи неба и судьбы отражаются в английском языке (*Oh! could that king of terrors pity feel, Or Heaven reverse the dread decree of fate, Not here the mourner would his grief reveal, Not here the muse her virtues would relate*. Byron). В этом признаке прочитываются отголоски когда-то распространенных астрологических знаний о связи неба и определенной судьбы человека.

4. **'An airy space above some territory'**. Этот признак не обозначен ни в одном толковом словаре английского языка. Однако материал показывает наличие этого понятийного признака. Небо располагается над землей, над морем, например, над Средиземноморским (...*Blue Mediterranean heavens*. Sloss), над человеком, над его головой.

5. **‘Expanse of space surrounding the earth (including the stars, sun, moon, and planets, as viewed from the earth)’**. Этот признак обозначает мировое пространство, в котором располагаются солнце (*‘The sun that shines from heaven shines but warm...’* Shakespeare), луна, созвездия и планеты, Млечный путь, иные небесные тела. Через это мировое пространство проложены орбиты небесных тел (*All our manual labor and works of strength ... are done by dint of continual falling, and the globe, earth, moon, comet, sun, star, fall for ever and ever.* Emerson).

6. **‘A place or state of supreme happiness, or great comfort; perfect felicity; delight and peace, or pleasure; bliss; ecstasy; a sublime or exalted condition’** (*Heaven, the seat of bliss...* Milton). Данный понятийный признак объективируется лексемами *bliss, peace, ecstasy* (*He sat in a sort of heavenly ecstasy...* Rinehart), *happiness, comfort, delight, pleasure, sublime* и их производными.

7. **‘Some spheres’**. Этот признак толковые словари также не указывают. В фактическом материале обнаружены примеры, в которых описываются разные слои небес: первый (*first heaven*), третий (*the third heaven*), седьмой – обозначающий верх блаженства (*seventh heaven*).

8. **‘Stars in heaven(s)’**. Особое внимание в английской лингвокультуре уделяется ночному небу и звездам, горящим на нем (*I blest the stars of heaven.* Keats). Эти звезды – небесный огонь, видимый людям.

9. **‘The celestial powers; God(s)’**. Существование Бога на небе в английской лингвокультуре – непреложная истина. Слова *heaven* и *God* в определенных контекстах выступают синонимами (*What's that, in Heaven's name?* Galsworthy). *Heaven's providence, the providence of heaven* – божий промысел. Небесными силами (*Heaven's great Powers*) именуют как христианского Бога и его воинство, так и языческих богов – Диану, Океана.

10. **‘Region as a climate’**. Этот признак отсутствует в словарях. Анализ фактического материала показывает его наличие. Осадки приходят с неба (*Yet, poor old heart, he help the heavens to rain.* Shakespeare), ветер дует с небес. Небо – источник гроз, грома и молний. Чистое небо означает хорошую погоду.

11. **‘Firmament’**. Слово *firmament* трактуется как «*библ. твердь небесная*» (БАРС I: 602). В английском *heaven* и *firmament* считаются синонимами (*People gave ear to an upstart astrologer who*

strove to show that the earth revolves, not **the heavens or the firmament**, the sun and the moon. White). Твердь неба – место обитания богов и расположения небесных светил.

12. **'Ceiling'**. Фактический материал показывает, что твердь небесная понимается как потолок, крыша мира (ср.: *The universe, then, is like a house: the earth is its ground floor, the firmament its ceiling...* White).

13. **'Exclamation (express emphasis, surprise, etc.)'**. Признак 'восклицание' актуализируется для выражения удивления, восхищения, изумления ("*Good heavens!*" murmured John. Christie; *Heaven! it did torture me.* Austen).

14. **'The side of horizon'**. Этот признак словарями не указывается, однако именно по расположению небесных объектов человек ориентируется в сторонах света. Стороны света определяются человеком по объектам неба (*As the eastern sky grew brighter...* Wells).

15. **'Light'**. Небо дает свет. Свет исходит от небесных светил (*The sun that shines from heaven...* Shakespeare).

16. **'Height'**. Этот понятийный признак восходит к мотивирующему (*And as I thought my spirit ranged on and on In footless traverse through ghastr heights of sky...* Hardy).

17. **'Colour'**. Один из актуальных понятийных признаков английского концепта реализуется посредством слов, обозначающих цвет неба, его тона и оттенки (*He walks On heaven's pavement...* Keats).

18. **'Time'**. Небо – основной источник для наблюдения за временем: всходит солнце – наступает утро, всходит луна на небо – пришла ночь. 'Время' – один из значимых понятийных признаков *heaven (the eternal Heavens)*.

К частотным понятийным признакам концепта *heaven* относятся: 'stars in heaven(s)' (22%), 'the abode of God, the angels, and the spirits' (17%), 'the sky (or air), the region of the atmosphere; or an elevated place' (12%).

Признаки неба могут быть описаны в **оценочных парадигмах** «хороший-плохой», «красивый-безобразный» и др., относящихся к разным видам оценки. Мелиоративная оценка неба и *heaven* реализуется посредством прилагательных *великолепный, превосходный, superlative*. Небо символизирует идеальную сторону бытия, отсюда – малоэффективность негативной составляющей

оценочной шкалы. К частной оценке неба относится широко используемая эстетическая оценка. Эта оценка связана с чувством прекрасного, которая выражается в русском прилагательным *прекрасный* и производными, в английском прилагательным *perfect*. Оценка неба более свойственна для английской лингвокультуры, о чем свидетельствует количество примеров с соответствующими оценочными признаками: их в 4 раза больше, чем в русском материале. При этом небу в ней дается общая мелиоративная оценка (72%) и частная эстетическая оценка (28%). Русская лингвокультура отличается разнообразием типов оценок неба; чаще встречается частная эстетическая оценка (66%).

Антропоморфная модель мира относит человеческий организм к основе архаичной классификации всего сущего. Особый интерес вызывают метафоры, в которых *небо* представляется частью некоего космического тела: 'головой', 'черепом', 'лицом', '(божьим) глазом', 'ртом', 'животом'. Истоком этих метафор выступает древний миф о сотворении мира из частей тела первочеловека, объясняющего характерный для мифопоэтической картины мироздания параллелизм между макрокосмом и микрокосмом, их изоморфизм, однородность. Первочеловек называется *великаном*, *исполином*. Иногда происходит замещение мифа о первочеловеке мифом о боге. Соматические метафоры имеют под собой еще одну основу – мифы о Первочеловеке, принесенном в жертву для создания мира. В русской лингвокультуре сохранился забытый нами миф о принесенном в жертву Боге, который называется по-библейски Саваофом: «Оттого зачался наш белый свет – от святого Духа Сагаофова; Солнце красное от лица Божья, самого Христа Царя небесного, млад-светёл месяц от груди Божьих; звезды цястыя от риз Божьих; Утренняя заря, заря вечерняя От очей Божьих, Христа Царя небесного» (Стихи духовные 1991: 32-33).

К ассоциации как символу Великой богини восходят мифологические представления о *небе* как океане. Метафора неба-реки-океана устойчива в сравниваемых лингвокультурах (*небесный/воздушный океан*). Этот ряд дополняется метафорой неба-озера (... *Они сели в лодку и поплыли по гладкому озеру-небу*. Гранин; ... *Hills which rear their scathed heads to the sky-lakes, that, winding up the shadowy valleys, lead at every turn to yet more romantic recesses – rocks which catch the clouds of heaven*. Scott).

Небо символизирует чистоту (*Чисто вечернее небо*. Лермонтов; ср.: *Her gentle face bending down as from a purer region nearer Heaven...* Dickens) и волю (*Как я рвался на волю к облакам!* Лермонтов). Чистота, тишина, безмолвие *неба* ассоциируются со сном, смертью, тайной, истиной, дыханием Бога, святостью, очищением от скверны.

В русской лингвокультуре доминирующим считается символический признак неба 'океан/ море/ озеро/ река' (65%). В английской лингвокультуре доминирующие символические признаки: 'океан/ море/ озеро/ река' (50%) и 'символ чистоты' (37%).

Подведем основные итоги.

1. Фрагментами концептуальной сферы «МИР», отличающейся многокомпонентностью и культурной обусловленностью, являются эквивалентные, но не идентичные и не изоморфные концепты *небо* и *heaven*. Структуры исследуемых концептов частично совпадают, частично отражают специфику национально-культурного восприятия и способов категоризации;

2. Концепты *небо* и *heaven* имеют сложные структуры, состоящие из различных групп концептуальных признаков: мотивирующих, образных, оценочных, понятийных, символических, которые отображают прототипические способы описания фрагментов мира и отражают культурные особенности народов, говорящих на русском и английском языках.

3. Концепты *небо* и *heaven* относятся к числу конкретных концептов, т.е. представляющих реально существующий в физическом мире объект природы, и это определяет специфику их структур – особую значимость мотивирующих, понятийных (на которые наложила свой отпечаток научная картина мира и религия), оценочных и, в особенности, образных и символических признаков (в которых отобразились архаичные религиозные мировоззрения разных народов). Объекты физического мира, через сопоставление с которыми происходит актуализация образных признаков исследуемых концептов, являются базовыми для их познания, для выявления конституирующих свойств доступной для непосредственного восприятия части физического мира.

Литература

Пименова (Демидова), Е.Е. Архаичные способы категоризации *неба* // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009, № 1. – С. 41-46.

Пименова Е.Е. Религиозные признаки концепта *небо* // *Ethnohermeneutik und Anthropologie*. – Landau, 2004. – S.210-213.

Пименова Е.Е. Сравнительный анализ мифологических признаков концептов *небо* и *heaven* в русском и английском языках // Материалы XLIII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Языкознание. – Новосибирск, 2005. – С. 35-38.

Пименова Е.Е. Лингвокультурологический аспект исследования политической метафоры (способы объективации концепта *небо*) // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 114-120.

Пименова Е.Е. Колоративные признаки концепта *небо* // *Welt in der Sprache*. – Landau, 2005. – S. 119-126..

Пименова Е.Е. Образные признаки в структуре концепта *Himmel* (на материале немецких художественных произведений) // Мир и язык. – Кемерово, 2005. – С. 173-180.

Пименова Е.Е. Антропоморфные признаки концепта *Himmel* // Грамматика. Семантика. Концептология. – Кемерово, 2005. – С. 222-228.

Пименова Е.Е. Концептуализация *неба* в произведениях А.А. Блока // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Архангельск, 2005. – Вып. 2. – С. 443-447.

Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концептуализация *неба* и *heaven* мифологическими признаками и специфика их объективации в русском и английском языках // Культура и текст – 2005: в 3 ч. – СПб., Самара, Барнаул, 2005. – Т. 3. – С. 156-162.

Пименова Е.Е. Теоморфные признаки в концептуальных структурах *HIMMEL* и *HEAVEN* // Традиционная культура сегодня: теория и практика. – Челябинск, 2006. – С. 294-299.

Пименов Е.А., Пименова Е.Е. Антропоморфизм *неба, небес, Himmel* и *heaven* (сопоставительный анализ концептов) // Концепт и культура. – Прокопьевск, 2006. – С. 410-424.

Пименов Е.А., Пименова Е.Е. Когнитивная лингвистика на современном этапе // Язык. Культура. Коммуникация. – Волгоград, 2006. – Ч. 1. – С. 52-62.

Пименова Е.Е. Антропоморфизм как способ концептуализации *неба, небес, Himmel* и *heaven* (сопоставительный анализ) // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2006. – С. 541-554.

Пименова Е.Е. Концептуализация *неба* в произведениях И.С. Тургенева // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения лингвистике: в 4-х частях. – Кемерово, 2006. – Ч. 2. – С. 47-55.

Пименова Е.Е. Геоморфизм как способ концептуализации *неба*, *небес*, *Himmel* и *heaven* // Сибирь на перекрестье мировых религий. – Новосибирск, 2006. – С. 245-252.

Пименова М.В., Пименова Е.Е. Концепт «небо» и способы его объективации в произведениях В.П. Астафьева // Антропоцентрическая парадигма лингвистики и проблемы лингвокультурологии: в 2-х т. – Стерлитамак, 2006. – Т. 2. – С. 90-94.

Пименова Е.Е. Концептуализация *неба* и его объектов в авторской картине мира А.П. Чехова // Труды по когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2008. – С. 688-700..

Пименова Е.Е. Концептуальная метафора «небо/ *Himmel*/ *heaven* – дом» // Ментальность народа и его язык. – СПб., 2009. – С. 316-325.

Пименова Е.Е. Пространственные метафоры *неба* (на примере атрибутивных конструкций) // Новое в славянской филологии. – Севастополь, 2009. – 625 с. – С. 358-365.

Пименова Е.Е. Мотивирующие признаки концептов *небо* и *Himmel* // Политика в зеркале языка и культуры. – М.: ИЯ РАН, 2010. – С. 399-408.

Пименов Е.А., Пименова Е.Е. Специфика концептуализации *неба* и небесных объектов в авторской картине мира Н.В. Гоголя аспекты. – М., 2009. – Т. V. – С. 55-61.

Пименова Е.Е. Образы неба в произведениях А.С. Пушкина // Концепты культуры в языке и тесте: теория и анализ. – Olsztyn, 2010. – С. 115-130.

Пименова Е.Е. Концептуализация *небес* посредством признаков артефактов // Язык и ментальность. – СПб., 2010. – С. 489-495. (Серия «Славянский мир». Вып. 5).

Д.А. Зибров (Иркутск)

СЕРДЦЕ

Одним из наиболее ярко представленных в языке органов человека является сердце, о чём свидетельствует тот факт, что лексемы *сердце* в русском, *heart* в английском и *coeur* во французском языках весьма распространены: они обладают широким спектром значений, входят в состав многих устойчивых выражений и фразеологизмов.

Сердце - основной орган кровеносной системы, один из жизненно важных органов и, пожалуй, единственный из внутренних органов, деятельность которого так заметна и ощущается человеком на протяжении всей жизни. Как для русского, так и для ан-

глийского и французского языков применительно к сердцу характерны представления о ценности, уязвимости и критической важности. Сердцем часто называют центральную или важную часть или область. Сердце ответственно за эмоциональную и духовную жизнь человека, его характер и личностные качества. Несомненный интерес для исследования представляет анализ контекстуальных актуализаций лексем *сердце* в русском, *heart* в английском и *coeur* во французском языках, который позволяет выявить сходства и различия в национальных картинах мира по данным языков и, по возможности, понять и объяснить, как и почему одно и то же явление (сердце) по-разному представлено в языковом опыте людей, говорящих на разных языках.

Цель работы заключается в конструировании концепта СЕРДЦЕ на основе анализа лексем, устойчивых выражений и фразеологизмов, содержащих лексемы *сердце*, *heart*, *coeur*.

Предметом исследования является концептуальная систематика лексем *сердце*, *heart* и *coeur* в контекстуальном окружении.

Эмпирической базой исследования послужили данные лексикографических источников, выборка текстовых фрагментов из публицистических изданий, научной и специализированной литературы, текстов художественных произведений.

Традиционной отправной точкой концептуального анализа является анализ словарных дефиниций исследуемой лексемы. Данные анализа словарных дефиниций и этимологии слов *сердце*, *heart* в английском и *coeur* во французском языке позволяют составить предварительную картину.

В английском языке:

- сердце в физиологическом понимании, сердце как орган;
- сердце в анатомическом понимании как область грудной клетки;
- эмоциональный центр, место переживания эмоций и чувств;
- склонность, характер, основные черты, присущие человеку;
- способность к сочувствию, эмпатия, сострадание;
- любовь, тёплые чувства, расположенность (по отношению к другому человеку, в том числе, метонимический перенос при обращении *dear heart*);
- мужественность, отвага, смелость;

- жизненно важная или наиболее значительная часть;
- сердцевина (плода), центральная (по отношению к периферийной) или внутренняя по отношению к внешней области;
- графический символ сердца, иконическое изображение (масть в картах - черви, символ любви и т.п.).

Во французском языке значения лексемы *coeur* можно сгруппировать следующим образом:

- сердце как орган, перекачивающий кровь (также желудок *avoir le coeur entre les dents* - букв, *сердце меж зубов - вот-вот вырвет*); сюда же можно отнести употребление слова *coeur* в значении *пульс - сердцебиение*;
- сердце в анатомическом смысле - как область (сюда же можно отнести и представление о сердце как желудке из пункта 1) - *avoir mal au coeur* - испытывать чувство тошноты или дискомфорта в области живота);
- воображаемое место (*siege imaginaire*), переживания чувств и эмоций;
- область, зона, где наблюдается наибольшая активность, температура или наибольший накал страстей: сюда можно отнести такие интерпретации слова *coeur*, как *центральная часть режиссёра* и *зона наиболее напряжённых действий*;
- наиболее важная часть вопроса или проблемы в переносном смысле; в предметном значении - функциональный центр, основная часть механизма (*le coeur du mecanisme*);
- графический символ сердца, карточная масть.

Как видно из приведённых дефиниций, во французском языке более развито предметное представление о сердце, чем в английском языке.

В русском языке:

Обратимся к словарям русского языка.

- физиологическое представление о сердце как органе (но не области грудной клетки);
- средоточие человеческих чувств и эмоций;
- важная центральная часть единства, сердцевина;
- символическое изображение сердца, карты червонной масти;

Выявление концептуальных признаков по данным словарей показывает, что семантика лексем *heart* и *coeur* шире представлена в английском и французском языках, чем семантика слова

сердце в русском языке. Общими в семантике лексем *сердце*, *heart* и *coeur* являются следующие представления: представление о сердце как органе, перекачивающем кровь, представление о сердце как органе чувств.

Следует отметить, что в русском языке душа и сердце, будучи соположенными, тем не менее, различаются (Пименова 2004). Так, по утверждению Е.В. Урысон (Урысон 2005), душа отвечает за внутреннюю жизнь человека, а сердце - за эмоции и чувства. В то же время, в английском языке *heart* (сердце) и *soul* (душа) выступают синонимами и часто оказываются взаимозаменяемыми (CALD 2005; CCEED 1989; AHDEL 2006; CEEL 2003; ELL 1994).

Весьма важным для исследования представляется также анализ этимологии слов *сердце*, *heart* и *coeur*. Историко-этимологический анализ показывает, что слова *сердце* в русском, *heart* в английском, *coeur* во французском и *Herz* в немецком, несмотря на достаточно значительные внешние различия, произошли от одной индоевропейской основы *herd*. Дальнейшее развитие этой основы в германских языках дало *hairto* в готском, затем древневерхненемецком *herza*, от которой уже произошли современное немецкое *Herz* и английское *heart* (AHDEL 2007; CEEL 2003; MWDEU 2001; WEUDEL 1996). В латинском *herd* дало *cor-*. Корень *cor-* получил распространение в романских языках, в частности, во французском, где и дал *coeur*. В английском корень *cor-* присутствует в слове *cordial* (сердечный, радушный (о человеке, приёме), тонизирующий напиток) и его производных *cordiality*, *cordially* и т.п. Слово это пришло в английский в XIV в. из позднелатинского *cordialis* (сердечный). В современном английском, немецком и романских языках параллельно с основой *cor->* англ. *cordial*, фр. *cordial*, *cordialite* присутствуют также слова с основой *car->* *cardiac* англ. *cardial arrest*, фр. *crise cardiaque* (сердечный приступ), рус. *кардиограмма* и т.п. Основа *car-* - греческая, появилась в поздней латыни в начале XVII в., от греч. *kardia* (сердце) <— *kerd* в связи с развитием науки и, в частности, медицины, в которой слов с основой на *car-* больше всего. В классической латыни основы *car-* не было.

Слова с *cor-* имеют, как правило, переносное значение: *cordial*, как во французском, так и в английском (в немецком латинский корень *cor-* распространения не получил) *cordial* - *искренний, тёплый, радушный, глубоко переживаемый*; *cordiality / cordialite*

- *радушность, искренность*. О метафоричности в словах на *cor*-свидетельствуют также латинские дериваты *cor. concord* (согласие), *concordance/concordant* (англ., франц.): *cor+cord* <~ *cor* - букв. единым сердцем, единогласно; *accord ad+cord, record* (от лат. *recordare* - освежать, восстанавливать в сердце - в памяти); *courage* (мужество, отвага), в английском и современном французском появилось из старофранцузского *corage* (Furetiere 2003).

Из всякого правила, однако же, есть исключения. В английском и французском языках (в английском языке из французского) *cordial* встречается в значении *стимулирующее средство, бальзам, ликёр*. Поскольку слово *coeur* (*сердце*) во французском долгое время означало область груди и живота (Furetiere 2003), и даже не проводили различия между сердцем и желудком (например, *avoir mal au coeur* - чувствовать тошноту, есть основания полагать, что укрепляющее средство, бальзам или ликёр (жидкость, обладающая повышенной вязкостью), называется *cordial*, поскольку вызывает относительно продолжительный внутренний разогрев.

Core (англ.) в значении *стержень, сердцевина* появилось в XIV веке; этимология, если верить словарям, остаётся неясной (предположительно от *cors<corpus*). Возможно, *core* появилось из латинской основы *cor-* или же из французского *coeur*, поскольку значения *coeur* во французском и *core* в английском языках во многом сходны. Кроме того, семантика *core* схожа с семантикой *heart*. Так, этим словам присуща идея центральности, наиболее-важной части: *core of the city* (англ.) - центр города, тж. *core city, inner city* (англ.) внутренняя часть города; сердцевина, ядро (плода), ядро (небесного тела) ср. *heart*, активная зона реактора; основная, существенная или постоянная часть *the staff had a core of experts* (англ.) в штат входила постоянная группа экспертов; глубинная, внутренняя, сокровенная часть, сущность: *the core of her beliefs* (англ.) суть ее убеждений; *honest to the core* (англ.) искренний до глубины души.

В праславянском от индоевропейской основы *herd* произошло **sbrd*. Старшее значение слова - «то, что внутри», «вместилище души». С XI века древнерусское уже *сръдьце*. Корень *serd* с семантикой центральной, внутренней части, берущий начало от индоевропейской основы *herd*, характерен для всех славянских

языков, включая русский, белорусский, украинский, болгарский и другие языки (Черных 1999; Фасмер 2006).

Таким образом, можно говорить, что в основе семантики слов *сердце*, *heart* (англ.), *coeur* (фр.), *Herz* (нем.) лежит идея центральности, внутренности. Именно эта интерпретация знака (лексем *сердце*, *heart* и *coeur*) является наиболее прототипичной.

Исследование корпуса примеров, как уже было сказано, позволяет выделить два основных пути концептуализации сердца: анатомический и физиологический, т.е. основанных на представлении сердца как органа и как области.

К анатомически обусловленным представлениям о сердце относятся следующие интерпретации слова *сердце*.

1. Географический центр, центральная часть страны, города

Обозначение словом *сердце* географического центра, центральной части наиболее характерно для английского и французского языков: так, в английском и французском языках слово *heart* и *coeur* в значении географического центра употребляется применительно к городу, селу или деревне, району или области на карте, применительно к центру военных действий и т.п. Для русского языка *сердце* в значении *географический центр* нехарактерно, и сердцем, как правило, называется столица страны, положение которой далеко не всегда совпадает с центром географическим. *Сердце страны* в русском языке - центр экономический, политический или административный. Так, к примеру, под выражением *heart of America* подразумевается глубинка, штаты, находящиеся в центре континента, тогда как конструкция *сердце Америки* по-русски означала бы, скорее всего, конкретный город (Вашингтон), т.е. столицу.

Концептуализация сердца страны в русском языке основывается, в отличие от английского или французского, на функциональном (физиологическом) представлении о сердце как органе: столица страны является важным органом её организма.

2. Середина временного отрезка

Определение середины временного отрезка как сердца характерно исключительно для английского и французского языков и практически не встречается в русском. Как в английском, так и во французском языках сердцем может называться середина, разгар сезона (спортивного, туристического, сезона дождей или урага-

нов) как по временному, так и по качественному или количественному критерию (так, к примеру, США, период, в который ураганы проявляют наибольшую активность и чаще происходят, называется сезоном ураганов: *heart of a season* (англ.), *coeur de saison, coeur de l'ete* (франц.)

5. **Суть дела, скандала, спора** Описание в «сердечных» терминах сути дела, судебного или политического скандала, происшествия весьма распространено в английском и французском языках: *heart of a matter* (англ.); *coeur de affaire* (франц.) и встречается в самых разных контекстах: планирования поездки *coeur du voyage*, военных действий *heart of the action*, избирательной кампании *coeur de la campagne*. Для русского языка подобные примеры нерелевантны.

В концептуализации сердца по функциональному пути можно выделить следующие подгруппы.

L Центр эмоциональной жизни Представление о сердце как центре эмоциональной жизни характерно как для русского, так и для английского и французского языков. Часто сердце отождествляется с душой, описывая душевные переживания и эмоции: *сердце ноет / болит* по кому-л.; *heart aches* (англ. перен. *сердце болит* - обозначает душевные муки, волнение). Важно отметить, что душа, как она представлена в языке, отвечает за различные психические процессы; сердце при этом понимается как материальная субстанция, «платформа» для души и связанных с ней явлений: *сердце щемит, сердце заходится (кровью обливается), сердце радуется, тяжело на сердце/душе, камень на сердце*.

Разумеется, в таких примерах речь идёт не о физических ощущениях, которые испытывает человек в области сердца, но о душевных муках, переживаниях, *heart bleeds, heart aches* и т.п. Когда говорят о том, что чьё-то *сердце учащённо забилося, heart palpitates, throbs, beats* (пер. с англ. *сердце бьётся, стучит, пульсирует*) - очевидно, что подобные выводы делаются не на основании замера пульса. О человеке жестоко говорят, что он *бессердечный - heartless*, что опять же не означает отсутствия у него сердца как физического органа: возможно, такое сравнение основано на том, что у такого человека сердце бьётся ровно, нисколько не изменяя своего ритма или же на представлении отождествления сердца и сострадания - нет сердца, нет и жалости / состра-

дания *безжалостный* ~ *heartless* (англ.), *sans coeur* (франц.) *бессердечный*, не имеющий сердца.

2. Наиболее важная функциональная часть единства Представление центральной, наиболее важной части какой-либо сущности в «сердечных» терминах обусловлено анатомическими и физиологическими особенностями сердца как органа: находится глубоко внутри, очень значимо для жизни, бьётся и пульсирует.

Сердцем может обладать как физическая дискретная сущность (единство), например, машина, сердцем которой является двигатель, дерево или подводная лодка, так и нефизическая, абстрактная: группа, регион, эксперимент, теория и т.п. Так, метафора СЕРДЦЕ - ЦЕНТР в функциональном аспекте основана на физиологическом представлении о сердце как органе. По аналогии сердца, которое перекачивает кровь с двигателем, перекачивающим горючее, возникла метафора ДВИГАТЕЛЬ - СЕРДЦЕ машины.

3. Сердце как физический предмет

Как в русском, так и в английском, и французском языках сердце представлено с достаточной степенью конкретности как предмет, физические характеристики которого соответствуют личностным качествам человека или его эмоциональному состоянию. Соответственно, сердце может быть описано в следующих терминах.

Массы - быть лёгким и, соответственно, *рваться из груди, стремиться в полёт* или быть тяжёлым: *делать что-либо с тяжёлым или каменным сердцем / with a heavy heart* - с гнетущим чувством, с камнем на душе, неохотно, против воли, но по необходимости. *С лёгким сердцем / I light heart* значит, с чистой совестью, с чувством свободы и выполненного долга.

Плотности: *качнное сердце* или *ледяное сердце (heart of stone / ice)* у недоброго, жестокого человека. Сердце сравнивается с камнем из-за его свойств: камень на ощупь твёрдый и холодный (в особенности кремень). *Мягкое, податливое сердце, сердце не камень*, наоборот, у человека доброго, покладистого или даже безвольного, что не всегда приветствуется: для английского языка характерна такая метафора, как *stout heart* (букв. *твёрдое, крепкое сердце*) - преданный, надёжный союзник, храбрый человек.

Объёма: *большое сердце / big heart / grand coeur* у человека великодушного, щедрого, доброго. Прямого коррелята *малое сердце* в английском нет, поэтому для указания на малодушие человека используется выражение *fainthearted*, т.е. буквально *трусливое сердце*, что, возможно, обусловлено тем, что если сердце большое, то оно смелое и бояться не должно по определению.

Температуры: *cold / warm heart* - *ледяное / тёплое сердце*. *Холодное, жестокое / доброе сердце*. Но если в английском языке понижение температуры сердца ср.: *охладеть сердцем* значит *очерстветь или ожесточиться*, то в русском это скорее означает утрату энтузиазма, наличие которого, наоборот, температуру повышает: *горячее сердце* у людей, преданных делу и делающих его с большой энергией и охотой. Температура сердца связана с температурой чувств: *to have friendly, tender, warm feeling* - испытывать теплые, нежные чувства по отношению к человеку, животному, к делу как деятельности, вещи и т.п., *to grow cool* - *охладевать*, ср. *чувства остыли, охладели; опостылеть* от «стыть, остывать».

Безусловный интерес представляют также конструкции обладания с лексемой *сердце*: как в русском, так в английском и французском языках сердце может выступать как конкретный предмет, который можно *похитить, завоевать, разбить, отдать* и т.п. Однако если в русском языке *отдать сердце* означает *полюбить*, то в английском языке *to give heart* значит *ободрить*, а *полюбить* - *give heart to* (*to* здесь выполняет функции утраченного дательного падежа); интересно отметить, что *lose heart* - буквально *потерять сердце* - в английском языке означает, в зависимости от контекста, *струсить, утратить мужество* или *влюбиться*, во французском языке *(re)donner du coeur* буквально переводится как *дать сердца* ~ (при)ободрить, в то же время, *donner le coeur a* - посвятить себя какому-либо делу, реке человеку; *perdre coeur* - буквально *потерять сердце* - значит *оробеть, испугаться*. Партитивный артикль *du (de la)*, обозначающий, как правило, некоторое количество, указывает на то, что сердце в данном случае концептуализируется как субстанция.

В русском языке фраза *у него сердце* понимается как *он страдает заболеванием сердца*, а *у него нет сердца* ~ как то, что человек, о котором идёт речь, отличается жестокостью; оппозиция наличия/отсутствия сердца последовательно соблюдается только

в английском языке, где *he has a heart* (англ. букв., у него есть сердце) говорят о человеке, способном к сочувствию и состраданию, а *he has no heart* (англ. букв. у него нет сердца) о человеке, к состраданию неспособном; для француза *il a du coeur* значит, что человек, о котором идёт речь, отличается храбростью, мужеством, а *il manque le coeur* (франц. букв. у него нет сердца - но не *il manque du coeur* - не хватает мужества) говорят о человеке жестоком. Таким образом, отсутствие сердца во всех трёх языках означает жестокосердие. Однако во французском языке «нехватка сердца» *manque du coeur* означает недостаточность сил или упорства, на что указывает паритивный артикль *du*.

В ходе контекстуального и семантического анализа лексемы *сердце* в русском, *heart* в английском и *coeur* во французском языках установлено, что слова *сердце*, *heart* и *coeur* в русском, английском и французском языках имеют общую этимологию, и семантика их во многом схожа. Основывается она на общих представлениях о физиологии сердца как органа и анатомии сердца как области. Так, сердце как топологический центр в метафоре СЕРДЦЕ - ЦЕНТР соответствует «наивным» (Апресян 1988) представлениям об анатомии сердца как области Грудной клетки, напротив, сердце как центр в функциональном аспекте в метафоре СЕРДЦЕ - ЦЕНТР обусловлено представлениями о физиологии сердца как органа. Следует отметить, что для русского языка топологический аспект метафоры СЕРДЦЕ - ЦЕНТР актуален в городе и в меньшей степени, нежели для английского и французского языков.

Таким образом, как видно из таблицы, в английском и французском языках метафорические значения лексем *heart* и *coeur* представлены более широко, чем те же значения лексемы *сердце* в русском языке. Общей характерной чертой для всех трёх исследуемых языков является то, что топологический аспект метафоры СЕРДЦЕ - ЦЕНТР, основанный на анатомических представлениях о сердце как области, более развит по сравнению с функциональным аспектом (физиологические представления).

Литература

Зибров Д.А. Концепт и знак: к постановке проблемы // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. - Иркутск, 2008. - Вып. 1. - С. 89-93.

Зибров Д.А. Концепт СЕРДЦЕ: проблемы структурирования // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: материалы 9-го Регион. науч. семинара. - Иркутск, 2006. - С. 47-54.

Зибров Д.А. Концепт и знак. Опытная природа концепта // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13-16 июня 2006 г. - Иркутск, 2006. - С. 71-78.

Зибров Д.А. Метафора СЕРДЦЕ ЦЕНТР: функциональный и топологический аспект // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: материалы 1-й Всерос. науч. конф. - Иркутск, 2007. - С. 96-104.

Зибров Д.А. Семантическая оппозиция «массы сердца» как основа выражений, обозначающих эмоциональное состояние // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13-15 июня 2007 г. - Иркутск, 2007. - С. 140-146.

Зибров Д.А. Посессивные конструкции с лексемой сердце как выражения личных качеств человека // Проблемы концептуальной систематики языка и речевой деятельности: материалы 2-й Всерос. науч. конф. - Иркутск, 2008 - С.99-105.

С.А. Малахова (Армавир) **ГОРДОСТЬ И СТЫД**

Объектом данного исследования являются личностно-эмоциональные концепты «гордость»/«pride» и «стыд»/«shame» в русской и английской лингвокультурах. В качестве предмета изучения рассматриваются культурно обусловленные, вербально выраженные характеристики данных концептов в русском и английском языковом сознании.

Цель работы заключается в проведении сопоставительного исследования русских и английских личностно-эмоциональных концептов «гордость»/«pride» и «стыд»/«shame» как сложных, многомерных вербализованных конструкторов человеческого сознания. В задачи исследования входит анализ лингвокультурной специфики и семантической структуры исследуемых концептов в научном, языковом и религиозном сознании; анализ понятийной, образной и значимостной составляющих указанных концептов в сопоставляемых языках.

Изучение эмоциональных концептов в языке предполагает определенные процедуры анализа. В рамках данного исследова-

ния выделяются следующие направления. Прежде всего, определение словарных номинантов эмоций, анализ их исторического развития, выявление парадигматических и синтагматических отношений между языковыми единицами, выражающими соответствующие концепты, а также характеристика концептуализации эмоций в наивной и научной картинах мира.

В психологии гордость и стыд рассматриваются как параллельные процессы противоположной полярности, имеющие свои прототипические черты и социальную направленность. Стыд определяется как первичное проявление нравственного сознания, выступающее в форме переживания своего несоответствия перед лицом других. При этом стыд имеет двоякую функцию, он имеет значение как для индивида, так и для общества в целом.

Гордость в психологии – состояние удовлетворения за принятые усилия и достигнутые успехи. Эмоцию гордости можно испытывать как в отношении личных заслуг, так и в отношении достижений других людей, а также социальных общностей. Гордость также связана с потребностью человека в уважении себя со стороны других. Если эта потребность выражена чрезмерно, можно говорить о появлении такого морального чувства, как тщеславие, самодовольство или высокомерие.

Одним из инструментов анализа «языкового сознания», отраженного в лексическом фонде языка, может быть исследование речевых реализаций концепта в письменных текстах и в паремиологии. Материалом для исследования паремиологического представления о гордости послужили словари пословиц и поговорок русского языка XVII – XX вв.

В результате анализа паремий обнаружены более 100 паремических представлений о **гордости**, имеющих различные предметно-образные наполнения. Наиболее полно представлена семантическая группа «нравоучение, рекомендация или нормоустановка» (*Не кичись, лучше в ножки поклонись; Не задирай нос высоко – споткнешься; Будь красив, да не будь спесив* и др.), «характеристика гордеца» (*Как индюха ходит; Как брянская коза вверх глядит; Руки в боки, глаза в потолки* и др.), а также социально-статусное проявление гордости (*У спесивого чины дороже вотчины; Боярская спесь на самом сердце нарастает; Нищему гордость, что корове седло* и др.). Отдельную семантическую группу составляют пословицы религиозного происхождения. Многие

церковные максимы, близкие к афористической форме, в процессе бытования приняли емкую пословичную форму (*Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать; В убогой гордости диаволу утеха*). Незначительное количество пословиц можно отнести к группе, которая характеризует гордость как интеллектуальное несовершенство, противоположное уму (*Горду быть – глупым слыть; Гордый и спесивый – глуп, как мерин сивый* и др.).

Чувство гордости в народной мудрости, как правило, оценивается отрицательно, если его проявление ведет к высокомерному поведению по отношению к окружающим. Напротив, гордость как чувство собственного достоинства может оцениваться положительно: *Русский в словах горд, в делах тверд*. Эмоция гордости в количественном отношении достаточно широко отражена в русском пословично-поговорочном фонде, что позволяет говорить о глубокой степени отрефлексированности эмоции в сознании носителей русской культуры. Можно заключить, что для русских пословиц и поговорок характерным является христианизированный стереотип восприятия гордости как греха. Русский человек в повседневной жизни должен был следовать максиме: «Честных почитай, а гордых презирай».

Концепт «pride» в английской паремиологии отразился меньше: из более 3000 английских пословиц только 37 примеров можно отнести к данному концепту. Наибольшую семантическую группу составляют пословицы, которые описывают гордеца не с позиций фенотипической характеристики гордого человека, а указывают на взаимоотношения гордеца с социумом (*Pride with pride will not abide; I proud and thou proud, who shall bear the ashes out?; Pride and grace dwelt never in one place* и др.). Ряд английских пословиц говорят о последствиях проявления гордости и опасностях, которые ожидают гордеца, например: *Pride increases our enemies, but puts our friends to flight; Pride, joined with many virtues, chokes them all* и др. Английская пословица связывает гордость с дьявольским проявлением (*Pride is a flower that grows in the devil's garden*). С точки зрения христианской этики «гордость» представляет собой первый из смертных грехов и, безусловно, осуждается. В пословицах *Pride goes before a fall; The highest tree has the greatest fall; Up like a rocket, down like a stick* отражается метафорическое восприятие гордости как поведения, неизбежно ведущего к поражению, моральному и социальному

падению.

Анализ синтаксических структур паремий показал, что, по сравнению с английским языком, русский язык, отражая эмоциональный концепт «гордость», категоричней выражает предписание и назидание по поводу того, как надлежит себя вести, что достигается с помощью императивных конструкций. В русском языке соответствующий концепт распредмечивается более чувственно и более образно. В английском языке пословицы, объективирующие концепт «pride», констатируют факт или событие, говорят о его закономерности и обобщенности. В английском языке по сравнению с русским мало пословиц, которые дают оценку или характеристику человеку-гордецу. Общим для сопоставляемых лингвокультур является известное библейское представление о гордости как о грехе.

Анализ понятийной составляющей на материале поэтического дискурса дает возможность сделать следующие выводы. В русском и английском языковом сознании исследуемый концепт проявляет следующие смысловые компоненты: 1) гордость как высокомерие, дерзость; 2) гордость как чувство собственного достоинства. Соответствующие значения отмечены и в толковых словарях. В поэтических текстах, как и в словарных дефинициях современных словарей, гордость представлена и как чувство (эмоция), и как объект (то, чем гордятся). Анализ контекстуального употребления номинативных единиц концепта позволил выявить и такой его признак, как социальная зависимость, а также гендерный аспект, что в лексикографических источниках не отмечается. Большинство семантических признаков концепта являются общими в сопоставляемых поэтических текстах (44 примера с отрицательным отношением к гордости и 11 с положительным, в то время как в русских текстах соответственно – 11 и 6). Однако концепт «гордость» более частотно представлен в текстах английской поэзии, что, возможно, говорит о большей релевантности этой эмоции в поэтическом сознании интеллектуальной элиты английского общества.

Среди общих признаков можно выделить следующие: христианизированный взгляд на гордость («И князь Андрей воскликнул с торжеством: “Я говорю, поплатимся жестоко/за гордость мы и беды наживем”» (Майков); «Would’st tell me I must brook the rod, / And Chastisement of human pride; / That pride, the sin of devils»

(*Tennyson*); представление о гордости как объекте, вызывающем положительные чувства и эмоции (*святая гордость, благородная гордость, смелая, чистая гордость; moral pride, honest pride, heroic pride, stainless pride*); сословно-социальный характер гордости («*Ему даровано властительное право / Пред гордостью царей не уклонять чела / И проповедовать великие дела*» (*Языков*); «*On one side swelled aristocratic Pride*» (*Thomson*); гордость как принадлежность молодости, юности («*Сколько спутников и друзей! / Ты никому не вторишь. / Правят юностью нежной сей – / Гордость и горечь*» (*Цветаева*); «*While, to swell thy young pride, sush applauses resounded*» (*Byron*); гордость личная и коллективная («*И прадеда скрипкой гордился твой род*» (*Мандельштам*); «*Это голос страны, который окреп. / Это гордость её*» (*Рождественский*); «*He was a cold, good, honourable man, Proud of his birth, and proud of every thing*» (*Byron*); «*"A bowl, a bowl of double measure," / Cries Benjamin, a draught of length, / To Nelson, England's pride and treasure*» (*Wordsworth*); гордость женская («*With maiden pride the maid conceal'd*» (*Scott*); «*Круглолица и смугла, / Юлия изобразила / Гордость деви молодой...*» (*Иванов В.*); сердце и душа как место обитания эмоции гордости («*Ангел благого молчанья, / Гордость в душе оживи...*» (*Брюсов*); «*And now his hart / Distends with pride*» (*Milton*). Специфичным для английской поэзии является противопоставление гордости и стыда.

Образно-перцептивные характеристики гордости проявляются в следующем. Гордость ассоциируется с определенными внешними проявлениями (лицо, походка, поза, взгляд): «*И все же ты – святоша и трусиха, / ханжа, в гордыне, выгнувшая бровь*» (*Луконин*); «*An Arnaout girl, in costly garb, walks with graceful pride*» (*Byron*); «*Looked with pride upon the beauty / On his tall and graceful figure*» (*Longfellow*). Гордости близка визуальная отстраненность, одиночество, т.е. эмоциональный холод: («*Не виноват никто ни в чем: / Кто гордость победить не мог, / Тот будет вечно одинок*» (*Мережковский*); «*With indignation turned himself away, / And with the food of pride sustained his soul / in solitude*» (*Wordsworth*). В отношении высокомерного человека можно сказать, что он «надут гордостью», «наполнен гордостью»: «*Сладко щекотят тебе ухо красны речи, / Вздутым поднят пузырьем, чаешь, что под плечи / Не дойдет тебе людей все прочее племя*» (*Кантемир*); «*He was puffed with pride...*»; «*She was full of pride*» (*Longfellow*).

Представление о гордом человеке как высоком, возвышающемся над другими связывает гордость с физической высотой: «Подобный гордостью горам, / Заметным в безднах и лазури, / Я воспарю, как фимиам / С цветов пустынных, к небесам» (Полежаев); «Come, my ambitions! Let us mount together, / And from the clouds, where Pride delights to dwell, / look down on earth» (Wordsworth).

В русском и английском языках характерно наличие ориентационной метафоры, связанной с понятием «верха» и «низа», что можно было бы отнести к так называемым устойчивым метафорическим словосочетаниям. Метафора «низа» связана с последствиями, которые уготованы чрезмерной гордости и которая становится «падшей гордостью»: «Дитя безумного мечтанья, / Надежда храбрых умерла / И падшей гордости стенанья / С собой в могилу унесла» (Полежаев); «Теперь злоумышленье в яме, / За гордость свержено, лежит» (Ломоносов); «...and Richard falls in height of all his pride!» (Shakespeare).

Исследование образно-метафорической компоненты концепта позволяет глубже понять, что стоит за вербальной объективацией языковой личностью окружающего мира. Эмоция гордости в проанализированных примерах часто уподобляется злой силе, несущей деструктивное начало и которая, возможно, наследует архетипические черты древних богов или злых духов, поэтому гордость нападает, мешает, терзает, человека. Встречается метафора, отождествляющая гордость со страданием, отклонением от физической и душевной нормы. Гордость ослепляет, гордость – это безумие: «Да, гордость, Деций!.. Ослепила / Она тебя!..» (Майков).

Единичными примерами представлена «огневая» метафора, где гордость пылает, раздувает внутренний пожар: «Но дикие бури в груди бушевали, / Но гордость и страсти в пожар раздували / Ту искру, в которой таилась любовь» (Вяземский).

Большую часть образных ассоциаций имени «гордость» в русской поэзии составляет персонификация этого чувства. Проявляется это и в адъективной и в глагольной метафоре. Гордость может быть угрюмой, смелой, глупой, мстительной: «Блажен, когда, ступив на путь, он за собою / Покинул гордости угрюмой суеты / И славолюбия убийственны мечты!» (Жуковский); «Не в силах мстительная гордость / Противостать тому кольцу, /

Чьи равнодушие и твердость / Встречают смерть лицом к лицу» (Блок).

Персонафикация гордости в английских поэтических текстах так же частотна, как и в русских. Наиболее часто встречаются метафорические словосочетания, которые можно объединить в семантическую группу «гордость – враг». Гордость способна разрушить и уничтожить, таким образом, язык, поясняя эмоцию, рисует образ агрессивного врага с ярко выраженным деструктивным началом: «*Is this thy soft family love, / Thy cruel patriarchal pride / Planting thy family alone, / Destroying all the world beside?»* (Blake); «*Pride breaks itself, and too much gained is gone*» (Swinnburne). Идея разрушительного действия гордости проявляется и в таком примере, где гордость съедает человека: «*He that is proud eats up himself*» (Shakespeare).

В английском языке адъективная антропоморфная метафора представлена более частотно, чем в русском. Исследование английских поэтических текстов позволило выделить более 60 подобных примеров, которые распределены по следующим смысловым группам: «эмоциональная оценка переживания» (*tumid pride, lofty pride, jealous pride, presumptuous pride, etc.*); «степень переживания эмоции» (*impassioned pride, furious pride, feeble pride, etc.*); «характер протекания эмоции – скрытость / открытость» (*secret pride, solitary pride*).

Адъективная натуроморфная метафора представлена в английских текстах такими семантическими группами, как цветовая метафора и температурная метафора, например: *dark pride, muckle pride, stainless pride, fiery pride*. Значительно реже встречается зооморфная метафора: *serpent pride, turkey-cock pride*.

Так же, как и в русских поэтических текстах, в английских мы находим примеры, где гордость рассматривается как эмоциональное состояние, сопряженное с болезнью: «*In naked feeling, and in aching pride, / He bears the unbroken blast from every side*» (Burns). Для русского и английского языка устойчивым является такое метафорическое словосочетание, как «раненая гордость»: «*darken'd brow, where wounded pride / With ire and disappointment vied*» (Scott).

Структурно-семантический анализ метафорических словосочетаний дает возможность выделить следующие типы метафор в русском и английском поэтическом дискурсе: антропоморфную,

натуроморфную и зооморфную. Наиболее продуктивными, согласно результатам проведенного исследования, являются первые два типа метафор.

Ключевыми для представления о гордости в русской и английской языковой картине мира являются такие идеи, как: возвышение, увеличение и падение; деструктивное начало, зло; борьба; огонь и холод; одиночество. Метафорические выражения, используемые для характеристики гордости, имеют определенное сходство в русском и английском языках, что, возможно, объясняется универсальностью этой человеческой эмоции, а также универсальностью базисных архетипов, лежащих в основе толкования мира человеком. Это наблюдение не исключает присутствие национальной специфики в концептуализации окружающего мира.

Анализ значимостной составляющей концепта показал, что этимология слова «гордость», «гордый» не вполне ясна. По данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» слово связано с о.-с. *gъrdъ* в значении «разборчивый», «придирчивый», «привередливый», отсюда «высокомерный» > «гордый»; в древнерусском языке *гърдъ*, *гърдыи* – «гордый», «важный», «дивный», «строгий», «страшный» фиксируется с XI века. По некоторым данным, лексема *гордость* сближается с лат. *gurdus* «глупый» и даже греч. *bradys* «ленивый» [Черных, 2004].

В СлРЯ XI – XVII вв. и СлРЯ XVIII в. гордость трактуется как отрицательное качество; такое определение гордости, как *высокомерие*, *надменность* стоят на первом месте, в то время как в современных лексикографических источниках на 3 (С.И. Ожегов) и 4 месте (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова). В словаре В.И. Даля отсутствует значение, толкующее гордость как чувство собственного достоинства, здесь этимологическое значение является основным: *Гордость*, *гордыня*, *горделивость* – *качество, свойство гордого; надменность, высокомерие* [Даль, 1982]. Поскольку словарь представляет лексику разговорного языка середины XIX века, можно предположить, что в повседневном сознании русского этноса гордость рассматривалась преимущественно как отрицательное качество. СлРЯ XI – XVII вв. и СлРЯ XVIII в. составлены на основе письменных источников, поэтому лексема «гордость» имеет гораздо больше значений и дериватов. Следует также отметить, что в этих словарях гордость представлена как

синоним гордыни. В результате анализа словарей русского языка можно сделать вывод, что развитие значения концепта «гордость» шло от характеристики гордости как отрицательного качества человека до понимания гордости как чувства собственного достоинства. В разговорной речи и обыденном сознании слово гордость, скорее всего, сохранило свое первоначальное значение отрицательного качества в характере человека. Лексико-семантический вариант гордости как чувства собственного достоинства идет последним по времени формирования и первым по лексикографической значимости; существительное *гордость* определяется и как чувство удовлетворения от достигнутых успехов, превосходства в чем-либо. В социальном контексте проявление эмоции оценивается либо положительно, когда говорящий считает причину гордости достаточным основанием для возникновения данного чувства, либо отрицательно, если проявление гордости или высокомерного поведения неоправданно или унижает других людей.

Лексикографическое толкование прилагательного *гордый* в русском языке развивалось от значения *грозный, страшный, жестокый*, близкого к ранней этимологии слова, до значения *надменный, самолюбивый* и *исполненный чувства собственного достоинства* в современном языковом сознании.

Синонимический смысловый ряд концепта «гордость» в русской лексикографии представлен следующими существительными: *высокомерие, напыщенность, надутость, спесь, чванство, заносчивость, кичливость*. В значении синонимов гордости актуализируются семантические признаки, имеющие отрицательную коннотацию. Словарь синонимов русского языка не указывает синонимов, которые были бы положительно окрашены, в то время как слова *гордость, гордый* в современном русском языке употребляются и в положительном значении. Наиболее близким по значению к лексеме *гордость* является выражение *чувство собственного достоинства* и существительное *самолюбие*, которые используют для толкования гордости как положительной эмоции. Психологи указывают на амбивалентность эмоций. Данный тезис подтверждается при изучении представленности концепта в лексическом составе языка. Проявление эмоции гордости может восприниматься и как положительное, и как отрицатель-

ное качество человека. Синонимический смысловый ряд концепта «гордость» можно представить двумя группами синонимов:

1) отрицательно окрашенные синонимы: *высокомерие, заносчивость, спесь, кичливость, надутость, напыщенность*. Данные синонимы в количественном отношении представлены наиболее полно. По значению они ближе к этимологии слова *гордость* и отрицательному отношению к проявлению эмоции гордости.

2) положительно окрашенные синонимы: *чувство собственного достоинства, самолюбие*.

Проведенный этимологический анализ синонимов с отрицательным значением показал, что общим для всего синонимического ряда является значение «увеличиваться в размерах» и «рост». Не совсем ясным остается этимология слова *чванство*. В словаре М. Фасмера *чвань* – гордость, надменность. Вероятно, происходит от звукоподражания, передающего болтовню и сравнивается с чеш. *čvaňhati, čvaňěti* «шлепать», или более ранним «болтать». Некоторые исследования указывают на близость с **čuti* «чувствовать», а также с русск. диал. *очунеть* «прийти в себя». Вербальное выражение состояние гордости – «говорливость» сопрягается с данной эмоцией, в то время как смирение и самоуничижение сопровождается молчаливостью. Речевая активность актора могла стать причиной метафорического переноса способности активно и неумеренно говорить на обозначение состояния «гордения», то есть высокомерного поведения. «Безмолвие» должно было характеризовать состояние смирения. Так может представляться одна из смысловых линий объяснения присутствия лексемы *чванство* в семантическом поле концепта «гордость».

Английское слово *pride* происходит от англо-саксонского *pryde, prut*, что означает «гордый, храбрый, доблестный, знатный» (*proud, valiant, notable*) и имеет также французские корни, где слово имело значение «благородный по происхождению», «знатный». М. М. Маковский считает, что английское *proud* может восходить к и.-е. *preu-/bhreu* (*раздуваться, пухнуть*) [Маковский, 2005].

В словаре Johnson' Dictionary (1836), первое издание относится ко второй половине XVIII века, значение, близкое к этимологии, у лексемы *pride* не отмечается. Напротив, словарная статья поясняет существительное *pride* как «inordinate self-esteem»

(чрезмерное самолюбие), а также «*haughtiness, insolent exultation*» (оскорбительное высокомерие). Значение глагола *to pride* поясняется следующим образом: «*to rate himself high*» (высоко себя оценивать) [Johnson's Dictionary, 1836].

Современные толковые словари английского языка дают подробную характеристику гордости, рассматривая её как эмоцию (*feeling, emotion*), как отличительную черту характера (*trait*), как объект (*object of pride*). Гордость связывают с понятием ценности личности (*personal worth*), самоуважением (*self-respect*) и успешностью (*you have done smth. well; own smth. that other people admire; your or another achievements*). Словарная статья отмечает, что гордость как черта характера связана со стремлением субъекта соответствовать определенным стандартам (личностным или социальным): «*spurred on by a dislike of falling below your standards*». Это может быть положительное качество – *self-respect*, либо отрицательное – *unreasonable, inordinate self-esteem*. Отрицательная оценка безосновательной гордости выражается в такой характеристике, как «*one of the deadly sins*».

В результате анализа лексикографических источников были выявлены существительные, описывающие различные оттенки эмоции гордости/*pride*: *vanity, conceit, arrogance, haughtiness, hauteur, lordliness, loftiness; dignity, self-respect, self-regard, self-esteem*. В английском языке присутствуют сходные характеристики синонимического ряда с доминантой гордость/*pride*: *satisfaction* (гордость как чувство собственного достоинства, самоуважение) и *superbia* (гордость как тщеславие, высокомерие). Этимологически английские синонимы гордости связаны с представлением о ничем не обоснованных притязаниях индивида (*vanity* – «*пустота*», *conceit* – «*обман, хитрость*»), внешними характеристиками гордеца (*haughty, lofty* – «*высокий*»), принадлежностью к высшему сословию и осознанием чьей-либо ценности (*lordliness, dignity*).

Этимологический анализ синонимов гордости как в русском, так и в английском языке, позволяет сделать вывод о том, что развитие значения данных слов шло от конкретно-предметного к общеабстрактному. Вербальная символизация эмоций строится на знании носителями языка человеческой физиологии, на житейском опыте наблюдения соматико-физиологических реакций организма человека.

В русской и английской лексикографии синонимический смысловый ряд концепта «гордость/pride» представлен двумя группами синонимов: отрицательно окрашенные (6 и 8 синонимов соответственно), и положительно окрашенные синонимы (2 и 4). В атрибутивных характеристиках концепта также очевидно преобладание отрицательно маркированных лексем. Причем синонимический ряд прилагательного *proud* представлен гораздо более полно: 45 синонимов в английских словарях и 11 в русских. Возможно, это связано с историческими различиями и условиями формирования русского и английского социумов в период Средневековья и Нового времени. В средневековой Англии в XIII – XIV вв. завершается процесс генезиса стратифицированного в сословном отношении общества, что приводит к возникновению понятия сословного достоинства, чести, прав и обязанностей – все это было неразрывно связано с концептом «гордость» как синонима личностно-социального достоинства. Процесс формирования господствующего класса в России был более медленным. Дворянство выделяется к концу XVIII века, буржуазия к концу XIX в. Самодержавно-деспотический образ правления формировал модель поведения «господство-подчинение», что препятствовало образованию сословий с высоким уровнем чувства личного достоинства у его представителей. Эти различия отразились на языковой культуре. Языковая личность в Англии более дифференцирована и через большее количество лексем с поливариантным семантическим содержанием отражает понятие гордости в различных его проявлениях.

Исследование значимостной, «внутрисистемной» [Воркачев, 2004] составляющей концепта «гордость/pride» показывает, что историческая семантика, воплощенная в «культурной памяти» имени концепта, отражается на распределении лексико-семантических вариантов этого имени, а также участвует в становлении его синонимических связей.

Интерпретативный анализ русских и английских пословиц и поговорок обнаруживает, что понятие **стыда** скрывает за собой некоторую систему оценок: нормативных, этических, этикетных. Аргументами при этом, согласно представлениям русского этноса, служат нижеследующие вербализованные суждения, классифицируемые на соответствующие семантические группы. Квантитативно наиболее представлена (11 примеров) семантическая

группа «характеристика бесстыдства и стыдливости»: *Ни стыда, ни сорому, ни в какую сторону; Смерти боятся, а людей не стыдятся; Сорок лет – а сорому нет; и др.*

Вторую семантическую группу, квалифицирующую *стыд* на уровне пословично-поговорочного фонда русского языка, можно обозначить как «трапеза и стыд»: *Бесстыдного гостя пивом из избы не выгонишь; Званному в гости не стыдно идти; Из-за чужого обеда не стыдно не евши встать* и др. Социум диктовал правила поведения в доме и вне дома, за столом и в обществе других людей. Параллельно этическим нормам постепенно складывалась разветвленная система правил приличия (этикета). Человек все больше подпадал под двойной контроль – себя и других людей. Отступление от норм этикета вызывало стыд. Стыд выступал поведенческим ограничителем. Главное правило для русского человека – сдержанность в еде, скромность и определенная стыдливость в самом процессе приема пищи. Вероятно, подобная модель поведения, традиционная для русского гостеприимства, и вызывала усиленное потчевание хозяином своих гостей: *Кушайте, гости, не стыдитесь, рушайте гуся, не студите!* Соблюдался определенный ритуал – хозяин уговаривал гостя принять угощение, а гостю полагалось стыдливо отказываться и как бы нехотя соглашаться на уговоры.

Понятие стыда в паремиологическом фонде четко ассоциируется со слабым полом. Так, говорят о *девичьем* или *девическом* стыде, но не о *мужском*. Ассоциация стыда с женщинами обычно проявляет себя тогда, когда акцентируют внимание на добродетелях. Пословицы, имеющие гендерную направленность в связи с эмоцией стыда, представлены в русской паремиологии следующими примерами: *Девичий стыд до порога, как переступила, так и забыла; Не красней, девка, коров доючи, красней, девка, с парнем стоячи (в овин ходючи).*

В русской паремиологии достаточно представлена семантическая группа, которая, характеризуя эмоцию стыда в «обыденном сознании» этноса, выступает как морально-дидактическое поучение (как норма морали): *За стыд голова гинет; Чести утрата большая беда, и честное убожество легче стыда; Лучшие смерть, чем позорный живот, и др.*

Отношение к труду – один из самых важных нравственно-этических критериев крестьянского мировоззрения. Пословицы о

труде одновременно являются и воплощением нравственно-этических норм крестьянской жизни общинного типа, где большую роль играло чувство ответственности перед Другим: *На себя работать не стыдно; Лучшие бедность да честность, нежели прибыль и стыд; Не стыдно хлеб достать трудом, стыдно хлеб достать стыдом.*

В русской пословице отразилось и общественное осуждение пьянства: *Не быть бы пьяну, не было бы и сраму; Честь пива лучше; Пьяному безчестья – до чарки вина.* Особенно резко осуждала пословица пьющих женщин: *Пьяная баба – свинье приваба (приманка);* хотя женщины остерегались напиваться до бесчувствия: *Баба пьяна, а стыд свой помнит.*

Пословицам отводилась важная нравственно-этическая роль в регулировании семейной жизни, утверждении норм отношений между родителями и детьми: *Детей наказывай стыдом, а не кнутом.* Апелляция к стыду рассматривается как принцип воспитания и используется в воспитательных целях.

Психологи отмечают основные прототипические характеристики стыда. В частности, эмоция стыда имеет тенденцию к определенному действию – избегание других, замыкание, скрывание себя, прятанье взгляда. В ряде пословиц глаза оказываются «местом обитания» эмоции: *Глазам стыдно, а душа радуется; Бессовестным глазам не первый базар – они отморгаются; Завидуя глаза не знают стыда, и др.*

В русских пословицах о стыде отразилось восприятие данной эмоции как объединяющей два различных чувства: оценка Другого (социума) и эмоциональная реакция человека, который отступил от нормы, например, *Людской стыд смех, а свой смерть; Чужой дурак – смех, а свой – стыд.* Стыд – смерть. В таком сравнении эмоция стыда выступает как крайне нежелательное для человека психическое переживание.

Общее количество английских пословиц и поговорок, оценивающих указанный личностно-эмоциональный концепт, составляет 17 единиц из 5000 исследованных. Ряд пословиц можно объединить как указывающие на источник стыда: *Fool me once, shame on you; fool me twice, shame on me; Loss embraces shame; Poverty is not a shame, but the being ashamed of it is; Single long, shame at length; Long a widow weds with shame.* Стыдно обманывать, терпеть ущерб или убытки, стыдиться бедности, долгое

время не жениться или не выходить замуж. Английская пословица также связывает со стыдом замужество женщины пребывающей вдовой долгое время. Европейское средневековое общество осуждало вдову, которая долго не вступала в повторный брак. Длительное пребывание в одиночестве создавало угрозу её репутации.

Пословицы *Better die with honour than live with shame; So long as there is shame, there is hope for virtue* объединены под рубрикой «*shame's effects*». Ряд паремий характеризуют состояние бесстыдства (*shameless*): *Past shame, past grace; He that has no shame, has no conscience; He who has no shame before the world, has no fear before God* и др., а также избегание или сокрытие стыда (*Hiding one's shame*): *When an ass kicks you, never tell it; Who is a cuckold and conceals it, carries coals in his bosom* и др. В русском языке присутствует пословица, которая имеет схожий смысл: *Чего стыдимся, того и таимся*.

В русской паремиологии концепт «стыд» представлен гораздо большим количеством примеров, чем в английской (соотношение проанализированных пословиц – 60:14). Русские пословицы комментируют гораздо больше ситуаций, связанных с переживанием данной эмоции. В английской паремиологии намного меньше пословиц, дающих характеристику бесстыдству и бесстыдному поведению (4 примера), а также тех, которые можно отнести к категории «морально-дидактическое поучение» (*Tell the truth and shame the Devil; Better die with honour than live with shame* и др.). В русской паремиологии таких примеров 11. В то же время в английском пословично-поговорочном фонде более чем в русском представлены пословицы, апеллирующие к совести (25). Важным также является существование в русском пословично-поговорочном фонде «локативной» семантической группы (местом обитания эмоции обозначаются глаза).

Несоответствия в системах культурных ценностей двух народов служат источником безэквивалентных паремий, которые можно рассматривать как лингвокультурные лакуны. Пословицы и поговорки являются своеобразными экспонентами культурного знания, где происходит взаимодействие языковой и культурной семантики. Паремии выступают в качестве хранилища культурных традиций, в них наиболее ярко отражены национально-культурные стереотипы и ценности.

Исследование русских и английских поэтических текстов дает возможность говорить о том, что в поэтическом дискурсе преимущественно XVIII – начала XX в. стыд – это не только «чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка», внутренняя эмоция, направленная на самоосуждение, но и чувство, которое сдерживает индивида от предосудительных поступков, не вписывающихся в социально-этические нормы поведения в разных сферах жизни. Среди проанализированных текстов русской и английской поэзии наиболее полно представлен блок, где стыд – сильная негативная эмоция: «*Был темный стыд, как смерть неотвратимый, / Который горше смерти тяготит*» (Гумилев); «*To whom for endless horror of his shame*» (Spenser).

Значительное число концептуальных описаний стыда в поэзии составляют семантические признаки, связанные с указанием на гендерный аспект стыда: «*Я женский стыд переборол: / – “Пустите переночевать!”*» (Цветаева); «*Have you no modesty, no maiden shame*» (Shakespeare) и место обитания эмоции в антропологической модели человека, характерной для русского и английского языкового сознания: «*Я кровь от рук твоих отмою, / Из сердца выну черный стыд*» (Ахматова); «*Душа полна стыда и страха*» (Мережковский) / «*My face is full of shame, my heart of teen*» (Shakespeare); «*There is shame in the sight of their face*» (Swinburne).

Анализ примеров и словоупотреблений показывает, что для английского языкового сознания гораздо более релевантным является Я телесное, т. е. внешнее пространство. Локализация стыда связана, прежде всего, с лицом (что является внешним, видимым, понятным для окружающих), а не с душой или сердцем. Вероятно, в английской культуре наибольшее беспокойство вызывало публичное проявление стыда, стыда, который открылся окружающим. И основное желание, поэтому спрятать стыд, или спрятаться от стыда, отсюда же и такое большое число примеров с негативными характеристиками этой эмоции и негативными переживаниями. Среди проанализированных поэтических текстов не встречаются примеры, где стыд помещен в душе, в русских поэтических текстах такие примеры присутствуют.

Как в русском поэтическом дискурсе, так и в английской поэзии раскрывается одно из значений концепта, которое имеет положительную коннотацию и связано со значением «смущение»:

«*the timid shame / Of the young bridegroom at his lover's eyes*» (Wilde); «*Стыдливости румянец невозвратный, / Он улетел с молодых твоих ланит*» (Тютчев).

Двойственный взгляд на эмоцию стыда проявляется и в том, что стыд сближается в положительном значении с понятием чести: «*Ну, есть ли стыд в тебе и честь?*» (Никитин); «*Or if thou hast no thought of me / Nor what I have endur'd for thee, / Yet shame and honour might prevail / To keep thee thus from turning tail: / For who would grutch to spend his bloud in / His honor's cause? Quoth she, a Puddin*» (Butler).

Специфическим по отношению к концепту «shame» является признак «грязный стыд», который объективируется только в английской лингвокультуре: «*And yet dooth Juno me wel moore shame*» (Chaucer); «*Infatuate Britons, will you still proclaim / His memory, your direst, foulest shame?*» (Keats); «*Through time and change, unquenchably the same, / Whilst thy cold embers choke the sordid hearth of shame*» (Shelley).

Кроме того, для английской поэзии характерно противопоставление стыда и гордости: «*Pride ruined the angels, / Their shame them restores*» (Emerson); «*My shame in crowds, my solitary pride*» (Goldsmith); «*How vicious hearts fume frenzy to the brain! / Parts push us on to Pride, and Pride to Shame*» (Young). Являясь частью обыденного языкового сознания, поэзия позволяет проникнуть в языковой мир этноспецифически эксплицируемых смыслов, что дает возможность получить более полную картину переживания окружающего мира языковой личностью.

Образно-перцептивные характеристики концепта отражают внешнее, телесное переживание эмоции: покраснение лица / «*И на лице твоём грустном / Вдруг выступала тогда, / Горьким рожденная чувством, / яркая краска стыда*» (Никитин); «*Mortal! – twas thus she spake – that blush of shame / Proclaims thee Briton, once a noble name*» (Byron); желание скрыться от взгляда Другого, спрятаться / «*закрыв лицо руками / Стыдом и ужасом полна...*» (Некрасов); «*hid her visage, and her head downe bent, / Either for grieuous shame*» (Spenser).

Метафорическое восприятие стыда в русской и английской лингвокультурах в целом совпадает. В обоих языках выделяется модель метафоры, в которой наблюдается олицетворение стыда, т. е. антропоморфной метафоры, с помощью которой происходит

уподобление концепта стыда субъекту действия. Особенно значимые характеристики стыда проявляются через осмысление его как атакующего, активного субъекта, злой силы: «Ужели, перешедши реки,/ Завижу я мой отчий дом / И упаду, как отрок некий,/ Повергнут скорбью и стыдом!» (Брюсов); «*I was disturbed by tremulous shame*» (Shelley).

В обоих языках находит отражение и натуроморфная метафора, которая уподобляет психические переживания человека реально воспринимаемым предметам или явлениям действительности: «Уздой железной взвил Россию, / Чтоб двух племен гнев, стыд и страх, / Как укрощенную стихию, / Праправнук мог топтать во прах!» (Брюсов); «*Life from the young Republic, that new foes / Would only follow in the path of shame*» (Wordsworth). Наиболее часто эмоция стыда сравнивается с таким явлением, как «огонь»: «я пред тобою пал, сожжен стыдом» (Эллис); «*Hot shame shall burn upon thy secret brow*» (Shelley).

В английском поэтическом дискурсе оказалась распространенной «маркерная» метафора, которая включает такие метафорические выражения, как клеймо стыда, грязный стыд, запачкать стыдом, очиститься от стыда: «*She is our mother! Nature! Jerusalem is our harlot sister / Returned with children of pollution, to defile our house / With sin & shame*» (Blake); «*he made the marke of his intent, / And now is fled; foule shame him follow, where he went*» (Spenser); «*sanctify'd from shame*» (Pope).

В английском поэтическом дискурсе встречается «патологическая» метафора, отождествляющая стыд с болезнью: «*The disease of shame covers me from head to feet. I have no hope*» (Blake). Мотив пространственной метафоры прослеживается в таких словосочетаниях, как бесконечный стыд и безграничный стыд: «*Amongst all Knights he blotted was with blame, / And counted but a recreant Knight, with endles shame*» (Spenser); «*I feel the measureless shame and humiliation of my race*» (Whitman).

В обоих языках встречаются метафоры, в которых выражено стремление человека к избавлению от эмоции стыда, например, побороть стыд, укрыться от стыда, смыть стыд. Амбивалентность эмоции проявляется в наличии метафор, модулирующих стыд как «целительное» чувство. Подобные метафоры обнаруживаются в обоих языках.

Анализ значимостной составляющей позволяет сделать вывод

о том, что главным признаком исследуемого концепта является представление о стыде как о чувстве, которое вызывает отрицательные переживания. В русской лексикографии словарная статья определяет значение стыда как эмоционального состояния, раскрывая особенности переживания человеком этого чувства. Во-первых, определяется интенсивность эмоции (сильное чувство). Во-вторых, указывается причина, способная вызвать переживание стыда (предосудительный поступок, поведение). Кроме того лексикографическая статья указывает на способность стыда трансформироваться в чувство вины. Со стыдом связывают и чувство моральной ответственности за поведение, поступки и т. д. В английском языке словарное толкование стыда также достаточно психологизировано, но основной акцент ставится не на интенсивности эмоции, а на её отрицательных характеристиках. Это прежде всего «болезненная» (painful), «приносящая страдание» (distressed), «неприятная» (uncomfortable) эмоция.

Характеристика стыда как отрицательной эмоции в русской лексикографии прослеживается через анализ иллюстративной части словарной статьи – стыд является каузатором различных по интенсивности эмоциональных состояний человека, в языке это выражается оборотом «от стыда»: «задышаться от стыда», «гореть от стыда», «плакать от стыда»

В русском и английском языках на первом месте среди значений находится описание стыда как чувства, которое связано с ощущением несостоятельности человека перед другими людьми, потерей самоуважения, вызванного разными причинами и переживанием вины, печали, огорчения, смущения. Ряд лексикографических статей содержат указание на то, что чувство стыда можно испытывать, когда в подобной ситуации оказывается кто-либо из близких людей.

Стыд формируется в результате социо-персонального взаимодействия и в сравниваемых языках оказывается «двусторонен» – действие субъекта оценивается и им самим и Другим, стыдно перед другим и перед собою, что отражено в лексикографических источниках.

Второе значение, которое мы находим в словарях русского языка у лексемы *стыд* – «позор, бесчестье». Лексема *стыд* может также описывать ситуацию: постыдное для кого-либо положение, вызывающее презрение или осуждение. Английские лек-

сикографические источники на второе место словарной статьи помещают следующее значение – способность испытывать стыд (the ability to feel shame at smth you have done: *He has no shame. He is quite without shame*). На третьем представлено значение *позор, бесчестье / disgrace, dishonour*: «*His action broudht shame upon his parents*». Английское *shame* в значении «восприимчивость к чувству стыда», возможно, сближается с русским «чувство моральной ответственности за свое поведение». В английском языке существительное *shame* используется как синоним слова *pity* в ситуации, когда что-то является причиной для чувства разочарования или огорчения, например: «*What a shame(как жаль) they couldn't come. It's a shame you didn't say something sooner. It's a shame that she wasn't here to see it*». В английской лексикографии также рассматриваются примеры, в которых существительное *shame* используется в значении «факт, или обстоятельство, которое является причиной стыда или позора»: «*The bankruptcy of the business was a shame*»; «*What a shame to deceive the girl!*», что соответствует в русском языке лексеме *стыд* в функции предикатива – «об ощущении позора, стыда, испытываемом кем-либо» [Ефремова, 2001].

В русском литературном языке XVIII в. и первой половине XIX в. существовало еще одно значение слова «стыд». В словаре В. Даля *стыд* – «срамота наготы, чувство, которое возмущается при всяком нравственном нарушении непорочности, целомудрия и замыслов разврата» [Даль, 1982]. Понятие стыда долгое время связывали с идеей прикрытия обнаженного участка тела. В зависимости от культурной традиции табуированной могла быть любая часть тела, однако, преимущественному запрету на обнажение подверглись участки тела, связанные с половыми признаками и деторождением. В английском языке слово *shame* употреблялось в значении «that which is shameful and private, especially on the personal body», «private parts» которое в современных словарях указывается с пометкой «archaic», например: «*Cover your shame!*».

Рассмотрение этимологии слова и словоупотребления позволяет лучше понять формирование сознания человека, развитие его внутреннего мира. Индивида – с одной стороны, и члена социума, подчиненного определенным нормам поведения, – с другой. Проведенный этимологический анализ лексем *стыд* и *shame*

дал следующие результаты. Русское слово *стыд* первоначально отражало физическое ощущение *студа* (*стужи, холода*). Английское *shame* возможно развивалось от желания спрятать стыд внешний, позор. Этимологические словари указывают на возможность происхождения *shame* от и.-е. *skem/kem*, что означает «покрывать», «прикрывать». Слова, обозначающие в современных языках чувственную сферу, первоначально номинировали факты или явления, реально существующие в окружении человека. Такой перенос явлений природы, объектов человеческого мира на физиологию человека, а затем на его ментальный мир – один из способов номинации фрагментов действительности, что обнаруживает как универсальные, так и специфические черты концептосферы различных языков и этносов, в частности русского и английского.

Значение концепта также репрезентируют синонимичные лексемы, выделяя различные аспекты в характеристике стыда. В русском языке у лексемы *стыд* существует два ряда синонимов: один с доминантой ряда в значении «позор» (*позор, бесчестье, срам, срамота, сором, скандал*); другой с доминантой «смущение» (*стеснительность, застенчивость, стыдливость, конфуз*). В английском языке соответственно – *blot, discredit, dishonor, disgrace, ignominy, infamy, reproach, scandal, stigma, odium, humiliation, chagrin, opprobrium* со значением «disgrace» и *abashment, confusion, discomposure, embarrassment, stupefaction* в значении «modesty, bashfulness». Ни одна из перечисленных лексем не совпадает в полном объеме с денотатом *shame*, а всего лишь характеризует качества и степень проявления эмоции. Проанализированные синонимы отличаются друг от друга по своему употреблению и по оттенкам значения. Синонимический ряд «disgrace», с учетом этимологии слов, можно разделить на следующие семантические группы: утрата уважения и доверия окружающих, отторжение (*discredit, dishonor, disgrace, reproach, opprobrium, infamy, ignominy, odium, scandal*), унижение (*humiliation, chagrin*), «внешний стыд» (*blot, stigma*). Синонимы второго ряда характеризует значение «*shame in the good sense*».

Резюмируем.

1. Личностно-эмоциональные концепты «гордость» и «стыд» представляют собой сложные этнически и культурно обусловленные структурно-смысловые образования, семантически про-

тивопоставленные друг другу в границах идеи личного достоинства, эмоциональными рефлексам которой они являются.

2. Основными общими признаками этих концептов в исследуемых лингвокультурах являются: 1) амбивалентность отношения к гордости и стыду; 2) соматические проявления и внутренние психологические ощущения гордости и стыда.

3. Основные различия наблюдаются в том, что стыд в русском языковом сознании выполняет большую регулятивную функцию; в английском языковом сознании стыд связан с более сильными эмоциональными переживаниями. Гордость в английском языке имеет большую по сравнению с русским языком направленность на взаимоотношения с социумом.

4. Основные сходства этих концептов наблюдаются в области понятийной составляющей, основные различия – в области значимостной.

5. При всей общности метафорики в исследуемых лингвокультурах английский язык отличается от русского более частотным использованием образных номинаций гордости, а образ стыда в английском языковом сознании дополняется «маркерной» (с негативными коннотациями) и «пространственной» (акцентирующей безмерность эмоции) метафорами.

Литература

Малахова С. А. Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник АГУ. Серия «Филология». – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – Вып. 6. С. 83–88.

Малахова С. А. Образная составляющая концепта «гордость» / «pride» в русском и английском поэтическом дискурсе // Вестник ИГЛУ – Иркутск, 2009, № 3. С. 163 – 169.

Малахова С. А. «Стыд» как личностно-эмоциональный концепт // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации. Материалы международной научной конференции. – Волгоград: Перемена, 2005. С. 48–54.

Малахова С. А. Гордость как личностно-эмоциональный концепт (к анализу этнокультурной специфики) // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Международной научной конференции, г. Волгоград, 18-20 апреля 2006 г.: в 3 ч. Ч. 2 / ВолГУ. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 441–445.

Малахова С. А. Концепт «гордость» в русской паремиологии // Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции /

Отв. ред. А.В.Нагорная. Ч. 1: Лингвистика. – Ульяновск, ООО «Студия печати» 2006. С. 206–211.

Малахова С. А. Концепт «гордость» в русской и английской паремиологии // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии: материалы межрегиональной школы-семинара молодых ученых / под ред. С. Г. Воркачева. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. С. 35–38.

Малахова С. А. Эмоции и эмоциональный концепт // Материалы научно-практической конференции. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. С. 71–72.

Малахова С. А. Эмоциональные концепты: некоторые методы их изучения в современной лингвистике // Материалы 4-ой Международной научно-практической конференции «Концепции преподавания и исследования иностранных языков, литератур и культур» – Армавир: АЛУ, 2007. С. 254–259.

Малахова С. А. Концепт «стыд» в русской и английской паремиологии // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. В 3 ч. Ч.2: Межвуз. сборник научных трудов. – Тамбов: Грамота, 2007. С.184–188.

Малахова С. А. Лексикографические аспекты концепта «гордость» в русском языке // Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: Сборник научных трудов по материалам 5-й Международной научной конференции Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2007. С. 137–138.

Малахова С. А. Синонимический ряд концепта *pride* в англоязычной лексикографии // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии. Материалы межрегионального научного семинара молодых ученых. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 37–41.

Малахова С. А. Английские пословицы и поговорки о стыде // Материалы научно-практической конференции. Часть III. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2007. С. 59 – 62.

Малахова С. А. Синонимический ряд концепта «стыд» в русском языке // Альманах современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. В 3 ч. Ч.3: Межвуз. сборник научных трудов. – Тамбов: Грамота, 2008. С.147–149.

Малахова С. А. Семантическая структура концепта SHAME в английском поэтическом дискурсе // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии. Материалы межрегионального научного семинара молодых ученых. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2008. С. 46–49.

Малахова С. А. Концепт «pride» в английском поэтическом дискурсе // Плюралистическая лингвистика: Сборник научных статей. – Армавир: РИЦ АГПУ. – 2009. С. 111 – 118.

Ю.А. Храмова (Астрахань)
ЛИЦЕМЕРИЕ И ИСКРЕННОСТЬ

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологии. Объектом изучения является концептуальная диада «лицемерие – искренность», в качестве предмета исследования рассматриваются лингвокультурные характеристики этой диады в русском и английском языковом сознании.

Цель исследования состоит в характеристике оценочной концептуальной диады «лицемерие – искренность» в лингвокультурном аспекте.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: 1) обосновать выделение концептуальных диад как особого типа амбивалентных бинарных ментальных образований; 2) определить понятийные, образные и ценностные характеристики концептуальной диады «лицемерие – искренность»; 3) составить фонд вербализованных невербальных маркеров, сигнализирующих о лицемерном / искреннем поведении; 4) объяснить лингвокультурную специфику отношения к лицемерию и искренности в английской и русской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили данные выборки из толковых, синонимических, фразеологических, этимологических и энциклопедических словарей русского и английского языков, сборников пословиц, поговорок, афоризмов, материалы печатных изданий, результаты эксперимента, Интернет-источники. За единицу исследования принимался текстовый фрагмент, обозначающий и выражающий исследуемую концептуальную диаду. Всего исследовано около 5000 текстовых фрагментов и 200 ответов информантов в русском и английском языках.

Концептуальные диады отражают противоречивые образы, что может проявляться в контрадикторности социального положения (богатый-бедный), статусных характеристик (начальник-подчиненный), качеств личности (добрый-злой) и т.п. Концептуальные диады базируются на столкновении общественных и индивидуальных интересов, противопоставлении эмоционального и рационального начал, конфликте ценностей личности и ценностей, диктуемых моралью,

религией, культурой и обществом. При выделении концептуальных диад мы исходим из следующих положений: во-первых, лингвокультурный концепт можно отнести к классу концептуальных диад, если в его основе лежит освоение действительности через контрадикторность восприятия ценностей бытия и дуальность категоризации мира; во-вторых, концептуальная диада базируется на бинарности как принципе оценочной квалификации мира, выражающаяся в амбивалентной оценке, флуктуирующей между полюсами «плюс» и «минус»; в-третьих, наблюдается конфликт рациональной и эмоциональной рефлексии; в-четвертых, если выявляется регулярная вербализация и универсальный характер для человечества. Таким образом, концептуальная диада обладает набором отличительных конститутивных признаков, совокупность которых дает представление об этом концепте как о диаде в рамках изучаемой культуры. Исходя из определения диады как единства, образуемого двумя отдельными частями или членами, где единство понимается в значении «неразрывность, взаимная связь», под диадой «лицемерие-искренность» мы понимаем единство, образуемое двумя отдельными частями – концептом «лицемерие» и концептом «искренность». Отсюда исследовательская процедура диады гипотетически предполагает исследование двух членов, т.е. двух концептов «лицемерие» - «искренность» в русском языке, и “hypocrisy” - “sincerity” в английском языке соответственно.

Понятийные характеристики концепта «лицемерие» в русской и английской лингвокультурах могут быть представлены в виде базового фрейма: а) Действие, которое выражается через понятие «лицемерить»; б) Участник 1 («лицемер») и Участник 2 («объект лицемерия»), их характеристики («носить маску», «прикидываться», «льстить кому-либо» versus «быть введенным в заблуждение»); в) Мотивированность действия (заблуждение, ненависть, зависть, страх, недоверие, стремление к выгоде); г) Цель действия, рассматриваемая применительно к Участнику 1 (преследование личных интересов, стремление к выгоде, к публичному одобрению); д) Условие совершения действия («искренность», «правдоподобность», «добродетель», «высокие моральные принципы»); е) Сфера действия («межличностные отношения»: сферы личных и институциональных отношений); ж) Средство совершения данного действия выражается понятиями «слово», «по поступок», «определенный тип поведения»; з) Результат действия понятийно можно выразить как «публичное одобрение», «разочаро-

вание», «недоверие», «доверие», «расположение», «разоблачение», «разрыв в отношениях», «наказание», «повышение».

Ситуация лицемерия подразумевает наличие как минимум двух участников, где участник 1 ведет двойную линию поведения, при этом первая линия есть выражение доброго отношения к партнеру, а вторая – это отсутствие такого отношения, а второй участник верит первому участнику, либо разоблачает двойственность поведения участника 1. Индивид испытывает давление со стороны общества, которое выдвигает завышенные требования, в результате индивид находится в ситуации борьбы, конфликта собственных желаний и потребностей, с одной стороны, и эталона, данного социумом, с другой. Данный конфликт ведет к неудовлетворенности жизнью и поиска путей выхода из конфликтной ситуации, что обуславливает возникновение лицемерия.

Дополнительные характеристики базового фрейма – это: 1) отсутствие слотов, отражающих характеристики Участника 2 (в англ. обобщенно: “public”) и результат действия; 2) в рус. яз.: более вариативный узел Участник 1 с гендерным уточнением; акцент на мотивированность действия, 3) в англ. яз. важны описания действий, характеризующих истинную праведность и веру (“*counterfeiting a religious character*”, “*destitute of true religion*), что указывает на влияние религии на жизнь англичан; 4) в вершинном узле «Цель действия, называемом лицемерием» в русском варианте – обобщенное понятие «в угоду корыстных интересов», отсутствие компонентов «сокрытие характера», «добиться одобрения, благосклонности», «получить публичное одобрение»; в английском фрейме они представлены понятиями: “*a concealment of one’s real character*”, “*publicly approved*”; 5) в английском варианте фрейма – узел «результат действия», выраженный через понятие “*approbation of favor*”.

Далее в работе рассматриваются лексические единицы (ЛЕ), обьективирующие концепт «лицемерие» в русском и английском языках. При выделении ЛЕ использовался анализ словарных статей слов, лексико-семантические варианты значения которых имеют прямое отношение к лицемерию, изучение семантического поля ключевых лексем, а также наблюдение за их контекстуальным употреблением. Приведен анализ таких наиболее важных узлов, как «действие» и «Участник 1» (рус.: *лицемер/ка, притворищица, притворищик, притворищица, фарисей/ка, ханжа, пустосвят, святоша, иезуит, тартюф, инокрит, Иуда, искарриот, волк в овечьей шкуре, двуликий Янус,*

мошенник, обманщик, шулер, двурушник, хамелеон; англ.: *hypocrite, Pharisee, actor, attitudinizer, backslider, bluffer, casuist, charlatan, cheat, deceiver, dissembler, dissimulator, fake, faker, fraud, humbug, impostor, informer, lip server, malingerer, mountebank, phony, playactor, poser, pretender, quack, smoothie, sophist, swindler, trickster, two-timer, wolf in sheep's clothing, Tartuffe, Pecksniff, Holy Willie, whited sepulcher*). Удалось выявить не только основные признаки участника 1 (рус.: *бинарность образа, изображающий добродетельного / злонамеренный*; англ.: *double nature, inwardly evil / outwardly virtuous*), но и дополнительные признаки, которые сгруппированы по группам: 1) **внешние характеристики поведения** (рус.: *маска святости/дружбы, ситуативная обусловленность поведения*; англ.: *one who makes harm and acts unlawfully, false identity / title*); 2) **внутренние характеристики поведения** (рус.: *сокрытие мыслей, чувств, замыслов, обман, двуличие, выгода для себя и др.*; англ.: *one who uses trickery to gain some advantage, cloak, intentionally / willfully give a false impression, etc.*); 3) **участник 1** (рус.: *друг*; англ.: *practitioner of medicine / law, a writer, speaker, preacher, professor, or expert, the false prophet, the faithless friend, spouse / lover, deceptive reasoner, accomplice, criminal*); 4) **участник 2** (рус.: *противник*; англ.: *government, enemy, another person, organization*); 5) **результат действия** (рус.: *разоблачение/ доверие/ наказание*; англ.: -). Ряд признаков выявлен только в английском языке: **сфера действия** (*ceremonies, traditions, medicine, law, intimate relationship*), **средство манипуляции** (*confidential / secret information*), **имитируемый образ** (*character / profession*), **внешние характеристики участника** (*an attractive and charming man*), **цель действия** (*the purpose of deception, to win attention, gain an unfair advantage, hostile intention, financial gain, reward*).

Понятие «действие» в качестве вершинного узла фрейма изучаемого концепта на языковом уровне в русском языке представлено единицей «лицемерить», которая означает «мерствовать, принимать на себя личину, ханжить, льстить кому-либо из своих видов», «быть двуличным, обманывать внешностью, прикидываться смиренным». Выделяются признаки: 1) *личина*; 2) *ханжить*; 3) *льстить*; 4) *из своих видов*; 5) *двуличие*; 6) *обманчивая внешность*; 7) *показная смиренность*.

В английской лингвокультуре отсутствует однокоренной глагол с единицей “hypocrisy”. Однако согласно англо-русским словарям рассматриваемый признак представлен лексемой “dissemble”, которая

понимается как “to hide real beliefs, feelings, or intentions through misleading speech or behavior”, “conceal the true nature or state of”. Выделяются признаки: 1) *hide inner world / nature / state*; 2) *misleading*; 3) *speech*; 4) *behavior*; 5) *true*.

Анализ значения синонимов английской лексемы «*hypocrisy*» и русской «лицемерие» позволил конкретизировать изучаемый концепт в обеих лингвокультурах. В итоге выявлено, что: 1) лицемерие, являясь преднамеренным действием, требует непосредственного контакта с аудиторией, чтобы иметь возможность воздействовать на нее, при этом субъект лицемерия должен иметь в поле зрения позу, мимику и жесты объекта лицемерия, следовательно, лицемерие обуславливает контактный, а не дистантный способ связи; 2) номинативная плотность, в обоих языках свидетельствует об актуальности данного явления в английской и русской лингвокультурах; 3) превалирование в русской и в английской лингвокультурах лексем, обладающих негативной коннотацией и объединенных признаком «неискренность», свидетельствует о том, что в обеих лингвокультурах искренность считается высшей ценностью, но встречается редко; 4) лицемерие можно рассматривать с точки зрения его направленности, при этом выявляются три вектора направленности: а) на окружающий мир; б) на процесс; в) на внутреннее «я»; 5) прослеживаются ассоциативные связи рассматриваемого концепта с его противоположностью - концептом «искренность», а также такими концептами, в равной мере отражающими бинарные противопоставления, как «правда - ложь», «истина - обман», «верность - предательство», «корысть - добродетель»; б) наказание за лицемерие в межличностном общении подразумевает осуждение, разрыв отношений, прощение, в юридическом – уголовную ответственность, если оно выступает в качестве одной из составляющих противозаконных действий, например, при мошенничестве, в религиозном - кару Божью; 7) конкретизирован узел «Участник 2»; 8) прослеживается иерархическая последовательность, с которой представлены лица, выступающие объектом рассматриваемого действия: им может стать, отдельное лицо, микрогруппы – группа лиц: организация / *organization*; община, сообщество / *community*; в-третьих, объектом предательства могут выступать макрогруппы: страна / *country*; государство / *government*; нация / *nation*; 9) объектом совершаемого действия могут выступать также абстрактные понятия.

Лексическая единица «искренность» определяется через атрибут «искренний» – «непритворно выражающий подлинные чувства и мысли, правдивый, откровенный, чистосердечный», и ее синонимы «правдивость», «откровенность», «чистосердечность», «прямота», «неподдельный», «непритворный», «задушевный», «настоящий», это позволило выявить ядерные признаки: 1) высокая морально-нравственная сторона; 2) эмоциональная сторона (выражение чувств); 3) положительная оценка качеств личности; 4) естественность как форма поведения; 5) существование разных форм проявления искренности (откровенность, прямота, чистосердечность). В английском языке данные признаки заложены в ЛЕ “sincerity”, которая обладает значениями 1) *pure; unmixed; unadulterated*; 2) *whole; perfect; unhurt; uninjured*; 3) *being in reality what it appears to be; having a character which corresponds with the appearance; not falsely assumed; genuine; true; real; as, a sincere desire for knowledge; a sincere contempt for meanness*; 4) *honest; free from hypocrisy or dissimulation; as, a sincere friend; a sincere person*. Лексема «sincere» обозначает концентрацию вещества, целостность, соответствие действительности, эмоции, качества личности, и на этом основании можно выделить признаки: 1) *pure*; 2) *whole*; 3) *real*; 4) *genuine*; 5) *true*; 6) *honest*. Рассмотрение синонимов ЛЕ “sincerity” (“*wholehearted*”, “*heartfelt*”, “*heartly*”, “*unfeigned*”, “*earnestness*”, “*seriousness*”, “*solemnity*”, “*gravity*” и др.) помогло выделить дополнительные признаки *спонтанность; глубина чувства, внешне проявляемые положительные эмоции*.

При рассмотрении понятийной составляющей диады «лицемерие – искренность» по методике А. Вежбицкой установлены смысловозначительные признаки пересекающихся с анализируемой диадой концептов. Установлено, что функционирование концептуальной диады «лицемерие–искренность» наблюдается в следующих дискурсах: а) религиозном (лицемерие = грех; искренность = добродетель); б) обиходном (лицемерие = тактика, способ выживания; искренность = редкое качество); в) политическом (лицемерие = стратегия, способ воздействия на массы; искренность = нонсенс). Выявлены взаимозависимость и тесное переплетение признаков концептуальной диады «лицемерие – искренность», так как лицемерие оперирует демонстрацией признаковой базы искренности с целью установления доверительных отношений с объектом лицемерия. Основные семантические признаки концепта «лицемерие» в обеих лингвокультурах сводятся к следующим: а) диады «лицемерие – искренность», «лицемерие – пра-

ведность» по отношению к окружающим и к Богу, б) действие со скрытой злонамеренной и демонстрируемой доброжелательной / праведной интенцией, в) в определенной степени долгосрочный характер действия.

Анализ этимологических словарей позволяет сделать следующие выводы: исходное значение слова «лицемерие» в русском языке осмысливается применительно к человеку как смена лиц, масок, т.е. *перевоплощение*, в английском – как действия и поведение, противоречащие истинному образу мыслей, т.е. как *противоречие*. Этимология слова *sincerity* в английском языке свидетельствует о комплексе значений с ведущими семами «рождение нового», «жизнь», «совершенный», что раскрывает сущность изучаемого концепта в английской лингвокультуре «стремление быть совершенным». В русском языке в слове «искренность» акцентируется происхождение «из одного корня», идеи «родства» и «близости», что объясняет, что данный концепт в русской лингвокультуре ассоциируется с близкими людьми, в первую очередь с семьей. При этом для англичан релевантно стремление к постоянству, рациональное восприятие мира, в то время как представители русской лингвокультуры в первую очередь руководствуются эмоциональным началом.

Образно-перцептивные характеристики концептуальной диады «лицемерие - искренность» выявляются посредством рассмотрения сочетаемости основных имен данного концепта и проведения экспериментального анализа ассоциаций, связанных с этими именами. Были выделены следующие направления, в которых уточняется концепт «лицемерие» / “*hypocrisy*”: 1) имена концептов, связанные с именем данного концепта, 2) атрибуты рассматриваемого концепта, 3) характеристики людей, в описании которых фигурирует имя данного концепта; 4) ситуации, в которых упоминается данный концепт. Всего проанализировано более 5000 текстовых фрагментов.

В текстах художественной литературы и в медиатекстах концепты «лицемерие» / “*hypocrisy*” ассоциируются и сочетаются в основном с такими концептами, которые условно можно сгруппировать по отношению к следующим фрагментам: а) вера (*священник, ритуал, благочестие, церковь, бабушка и т.п.*); б) власть (*политика, политики, президент, премьер, чиновники, депутаты, выборы, демократия, партии*); в) развлечения (*шоу-бизнес, театр, карнавал, представление, игра*); г) пороки, грехи (*тщеславие, алчность, ложь и т.п.*), д) чувства, эмоции (*горе, радость, слезы, сочувствие*), е) этикет (*при-*

ветливость, вежливость); ж) тактильные характеристики (вязкая масса, неприятные ощущения), з) неискренность (обман, фальшь); и) нравственная деградация личности (предательство, вероломство, измена); к) отрицательными качествами, чертами характера (жадность, глупость, угодничество, двуличие, пустословие).

Типичные атрибуты лицемерия в русских и английских примерах были рассмотрены с точки зрения: а) размера: (англ. яз.: *total, all-pervading hypocrisy* – абсолютное, всепроникающее лицемерие; рус. яз.: *сплошное, бесконечное лицемерие*); б) норм нравственности и морали (англ. яз.: *brazen, vile hypocrisy* – бесстыдное, подлое лицемерие; рус. яз.: *подлое, гнусное, лицемерие*); в) подлинности (англ. яз.: *arrant hypocrisy* – настоящее лицемерие; рус. яз.: *истинное лицемерие*); г) производящего впечатления (англ. яз.: *incredible hypocrisy* – невероятное; рус. яз.: *потрясающее, провокаторское*); д) открытости (англ. яз.: *outright, apparent hypocrisy* – открытое, явное лицемерие; рус. яз.: *явное, неприкрытое*). Наличие таких атрибутов, как «явный», «неприкрытый» свидетельствует о том, что лицемерие может протекать в двух фазах: 1) открытое; 2) скрытое, завуалированное. Разница заключается в плане выражения действия и объекте действия. Объект действия может быть константный и переменный.

У англичан наблюдается склонность к прогностицизму: “*But the really challenging upshot of the report was not this predictable hypocrisy*” (<http://corpus.byu.edu/bnc>). – Но действительно сомнительный вывод отчета заключался не в этом предсказуемом лицемерии; осознанность, спланированность действия: “*It does not in the least follow that they are seeking by studied hypocrisy to get something for themselves*” (<http://corpus.byu.edu/bnc>). – Из этого ни в коей мере не следует, что они желают путем продуманного лицемерия получить что-то для себя; осознание лицемерия как нечто неотъемлемое: “*Aha! said Mr Clarke's critics (and there are a few around), a clear betrayal of Labour's commitment, an act of treachery, an exposure of Labour's essential hypocrisy*” (<http://corpus.byu.edu/bnc>). – Ага! Сказали критики мистера Кларка (а их вокруг было несколько человек), чистое предательство взглядов лейбористов, акт измены, выявление неотъемлемого лицемерия партии лейбористов. В русской лингвокультуре выявлено разграничение лицемерия по степени сложности, мастерства овладения (простое, обычное, отшлифованное лицемерие): «Римские императоры когда-то придумали себе титул: *Primus inter pares* – «Первый

среди равных». Чистое лицемерие, но очень изящное» (М. Чулаки. Примус).

Поскольку лицемерие осмысливается как отрицательный модус поведения, соприкасающийся с обманом и ложью по признаку «введение в заблуждение», то маркерами лицемерного поведения (по Н.Н. Панченко) будут являться следующие 1) неконгруэнтность (т.е. внутренний конфликт, выраженный в поведении; она может быть последовательной: одно действие следует за другим действием, которому противоречит, или одновременной, например, соглашение на словах, но с сомнением в голосе); 2) кинетические средства (мимика + жесты); 3) фонационно-просодические средства (изменения в голосе, интонации); 4) психосоматические сигналы (пот, испарина, покраснение лица и т.п.). При этом фонд вербализованных невербальных маркеров лицемерия и искренности идентичен, что свидетельствует о тесной взаимосвязи между элементами диады. Например:

«Ерофеев лицемерно вздохнул: – Да уж, поработали ребята, спасибо им, помогли обществу. И невинного человека защитили. Но глазки его смотрели подозрительно и настороженно, и никто ему не верил» (Анатолий Рыбаков. Бронзовая птица).

Выделяются следующие разновидности лицемерия: по отнесенности к различным видам неконгруэнтности: а) вербально-визуальное (базируется на детекции контрадикторности слов и жестов, мимики); б) вербально-действенное (базируется на детекции контрадикторности слов и последующих действий); в) вербально-процессуальное (базируется на детекции контрадикторности слов в различных ситуациях, произошедших в течение какого-то времени); по отнесенности к сфере апелляции: а) религиозное; б) политическое; в) деловое; г) семейно-бытовое; факторы, способствующие детекции лицемерия: а) опыт общения с агентом действия; б) степень знакомства; в) временной фактор (как долго поддерживаются отношения с лицемером).

Ситуация лицемерия осмысливается через обращение к ситуации имитирования искреннего поведения субъекта, которые можно подразделить на: а) ситуации имитирования психических состояний (радости, горя, счастья, удивления и т.п.); б) ситуации имитирования приверженности к определенным взглядам и убеждениям; в) ситуации имитирования веры.

Анализ ассоциаций, бинарных и атрибутивных сочетаний дает основания полагать, что искренность образует сочетания с концептами,

в состав которых входят такие признаки, как «чувство», «эмоция», «отношение», «качество», «желание», «вера»:

*“As you listen to Dr Carrington's wife and doctors, you may be struck as I was by their **candour and sincerity**”* (<http://corpus.byu.edu/bnc>). – Когда вы слушаете жену доктора Кэррингтона и других докторов, вы можете быть поражены, также как и я, их откровенностью и искренностью.

Обнаружена связь концепта «искренность» с концептами «правда», «откровенность», «чистосердечие», “earnestness”, “truthfulness”, “naturalness”. Примечательно, что для англичан характерен акцент на оценку субъекта со стороны, т.е. восприятие искренности с **рациональной стороны**, с точки зрения здравомыслия и безопасности, что выражено сочетаниями *sincerity and reason, caution and sincerity, m.e. искренность и здравый смысл/ осторожность*, отсюда англичане осмысливают искренность как вызов устоям общества, и это считается смелым поступком, с другой стороны, считается, что искренность сопряжена со скромностью и простотой. В русском языке концепт «искренность» разворачивается в образном аспекте как противопоставление характеристик человека в возрастном и ситуативном позиционировании. Считается, что искренность присуща молодости и неопытности: «... ведь **дети** не различают добра и зла, они только **искренни**...» (Арцыбашев М. П.: *Санин*); основной упор делается на осознание искренности как образа воплощения положительных чувств, эмоций, состояний (*искренняя любовь, радость, обида, искреннее огорчение, искренние страдания, искренние слезы, искренний смех*). Таким образом, искренность в русской лингвокультуре сопряжена с эмоциональным началом, в английской – с рациональным, при этом искренность и статус воспринимаются как взаимоисключающие компоненты представителями обеих лингвокультур.

Искренность в обеих лингвокультурах осмысливается как нечто, а) поддающееся градации (*in all sincerity; in varying degrees of sincerity; совершенно искренно; почти искренно; наполовину искренние слезы*), б) имеющее временную протяженность (*сиюминутный порыв: под минутным впечатлением*); в) постоянное качество: *всегда искренне*; г) явление постфактум: *эта искренность... хоть post factum*; д) отсутствие временного показателя: *никогда не была искренна*). Атрибуты искренности указывают на ее локативные характеристики (*from the bottom of my heart, искренность из глубины сердца*), подлинность искреннего поведения (*настоящая / неподдельная искренность, real*

sincerity), реакцию субъекта на искренность (*поразительная / ошеломляющая искренность, impressing / surprising sincerity*) в русской лингвокультуре, при этом отмечается, что искренность может быть *нежной / грубой*, т.е. снова акцентируется апелляция к сфере чувств.

Установлено, что искренность считается ценностью, редким явлением в современном обществе, поэтому проявление искренности расценивается как нечто подозрительное, редкое и удивительное, что влечет требование к агенту действия доказать искренность: «*Часто в разговоре он использовал некоторые тактические приемы, чтобы проверить собеседника на искренность...*» (Антон Висков. *Наследник апостола Иоанна (2004)* // «*Наш современник*», 2004.06.15).

Зачастую англичане и русские рассматривают искренность как показатель таланта, критерий самоотдачи в музыке, живописи, литературе: “*Sincerity is a big issue with Hirst's latest paintings*” (<http://corpus.bu.edu/bnc>). – *Последние картины Хеста отмечены большой искренностью*

Искренний вербальный акт может протекать на двух уровнях: эксплицитно (выражено вербально, может сочетаться с вербализованным невербальным маркером) и имплицитно (внутренняя речь, мысли, не высказываемые вслух):

«*Слушай, Катя, – мысленно говорил он ей, и мысленно это вышло искренно, сильно, полно достоинства и сознания своей правоты*» (Арцыбашев М. П.: *У последней черты*); “*Wishing to rectify their hearts, they first sought to be sincere in their thoughts*” (<http://corpus.bu.edu/bnc>). – *Желая очистить свои сердца, им сначала было необходимо постичь, как быть искренними в своих мыслях.*

Искренность говорящего конкретизируется в формулах (*I sincerely wish/hope – я искренне желаю, надеюсь, искренне верю и т.п.*), клятвах, обетах и угрозах (*I swear it – я клянусь*), апелляции к Богу / высшим силам в качестве гарантии своей искренности (*I swear by Almighty God. – Клянусь Всемогущим Богом; Ты поклялся мне перед Богом..., Чтоб мне провалиться на этом месте*).

Лицемерие является антиподом искренности, при этом указывается на парадокс декодирования искренности, так как в качестве катализатора искренних намерений выступает обман: *Paradoxically, only through deception, now, can sincerity be distinguished from hypocrisy.* – *Парадоксально, теперь только через обман можно отличить искренность от лицемерия.*

В итоге выявлены три ступени выражения признака «искренний»:
1) нулевое выражение, 2) публичное демонстративное осуждение неискренности (= лицемерие), 3) актуализация искренности как противопоставление лицемерию.

Опрос информантов позволил составить образ лицемерного / искреннего человека, соответствующего характеристикам диады «лицемерие – искренность». В качестве информантов выступили 100 носителей русской лингвокультуры, 100 носителей английской лингвокультуры. Русскоязычные испытуемые – 52 студента Астраханского государственного университета, 48 человек – представители различных социальных групп. Возраст испытуемых – от 17 до 70 лет. Родной язык – русский. Возраст англоязычных испытуемых – от 17 до 65 лет. Родной язык – английский. В качестве англоязычных испытуемых выступали представители различных профессий и социальных групп, из них 54 студента высших учебных заведений и 46 представителей различных социальных групп. Соотношение лиц мужского и женского пола примерно одинаково (52% женщин и 48% мужчин в русской лингвокультуре; 54% женщин и 46% мужчин в английской лингвокультуре).

Анализ сочинений позволяет заключить, что в обеих лингвокультурах в общественном сознании лицемер – это человек, действующий исключительно в своих собственных интересах, руководствующийся выгодой, корыстными намерениями, при этом англичане указывают на лицемерие преимущественно публичных людей:

«Когда я думаю о лицемере, я представляю себе человека с низменными приоритетами, подлого, лживого и корыстного. Абсолютно не личностного. В общем, жалкое подобие Человека, не ошибка, именно Человека с большой буквы Ч» (ж, 18).

Вместе с тем, в ответах 52% (из них 27% женщин и 25% мужчин) респондентов прослеживается разграничение сферы деятельности лицемера, что обусловлено гендерными характеристиками: в отношении лиц женского пола, согласно анализу анкет, выявлено, что лица женского пола зачастую ведут себя лицемерно со своими лучшими подругами, в то время как действия лиц мужского пола направлены либо на карьерный рост, либо на измену: *«Когда я думаю о лицемерии, я представляю своих знакомых, встречающихся одновременно с несколькими девушками, и каждую уверяют, что она - единственная и неповторимая. Вот ведь лицемеры!» (м., 23).*

Англичане приписывают мужскому полу такие характеристики лицемерного поведения, как: *pretend to be in a higher job than he really is, like to appear strong, reveal hypocrisy when it comes to business matters* (т.е. притворяются, что занимают более высокую должность, любят казаться сильными, обнаруживают лицемерие в сфере бизнеса); а женскому полу – такие, как: *would pretend about being faithful, like to appear caring, can be more hypocritical when it comes to personal matters* (т.е. притворяются, что верны, любят казаться заботливыми, могут быть более лицемерными в личном).

Анализ анкет позволил выявить наличие у лицемера двух линий поведения: 1) лицемер и объект лицемерия, который является жертвой; 2) лицемер и общество минус объект лицемерия и выделить два типа лицемерия: злонамеренное (эгоизм + корыстный мотив + злой умысел) и незлонамеренное (страх + нежелание причинить вред / спровоцировать отрицательные эмоции у субъекта + такт). Также выявлено амбивалентное отношение к лицемерию, что позволило выделить не только отрицательное отношение к лицемерию, но и положительный подход, например: *“Hypocrisy can happen to all people even when we intend it to do to please others. for instance, a friend will ask you, do you need money? do you need something? just tell me and i will help you. though you really need it badly specially these days who doesn't need it anyway? but instead you will answer, no! thanks. I'm fine. don't worry. and i would say like that too, because i dont want anybody to worry bout me. so hypocrisy is not just negative word. it can be done too in positive reason”*. – Все люди могут прибегнуть к лицемерию, даже, когда мы хотим сделать приятное другим. например, вас спросит друг: «тебе нужны деньги? тебе нужно что-нибудь? просто скажи мне, и я тебе помогу». и хотя, тебе это действительно очень нужно, а особенно в наше время, кому же это помешает? но вместо этого, вы ответите: «нет! спасибо. все в порядке. не волнуйся». и я бы тоже так ответила, потому что я не хочу, чтобы кто-то волновался обо мне. поэтому лицемерие – это не только негативное слово. лицемерят и из-за положительной причины.

В сознании русских респондентов, лицемер представлен как лживый 92%, двуличный 87%, врущий 77%, обманывающий 77%, способный на предательство 79%, говорят одно, а делают другое 68%, могут воткнуть нож в спину 52%, льстивый 50%, это подлый человек 48%, это эгоист 26%, он, он строит козни 24%; притворяющийся 21%, они стремятся унижить вас 16%, плохой 13%, ненадежный

11%, фальшивый 10%, нечестный 5%, наигранный 2%, порочный 2%, бессовестный 1%;

Англичане выводят следующий образ лицемерного человека: *is loud in beliefs 78%, with a desire to hide from others actual motives or feelings 78%, helps the victims as the campaign before public election 77%, maintains a certain public image 63%, doesn't expose his / her true innerself 63%, has no moral values 51%, exhorts others to be virtuous 47%*.

В сознании российских респондентов искренний человек представлен как юноша /девушка /ребенок / мужчина, открытый для общения, который делится, информацией сугубо личного характера, способный хранить тайну, выстраивающий отношения на доверии и уважении, готовый помочь и дать совет, поддерживающий в любой ситуации, бескорыстный, обладающий чувством такта, вызывающий светлое доброе чувство, положительные эмоции и общественное одобрение такого поведения. Отличительными чертами, особенностями внешности искреннего человека, по мнению русских информантов, являются светлые волосы и глаза, мягкая улыбка, светлая одежда, раскрытые руки, излучение света и тепла. Русские люди указывают на ряд характеристик искреннего человека, основные качества которого, это: *добрый 29 %, честный 27%, правда 26%, открытый 18%, помощь 17%, правдивый 12%, смелость 12%, забота 11%, доверие 11%, дружба 9%, справедливый 8%, душевная чистота 7%*.

Доминирующими атрибутами стереотипного поведения искреннего человека и его манеры говорить в английской лингвокультуре являются следующие: *“behave in a way that is congruent with their statements”, “tells the truth”, “holds the same belief”, “acts according to his conscience”, “is truthful in statements and intentions”, “no mercenary motive”,* что совпадает с характеристиками искреннего поведения в русской лингвокультуре. Психологический акцент делается на такие характеристики, как: *being the same in actual character as in outward appearance 85%, a sincere man acts according to his conscience 73%, open and genuine 65%, tactful 54%*.

Концепт “*hypocrisy*” в сознании англичан также связывается со следующими образами и ситуациями: ситуации несоответствия слов и поведения (82%); политика (57%); общественные деятели, публичные люди (48%); грех (32%) фальсификация и показное поведение (28%) необоснованная критика объекта (23%); королевская семья (19%); обман, мошенничество (15%); вера (14%); деланность, неесте-

ственность (11%); коллеги (9%); знакомые (7%); семья (5%); друзья (5%); неискренность в отношении личной информации и занимаемой должности, притворство (4%).

Искренность связывается русскими респондентами с образами из старых советских фильмов 9% (в возрасте от 40-70), кинематографа США 17% (в возрасте от 17-40), литературы 3%, с религией 17%. Англичане приводят следующие примеры: религия 57%, музыка 48%, невербальные знаки 42%, политика 25%, чувства, эмоции и состояния 14%, альтруизм, самопожертвование 12%, литература 12%, субъект искреннего поведения (a spouse 45%, a close friend 27%, a child 32%, co-workers 12%).

Метафорическое осмысление концепта «искренность» отсылает к образам: природы 22% (чистое небо 7%, яркое солнце 11%, светлый день 6%, чистое озеро 5%, ветер перемен 3%); насекомых 3% (бабочки); флороморфных образов 5% (полевые цветы); тактильных характеристик 25% (тепло); глоттонических образов 5% (йогурт 1%, теплый пирог и т.п.); материальных ценностей – камней 8% (сокровище 3%, драгоценность 2%, бриллиант 2%, чистый горный хрусталь 1%); цветовых характеристик (светлый, голубой, молочно-желтый). Англичане также ассоциируют искренность с цветовыми характеристиками 10% (light colored person), глоттоническими образами 5% (spice – пикантный вкус).

Метафорически концепт «лицемерие» осмысливается в русской и английской лингвокультурах через представление о масляном рожке (Smooth-faced, snivelling greasehorn), змеи (the sneaking rascal; змея подколодная), Иуды, предателя, обманщика ('Judas! Traitor... a deliberate deceiver), актрисы, театра (a perfect performer); зооморфные образы (волк в овечьей шкуре, с виду котенок, а на самом деле волк); флороморфные образы (плотоядный цветок – с виду красивый, а съест с потрохами). Для метафоризованных идиом пространства лицемерия типично семантическое совмещение следующих полей: а) животное/птица → человек 'крутить (вилять, вертеть) хвостом', 'лизать пятки' 'a downy bird' (хитрец), 'волк в овечьей шкуре', 'wolf in sheep's clothes', б) червяк → действие 'worm oneself into smb's confidence (от англ. 'worm' = червяк – втереться в доверие)'; в) неодушевленный предмет (артефакт) → человек 'all sugar & honey' (о слащавом человеке), 'an oily tongue' (о льстивом человеке); д) неодушевленный предмет (артефакт) → действие 'soft soap (sawder)'. Таким образом, образное воплощение концептуальной диады «лицемерие-

искренность» в обеих лингвокультурах отсылает к противопоставлению образов хищных животных /птиц *versus* травоядные животные, домашние птицы посредством привлечения которого человек уподобляется хищнику, охотнику и противопоставляется невинному, незащищенному существу, образу жертвы, добычи.

Далее в работе был проведен анализ фразеологического и паремнологического выражения рассматриваемого ментального образования в английском и русском языках.

Следует отметить, что большая часть паремий, объективирующих концепт «лицемерие» строится на противопоставлении ряда характеристик: *Гладка шерстка, да коготок остер; Velvet paws hide sharp claws – В бархатных лапках скрываются острые когти; Fair without, foul (false) within – Красиво снаружи, да грязно внутри; Снаружи гладко, а внутри гадко.* Концепт «искренность» получает амбивалентную оценку: (-): *Честным трудом богат не будешь; Honour and profit lie not in one sack – Честность и прибыль не сродни;* (+): *An honest tale speeds best, being plainly told – Самое лучшее – прямо и просто сказанное слово; Живи просто, выживешь лет сто.*

Основываясь на классификации частнооценочных значений, в основе которой лежит взаимодействие субъекта оценки с ее объектом (по Н.Д. Арутюновой), и результатах нашего анализа, мы выявили, что концептуальная диада «лицемерие-искренность» оценивается посредством 1) сенсорных оценок, которые делятся на: а) сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки (характерно только для лицемерия получает оценки положительную (+) и отрицательную (-)) – то, что нравится/не нравится (сладкий/горький, гладкий/острый, мягкий/черствый, красив); б) психологические оценки, внутри которых выделяются: а) интеллектуальные оценки, где лицемерие (+) и (-), а искренность (-) (продуманный, хитрый/глупый); б) эмоциональные оценки – выявлено только для лицемерия – (-) (гадкий, противный); 2) сублимированных (абсолютные) оценки: а) эстетические оценки, основанные на синтезе сенсорных и психологических: выявлено только для лицемерия – (+) и (-) (хорош / не пригож, красив/уродлив); б) этические оценки, подразумевающие нормы: (лицемерие) – (-) / (искренность) – (+) (порочный, греховный/моральный); 3) рационалистических оценок, связанные с практической деятельностью человека. Они включают: 1) утилитарные: (практичный (лицемер – (+) /непрактичный – об искреннем человеке – (-)); 2) нормативные (антинорма (лицемерие) – (-) /норма (искренность) – (+)); 3) телеологи-

ческие: материально выгодно (лицемерие (+)) / не выгодно (искренность (-)) Необходимо отметить, что среди приведенных выше оценок искренность оценивается эксплицитно только в интеллектуальных, этических и теологических оценках.

В результате сплошной выборки из фразеологических словарей русского и английского языков были выявлены следующие группы фразеологизмов: 1) единицы, ассоциирующиеся с вершинным узлом «Участник 1, объект лицемерия»; 2) единицы, характеризующие Участника 2, субъект лицемерия; 3) единицы, связанные с характеристиками лицемерия/искренности; 4) единицы, репрезентирующие результат действия; 5) фразеологизмы, связанные с ситуативными характеристиками действия. Кроме того, нами было выделено 13 групп, обозначающих такие фрагменты концептуального пространства лицемерия, как «притворство, игра», «маска, личина», «роль», «ханжество», «лесть, неискренность», «приспособленчество, угодничество», «корысть, выгода», «обман, введение в заблуждение кого-либо», «получение / потеря доверия», «сокрытие, утаивание», «действия на публику», «ловкость, хитрость» и «двуличие». Данное деление на группы является условным и не претендует на законченность и всеобъемлющий характер. Анализ фразеологизмов, распредмечивающих диаду «лицемерие – искренность» показал, что оценка объекта / субъекта действия, результат действия номинированных лексемами, зависит от источника оценки (т.е. субъекта или объекта) и является ситуативно обусловленным.

Обращает на себя внимание дуальность восприятия концептуальной диады «лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах, где англичане связывают искренность с защитой, силой / опасностью, риском, неблагоприятием, а русские – с глупостью, наивностью, либо со слабостью (апелляция к состоянию алкогольного опьянения), лицемерие отрицательно оценивается, если это тактика манипуляции и получает положительную оценку, если это способ сохранить приватность, остаться независимым – у англичан, и если это сопряжено с тактом, защитой – у русских. Более того, наличие амбивалентной оценки искренности в английской лингвокультуре обусловлено разграничением членов общества на «своих-чужих», где «свои» – это узкий круг семьи и очень близких друзей, «чужие» – все остальные члены общества, в первом случае искренность понимается как благо, во втором – как вред. Приведем примеры: *Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер: такой безобразит челове-*

ство (Петр I Великий); *If it were not for the intellectual snobs who pay, the arts would perish with their starving practitioners – let us thank heaven for hypocrisy* (А. Huxley) – *Если бы не интеллектуальные снобы, которые платят, искусство бы кануло в вечность с его голодающими служащими – давайте поблагодарим небеса за лицемерие; Искренность в бизнесе приводит к банкротству* (Олег Кузнецов); *Первое условие для сближения – искренность* (М. М. Пришвин).

Подведем основные итоги.

1. Концептуальная диада представляет собой сложное ментальное образование, конститутивными признаками которого являются следующие: а) наличие амбивалентного оценочно-маркированного образа, выражающегося в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок б) конфликт рациональной рефлексии / эмоций, в) дуальность категоризации мира; г) освоение действительности через контрадикторность восприятия ценностей бытия (хорошо – плохо, добро – зло, свой – чужой, опасность – защита), д) регулярная вербализация диад и их универсальный характер для человечества.

2. Содержательный минимум концептуальной диады «лицемерие – искренность» моделируется в виде следующего фрейма: действие, которое выражается через понятие «лицемерить/быть искренним», субъект (участник 1), объект (участник 2) рассматриваемого действия, характеристики участников действия, мотивированность, цель этого действия, условие его совершения, сфера и средства совершения действия, его результат.

3. Понятийные характеристики концептуальной диады «лицемерие – искренность» сводятся к следующим важнейшим характеристикам: а) диады «лицемерие – искренность», «лицемерие – праведность» по отношению к окружающим и к Богу, б) действие со скрытой злонамеренной, но демонстрируемой доброжелательной/праведной интенцией либо действие с открытой доброжелательной/праведной интенцией в) определенная степень, долгосрочный/сиюминутный характер действия. Лицемерие проявляется преимущественно в межличностных отношениях, духовной сфере, политике. Основные разновидности искренности - сакральная, ментальная, эмоциональная, вербальная.

4. Образные характеристики концептуальной диады «лицемерие – искренность» проявляются в наименованиях типичных ситуаций, сопряженных с требованием самоконтроля и соблюдения приватности и здравого смысла в английской лингвокультуре, и преобладанием

эмоционального начала над рациональным в русской лингвокультуре, в упоминании причин, эмоций и чувств, проявляющихся в ситуациях, отмеченных лицемерием/искренностью, характеристиках поведения субъекта, действующего лицемерно/искренне. Они находят следующее выражение: в перцептивном плане – лицо с показным либо настоящим выражением чувств; в метафорике – оппозиционные образы хищных животных/птиц либо травоядных животных и домашних птиц, основанные на контрадикторности уподобления человека хищнику либо беззащитному существу - жертве.

5. К числу ценностных характеристик концептуальной диады «лицемерие – искренность» относятся следующие: а) оценка лицемерия и искренности амбивалентна, б) первая реакция на лицемерие всегда критична, эмоциональна и негативна, первая реакция на искренность всегда положительна и одобряема, однако в ряде случаев имеет место понимание и принятие лицемерия и осуждение искренности, что составляет бинарную суть данной диады, в) рациональное осмысление лицемерия направлено на выявление его цели, причин, мотивов, статус объекта действия, что приводит к смягчению оценки в ряде случаев.

6. Способы языкового выражения концептуальной диады «лицемерие – искренность» в русской и английской лингвокультурах свидетельствуют о совпадении основных понятийных, образных и ценностных признаков данной диады. При этом следует отметить специфичность восприятия исследуемой концептуальной диады, обусловленное рамками самоконтроля ввиду жестких социально-моральных требований, влияния религии, особенностями воспитания и этикета в английской лингвокультуре, что выразилось в акцентировании стремления получить одобрение общества, осознании лицемерия как способа создания образа благополучного и независимого члена общества, восприятии искренности как чего-то необдуманного, импульсивного, личного со стороны англичан, и осознания лицемерия как хищнического способа реализации корыстных целей или способа самозащиты, сопряжение искренности с душой, опасностью, риском в русской лингвокультуре.

Литература

Беркутова Ю.А. Репрезентация концепта «Лицемерие» в русском языке // Гуманитарные Исследования № 3 (31). – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2009. – С. 15-21.

Беркутова Ю.А. Базовые понятийные характеристики концепта «лицемерие» в английской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире - 2: сб. статей / отв. ред. Г.Г. Слышкин. Т.2. Волгоград: Издательство ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – С. 20-27.

Беркутова Ю.А. Этимология ключевых лексем, объективирующих концепт «лицемерие» в русской и английской лингвокультурах [Текст] / Ю.А. Беркутова // LINGUA MOBILIS № 1 (15), 2009,. – Челябинск: Изд. Дом «Челябинский государственный ун-т», 2009. - С. 15-21.

Беркутова Ю.А. Фрейм концепта «Лицемерие» в русской и английской лингвокультурах // Креативная лингвистика: сборник статей / сост. В.С. Плавинская, Е.Н. Горбачева; под ред. Е.М. Стомпель. – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2009. – С. 20-27.

Храмова Ю.А. Реализация признаков концептуальной диады «'лицемерие' – "искренность"» во фразеологических единицах английского языка // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по филологии № 4 декабрь 2009 г., г. Астрахань / сост. Е.Ю. Бубнова. – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2009. – С. 80-82.

Храмова Ю.А. Оценочные характеристики концепта "лицемерие" в английской и русской афористике // Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (9 февраля 2010 г.): В 2-х т. Том 2. - Омск: Изд-во Ом. Экон. ин-та, 2010. – С. 206 – 216.

Храмова Ю.А. Репрезентация концепта «Искренность» в английской русской лингвокультурах // Креативная лингвистика 2: сборник статей / сост. В.С. Плавинская, Е.Н. Горбачева; под ред. Е.М. Стомпель. – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2010. – Вып. 2. – С. 82-89.

О.В. Павлова (Волгоград)

ВОРОВСТВО

Объектом исследования является концепт «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах. В качестве предмета анализа рассматриваются культурно-специфические характеристики этого концепта в языковом сознании и коммуникативном поведении носителей русского и немецкого языков.

Цель исследования заключается в сопоставительной характеристике концепта «воровство» в русской и немецкой лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили данные сплошной выборки из русских и немецких толковых, синонимических, фразеологических, афористических словарей, словарей немецких и русских пословиц, из русско- и немецкоязычных художественных произведений, из интернет-источников, а также данные, полученные методом ассоциативного эксперимента. Общее число проанализированных текстовых репрезентаций концепта «воровство» составляет 2100 единиц.

В результате анализа текстов правовых нормативных документов РФ и ФРГ мы установили виды правонарушений, квалифицируемые как воровство в названных государствах. Большинство видов преступлений против собственности совпадает в нормативных актах России и Германии. При этом выявлен ряд правонарушений, прописанных в административных и уголовных статьях только одного из этих государств. Так, например, только в российском законодательстве фиксируются такие правонарушения, как хищение нефти и газа из нефтепровода/газопровода, самовольная добыча янтаря. Наличие этих административных и уголовных статей отражает прежде всего географическую специфику нашей страны. В немецком законодательстве более точно фиксируются объекты хищения: например, совершение кражи у человека, находящегося в ситуации, представляющей для его жизни опасность, хищение вещей из церкви.

Сопоставительный анализ нормативных правовых документов позволяет заметить, что в немецком законодательстве более детально фиксируются, описываются виды таких преступлений, как грабеж (*Raub*), разбой (*schwerer Raub*), хищение, кража (*Diebstahl*) у частного лица, что составляют национально-культурную специфику воровства в немецком социуме на институциональном уровне. Этот факт говорит в пользу признания высокого уровня юридической культуры немецкого законодательства, о стремлении немцев к четкости и детализации правовых формулировок.

С психологической точки зрения воровство является разновидностью девиантного поведения, которое характеризуется от-

клонением от норм, принятых в обществе на том или ином этапе его развития.

Согласно психоаналитическим теориям, причиной воровства чаще всего является конфликт между личностью и обществом. По З.Фрейду, внутренний мир и поведение человека подчинены асоциальным влечениям. Человек в современной цивилизации должен их подавлять, чтобы соответствовать нормам своего социума. Неспособность бороться со своими асоциальными влечениями ведет к нарушению этических и правовых норм, в том числе и к посягательству на чужую собственность. Ярким проявлением патологического желания владеть чужими предметами служит kleptomania – явление медико-психологического характера.

Изучение концепта предполагает анализ способов и средств его языкового оформления. Для многоаспектного описания концепта (в нашем случае концепта «воровство») целесообразен анализ его первичных форм закрепления в языковом сознании человека. Этимологические данные иллюстрируют несовпадающие семантические «предыстории» концепта «воровство» в русском и немецком языках.

Обращение к этимологическим словарям позволяет выделить и проследить пути становления значений базисных слов, номинирующих воровство. Значения слов «врать» и «вор» оказываются издревле соотносимыми между собой. Так, в письменных памятниках XVI в. встречается слово «вор», которое образовано от глагола *върати* (*говорить, заговаривать*; *врач* – тот, кто лечит заговором). Слово *върати* этимологически родственно болг. *врач* ‘колдун’, сербохорв. *врач* ‘прорицатель, чародей’, ср. с серб. *преварити* ‘обмануть’ [ЭС 2007]. Примечательно, что в древности понятие болезни связывалось с понятием «обман», болезнь «обманывали», считая ее злым духом.

В архаичной картине мира понятие «обман» не связывалось с сообщением ложной информации как в современном языке, а соотносилось с нанесением морального и физического ущерба другому человеку. К словам с таким значением относятся следующие: *разбой* (ст.-сл.) образовано от *разбити*; *грабить* (общесл. индоевр. характера), первоначальное значение «*грести, загребать*», которое затем приобрело современное значение; *кража* (общесл.) образовано от *kradti* – *красть*, сочетание *-dt* измени-

лось в результате диссимиляции в *st*. Этот же корень, но на иной ступени чередования выступает в слове *крыть* [ЭС 2007].

Понятие воровства связано со скрытными действиями человека. Так, в старославянском языке для обозначения воровства использовалось слово *«тятьба»* («тянуть, стащить» – взять незаметно для других). Отсюда и слово *тать* – *вор, грабитель, связано с тайный, таю, таить* [ФЭС 1964]. В крупнейшем памятнике Древнерусского государства – в «Русской Правде» – мы находим именно это обозначение воровства и вора: *«Аже убьютъ огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место; а то же покон и тивуницу»* [Чистяков, 1999, с. 22]. (Если убьют боярина в доме, или украдут коня, или быка, или корову, то убить его как собаку, то же самое сделать с домоуправителем согласно порядку).

Следует заметить, что словом «вор» первоначально обозначали изменника, государственного преступника, а словом «воровство» – любое преступное действие: поджог, подлог, государственные преступления. Приведем пример из Соборного Уложения 1649г.: *«А будет кто умышлением и изменою город зазжет или дворы, и в то время, или после того зажигальщик изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого сжечь безо всякого милосердия»*. В XVII в. в российские правовые документы вводится термин «воровство» в качестве родового, затем XIX в. он приобретает и видовое значение – кража.

Таким образом, этимология слов, номинирующих воровство в русском языке, показывает, что оно в первую очередь связано со значением «врать». Этот факт объясняет причину появления у слова «вор» ныне уже устаревших значений – «самозванец», «государственный преступник», «злодей».

В немецком языке, как показывают этимологические словари, воровство так же, как и в русском языке, сопряжено со значением скрытности действий человека. В средневерхненемецком языке слово *Dieb* (вор) употреблялось в значении «сидящий на корточках» (индогерм. корень *teup- sich niederkauern, sich verbergen*) – «сидеть на корточки, скрываться, прятаться») [ДН 1997]. Представление германцев о скрытности действий человека фиксируется в возвратном глаголе *sich stehlen* – «незаметно уходить» (ср. в современном немецком языке *sich wegstehlen* (улизнуть, ускользнуть, незаметно (украдкой) уйти), *sich davonstehlen* (удалиться,

скрыться). Слово же *Diebstahl* (воровство) (в средневерхненемецком – *diupstale, diepstal*) происходит от исчезнувшего в период нововержненемецкого языка имени существительного ж.р. *diube* (в древневерхненемецком *diub(i)a*), что означало «воровство». В период ранневерхненемецкого языка появлялось слово *Deube* с тем же значением, что и слово *stala* (воровство) в древневерхненемецком языке [ДН 1997], являющееся, по всей видимости, производным от глагола *stehlen* (воровать; в средневерхненемецком *steln*, в древневерхненемецком *stelan*, гот. *stelan*, англ. *to steal*) [ДН 1997]. Изначально, судя по этимологическим словарям, этот общегерманский глагол употреблялся в значении «тайное, скрытое изъятие какого-либо предмета в противоположность к открытому грабежу».

Современное немецкое слово *Raub* (грабёж) в древневерхненемецком (*roub*) употреблялось в значении «трофей; разбой», в средневерхненемецком (*roup*) в следующих значениях – «военный трофей»; «мародёрство», «разбой». В древневерхненемецком языке имя существительное *roub* восходит к исчезнувшему со временем глаголу *roubon*, имеющим значение «ломать, срывать, выхватывать, опустошать» [ДН 1997]. Таким образом, первоначально это слово обозначало то, что было вырвано из рук, отобрано у врага – военные трофеи, захваченное вражеское оружие и одежда (ср.: древнефранкское *robe* – «одежда», но первоначальное значение – «трофей, трофейная одежда»).

В архаичных номинациях со значением «воровство» в русском и немецком языках можно выделить, следовательно, 2 основных семантических компонента: а) сокрытие намерений человека; б) нанесение ущерба, вреда другому человеку. Национально маркированными в русской лингвокультуре являются следующие значения: а) обман; б) сопротивление государственным интересам, преступления против власти. В немецкой лингвокультуре этно-маркированными являются значения «выхватывать», «опустошать», «захватывать трофеи», показывающие, как думается, образ жизни древних германцев как воинов.

Выявление понятийных признаков концепта «воровство» предполагает обращение к анализу словарных дефиниций русских и немецких ключевых лексем, их репрезентирующих. Изучение данных, заключенных в лексикографических описаниях соответствующих слов, позволяет установить ядерную часть опи-

сываемого концепта, его наиболее релевантные признаки. Рассмотрение дефиниций русских и немецких номинантов анализируемого концепта позволяет выявить в их значениях следующие основные признаки: 1) «деятельность человека», 2) «нарушение принятых в обществе юридических и моральных норм», 3) «присвоение/хищение чужой собственности»; 4) «нанесение ущерба, вреда», 5) «институциональное наказание лица, совершившего правонарушение», 6) «общественное моральное осуждение вора».

Установление перечня слов, обозначающих концепт «воровство», и проведение количественных подсчетов приводят к выводу, что в русской лингвокультуре по сравнению с немецкой значительно больше номинаций субъекта воровства. Их соотношение равно 160 к 49 лексическим единицам (напр., *форточник*, *медвежатник*, *щипач*, *кукольник*, *мазурик*, *der Taschendieb*, *der Autoknacker*, *der Fassadenkletter* и др.). Значительная часть слов, обозначающих анализируемый концепт в русском языке, в частности субъектов воровства, уходит своими корнями в воровское аргю. В детальной номинации воров, их специализаций мы видим особенности исторического развития нашего социума. Установленный лингвистический факт объясняется, во-первых, печально известными событиями сталинской эпохи, когда значительная часть населения оказалась в тюрьмах, лагерях, во-вторых, известной криминализацией нашего социума в 90-е годы прошлого века и, в-третьих, выходом на телеэкраны фильмов, часто романтизирующих уголовный мир (вспомним, например, фильм «Бригада», персонажи которого у многих зрителей вызывают симпатии). Указанные обстоятельства привели к активному использованию, в особенности в молодежной среде, воровского аргю.

В концепте «воровство», вербализованном в русском и немецком социумах, помимо обозначения субъектов воровства можно выделить характеристики субъекта воровства (в русском языке 39 единиц – *проворный*, *поворотливый*, *расторопный*, *фартовый* и др.; в немецком языке 7 единиц – *abgebrüht*, *spitzbübisch* и др.), виды воровства (в русском языке 57 единиц – *кража*, *грабеж*, *разбой* и др.; в немецком языке 40 единиц – *Raub*, *schwerer Raub*, *literarischer Diebstahl*, *organisierter Diebstahl* и др.), процесс воровства (в русском языке 131 единица – *мазурничать*, *лимонить*, *тырить*, *шаражничать*, *чиграшить*, *щипачить* и др.; в немецком языке 57 единиц – *mausen*, *mopsen*, *schröpfen*, *stibitzen* и др.),

воровской инструмент (в русском языке 11 единиц – *балерина, конек, выдра* и др.; в немецком языке 5 единиц – *der Diebeshacken, der Dietrich* и др.), объект воровства (в русском языке 8 единиц – *поросенок* (т.е. кошелек) и др.; в немецком языке 4 единицы – *das Diebesgut, die Diebesbeute* и др.), воровской язык (в русском языке 3 единицы – *феня* и др.; в немецком языке 3 единицы – *die Gaunersprache, das Rotwelsch* и др.), место сбора воров (в русском языке 4 единицы – *хата, малина* и др. ; в немецком языке 2 единицы – *die Spelunke* и др.); защита от воровства (в русском языке 3 единицы – *служба безопасности, видеонаблюдение* и др.; в немецком языке 4 единицы – *die Diebstahlversicherung, die Einbruchdiebstahlversicherung* и др.).

В русском наивном языковом сознании воровство ассоциировано с ремеслом, техническими инструментами: *технарь, автослесарь*, его многочисленными видами: *гон-стоп, грабеж, мародерство, угон, хищение*; наказанием, ловкостью и хитростью вора, в то время как для немецкого наивного сознания приоритетными оказываются ярко выраженные отрицательно-оценочные характеристики воровства, оценивание причины совершения воровства и защита человека от кражи: *diebstahlsicher, Einbruchdiebstahlversicherung*.

Фразеологический и паремиологический фонды языка представляют собой, по мнению ученых (С.Г. Воркачев, В.М. Савицкий, В.Н. Телия и др.) его наиболее самобытное явление, отражая определенные культурные установки, эталоны и стереотипы. Следовательно, изучение данных языковых единиц позволяет выделить наиболее ценностные установки той/иной лингвокультуры через призму описываемого концепта.

Пословицы и поговорки фиксируют опыт общества, отражают его наиболее важные ценности, транслируют их из поколения в поколение. Исследование паремиологического фонда, следовательно, позволяет раскрыть сущность национального сознания, культурные установки и менталитет социума.

Методом сплошной выборки нами была выявлена 221 паремия, обозначающая концепт «воровство» в русском языке. Интерпретация паремий установила ряд семантических групп. Назовем и кратко охарактеризуем основные из них.

1) «**Характеристика субъекта воровства**» (39,4%). В русской лингвокультуре воровство ассоциировано с ремеслом, опре-

деленным промыслом (21 паремия): *Он портняжничает, по большим дорогам шьет дубовой иглой. Знатного купца, карманной слободы тяглеца, серебряных и золотых дел волочильщика. Это такой землемер, что подушку из-под головы отмежует; со временем работы вора* (ночное время суток) (14 паремий): *Хорошо вору красть, коли ночь темна. Ночь темней – вору прибыльней; отношениями воров друг с другом* (10 паремий): *Рука руку моет, вор вора моет.* Русские паремии утверждают неисправимость привычек вора: (9 паремий): *Вор прощенный – конь леченый. Вор и сытый, и обутый, и одетый украдет. Дай вору хоть золотую гору – воровать не перестанет.* У вора как любого человека с ремеслом есть свой инструмент – руки (8 паремий): *У него руки с ящичком.* Вору, согласно паремиям, присуще чувство страха (3 единицы): *У вора заячье сердце: спит и видит беду. Вор, что заяц: и тени своей боится.* Воровское ремесло передается по наследству (3 единицы): *Благословил отец деток – до чужих клеток.*

2) «**Виды воровства**» (19%). Любое воровство связано с присвоением чужой собственности. Так, кража (тайное хищение имущества) представлена в русском языке 35 единицами: *Проворна Варвара на чужие карманы, разбойное нападение* 7 единицами: *Хлоп его в лоб, да в мешок, мошенничество* 1 единицей: *Севастьян горшки продает, а Севастьяниха подтаргивает.*

3) «**Причины воровства**» (16,3%). Согласно количественному анализу воры есть, потому что у них есть пособники: *Не тот вор, что крадет, а тот, что лестницу подает.* Тот, кто помогает вора, сам становится вором: *Кто вору помогает, то и сам вор. От поблажки и воры плодятся.* Мысль о том, что бедность способствует воровству также репрезентирована в паремиологическом фонде: *Голодный, и архиерей украдет. Не зарекайся красть: нужда лиха.*

4) «**Последствия воровства**» (15,8%). За воровством, которое является грехом, преступлением, неминуемо последует наказание. Наказание может быть разным (23 паремии) – вора могут просто побить, посадить в тюрьму, в яму или повесить: *Как вор ни ворует, тюрьмы не минует. Год воруй, два воруй, а три в яме сиди.* Каков вор, таково и наказание: *Плуту да вору – честь по разбору. Вору воровское, а доброму доброе.* Но при этом наказание может быть и несправедливым. Не все попадают в тюрьму за

преступления, бывают и ошибки: *И в тюрьме не все воры*. Знатный, известный человек может избежать наказания, а простой бедный обязательно будет наказан: *Алтынного вора вешают, а полтинного честуют. Кто украдет рубль, того дают под суд, а кто тысячу двести, того держать в чести. Опытный вор всегда избежит наказания*, начинающий попадетсЯ: *Шмель проскочит, а муха увязнет*.

5) «**Отношение к воровству**» (9,5%). Мысль о том, что ворованное никогда не приносит добра эксплицирована в паремиологическом фонде 9 единицами: напр., *Воровское стяжание впрок не пойдет. Краденое поросЯ в ушах визжит. Неправая нажива – детям не нажива*. При наличии альтернативы (7 паремий) – воровать или не воровать – указывается предпочтение второго: *Заработанный ломоть лучше краденого каравая. Чужое прибыльнее, а свое спорее*. Общее отношение к воровству можно квалифицировать как осуждение: *Вор-воробей домосед, а люди не хватают. Хорошие люди молотить, а худые замки колотить*.

Опираясь на материал, можно сделать вывод, что наибольшее число паремий, объективирующих концепт «воровство», репрезентируют субъект воровства, его оценочно-образные характеристики. Воровство – это своеобразное ремесло, которым занимаются преимущественно по ночам, оно часто передается по наследству. У успешного вора должны быть ловкие руки, его невозможно перевоспитать. Воры помогают друг другу, они постоянно испытывают страх быть пойманными и наказанными. Вора, как правило, видно по его поведению.

В паремиях четко выделяются и однозначно осуждаются такие виды воровства, как кража, разбойное нападение и мошенничество. Считается, что причинами воровства являются пособничество вора и бедность. Русские полагают, что наказание вора не всегда бывает справедливым. Ворующих, но обладающих деньгами, властью, положением в обществе людей, не наказывают. В паремиях утверждается, что ворованное никогда не идет впрок человеку. Воровство в русских пословицах и поговорках – это грех, в котором виновен не только вор, но часто и окружающие, само общество.

В немецком языке обнаружено 119 паремий, обозначающих концепт «воровство». Назовем и кратко охарактеризуем основные семантические группы, формирующие этот концепт.

1) «**Последствия воровства**» (24,36%). За воровством, которое признается в немецком социуме грехом, преступлением, неизбежно следует наказание. Оно эксплицировано в 19 парамеологических единицах: *Gefällt dir das Stehlen, so lass dir auch das Hängen gefallen. Wer für andere stiehlt, wird für sich gehangen*. При этом, однако, не всегда наказание бывает справедливым: знатные и состоятельные люди могут избежать наказания, а бедные обязательно будут наказаны (9 единиц): *Die kleinen Diebe hängt man, die großen lässt man laufen. Der Reiche stiehlt und der Arme wird gehängt*.

2) «**Отношение к воровству**» (23,52%). В немецком обществе воровство осуждается (9 паремий), предпочтительнее честный образ жизни: *Besser betteln als stehlen*. Мысль о том, что ворованное никогда не приносит добра так же, как и в русском языке, эксплицирована и в немецком (9 единиц): *Gestohlenes Gut liegt schwer im Magen. Ein Dieb stiehlt sich selten reich*. Любопытно, что в немецком социуме одобряется воровство у вора: *Wer einen Betrüger betrügt und einen Dieb bestiehlt, erhält hundert Jahre Ablaß*. В этом случае, как мы понимаем, речь идет о своеобразном возмездии, олицетворяющем справедливость в нравственном смысле этого слова.

3) «**Характеристика субъекта**» (20,16%). В немецком языке есть пословицы, утверждающие, что вора видно по его поведению (5 паремий): *Das böse Gewissen verrät sich selbst. Das Maul bringt den Dieb an den Galgen*, его невозможно перевоспитать (12 единиц): *Wer ein Kalb stiehlt, stiehlt eine Kuh*. В немецком языке фиксируется тот факт, что вор предаёт вора (2 паремии): *Ein Dieb heißt den andern Spitzbub*. В немецких пословицах и поговорках воровство ассоциировано с ночным временем суток: *Im Dunkeln ist gut munkeln*. Одним из качеств вора является ложь (2 единицы): *Wer das Lügen leidet, lehrt das Stehlen. Kleine Lügner, große Diebe*.

4) «**Причины воровства**» (18,52%). Воровство происходит там, где у воров есть пособники (13 единиц): *Wer dem Diebe die Leiter hält, ist so schuldig, wie der Dieb*. Лень (*Junge Faulenzer, alte Diebe*) и бедность (*Dienst ohne Lohn macht Diebe*) признаются также причинами совершения хищений. Согласно пословицам и поговоркам, ворами не рождаются, ими становятся. Считается,

что вором человека делает город, окружающие нечестные люди: *Die Stadt macht den Dieb. Bei Dieben lernt man stehlen.*

5) «**Виды воровства**» (13,44%). Любое воровство связано с присвоением чужой собственности. Так, кража – тайное хищение имущества – представлена в немецком языке 11 единицами: *Man kann alles gebrauchen, sagte der Dieb und nahm eine goldene Uhr.* При этом уточняется место совершения кражи: *Ein großer Markt ist selten ohne Diebe. Kein Markt ohne Diebe.*

Сопоставительный анализ русских и немецких паремий показывает во многом совпадающие аксиологические характеристики воровства в описываемых лингвокультурах. И русские и немцы осуждают воровство и воров. Считается, что вора нельзя перевоспитать, его следует наказывать. При этом, однако, высказывается сомнение в справедливости закона – наказывают мелких воров, а ворующие, но обладающие деньгами и властью, остаются на свободе. В паремиологических фондах обоих языков мы находим утверждения, согласно которым ворованное никогда не идет человеку впрок. Основной причиной воровства является помощь, пособничество вора. Другой причиной, толкающей людей к воровству, по мнению русских и немцев, является бедность. В немецком обществе, кроме того, к числу причин воровства относится лень. В русских паремиях по сравнению с немецкими воровство оценивается как своеобразное ремесло, которое передается по наследству. По мнению русских, воры помогают друг другу, в то время как немцы считают, что воры, наоборот, не солидарны, они выдают друг друга властям. Инструментом русским ворами в их работе служат ловкие руки, а немецким – длинные, липкие пальцы.

Анализ лексикографических источников обнаруживает в русском языке 64 фразеологизма, объективирующих концепт «воровство». Их интерпретация выявила следующие семантические группы.

1) «**Воровство как ремесло**»: *из плута (с)кроен; из (с) /вора кроен, из плута/вора шит, мошенником подбит, волочильных дел мастер, серебряных и золотых дел волочильщик.*

2) «**Действия рук человека как характеристика воровства**»: *прибрать к рукам, прибирать к рукам, пригрести к рукам, наложить руку, запускать руку (лапу) во что-либо, куда-либо, запустить руку (лапу), нечист на руку.*

3) **«Результат действий вора»:** *ободрать как липку, обобрать как липку, обчистить как липку.*

4) **«Место действия рук вора (карман)»:** *залезать в карман, залезть в карман, класть себе в карман, положить себе в карман, блюсти чистоту в чужих карманах, заниматься карманной выгрузкой, по карманам тырить, шарить по карманам, цупать по карманам, набивать карман (мошну).*

5) **«Профессиональные умения вора»:** *на ходу подметки режет, на ходу подметки рвет.*

6) **«Воровство и обман»:** *обвести вокруг пальца, вокруг пальца, около пальца обмотать; натянуть (наставить, наклеить) нос.* Быстрый и ловкий обман здесь сравнивается с быстрым наматыванием нитки на палец. Происхождение фразеологического оборота *обвести вокруг пальца* следующее: фокусник брал у зрителей какой-либо предмет и обводил им вокруг пальца, отвлекая их внимание, а в это время его сообщники очищали карманы зрителей.

7) **«Характеристика речи вора»:** *по фене ботать, болтать по офене.*

В немецком языке выявлено 58 фразеологизмов, репрезентирующих этот концепт. Их интерпретация выявила следующие семантические группы.

1) **«Действия пальцев/ рук человека как характеристика воровства»:** *klebrige Finger haben* (букв. иметь липкие пальцами); *lange Finger haben* (обладать длинными пальцами); *krumme Finger haben* (букв. иметь кривые, скрюченные пальцы); *Diebesfinger haben* (т.е. обладать типичными для воров пальцами); *die Hand nach etw. ausstrecken; etw. in seine (eigene) Hände spielen; an seinen Händen bleibt etw. leicht hängen.*

2) **«Результат действий вора»:** *j-m das Hemd über den Kopf ziehen; j-n bis aufs Hemd ausziehen; j-m in die Wolle greifen; sein Schäfchen scheren; einen Schnitt bei etw. machen; etwas heim ins Reich holen; j-n um eine Geldsumme erleichtern; j-m Geld abzapfen; Geld aus j-m ziehen; in die Kasse greifen.*

3) **«Место действия рук вора (карман)»:** *die Hand in anderer (fremder) Leute Taschen haben; j-m aus der Tasche spielen; j-m die Tasche abknöpfen; j-m das Geld aus der Tasche ziehen; j-m den Beutel lausen; j-m die Kolbe lausen* (букв. *lausen* – искать вшей, т.е.

очень тщательно искать); *sich etw. in die Tasche stecken; sich den Beutel spicken*.

4) «**Воровство и обман**»: *j-d tüchtig melken*.

Сравнение русских и немецких фразеологизмов, как и паремий, обнаруживает во многом совпадающие характеристики воровства в двух лингвокультурах – действия рук человека как характеристика воровства, результат действий вора, место действия рук вора (карман), воровство и обман. Только в русской фразеологии воровство оценивается как ремесло. В ней квалифицируются профессиональные умения вора, дается характеристика речи вора. В немецких фразеологизмах по сравнению с русскими продуктивным является соматизм «пальцы».

С целью верификации полученных результатов в дополнение к лингвистическому анализу мы обратились к ассоциативному эксперименту. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря» воровство ассоциировано с определенными профессиями и должностями (*экономист, продавец, чиновник, заведующий*), деньгами, собственностью (*кошелек, перстень, яблоки, куры, огурцы, газеты, чемодан, шапка*), с конкретным местом (*в доме, карман, квартира, машина, мешок, в автомобиле, двор, в огороде, в магазин, в транспорте*), временем суток (*ночью*), поимкой (*попался, пойман, гнать, держать, поймать, преследовать, догнать, за руку, ловить, взяли, схватить, убегает*), наказанием (*в тюрьме, зона, зэк, бить, авторитет, тюремщик, наручники, заключенный, пороть, посадить, пришить, связать, вора бей*), с законом (*закон, в законе, милиция, вне закона, законный, милиционер, уголовник, судить, преступный*).

Обращают на себя внимание оценочные характеристики воров. Помимо морального резкого осуждения воров и презрения к ним (*злостный, плохой, наглый, негодяй, враг, злодей, плохой человек, подонок, плут*) имеет место в ряде случаев и сочувственное отношение к ним (*несчастный, бедняжка, с несчастной судьбой, жалкий*). Несмотря на некоторую амбивалентность оценки воров, в целом они осуждаются в обществе.

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с группой русских (129 человек) и группой немецких информантов (59 человек). Напротив предложенного им в анкете слова-стимула «воровство» / «Diebstahl» они должны были записать первое пришедшее им в голову слово. Если такого слова не нахо-

дилось, то респонденты ставили прочерк в анкете. Ответы были обработаны, на их основе было построено ассоциативное поле слова-стимула «воровство». Полученные ассоциаты мы интерпретируем как языковые репрезентации отдельных когнитивных признаков исследуемого концепта. Обобщив результаты анкет, мы сгруппировали в единые блоки близкие по семантике слова-ассоциаты, суммировав их частотность употребления: 1. *преступление* 52 (кража, грабеж, тюрьма, незаконность, нарушение закона, преступность, карается законом, отсечение руки, груз на плечах, тяжесть, уголовное дело, мошенничество, жаргон, наказание); 2. *присвоение чужой собственности* 34 (присвоение чужого имущества, деньги, супермаркет, способность взять что-то чужое, необъяснимая тяга что-нибудь стащить, один человек работал трудом, другой пришел и похитил, берут из кармана, потеря чего-то своего, что-либо забрать, что-то где-то плохо лежит, еда, индивидуальная сфера деятельности, направленная на личные цели, соседская обворованная квартира, каждый человек занимается воровством, присваивая себе чужие мысли, чужое); 3. *негативное явление* 24 (плохо, ужасно, негативное качество, подлость, аморальное поведение, грех, обман, что-то темное, неприятное, несправедливость, «черное дело», нечестность); 4. *вор* 9 (слабый человек, без принципов, мужчина, бродяга, способ заработать себе на жизнь, человек, беспорядочность); 5. *причины воровства* 6 (безысходность, бюрократия, адреналин, невоспитанность, коррупция, дети в неблагополучных семьях); 6. *сочувствие к пострадавшим* 3 (неожиданность, состояние человека, которого обворовали, страдания людей, лишившихся своего имущества). 7. *грамматический род* 1 (существительное среднего рода).

Каждый из названных выше когнитивных признаков концепта может быть ранжирован по степени яркости (в терминологии З.Д. Поповой и И.А. Стернина) в его структуре. Индекс яркости вычисляется как отношение числа испытуемых, назвавших тот/иной признак, к общему числу испытуемых в эксперименте. Принадлежность того/иного признака концепта к конкретной полевой зоне определяется нами вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным исключительно яркостью соответствующего когнитивного признака, его актуальностью для сознания. Так, индекс яркости до 5% образует крайнюю периферию, от 5% до 15% ближнюю периферию, от 15% и выше ядро концепта.

К ядерным когнитивным признакам описываемого концепта в русском языке относятся: *преступление* – 40,3%, *присвоение чужой собственности* – 26,3%, *воровство как негативное явление* – 18,6%. Ближнюю периферию концепта «воровство» составляют следующие признаки: *вор* – 6,9%, *причины воровства* – 4,8%. Дальнюю периферию образуют *сочувствие* 2,3%, *грамматический род* 0,8%.

Для построения ассоциативного поля концепта «воровство» мы провели также и направленный ассоциативный эксперимент, результаты которого выявляют когнитивные признаки, объективированные ассоциатами. В направленном ассоциативном эксперименте обнаруживаются и выводные, и косвенные признаки, фиксируемые в последующих ассоциатах. Нами был проведен рецептивный эксперимент, который является разновидностью направленного ассоциативного эксперимента, где испытуемым предлагалось дать определение понятию «воровство».

В результате анализа субъективных дефиниций (опрошено 129 испытуемых) выявлены следующие когнитивные признаки исследуемого концепта: *незаконное завладение чужой собственностью* 70; *преступление* 11; *кража* 9; *негативное явление* 7; *наказание* 6; *нажива* 5; *болезнь* 3; *один или несколько человек* 1; *малообеспеченные семьи* 1; *жизнь за счет других* 1. Отказались отвечать на вопрос 15 респондентов.

Результаты направленного эксперимента показали, что ядро описываемого концепта образуют когнитивные признаки *незаконное завладение чужой собственностью* 61,4%, *преступление* 22,8% (*преступление* 9,6%, *кража* 7,9%, *наказание* 5,3%). Его ближнюю периферию формирует такой признак, как *негативное явление* 6,1%. Эти данные совпадают с результатами свободного эксперимента. С помощью направленного ассоциативного эксперимента были выявлены дополнительные когнитивные признаки, составляющие дальнюю периферию концепта «воровство»: *нажива* 4,4%, *болезнь* 2,6%, *вор* 1,8% (*один или несколько человек* 0,9%, *малообеспеченные семьи* 0,9%), *жизнь за счет других* 0,9%.

Обобщив результаты анкет, заполненных немецкими информантами, мы сгруппировали в единые блоки семантически близкие слова-ассоциаты, суммировав их частотность употребления: 1. *Чужая собственность* 27 – fremdes Eigentum (чужая собствен-

ность), Geld (деньги), Diebstahl geistigen Eigentums (воровство интеллектуальной собственности), Gegenstände (вещи), Portemonnaie (портмоне), Schmuck (украшения), Wertvolles (ценные вещи), Diamanten (алмазы), Dokumente (документы), Uhr (часы), Zigaretten (сигареты), Alkohol (алкоголь), Kreditkarte (кредитная карта); 2. *Преступление 17* – Autodiebstahl (угон автомобиля), Taschendiebstahl (карманная кража), Gefängnis (тюрьма), entwenden (похищать), etwas anderen wegnehmen, klauen (что-то отнять, стянуть у других), Ladendiebstahl (воровство в магазине), etwas im Laden mitgehen lassen (что-то украсть из магазина), illegal (нелегально), Kaufhaus (универсам), Ärger mit der Polizei (неприятности с полицией), fesseln (захватывать), Verbrechen (преступление); 3. *Негативное явление 8* – Böses (зло), Unrecht (несправедливость), Unsicherheit (опасность), Bereicherung auf Kosten anderer (обогащение за счет других), unmoralisch (безнравственно), ungerecht (несправедливо); 4. *Воры 7* – Räuber (грабители), nachts (ночами), heimlich (тайно), Sack (мешок), Tuch vor dem Gesicht (платок на лице).

Вычислив индекс яркости полученных когнитивных признаков, мы выявили ядро концепта «воровство» в немецком языке: *чужая собственность* – 45,76%, *преступление* – 28,81%. Такие признаки, как *негативное явление* – 13,55% и *воры* – 11,86%, формируют ближнюю периферию. Другие признаки оказались еще менее релевантными.

Проведение направленного ассоциативного эксперимента выявило следующие когнитивные признаки в концепте «воровство»: *незаконное хищение чужой собственности (unrechtmäßige Entwendung fremden Eigentums)* – 80,76%, *преступление (eine Straftat)* – 19,24%. Направленный ассоциативный эксперимент не обнаружил дополнительных когнитивных признаков в анализируемом концепте, а только подтвердил результаты свободного ассоциативного эксперимента. Таким образом, структура немецкого концепта «воровство» представлена его ядром: *незаконное завладение чужой собственностью, преступление* и ближней периферией: *негативное явление, воры*. Отсюда мы можем сделать вывод, что ядро исследуемых концептов в сопоставляемых языках идентично.

Изучение экспериментальных данных обнаруживает заслуживающий внимания факт: немецкие информанты в отличие от русских практически не назвали прецедентных имен, связанных с

воровством. Лишь четыре информанта упомянули в своих анкетах исторические личности (монарх Дагоберт – 2 реакции, Тиль Ойленшпигель – 1 реакция) и литературных героев (Макс и Моритц – 1 реакция). Для носителей русского языка воровство ассоциируется с целым рядом известных имен. Это реальные личности – воры (Сонька Золотая Ручка, Тайванчик, Япончик, Кадин), политические, общественные деятели и бизнесмены (Абрамович, Березовский, Ищенко, Ходорковский), герои литературных произведений и художественных фильмов (Джентельмены удачи, Деточкин, Лиса-Алиса, Соловей-Разбойник, Воланд, Горбатый, Фокс). Количество русских респондентов, назвавших прецедентные имена, кратно превышает число немцев, их указавших. Данный лингвистический факт говорит о том, что концепт «воровство» разнообразнее представлен в сознании носителей русского языка, чем в сознании носителей немецкого языка.

Подведем основные итоги.

1. Концепт «воровство» представляет собой конкретизацию концепта «деятельность человека» по параметру «нарушение норм поведения в обществе».

2. Основное содержание концепта «воровство» в русском и немецком языковом сознании сводится к следующим признакам:

а) понятийную сторону этого концепта составляет комбинация следующих признаков – «нарушение принятых в обществе юридических и моральных норм», «присвоение/хищение чужой собственности»; «нанесение ущерба, вреда», «институциональное наказание лица, совершившего правонарушение», «общественное моральное осуждение вора»;

б) ценностная сторона данного концепта – это отрицательно-оценочное отношение носителей русского и немецкого языков к воровству как к виду нарушения этических норм поведения человека в социуме;

в) образную сторону этого концепта формируют его устойчивые ассоциации с 1) ночным временем суток, 2) ловкими руками и пальцами, 3) карманом, 4) внешностью бездомного мужчины.

3. Основные отличия в представлении концепта «воровство» в русском и немецком языковом сознании сводятся к следующему:

а) в немецком законодательстве по сравнению с российским более детально описаны на уровне отдельных административных и уголовных статей виды правонарушений, связанные с присвое-

нием/хищением чужой собственности, что свидетельствует о высокой юридической культуре немецкого законодательства, стремлении немцев к четкости и детализации правовых формулировок (хищение у находящегося в опасности человека, хищение из закрытого помещения и др.);

б) номинативная плотность субъектов воровства в русской наивной картине мира выше, чем в немецкой, что объясняется особенностями истории развития российского/советского государства;

в) в русском наивном языковом сознании воровство ассоциировано прежде всего с ремеслом, техническими инструментами, наказанием, ловкостью и хитростью вора, в то время как для немецкого наивного сознания приоритетными оказываются выявление и оценка причины совершения воровства;

г) для русских воровство ассоциируется с целым рядом прецедентных имен: реальные личности – воры (Сонька Золотая Ручка, Тайванчик, Япончик, Кадин), политические и общественные деятели, бизнесмены (Абрамович, Березовский, Ищенко, Ходорковский), герои литературных произведений и художественных фильмов (Джентельмены удачи, Деточкин, Лиса-Алиса, Соловей-Разбойник, Горбатый, Фокс), в то время как прецедентные имена воров в немецком языковом сознании ограничены немногочисленными литературными персонажами – Тиль Ойленшпигель, Макс и Моритц.

Литература

Павлова О.В. Ассоциативная характеристика вербальных репрезентаций концепта «воровство» в русском и немецком социумах // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2009. – №5 (39). – С. 135 – 139.

Павлова О.В. Изучение ценностной составляющей концепта «вор» в русском языковом сознании // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2007. – С. 131 – 136.

Павлова О.В. Репрезентация концепта «вор» в социокультурном аспекте (на примере анализа правовых нормативных документов) // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2008. – Вып. 10. – С. 104 – 110.

Павлова О.В. Репрезентация концепта «вор» в русской и немецкой лингвокультурах (на материале пословично-поговорочного фонда) // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр./ под

ред. Л.Г. Васильева. – Калуга: Калужский государственный педагогический университет им. К.Э. Циолковского, 2008. – С. 92 – 98.

Павлова О.В. Русский концепт «вор» и феномен прецедентности // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – С. 401 – 406.

Павлова О.В. Ассоциативные характеристики вербальных репрезентаций феномена «воровство» в современном русском социуме // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: материалы. – Элиста: изд-во Калм. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 124 – 126.

Павлова О.В. Концепт «воровство»: психологический аспект // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2009. – Вып.12. – С. 128 – 137.

Павлова О.В. Этимологический анализ номинантов русского концепта «воровство» // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. – С. 435 – 441.

Г.П. Басс (Калининград)

ЖЕРТВА

Концепт «Жертва» является одним из важнейших в картине мира многих народов, однако в собственно лингвистическом аспекте практически не изучен.

Объектом исследования служат тексты на русском и английском языках, содержащие языковые репрезентанты концепта «Жертва». Источниками иллюстративного материала являются русскоязычное издание романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (*Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман - М: «Мартин», 2006. - 528 с.*) и две версии англоязычного перевода: британское (*Pasternak Boris. Doctor Zhivago / tr. by Max Hayward and Manya Harari. London: Vintage Books, 2002. - 510 pp.*) и американское издание (*Pasternak Boris. Doctor Zhivago [Electronic resource] tr. by Max Hayward and Manya Harari; Pantheon Books, Inc., 1958, USA: The New American Library, Inc. - 359 pp.*).

Предметом исследования стали выявленные в ходе анализа художественного текста средства языковой экспликации концепта «Жертва», которые, как представляется, характерны для русской и английской языковых картин мира.

Материалом послужила картотека, составленная методом сплошной выборки из названного выше романа Б.Л. Пастернака и его английских версий, а также лексикографические источники (более 30 словарей различного типа).

Целью работы является построение лингвокогнитивной модели концепта «Жертва» с опорой на те лингвистические средства, которые выступают его репрезентантами, и выявление на ее основе особенностей данного концепта в русской и английской концептосферах с учетом специфики идиостиля Б. Пастернака.

Концепт «Жертва», важен для любого народа. Для его выделения в русской и английской языковых картинах мира достаточно как лингвокультурных, так и собственно языковых оснований. Концепт «Жертва» имеет древнюю историческую основу, является неотъемлемым элементом религиозного, философского, нравственного осмысления. В художественном тексте концепт служит отражением общечеловеческих и национально-специфических представлений о рассматриваемом явлении, а также личностной авторской интерпретации.

Как всякий концепт, «Жертва» обладает планом содержания (семантическая составляющая, общая для разных языков) и планом выражения (языковая реализация концепта, языковые средства конкретного языка). Опираясь на классификацию З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт «Жертва» в русском и английском языках можно отнести к *вербализованным* (в обоих языках есть языковые средства его выражения), *устойчивым* (регулярно вербализуется в стандартной языковой форме), *абстрактным, лексико-фразеологическим* (входит в семантическое пространство языка) концептам [Попова 2001]. В нашей работе мы придерживаемся подхода воронежских ученых к описанию структуры концепта в виде ядра и периферии. В качестве репрезентантов выступают языковые единицы различных уровней.

Для русского языка ядерным компонентом является лексема *Жертва*; в английском из ряда слов, соответствующих русской лексеме, в качестве базовой языковой репрезентации были выделены две лексемы, широко используемые в тексте перевода романа, а именно *Sacrifice* и *Victim*. Следовательно, в английской версии анализируемый концепт является неодноядерным, что свидетельствует о дробности данного фрагмента действительности в английской языковой картине мира.

Этимология выявляет сходство исходных значений русской лексемы *Жертва* и английских *Sacrifice* и *Victim*, которые берут свое начало из ритуалов жертвоприношения, хотя подчеркивают разные аспекты (способ - съедание; цель - дар, благодарение; объект - животное; характер - священный обряд).

Содержание ядра концепта характеризуется в работе с опорой на словарные дефиниции. Изученные в ходе исследования различные лексикографические источники содержат в пределах одного языка сходные определения рассматриваемого явления, различающиеся лишь по степени детализированности.

В английском языке для передачи различных аспектов одного понятия используются разные лексемы, имеющее более узкое, конкретизирующее значение и находящиеся в отношениях взаимной семантической дополнительности. В русском языке только в контексте можно определить, какая из сем единственной лексемы актуализирована.

Так, слово *жертва* в русском языке может обозначать субъект (самопожертвование), объект (религиозного обряда, дарения, отречения или подвергающийся обману, насилию, убийству), акт принесения жертвы как часть ритуала или отказ, уступку, отречение от чего-либо [Даль: 535; БАС: 88-90; МАС Т.1: 479; СОШ: 192; ТСУ: 860; БТС: 303; Гуськова 2003: 271].

В английском языке слово *sacrifice* является наиболее общим и многозначным из синонимов и обозначает процедуру принесения жертвы, отказ или отречение от чего-либо, субъект (самопожертвования), объект, одушевленный или неодушевленный, то, что приносят в жертву или от чего отказываются, то, что теряется или утрачивается, того, кто подвергается обману, насилию, убийству [MWCD: 1026; Webster 1971: 1996; Webster 1999: 1261].

Слово *victim* служит для обозначения объекта (всегда одушевленного) ритуала, отказа, преступления, какого-либо негативного воздействия и пр. [MWCD: 1312; Webster 1971: 2550; Webster 1999: 1592]. Вследствие конвергенции, способа словообразования, характерного для английского языка, слово *sacrifice* может без изменений использоваться и как существительное, и как глагол, образуя, таким образом, омонимичные лексемы.

Для лексемы *Sacrifice* толковые словари приводят значение добровольной жертвы Христа, которое существует и в русском национальном сознании, однако не зафиксировано в словаре, т.к.

является дополнительным признаком в содержании концепта, реализующимся в контексте. Значение *убыток* этой же лексемы как экономический термин регистрируется для русской лексемы только в специализированных словарях. Бейсбольный термин не зарегистрирован в словарях русского языка и не знаком большинству русскоговорящих. Таким образом, лексема *Sacrifice* обладает более широким спектром значений, чем русская лексема *Жертва*.

При сопоставлении словарных дефиниций выявляются расхождения в объеме значений по семантическим основаниям «наличие / отсутствие», «совпадение / несовпадение / частичное (не)совпадение» признаков концепта.

При описании концепта в терминах ядра и периферии было обнаружено, что для каждого значения ядерной лексемы имеются свои репрезентанты на ближней и дальней периферии. На основе данных лексикографических источников были выделены 4 микрополя в составе концептуального макрополя: «Объект жертвоприношения / жертвоприношение», «Приношение, пожертвование», «Отказ, самопожертвование», «Человек, пострадавший от чего-л./кого-л.». Микрополя выступают как части одного концепта, и только в их совокупности он имеет целостный характер.

Всего в романе Б.Л. Пастернака насчитывается 20 употреблений лексемы *Жертва* в прозаическом и 1 в поэтическом корпусе текста, а также 10 однокоренных лексем ключевого слова-репрезентанта (только в прозаическом корпусе), которые примыкают к ядру, т.к. им свойственны признаки базовой лексемы. В анализируемом материале встречаются следующие лексемы (цифра указывает на количество словоупотреблений): *Самопожертвование* (сущ.) - 3, *Жертвователь* (сущ.) - 1, *Жертвоприношение* (сущ.) - 1, *Пожертвование* (сущ.) - 1, *Жертвенный* (прил.) - 1, *Жертвовать* (глагол.) - 2, *Пожертвовать* (глагол.) - 4, *Жертвующий* (прич.) - 1, *Пожертвованный* (прич.) - 2, *Жертвующий* (дееприч.) - 1.

Всего выделено 38 контекстов, содержащих ключевую и однокоренные ей лексемы.

Анализ ядерной структуры концепта «Жертва» выявляет такие его характеристики как высокая частотность, наличие активной производящей основы и словообразовательного гнезда (*жертва, жертвовать, жертвенный* и т.д.), вхождение в состав фразеоло-

гических конструкций {принести жертву чему, принести в жертву что, пасть жертвой чего), семантическая емкость (разнообразие смыслов, объект рефлексии, разнообразие синонимов, в первую очередь контекстуальных). Эти свойства «Жертвы» как художественного концепта проявляются в полной мере в тексте романа «Доктор Живаго».

Рассматривая концепт "Sacrifice" / "Victim" на материале англоязычных переводов, можно констатировать высокую частотность ключевых имен концепта (17 контекстов, содержащих лексему *Sacrifice* или ее однокоренные лексемы, 10 контекстов с *Victim*), употребление которых не всегда совпадает с употреблением лексемы *Жертва* или других, однокоренных ей. Словообразовательные гнезда *Sacrifice* и *Victim* достаточно разнообразны (по данным словарей). Однако в тексте романа встречаются лишь лексемы *Sacrifice* (существительное и глагол), *Self-sacrifice*, *Sacrificing* и базовая - *Victim*.

Английские лексемы входят в состав фразеологических конструкций, которые встречаются в переводе: *to sacrifice oneself*, *to make/offer a sacrifice (sacrifices)*, *to fall victim to smth.*

При переводе лексем, эксплицирующих «Жертву» в оригинале романа Б. Пастернака, на английский язык наблюдается стремление переводчиков к подбору эквивалентной лексики («*Строить счастье на чужом страдании, топтать то, что душе дорого и свято. Я никогда не приняла бы от тебя такой жертвы*» [ДЖ: 410]. - "*Don't / know what it means to build one 's happiness on the suffering of others, to trample on what is dear to one, and holy. I'd never accept such a sacrifice from you*" [BE: 381]. «*Юрий Андреевич разыскал спасенного однажды партийца, жертву ограбления*» [ДЖ: 203]. - "*Yury went to see the party member he had once saved, the one who had been the victim of a robbery*" [BE: 187]). Также отмечаются случаи использования стилистических и контекстуальных синонимов («*Уверяют, будто здесь замечательная городская библиотека, составленная из нескольких богатых пожертвованных*» [ДЖ:277]. - "*They say the library has had several important donations and is exceptionally good*" [BE:257]. «*Лара хотела убить человека, но Лариным понятиям, безразличного ей, а потом очутилась под покровительством этого человека, жертвы своего неудавшегося убийства*» [ДЖ: 101]. - "*Lara had tried to kill a man who, so far as he knew, was no more than an acquaintance*

of hers, and this same man, the object of her attempt at murder, had afterwards shielded her from its consequences" [BE: 93]. / "...the object of her unsuccessful attempt at murder..." [AE: 63]), описательных средств («Пришлось пожертвовать несбыточными планами и опять ввести в действие оставленную печурку. Живаго бедствовали» [ДЖ: 195]. *Tonya's bread was good but nothing came of her commercial plans. They had to go back to the wretched cooker. They were in a very bad way indeed*" [BE: 179 - 180]).

В некоторых вариантах перевода можно встретить использование английских ключевых лексем, участвующих в репрезентации рассматриваемого концепта, при отсутствии прямой номинации в оригинале («Он сломя голову помчался в клинику и, когда шел по коридору, слышал через полуоткрытую по нечаянности дверь душераздирающие крики Тони, как кричат задавленные с отрезанными конечностями, извлеченные из-под колес вагона» [ДЖ: 109]. - "As he walked down the passage to the door, which by mistake had been left half open, he heard Tonya's heart-rending screams; she screamed like the victim of an accident who was being dragged with crushed limbs from under the wheels of a train" [BE: 100]. / "...She screamed like the victims of an accident dragged with crushed limbs from under the wheels of a train" [AE: 68]). И, наоборот, номинации, имеющие место в оригинале, могут не находить эквивалентов при переводе на английский язык.

Существенным моментом является отсутствие компонента «приношение, жертвование» в структуре английского концепта. Также наблюдаются несовпадения в объеме значений. Так, в тексте романа лексема *Жертва* и ее дериваты эксплицируют семы «преданность», «услуга, помощь», «риск», которые в английском реализуются неядерными лексемами, а значит, выходят за рамки ядерной структуры концепта "Sacrifice" / "Victim" («Ее самопожертвование шло еще дальше. Когда по его вине они впадали в добровольную, им самим созданную нищету, Марина, чтобы не оставлять его в эти промежутки одного, бросала службу, на которой ее так ценили, и куда снова охотно принимали после этих вынужденных перерывов» [ДЖ: 460]. - "Her devotion went even further. ... and in order not to leave him alone at such moments she would give up her own job at the Post Office (where... she was always taken back after her enforced absence)" [BE: 428]. «Так как присутствие детей иногда стесняло Амалию Карловну во время

посещений Комаровского, Тышкевич, уходя, стал оставлять ей ключ от своего номера для приема ее приятеля. Скоро мадам Гитар так свыклась с его самопожертвованием, что несколько раз в слезах стучалась к нему, прося у него защиты от своего покровителя» [ДЖ: 34]. - "... Soon she took his altruism so much for granted that on several occasions she knocked on his door asking him in tears to protect her from her patron" [BE: 30]. «Жизнью ради вас не будем жертвовать, пожалуемся, куда следует. Не такое теперь время» [ДЖ: 372]. - "...Don't blame us if we report you. We're not risking our lives for you" [BE: 346]).

С другой стороны, в состав общекультурного концепта "Sacrifice" входят смыслы, которые для русского концепта являются индивидуально-авторскими: «испытания лишения» («После всего вынесенного, и стольких жертв, и такого ожидания ждать уже осталось недолго» [ДЖ: 330]. - "After all, they had made all the sacrifices and done all the waiting, it wasn't much to have to wait a few months longer... " [BE: 307]), «вынужденный отказ» («Нам одинаково трудно представить себе нагие разъединение, но, может быть, надо пересилить себя и принести эту жертву» [ДЖ: 431]. - "It is as difficult for you as it is for me to think of our being separated, but perhaps we ought to put our feelings aside and make this sacrifice" [BE: 400]).

Наиболее характерными семами для МИКРОПОЛЯ 1 являются: «субъект (агенса): человек, группа людей (например, население, идолопоклонники), неодушевленный субъект (например, революция); «объект-пациенс»: живое существо (в т.ч. человек), добыча, дары, плата, пеня, дань; «объект-реципиент»: Бог/божество, мифическое существо, политические лидеры; «причина/цель»: выкуп, откуп, на муку, ублажить, в знак повиновения, преклонения, почитания, совершение обряда, священнодействия; «добровольность/вынужденность».

Семантический состав ядра для представления концепта в МИКРОПОЛЕ 2: «субъект» (жертвователи, владелец), «прямой объект», то, что дарится, жертвуется: материальные ценности (средства, недвижимост: особняк, дом и пр.); нематериальные (например, время). Дарение может осуществляться напрямую, непосредственно «реципиенту, косвенному объекту» (конкретный человек, учреждение, люди, группа людей, нуждающиеся - библиотека, раненые, город) или через «посредника» (комитет,

организация, общество, например *Красный Крест*). Пожертвования осуществляются добровольно и безвозмездно, с целью помощи или в память о ком-л., несут благо, пользу людям. Ценятся богатые, щедрые дары. Действия, связанные с жертвой в данном значении: *посвятить, подарить, сделать одолжение*.

МИКРОПОЛЕ 3 содержит набор сем: «субъект (агенс)», который жертвует собой (самопожертвование) - своей жизнью, здоровьем - или отказывается от чего-то важного для себя, материальных и нематериальных ценностей (личное счастье, интересы, удобство, будущее, имя, положение, чувства, любовь, близость с другим человеком, нечто желаемое, но неосуществимое - несбыточные планы). Действие субъекта может быть направлено на другой объект - «пациенс», связанный с ним: семья, другой человек, любовь родителей. Жертву можно принять или отклонить, она может представлять собой единичный или повторяющийся акт.

Человек жертвует чем-то *значимым* для себя: отдает все, всего себя, то, что дорого и свято. Следовательно, необходимы веские основания, высшая цель (во имя любимого человека, общества, народа, свободы). Побудительным мотивом могут быть чувство любви, чести, долга, идея (сумасшествие). Это может быть эмоциональный порыв или осознанный выбор. Жертва может быть потенциальной, зависящей от определенных условий, но герой готов к ее осуществлению, испытывает потребность в ней. Употребление лексемы в значении вынужденного отказа или отречения создает контрастивную сему «добровольность/вынужденность».

Многообразие действий, воплощающих жертву, бесконечно. Желаемое достигается ценою страданий: приходится *отказаться* от привычек, *выполнить* что-либо неприятное субъекту, *пойти* на уступки, *отречься* от кого-л./чего-л., *сделать* что-л. *во имя* чего-л., *сделать* что-л. *вместо* чего-л., *пересилить* себя, *терпеть*, *прощать*, *мириться* с чьм-л., *подвергать* кого-л. или себя опасности, *рисковать*, *не жалеть* (ничего, себя), *погибнуть*.

Цель определяет отношение к жертве (эмоционально-оценочный компонент) и может быть *высокой, благородной* или *ложной, постыдной, приносящей вред* (субъекту, другим), а также *бесполезной, напрасной*. Исходя из этого, жертва может приносить чувство *удовлетворения* или *стыда, раскаяния*.

В романе положительную оценку получает самопожертвование как подвиг, проявление мужества, воли, победа над страхом смерти, прежде всего в условиях войны. Это - высшее проявление нравственности. Самопожертвование-мученичество несет свет, побеждает смерть.

Благородными мотивами являются *любовь, благо близкого человека*. Такие качества, как *преданность, терпение, прощение (смирение), самоотверженность, альтруизм*, также являются проявлениями жертвенности.

К данному микрополю относится употребление лексемы *Жертва* в форме множественного числа в значении испытания, лишения, того, что человек отдает или чего лишается безвозвратно (идет ли речь о материальных или абстрактных духовных ценностях).

Сюда же можно включить авторские употребления ядерной лексики: философская концепция жизни как жертвы, которая предполагает самопожертвование, самоотдачу, отказ от многого ради высшей цели. Для Пастернака в этом - разгадка и преодоление смерти, победа над ней, и жертва, по мысли автора, служит «духовным оборудованием» для достижения будущего бессмертия (обретение бессмертия через жертву), т.е. продолжения существования в памяти последующих поколений. Это способ движения к бессмертию через живое слово, мирное постижение истины (отрицание насилия). Примером может служить самопожертвование Христа, а повторение его крестного пути - проявление единства жизни и Евангелия.

Жертва олицетворяет светлую сторону: высшее проявление любви к ближнему, противоположность тирании, бездарности, несвободы, «мертвой вечности». Жертва - средство обеспечения преемственности, установления связи между поколениями.

Концептуальная синонимия и антонимия служат важным способом экспликации концепта в микрополе 3.

В центре МИКРОПОЛЯ 4 - «человек, пострадавший от чего-л./ко го-л», т.е. «пациент» (человек, дети, целый народ), подвергающийся «негативному действию/воздействию»: однократному (*ограбление, нападение*) или многократному/длительному (*порка, притеснения*), физическому или психологическому (*унижение, подавление*), со стороны «субъекта» (другого человека, общества) или ввиду обстоятельств, социальных условий, бедствий (*войны*,

революции). Некто может сам стать причиной своих страданий или гибели (например, за идею, во имя народа).

Жертва может быть мнимой или реальной, объективной или субъективной (объект симпатий, который воспринимается как жертва), целенаправленной (*умысел*) или случайной, удавшейся или неудавшейся (осуществленная/неосуществленная) (*неудавшееся покушение*). Жертва может до какого-то момента не осознавать, что является таковой. Сема «признака» («*полная и безраздельная жертва*», «*безропотные участники*») или «результата», к которому приводит воздействие («*спившаяся жертва*», *нужда, лишения, скитания*), содержит дополнительную эмотивную характеристику концепта. Важным нравственным аспектом, внимание к которому привлекает роман и против которого выступает автор, является убежденность: зло порождает зло, насилие порождает насилие, а жертва - новые жертвы.

Объединяясь, рассмотренные микрополя составляют макрополе, ядром которого является лексема *Жертва*. Наиболее многочисленными и разнообразными репрезентациями в приядерной зоне концепт обладает в той своей ипостаси, которая представлена МИКРОПОЛЕМ 3 - «Отказ, самопожертвование». Отсюда можно сделать вывод, что оно является доминантным, наиболее значимым. В МИКРОПОЛЯХ 1, 2, 4 репрезентируется свой набор семантических компонентов и признаков, однако данные слои характеризуются меньшей «яркостью» (термин И.А. Стернина) по количеству объективаций в области ядра концепта. Кроме традиционных значений, закрепившихся в словарях русского языка, в состав концепта входят индивидуально-авторские, отражающие картину мира писателя.

Относительно малочисленные средства объективации концепта в МИКРОПОЛЕ 1 «Объект жертвоприношения / жертвоприношение» формируют семы «обрядовые, культовые, религиозные действия», «объект таких действий», «подарок, подношение», «плата», которые эксплицируются лексемами *Дары (Gifts)*, *Пеня (Ransom)*, *Дань (Tribute)*, *Добыча (Prey)*, *Идолопоклонство (Idolatry)*, *Священнодействия (Prayers and sacrifices)*, *Идолопоклонник (Worshipper)*, *Истукан (Idol)*, *Гонорар (Fee)*. Семантический анализ на базе словарей и контекстов позволяет выделить сходства и отличия в значениях / объеме значений той или иной лексемы в русском и английском. Анализ лексической сочетаемости, стили-

стических характеристик, оценочных коннотаций позволяет получить большее число признаков концепта. В идиостиле автора концепт «Жертва», представленный данным значением, становится носителем отрицательной оценочности, коннотаций вынужденности, нежелательности. Ряд английских лексем не содержат оценочного компонента и приобретают его только в контекстном употреблении.

МИКРОПОЛЕ 2 «Приношение, пожертвование» также представлено небольшим количеством репрезентантов. Основные значения, входящие в состав семантемы: «дары, даренье», «милостыня», «помощь», «благотворительность». Ближняя периферия представлена лексемами *Средства, Дары, Даренье, Пожертвования, Помощь, Благотворительница, Charity, Donations, Contributions, Gift*. В английском языке, как уже отмечалось, данное микрополе не входит в состав концепта «Жертва». Здесь обнаруживается пересечение с концептом «Благотворительность» (“Charity”). Семы, наполняющие микрополе 2: «субъект», «реципиент», «объект передачи, дарения», «материальность / нематериальность объекта дарения», «единичность/множественность (щедрость)», объект как «часть чего-л. / целое», «добровольность / вынужденность действия», «мотив или цель действия». Индивидуально-авторским является понимание жертвы-дарения как способа обретения бессмертия («Жизнь ведь тоже только миг, / Только растворенье Нас самих во всех других Как бы им в даренье» [ДЖ: 507]).

Анализ периферии концепта «Жертва» показал, что доминантными являются МИКРОПОЛЕ 3 «Отказ, самопожертвование» и МИКРОПОЛЕ 4 «Человек, пострадавший от кого-л./чего-л.».

В идиостиле Б. Пастернака концепт «Жертва» в МИКРОПОЛЕ 3 предстает многомерным, противоречивым явлением, насыщенным переживаниями и оценками. Основные слои в его составе: «добровольная жертва, самопожертвование», «вынужденная жертва», «страдание». Проявлениями «Жертвы» являются терпение, смирение, усмирение гордости, преодоление искушения, великодушие, благородство, героизм, отвага, самоотверженность, подвиг, послушание, повиновение, верность, щедрость, что подтверждается на разных уровнях вербализации. «Жертва» в этом значении является предметом философско-нравственных раз-

мышлений писателя. Индивидуальные смыслы, реализуемые в тексте романа, включают положительную оценку христианских добродетелей, идею жертвы (во имя любви, истины, творчества) как индивидуального пути к бессмертию (противопоставляется «стадности»), как назначения женщины, акта искупления; идею жизни как жертвы.

Предметом отрицательных оценок автора становятся несправедливость, бессмысленность любого кровопролития; фанатизм как крайняя степень проявления чего-либо; слепая приверженность идеям и формам; предательство, измена, жертвование чужими интересами, безопасностью, жизнью.

МИКРОПОЛЕ 4 также имеет большое количество разноуровневых реализаций, что связано с многообразием ситуаций, в которых человек выступает пациентом: подвергается насилию, злому умыслу, страданиям, неприятностям; страдает от кого-л., от какого-л. несчастья, неудачи; гибнет во имя чего-л., вследствие преданности чему-л. Человек может стать жертвой идей, понятий, долга, войны, судьбы; губительного воздействия другого человека, животного; может быть источником собственных страданий, гибели.

Лексемы, вербализующие сему «пациенс»: *Потерпевший, Убитый, Раненый, Изуродованный, Подбитый, Замученный, Задавленный, Обобранный, Обиженный, Обольщенный, Казненный, Несчастный, Растоптанный, Заложница, Горемыка, Мученик, Сирота, Страдалец-калека, the Wounded, the Poor, the Robbed, the Insulted, the Seduced, the Downtrodden, the Unfortunate, Hostage, Wretch, Martyr, Orphan* и др.

Как многомерное явление микрополе «Человек, пострадавший от кого-л./чего-л.» включает средства реализации семантики «пациенса» (его физических и эмоциональных состояний, реакций, действий), «агенса» (субъекта, оказывающего негативное воздействие), «источника воздействия» (ситуации, обстоятельств, являющихся причиной чьей-либо гибели, страдания), «инструмента или средства» (предмета или способа, с помощью которого наносится вред), «условия существования, положения дел пациента», «меры, степени, интенсивности» и др. Для представления этих и подобных аспектов в русском и английском языках существуют лексические, фразеологические, морфологические, синтаксические средства, которые проявляют различную степень совпаде-

ния/несовпадения признаков (подробный анализ примеров проводится в параграфе 3.4).

Индивидуально-авторское значение «испытания, лишения» примыкает в зоне периферии к микрополю 4 и представлено лексемами *Лишения (Privations)*, *Пережитое, Выстраданное (Pain, Suffering, the ordeals smb has gone through)*, *Огорчения (Sorrows)*, *Потери (Disappointment)*, *Перенесенное (Troubles, Tribulations, Experiences)*, *Потрясения (Strain)*, *Опасности (Fear)*, *Испытания (Trials, Ordeals)*, в том числе глагольными - *Бедствовать (to be hard up, to live in great poverty)*, *Настрадаться (to be through)*, *Выстрадать (to Suffer)*, *Навидаться-натерпеться (to be through many things)*.

Анализируемый материал выявляет особенности мировоззрения автора: позицию ненасилия, протест против бесчеловечности, убийства, унижения. Человеческие жертвы - слишком высокая плата; добра можно добиться только добром. Писатель проповедует ценности: нравственную и физическую свободу личности, бессмертие, право на творчество.

На основе проанализированного материала можно выделить случаи эквивалентности лексико-фразеологических единиц, совпадающих по формальным и семантическим признакам (*безропотный / uncomplaining; стиснув зубы / to grit one's teeth*), а также следующие различия: денотативные (лексема *Молодечество* обладает семой «возраст», которая отсутствует у переводной лексемы *Bravery*; различия в семантике идиом *на бобах - high and dry* выявляются с помощью анализа дефиниций); коннотативные (глагольная лексема *Потратить* содержит семы «затрат, издержек», исходя из контекстного употребления напрасных и, следовательно, нежелательных, в то время как соответствующая ей единица *to Lavish* обладает семой «щедрость», характеризующейся в целом положительной оценкой; фразеологизму с негативной коннотацией *сломить себя* соответствует нейтральная лексема *to Reconsider*); функционально-стилистические (*Гольтьба - разг. / устар. пренебр., the poorest of the poor - нейтральное описательное сочетание*); наличие безэквивалентных единиц (*Домовой, сирота казанская, Народовольцы-илиссельбуржцы - этнографические/культурологические лакуны; Старухи-погорелки - абсолютная лакуна (по классификации Г.В. Быковой [Быкова 2003])*).

Выявленные различия в семантике сопоставляемых единиц во многом отражают особенности языкового сознания русских и англичан и позволяют моделировать концепт с вычленением его национально-специфических признаков.

Несовпадения смысла, проявляющиеся на других языковых уровнях, во многих случаях обусловлены выбором языкового материала переводчиком или опущениями в тексте перевода («*Наш разговор поневоле вынужденный. По своей охоте я не искал бы знакомства с вами, и не считаю, что мы познакомились*» [ДЖ: 405]. – “*I agreed, but our meeting is not of my choice and I don't consider that we are acquainted*” [BE: 377].). В большинстве случаев переводчик стремится передать семантику оригинала, компенсируя ее в контексте за счет использования других средств вербализации. Отмечается стремление переводчика к передаче модальных, коннотативных составляющих семантики. В меньшей степени воспроизводится стилистический компонент.

Проведенное на примерах репрезентантов разных уровней исследование показало, что концепт «Жертва» представляет собой сложное ментальное образование, вобравшее в себя мифологические, религиозные, обыденные образы, являющиеся элементом общечеловеческой и этноспецифической культуры, а также индивидуально-авторского мировосприятия в рамках художественного произведения. С учетом существующих в когнитивной лингвистике представлений был сделан вывод, что данный концепт является одним из ключевых в мировой культуре, в частности в русской и английской лингвокультурах, где приобретает специфические черты, что находит отражение в плане содержания и плане выражения.

Выявлено также, что данный концепт является не условным, индивидуально-авторским явлением, а объективно существующим в народе и отраженным в тексте романа (художественный текст представляет собой сплав языковых черт и идиостиля). Специфика языкового воплощения подчеркивается сравнением с другими языками.

В процессе перевода на английский язык переводчик стремится пересказать роман с опорой на концептуальные элементы, существующие в концептосфере русского народа, но через специфические черты англоязычного этноса.

Подробно описав все реализации, можно сделать вывод о некоторых чертах универсального и самобытного в семантике и структуре данного концепта в сопоставляемых культурах.

На основании полученного материала можно говорить о противоречивости в содержании концепта, которая проявляется в контекстуальных оппозициях, семантических противопоставлениях (общее/частное, добровольное/вынужденное, однократное/повторяющееся (длительное), пациенс / агенс), противопоставлении как способе экспликации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что исследуемый концепт в русском и английском языках обладает признаками подобия, однако обнаруженные различия не позволяют говорить о полном совпадении. При передаче репрезентантов русского концепта в английском нередко воспроизводится лишь «семантическая оболочка», образованная дефиниционными признаками, а этнокультурная информация и специфические мировоззренческие представления утрачиваются. Таким образом, в различиях в содержании близких концептов проявляется национальная специфика.

Литература

Басс Г.П. Фразеологизмы как компонент авторской составляющей концепта «Жертва» в русском языке (на материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») // Вестник Брянского государственного технического университета. Брянск: БГТУ, 2008. - № 4 (20). - С. 155 - 158.

Басс Г.П. Единицы синтаксического уровня как репрезентанты концепта «Жертва» в современном русском языке // Вестник Брянского государственного университета [Электронный ресурс]: История. Литературоведение. Право Языкознание. - Брянск: РИО БГУ, 2008. - № 2. - С. 150 - 154.

Басс Г.П. Микрополе в составе макрополя концепта «Жертва». Соотношение ядра и периферии // Слово. Предложение. Текст. Коллективная монография. - Орел: Изд-во Орловского университета, 2009. - С. 87 - 92.

Басс Г.П. Глагольные лексемы как репрезентанты концепта «Жертва» // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб.ст. участников V Международной научной конференции (Челябинск, 26-27 апр. 2010 г.) / редкол.: д.ф.н., проф. Е.Н. Азначеева [и др.]. - Челябинск: Энциклопедия, 2010. - Т.1. - С. 25 - 26.

Басс Г.П. «Жертва» как ядерный компонент одноименного концепта в русском и английском языках (на материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и его английского перевода) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - Челябинск: ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», 2008. - №8. - С. 155 - 166.

Гехтляр С.Я., Басс Г.П. О семантике и структуре концепта «Жертва» (на материале романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 6-7 ноября 2007 г. / гл. ред. В.Ю. Прокофьева. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. - Т. 1. - С.69-74.

Гехтляр С.Я., Басс Г.П. О некоторых аспектах семантики и структуры и концепта в русском и английском языках // 1 Кодуховские чтения: межвуз. сб. науч. и науч.-метод, ст. / сост. Н.К. Метелева. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.И. Ершова, 2009. - С. 49 - 55.

О.В. Чурсина (Астрахань)

МОДА

Объектом исследования является концепт «мода» в языковом сознании и коммуникативном поведении; в качестве предмета анализа выступают его лингвокультурные характеристики.

Цель работы - охарактеризовать лингвокультурный концепт «мода» в языковом сознании и коммуникативном поведении представителей русской и американской лингвокультур. Для достижения данной цели выдвинуты следующие задачи: 1) установить конститутивные признаки лингвокультурного концепта «мода»; 2) описать дефиниционные характеристики концепта «мода»; 3) описать ассоциативные и дискурсивные характеристики концепта «мода».

Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из толковых, фразеологических и энциклопедических словарей, словарей синонимов и антонимов русского и английского языков общим объемом около 2000 единиц. Проанализировано по две тысячи репрезентаций концепта «мода» в рассматриваемых языках. В качестве единиц анализа взяты минимальные текстовые фрагменты, в которых представлен исследуемый концепт. Использовались также данные анкетирования 130 русскоязычных и 100 американских информантов.

Относясь к группе концептов-регулятивов, ведущей стороной которых является оценочный компонент, отражаемый в ценностях и нормах поведения общества, концепт «мода» включает оценочный кодекс лингвокультуры в концентрированном виде и в своем системном выражении объясняет культурные доминанты поведения. По отношению к моде это проявляется в соблюдении особых правил поведения, манеры держаться или одеваться при определенных обстоятельствах и в конкретных ситуациях. Определенные правила поведения социально и статусно обусловлены; придерживаясь данных правил поведения, человек соглашается с изменяющимися и принимаемыми обществом ориентирами поведения; нарушение таких правил не считается преступлением с юридической точки зрения, но, не следуя конвенциональным стереотипам поведения, человек идет врозь с устоявшимися принципами и может подвергнуться наказанию, например, неприятию или отлучению от определенной социальной группы или коллектива. Таким образом, мода, являясь регулятором социальных отношений в обществе, закрепляет определенные культурные образцы за теми или иными социальными группами, благодаря которым принадлежность людей к этим группам можно легко узнать по чисто внешним признакам.

Концепт «мода» является значимым для обеих рассматриваемых лингвокультур (русской и американской), его можно отнести к числу активно транслируемых концептов, основанных на системе установок и поведенческих реакций, которые незаметно или явно влияют на нашу жизнь.

Как социокультурное явление мода – это комплексная система, способствующая и обеспечивающая постоянное обновление различных сторон жизнедеятельности как всего общества в целом, так и индивидов. Несмотря на множественность интерпретаций феномена моды, выявленных в процессе абстрактно-логических рассуждений зарубежных и отечественных исследователей, моду как отдельную область социокультурного пространства можно свести к формуле «мода – культура – общество – индивид». Все эти понятия, взятые по отдельности, взаимосвязаны и органично функционируют в таком многогранном явлении, как мода. Положение моды в системе социальных норм зависит не столько от ее собственной природы и специфики, сколь-

ко от характера той общественной среды, в которой она задействована.

Мода всегда выражается в оценочной или конкретно-чувственной форме, устанавливая свою власть над людьми. Другим способом выражения является показ того, как надо одеваться, причесываться, двигаться, либо через обнаружение соответствия или несоответствия данному требованию. В последнем случае это значит, что мода предопределяет не только границы, в которых должна оставаться личность как объект восприятия окружающих, но и относительного различия свойств индивида для окружающей социальной среды.

Универсальными для поля «мода» как в русской, так и в американской лингвокультурах в области одежды и аксессуаров служат единицы, в своих значениях заключающие признаки «создатели модных инноваций», «потребители модных новинок». К сфере создания модного относятся *модельеры, дизайнеры, стилисты, кутюрье*. Среди потребителей различают *инноваторов, ранних усвоителей, раннее большинство, позднее большинство, отстающих*. Создание модных новинок подразделяется на *конфекцию/confection, коллекции от-кутюрье/haute couture и прет-а-порте/prêt-à-porte* и проходит три стадии: *производство моделей, материализацию моделей и массовое производство моделей*. Универсальными составляющими моды являются *модные стандарты, модные объекты, модные значения*. Стандарты и объекты замещают и указывают на определенные *ценности*, которые в обществе или социальных группах воспринимаются как модные. Завершающим компонентом структуры моды является *поведение участников моды*, которое ориентировано на стандарты, объекты и ценности моды (А.Б.Гофман).

Краткий экскурс в историю формирования концепта позволяет проследить его зарождение, формирование и проникновение в рассматриваемые лингвокультуры. Концепт «мода» получает множественное и вариативное языковое воплощение. В русском языке этимологически понятие «мода» относится к периоду правления Петра I; в конце XVII века оно впервые появилось в значении «образец», «манер», пришло из немецкого “Mode” или французского “mode” через латинский “modus” – мера (предмета), правило, предписание, образ, способ. В XVII - XIX вв. в разных языках это слово интерпретируется с позиций феномена

обычая; часто эти слова использовались как взаимозаменяемые или близкие по значению. В словарях английского языка с 1300-го года существительное «мода» стало употребляться в значении “*shape, manner, mode*” (форма, поведение, образ действий, обычай) от древнего французского *façon* и от латинского *factionem* в значении “*group of people acting together*” (группа людей с общими интересами или действующие сообща). В значении “*prevailing custom*” (господствующий, распространенный обычай) понятие “*fashion*” употребляется с 1489-го года, “*style of attire*” (мода на одежду и украшения) – с 1529-го года. Первые употребления глагола зафиксированы в 1413; “*fashionable*” в значении “*stylish*” (модный, элегантный, стильный) появилось в речи с 1608-го года.

Анализ русских толковых словарей показал, что концепт «мода» представлен в русском языке лексической единицей «мода», которая является базовой и имеет следующие дефиниции: 1) господство в определенной общественной среде в определенное время тех или иных вкусов, проявляющихся во внешних формах быта, особенно в одежде; в какой-либо сфере жизни или культуры («*быть одетым по моде, мода на юбки*»); 2) непрочная, быстропроходящая популярность («*быть не в моде*»); 3) привычка, ставшая постоянной; какая-либо склонность, потребность совершать те или иные действия, поступки («*Что это за мода такая стучать в дверь ногами?*»);

4) образцы предметов одежды, отвечающие господствующим вкусам данного момента («*моды сезона, журнал мод*») – в форме мн.ч.; 5) признак, который наиболее часто встречается в данной группе явлений – стат. – (например, размер одежды, пользующийся наибольшим спросом).

В рамках базовой лексемы, репрезентирующей изучаемый концепт, можно выделить ряд сем: 1) *определенный тип поведения*; 2) *действие, процесс*; 3) *одежда*; 4) *популярность*. Понятие «модник, человек, следующий моде, и человек, создающий что-либо модное» в русской лингвокультуре является обязательным признаком концепта «мода» и репрезентируется в различных лексических единицах: «модник», «франт», «ферт», «пижон», «стиляга», «форсун», «щеголь» и «модельер», «модистка», «модельщик», «моделистка», большинство из которых в современной речи не употребляются. Сюда же можно отнести прилагательные и глаголы, образованные от соответствующих существительных,

большинство из которых также вышли из употребления. Прилагательное «модный», кроме известных значений 1) *отвечающий моде, сделанный по моде*; 2) *пользующийся в данное время всеобщим признанием, известностью, успехом*; 3) *придерживающийся моды, следующий моде (человек)*, - является синонимом прилагательным «гламурный» и «фешенебельный», и все три активно используются в языке.

Антонимичные ряды концепта включают понятия «старомодный», «антимода», основным семантическим признаком которых выступает значение «*приверженность старым взглядам и традициям, желание одеваться и вести себя, следуя своим собственным представлениям о том, что такое красиво и приемлемо лично для него*».

Наиболее общее значение понятия «мода» в английском языке передает слово “fashion”, которое имеет следующие дефиниции: 1) *popular style (of clothes, behaviour) at a given time or place, usually a short-lived one (“fashions in art and literature change constantly”)* – sg. and pl.; 2) *the act or process of making something*; 3) *manner or way of doing something, mode of action or operation (“he was behaving in a strange fashion”)*; 4) *a distinctive or peculiar and often habitual manner, way or gesture (“he always does it in his own fashion”)*; 5) *the form of something or the way it’s constructed*. В рамках базовой лексемы, репрезентирующей изучаемый концепт, выделяется ряд сем: 1) *definite behaviour*; 2) *action, process*; 3) *manner*. Примечательно, что в словарях, выпускающихся с 2000-го года у существительного “fashion” встречается дополнительное значение “*the business of making and selling clothes, shoes, etc. in new and changing styles/бизнес по производству и продаже одежды, обуви и т.д., согласно последним модным тенденциям*”. Синонимичный ряд лексемы “fashion” вариативнее, чем в русском языке; синонимы (*style, mode, vogue, fad, rage, craze, dernier cri (сг)*) отличаются друг от друга по следующим признакам: 1) *характер оценки моды в зависимости от временных установок*, 2) *свойства одежды и манеры одеваться (хороший вкус противопоставляется броскости и экстравагантности)*, 3) *стиль и характеристика модных тенденций*.

Синонимичные ряды прилагательного “fashionable/glamorous” в значении «*следующий моде, модный*» включают в себя определения, основными семантическими признаками которых являются

ся: 1) *современность*, 2) *стиль*, 3) *красота*, 4) *последняя модель*. Глагол “to fashion” выступает в двух основных значениях. В первом случае он объективируется в форме лексических единиц, стержневым семантическим признаком которых является “to mold into a particular character by influencing, instructing, training or conditioning/изменять, модифицировать, фасонировать”. В своем втором значении у глаголов стержневым семантическим признаком выступает “to echo or imitate consciously or thoughtlessly and irresponsibly a contemporary fashion/сознательно или неосознанно имитировать и копировать последние модные тенденции”.

Большое количество словосочетаний в английском языке с производной лексемой “fashion” объективируют основной признак «связанный с миром моды»: *fashion-queen, fashion-plate, fashion-monger, fashion model, fashion statement, fashion photography, fashion designer, fashion goods, fashion victim, fashion-conscious, fashion house, fashion paper/magazine, fashion parade/show*. Дополнительными признаками в этих словосочетаниях выступают «последователь моды, работник модной индустрии, творец моды». Антонимичные ряды концепта в рассматриваемых лингвокультурах заключают в себе признаки: 1) *несовременность*; 2) *изношенность*; 3) *неопрятность*; 4) *приверженность прошлым традициям*.

Анализ фразеологических единиц, объективирующих рассматриваемый концепт, показал, что в семантике рассмотренных фразеологизмов находят выражение как признаки, которые были выявлены при анализе значения лексических единиц, так и дополнительные признаки концепта. В качестве оценочных выделяются следующие показатели: 1) внешнее великолепие, желание поразить окружающих своим видом (*look as if one (just) came (stepped) out of a band-box/ с иголки/иглочки, в/при полном (во всем, при всем) параде; in fine feather, in (good) style/по последней моде и др.*); 2) стремительное влияние моды и быстротечность (*put a/the cat among the canaries/pigeons/наделать шуму, вызвать сенсацию; like wildfire/bushfire/like a forest fire/ пользоваться популярностью/спросом, на волне/на гребне волны/ ahead of the game и др.*); 3) немодный, вышедший из употребления (*cut and dried/шаблонный, лишенный оригинальности; out of date, old hat/устарелый, старомодный, отставший от жизни; the old*

leaven/«старой закваски» - об устарелых взглядах, вкусах и др.); 4) мода как элемент подражания (*make/take up the running*/ задавать тон, под тон, в тон/в унисон; *play the sedulous ape*/ рабское подражание/поклонение и др.); 5) современность и популярность модных новинок (*all the go/rage, the popular cry/quite the go/quite the thing*/ последний крик/писк моды, по последней моде и др.); 6) мода как форма массового потребления (*be in/come(get) into the public eye*/быть в большой моде; *give tone to/set the tone for*/задавать тон и др.); 7) индивидуальный, присущий отдельному человеку (*follow one's bent*/ выдерживать (свою) линию/(свою) роль и др.); 8) подражание и зависимость вкусов общества от определенной группы людей или отдельных лиц (*a social butterfly*/пустая светская красавица; *a golden girl*/девушка, которая пользуется популярностью, кумир; *a man about town/a man of the world/society* ман/светский человек, прожигатель жизни; *a Beau Brummel*/«красавчик Браммел», щеголь, франт, денди, модный круг/свет/общество и др.).

Для русского варианта концепта «мода» специфичными оказываются такие признаки как «чрезмерное и порой безрассудное следование моде», «делать что-то, вызывая недовольство у противоположной стороны – *взять/брать/придумать моду*. Для американской лингвокультуры уникальными являются фразеологизмы, раскрывающие признак «принятие или отторжение нововведений в моде», «подражание и зависимость вкусов общества от определенной группы людей или отдельных лиц» - *against/abreast the current, the arbiter of elegance, a Teddy girl/boy, keep up with the Joneses*. Наделение одежды характеристиками отдельных личностей (*Prince Albert (coat)*/Длиннополый сюртук (такой сюртук носил посетивший в 1860 году США принц Альберт, супруг королевы Виктории); *Vandyke collar*/Кружевной воротник с зубцами и др.) и наличие иностранных выражений в английском языке, связанных с концептом «мода» (*à la mode* (по моде, модно), *à la page* (новомодный), *en fête* (празднично одетый), *femme du monde* (светская дама), *grand monde* (высший свет, бомонд), *haute couture* («высокое шитье», мода от-кутюр)), раскрывают дополнительные признаки концепта.

Особый интерес представляет группа фразеологизмов с компонентом “fashion”. В данном случае наблюдается несоответствие между лексическим и фразеологическим значением слова.

В своем лексическом значении в рамках базовой лексемы, репрезентирующей концепт “fashion”, мы выделили ряд сем: 1) *action, process*; 2) *manner, definite behaviour*; 3) *the business of making and selling things*. Во фразеологизмах с основным компонентом “fashion” на первый план выходит значение “manner or way of doing something, a distinctive or peculiar and often habitual manner”, и встречается в следующих ФЕ: *after a (one’s) fashion* (до известной степени, по-своему, немного, кое-как); *after the fashion of* (наподобие); *in one’s own fashion* (по-своему, своеобразно); *make fashion* (делать вид, притворяться); *(all) ship-shape and Bristol fashion* (в полном порядке) – чаще этот фразеологизм употребляется в сокращенном варианте “shipshape” и исторически относится к тому времени, когда Бристоль был процветающим портовым городом и расцвел благодаря кораблестроению.

Далее в работе были проанализированы образы, с которыми ассоциируется изучаемый концепт в языковом сознании, и его оценочные характеристики, выражающиеся в ценностях, правилах и нормах поведения общества и индивидов и составляющие основу содержания концептов-регулятивов. Обращение к массово-информационному дискурсу обусловлено тем, что концептуальный анализ слова с таким объёмом значения и форматом употребления, как мода, не может осуществляться без обращения к контексту сегодняшней жизни. В работе доказывается, что концепт «мода» относится к концептам-регулятивам, поскольку, проецируясь на социально-культурные сферы, он определяет поведение людей и включает в себе оценочный кодекс рассматриваемых лингвокультур.

При проведении первого этапа эксперимента, с целью выявления содержания концепта «мода» в русском и американском языковом сознании, испытуемым предлагалось записать пять первых пришедших им в голову реакций (слов, словосочетаний, идиом) на слово-стимул. Полученные данные были классифицированы по семантическим группам, в результате анализа которых мы пришли к выводу, что для носителей обеих лингвокультур мода ассоциируется с участниками, организаторами и креативными создателями модных новинок (*модельер, стилист, celebrities, designers и др.*). В число многочисленных реакций в рассматриваемых лингвокультурах также входят понятия, синонимичные моде (*стиль, вкус, гламур, vogue, trend, popular style и др.*); в этом слу-

чае понятие «мода» расширяется за счет дополнительных лексем, входящих в поле основной лексической единицы. Русские респонденты положительно оценивают моду (*красота, элегантность и др.*), отмечают ее современный характер (*современность, актуальность, новаторство и др.*), указывают на апелляцию моды к прошлому, ассоциируют ее с клишированными фразами (*писк моды, последняя мода, быть в моде и др.*), говорят о моде как о затратном феномене (*дорого, затраты и др.*). Американские респонденты также положительно оценивают моду (*professional, beautiful, charismatic, etc.*), проводят параллели с современным течением моды (*evolutionary, popular, modern, etc.*), говорят об ее актуальности (*contemporary, actual, etc.*); в сознании американцев мода ассоциируется с такими городами-законодателями мод как Милан, Париж, Нью-Йорк. Следует отметить, что в обеих лингвокультурах респонденты говорят и о негативном влиянии моды, ее непостоянстве и неестественности (*излишество, дискомфорт, поветрие, waste, weird, irrelevant и др.*).

Для носителей обеих лингвокультур мода, ассоциируясь с участниками и объектами модных показов, наделяется такими положительными качествами как «красота», «притягательность», «индивидуальность», «феевичность», «комфорт», «опрятность», «современность», «выразительность». Отдельно мода в сознании носителей русской лингвокультуры ассоциируется с прецедентными текстами (литературными произведениями), имеющими непосредственное отношение к моде (*Дьявол носит Prada*), паремическим фондом (*черт выдумал моду, сам в воду, а люди мучаются*), метафорическими единицами (*потусторонний мир, битва за красоту*), телевизионными передачами (*программа «Полный фэшн»*), связана с чужеродными культурами (*зарубежная, голливудская, фэшн*); русские респонденты указывают на многослойность моды и ее зависимость от определенного времени и модного направления в данный момент (*мода как элемент субкультуры, молодежная, подростковая*). В американской лингвокультуре информанты указывают на общественное начало в моде (*creation of society, social norm*), отождествляют моду с последователями модных тенденций (*classiness, fashionista, follower, jet set*) и указывают на связь моды с людьми определенной сексуальной ориентации (*gay people, homosexual*). Наиболее типичными ядер-

ными признаками моды для носителей русской и американской лингвокультур являются: создатели и участники модных шоу, показов и люди шоу-бизнеса. Примечательно, что для представителей американской лингвокультуры основополагающим является тот факт, что одежда и другие предметы гардероба, создаваемые модельерами и демонстрируемые на подиумах, вряд ли пригодятся в повседневной жизни из-за их вычурности, дороговизны и непрактичности.

Образный компонент концепта проявляется в наличии целостного обобщенного следа в памяти в виде прототипного образа, занимающего срединное положение между общим понятием и его конкретными репрезентациями. Образно-перцептивные характеристики концепта «мода» в языковом сознании выявляются через восприятие лица, соответствующего стандартам модного. Для уточнения образно-перцептивного компонента концепта «мода» мы обратились к носителям русского языка и американского варианта английского языка с просьбой написать короткие сочинения, раскрывающие их представления о данном концепте, уточняя, какими респонденты видят «модного мужчину/женщину» и «что должен делать человек, чтобы быть/стать модным?» В количественном соотношении 80% респондентов в обеих лингвокультурах описывают и мужчин, и женщин в качестве носителей характеристик модных людей; около 15% не видят принципиальной разницы между разграничением мужского и женского начал модного поведения и предлагают одинаковое описание ситуаций и образов модной личности без указания на гендерную маркированность, т.е. описательные характеристики могут подходить как женщинам, так и мужчинам.

В сочинениях и русских, и американских респондентов четко прослеживается грань между модным человеком, который придерживается классических взглядов при выборе гардероба, и современным денди, как будто сошедшим с картинок модных журналов. Следует отметить, что в первом случае упор делается не на слепое следование модным течениям, а выбор индивидуального стиля, который делает вас непохожим на других, и в то же время заставляет восхищаться правильным сочетанием классики, изящества и превосходства. Немаловажным (в 85% анкет) является тот факт, что модный человек (как мужчина, так и женщина) обязательно должен следить за собой, быть аккуратным, опрятным и

ухоженым. Элементарные правила гигиены и чистоплотность являются необходимыми составляющими модного образа. Модным человек является не только благодаря правильному подбору одежды и аксессуаров, но и благодаря образованности, интеллекту, умению поддержать беседу и преподнести себя.

Наполняемость концепта в рассматриваемых лингвокультурах практически одинаковая (признаки, выраженные в русском языке, находят отражение в английском). И в русской, и в американской лингвокультуре модный человек следит не только за внешним видом (что необязательно сводится только к предметам гардероба – *следить за модой, иметь вкус, быть в гармонии с собой, follow the latest trends, have a sense of style*), но и старается идти в ногу со временем, используя различные современные каналы коммуникации (*быть образованным, начитанным, смотреть различные программы, read newspapers and magazines, watch TV*); пытаясь выбрать подходящий стиль, не боится экспериментов (*don't be afraid to experiment*). Так как мода требует затрат, модному человеку приходится зарабатывать и много тратить, чтобы поддерживать выбранный им образ (*зарабатывать, иметь финансовые возможности, have money and spend money, earn much*); в любом случае, перепробовав множество вариантов, предлагаемых модой, можно остановить свой выбор на понравившемся образе или продолжать экспериментировать и пробовать что-то новое, так как ресурсы моды неисчерпаемы, и она всегда готова предложить своим последователям что-то необычное, оригинальное и интересное. Чтобы быть модным, нужно вести активный образ жизни, интересоваться происходящими изменениями во всех областях современной жизни, уделять много внимания внешности, формировать собственный стиль и создавать образ из множества вариаций, предлагаемых модой (*быть собой, иметь свой стиль, be true to yourself, have your own style, be original*).

На основании дефиниций, данных представителями русской и американской лингвокультур, семантическое поле концепта «мода» расширяется благодаря следующим семам: *разнообразие, повтор, индивидуальность, подражание, актуальность, зависимость*. Представители русской лингвокультуры синонимами лексемы «мода» называют единицы, где основными семантическими признаками являются: «умение преподнести себя», «современность», «основное направление», «новшество», «принадлежность

определенному классу», «блеск, великолепия». Мода рассматривается и оценивается с точки зрения утилитарности, эстетичности и эмоциональности. Для представителей американской лингвокультуры таковыми являются следующие значения: «основное направление в данный момент», «проектировать, создавать», «современный», «дорогой», «представители модной индустрии». Дополнительными смыслами мода наделяется благодаря новым значениям: «современный, популярный», «великолепный, привлекательный», «ведущее направление, поведение», «неестественность», «затраты», «составляющие модной жизни», «предметы гардероба», «традиционный, проверенный временем», «искусство», «подражание», «бессмысленность», «самовыражение», «неповторимость».

Антонимичные реакции в русской лингвокультуре реализуются посредством лексем, характеризующих такие признаки моды как: «отсутствие вкуса», «устарелый, несовременный», «простой, незамысловатый», «недорогой как несоответствующий моде», «противопоставляемый классике», «неряшливый», «противопоставление общепринятому образцу». В американской лингвокультуре дополнительно моде противопоставляются единицы со следующими признаками: «неумение подобрать что-то индивидуальное», «устарелый», «незамысловатый», «традиционность», «неопрятный», «мода как противопоставление классике», «неестественность».

Ассоциативный эксперимент по определению характеристик концепта «мода» в языковом сознании русских и американцев в целом подтвердил данные, полученные в результате анализа лексических и фразеологических единиц, которые репрезентируют данный концепт. Эксперимент, состоящий из нескольких этапов, также позволил уточнить ряд признаков образного, понятийного и ценностного представления этого концепта в современной русской и американской лингвокультурах.

Об универсальности моды и ее проникновении во все области общественной жизни можно судить по высказываниям и правилам, принятым в обществе, которыми мода руководствуется, претворяя в жизнь все возможные и невозможные замыслы. Бесспорно влияние и функционирование моды в области одежды в целом и отдельных предметов гардероба. Но влияние моды этим

не ограничивается, и она проявляется в других сферах жизни общества.

В результате анализа контекстов массово-информационного дискурса мы пришли к выводу, что мода не имеет временных и пространственных рамок, возникая и распространяясь на разные области функционирования общества в целом и индивидов в частности. Преобразуясь и видоизменяясь, мода проходит все стадии живого организма: рождение, функционирование, упадок, смерть. Но уникальность модных явлений в том, что они возвращаются спустя какое-то время, и на правах нововведений продолжают свое существование. Мода приносит удовольствие, управляет, эпатирует, помогает проявлять индивидуальность; мода – это не просто преходящий феномен жизни общества, это – культура, искусство, политика, любовь и т.д.

В результате анализа наполняемости данного концепта в массово-информационном дискурсе можно отметить следующую культурную специфику отношений «человек-мода»: мода активна, деятельна, независима, изменчива. Самоидентифицируясь с помощью моды, человек раскрепощается, лучше разбирается в приемах создания собственного имиджа и реализуется. Издавна будучи связанной с эффектом подражания, мода стимулирует к действию, а при существовании достаточно большого выбора направлений и стилей в современном мире, любой может остановить выбор на понравившемся ему образе. Моду относят к разряду искусств и рассматривают как культурное явление. Неудивительно, что показы мод обычно представляют собой театрализованные шоу и привлекают большое количество зрителей. Являясь значимым явлением современной жизни общества, мода проводит аналогии с прошлым, функционирует в настоящем и апеллирует к будущему, представляя собой вечноизменяющийся, бесконечный и интригующий механизм. О всеобъемлющем влиянии моды говорит тот факт, что действию моды подвержены практически все области социокультурной жизни общества: искусство, наука, идеология, профессии, сфера услуг, лингвистика, фотография, продукты питания, религия и другие области.

Говоря о моде как о крупномасштабном явлении, мы соглашались с мнением известного историка моды А.Васильева, о том, что «мода – это зеркало истории, и она всегда идет вслед за политическими событиями. Только глупый думает, что мода – это две

рюшки, три пуговицы и бантик. Мода – это не одежда, это манера жить. Мода – это то, что вы едите и пьете, во что вы одеваетесь, то, куда вы ездите отдыхать, то, какой мебелью обставлен ваш дом, то, какую собаку вы завели, какие словечки вы употребляете, мода на мобильные телефоны, мода на компьютерную версию, мода на японские рестораны, на зеленый чай и т.д. и т.п.» (А.Васильев). Историческая обусловленность распространения моды на одежду, аксессуары и другие предметы гардероба, с каждым разом претерпевая изменения, представляет нам возможность выбирать что-то новое и более современное. Первостепенное влияние моды только лишь в области внешних характеристик людей (одежда, предметы гардероба, прически) и предпочтений в определенный временной период (музыка, кино, литература и т.д.) мягко отходят на второй план; все большее влияние мода получает не только в предметах материальных благ человечества (автомобили, продукты питания, недвижимость), но и в духовных областях (чувства, отношения).

Главным образом, отождествляясь в сознании людей с производством одежды и аксессуаров, мода распространяется и функционирует в разных областях жизни общества. Следует акцентировать внимание на том, что наивысшей точки влияния мода достигает в развивающихся или развитых странах с разветвленной инфраструктурой и экономически стабильными отношениями.

Подведем основные итоги.

1. Мода как социокультурный феномен представляет собой меняющийся во времени стандарт поведения и образа жизни, выражающий идею прогресса в повседневном существовании людей, интегрирующий вкусовые предпочтения представителей разных культур в виде презентационных доминант, усредненных массовым сознанием, и дающий возможность индивиду проявить собственный стиль при многообразии существующих образцов.

2. Дефиниционные характеристики концепта «мода» включают следующие признаки: деятельность, направленная на реализацию модных тенденций в одежде, манере поведения, образе жизни, и внешнее оформление повседневного бытия в его разнообразных формах, выражающее уровень и особенности массовых предпочтений данного общества в данное время.

3. Ассоциативные характеристики концепта «мода» сводятся к следующим составляющим: создатели модных новинок (дизайне-

ры, кутюрье, модельеры), участники модного процесса (модели, известные люди, актеры, спортсмены), потребители моды (лидеры, последователи/подражатели, скептики), демонстрационные средства распространения модного (средства массовой информации, Интернет).

4. Дискурсивные характеристики концепта «мода», проявляющиеся в многогранной интерпретации рассматриваемого концепта в сознании представителей русской и американской лингвокультур, таковы: мода активна, деятельна, независима, изменчива, безгранична, непостоянна, капризна; отождествляясь с живым организмом, мода дарит счастье, приносит удовольствие, но может быть диктатором, вести на поводу, вызывать жалость и сожаление. Отождествляясь главным образом с производством одежды и аксессуаров, мода распространяется на различные области жизни общества.

Литература

Чурсина О.В. Реализация концепта *мода* на лексическом уровне (на материале английского языка) // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». – 2007. – №3 (23). – С. 13-17.

Чурсина О.В. Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта *мода* в английском и русском языках) // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет». – 2008. – №3 (27). – С. 71-77.

Чурсина О.В. Бинарная оппозиция *модный/немодный* во фразеологии английского и русского языков // Вестник ВГУ. Серия: «Филология. Журналистика». – 2009. – Вып. 2. – С. 104-106.

Чурсина О.В. Реализация концепта *мода* в лексической системе английского и русского языков // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии: Материалы Межрегиональной школы-семинара молодых ученых (г.Армавир, 25-27 октября 2006г.) / Под ред. С.Г. Воркачева. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. – С. 50-54.

Чурсина, О.В. Реализация концепта *мода* на лексическом уровне (на материале русского языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: Сборник научных трудов. Вып.5. – Тверь: Тверской государственной университет, 2007. – С. 106-112.

Чурсина, О.В. Признаки, характеризующие концепт *мода* в русском языковом сознании (по данным свободного ассоциативного эксперимента) // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкуль-

турной коммуникации: Сборник научных трудов по филологии / Отв. ред. Г.В.Рябичкина. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – № 1(1). – С. 106-109.

Чурсина, О.В. Национальная специфика концепта *мода* в английском и русском языках (сравнительная характеристика на лексическом уровне) // Язык и национальное сознание. Вып.12. / Науч.ред. И.А.Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2009. – С. 108-115.

Чурсина, О.В. Образно-перцептивный компонент концепта «мода» в гендерном аспекте (на примере образа модного мужчины) // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Международ. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой, 20-21 октября 2009 г. Волгоград. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 339-345.

Чурсина, О.В. Образно-перцептивный компонент концепта «мода» в гендерном аспекте (на примере образа модной женщины) // Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса / Материалы Международ. науч.-практ. конф., посв. 65-летию образования Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии, г. Волгоград, 12-14 ноября 2009 г. – Волгоград:Нива, 2009. – С. 274-277.

Лю Бо (Владивосток)

ЖЕНЩИНА

В языковой картине мира (ЯКМ) особое место занимает концепт «Женщина» как один из важнейших феноменов национального сознания. Концепт «Женщина» представляет собой проекцию стереотипных представлений о женщине как носителе социально предписанных качеств и свойств, сформировавшихся на основании половых, семейных, общественных, этических, эстетических и других функций.

Предметом исследования является русская языковая картина мира и её определенный фрагмент - концепт «Женщина» (на фоне китайской ЯКМ). Объект исследования - комплекс языковых единиц разных уровней, репрезентирующих концепт «Женщина» в русском языке (на фоне китайского), их смысловое содержание.

Источниками и экспериментальной базой исследования послужили словари русского и китайского языка разных типов

(толковые, семантические, лингвострановедческие, ассоциативные, сочетаемости, синонимов, фразеологизмов и др.), художественные тексты современных русских (В. Токарева) и китайских писателей и китайских писателей-женщин (Чжан Канкан, Чи Ли, Те Нин, Би Шуминь и Чжан Цзе), а также данные проведенного ассоциативного эксперимента.

Был проведен компонентный анализ слова «женщина» в толковых словарях, мы рассмотрели, как представлен исследуемый концепт в Русском семантическом словаре, Русском ассоциативном словаре и выполнили анализ экспериментальных данных.

Анализ словарных дефиниций номинантов концепта «Женщина» в толковых словарях русского и китайского языков методом компонентного анализа позволил обнаружить как сходства, так и различия в семантической структуре базовой части слов.

В лексических значениях слова «женщина» мы выделили в первую очередь общий компонент «лицо», обозначающее человека, и компонент «женский пол», которые определили как ядерные. Далее было выявлено восемь дополнительных признаков, которые включаются в значения тех или иных единиц, номинирующих женщин, но не являющихся обязательными: «возраст», «род деятельности», «положение в обществе», «родственные отношения/семейное положение», «взаимоотношения с лицами мужского пола», «характер/поведение».

Мы рассмотрели дефиниции лексических значений слова «женщина» и в китайских словарях.

Общими для двух языков в рассматриваемых лексемах оказались четыре основных компонента: «лицо», «женский пол», «противоположное мужскому», «рожает». Анализ показал и весьма существенные различия. Прямо противоположными являются смыслы: «вступившая в брачные отношения» (рус.) и «не вступившая в брачные отношения» (кит.). Кроме того, в русском языке лексема «женщина» употребляется в значениях, не отмеченных у лексемы «пи»: пол легкого поведения, прислуга. В свою очередь, лексема «пи» имеет значения, используемые только носителями китайского языка: дочь, название звезды (культурно отмеченные). Словари русского языка выделяют дополнительное значение «воплощение определенных свойств и качеств», представляя его в отвлеченном виде. В китайских словарях отмечены

конкретные свойства: красота, мягкость, слабость, хрупкость, нежность, маленький.

Толковый словарь открывает исторически сложившуюся в языке, им самим созданную картину мира: в толковых словарях уже выявляются существенные различия в ЯКМ обеих стран, касающиеся ядерной основы концепта.

Концепт «Женщина» репрезентирован в русском языке большим количеством номинативных единиц, что свидетельствует о важности данного концепта для носителей русского языка в современный период. **Мнение** о женщине является стереотипизированным. Эффект стереотипизации достигается использованием оценочных номинаций в аспекте морально-нравственных, этических, психологических оценок, отражением в номинациях тендерной асимметрии. Очевидно, что наличие в русском языке немалого количества слов, негативно оценивающих определенные свойства и поведение женщин, свидетельствует о высоких требованиях, предъявляемых к женщине в русском обществе, и резком осуждении любых отклонений от принятых **норм**.

В качестве данных, касающихся русской специфики исследуемого концепта, были использованы материалы «Русского ассоциативного словаря» (РАС) и проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента — опроса современных носителей русского и китайского языка, студентов вузов. Всего было опрошено 434 человека, получено 3580 реакций на стимул женщина. Проведенный нами эксперимент с носителями русского и китайского языков позволяет выявить специфическое национальное видение мира на разном культурном фоне.

Анализ показал, что наиболее частотными (первые пять реакций) в ассоциативных полях данного концепта в двух языковых картинах мира являются: мужчина, красивая, мать, в белом, молодая (РАС); красивая (красота), любовь, мать, секс, дети (рус); красивая, нежная, мать, мужчина, добрая (кит.). **В** первых пяти реакциях всех трех экспериментальных вариантов найдены слова - красивая (красота) и мать. Только по частотности есть различия: на первом месте в Русском ассоциативном словаре - мужчина, в эксперименте у современных русских и китайских носителей одно и то же слово - красивая. Слово мать по частотности занимает одно и то же место (третье) в трех экспериментальных вариантах. Кроме того,

в ряду частотных у русских студентов оказалась реакция дети, отражающая родственные отношения и функцию женщины - деторождение. В ряду самых частотных признаков женщины в Русском ассоциативном словаре оказались социальные - в белом (знак невесты, вступающей в брак) и физические - молодая (возраст), в китайском психологические - нежная и добрая (внутренние качества), в русском эксперименте - любовь (чувство, связывающее женщину с мужчиной) и секс (сексуальная привлекательность).

Стоит отметить, что в русском эксперименте информанты мужского пола, составляющие 59% общих информантов, дают первые пять реакций несколько иначе: красивая, любовь, секс, дети, мать. Здесь первые три места в соответствии с частотностью занимают реакции, отражающие сексуально детерминированные признаки. У информантов женского пола несколько иная последовательность ассоциатов: красивая, мать, любовь, жена, дети.

В китайском эксперименте данные такие: у информантов мужского пола последовательность – красивая, мать, нежная, мужчина, жена, подруга, у информантов женского пола - красивая, мужчина, нежная, одежда, мать, добрая. У русских девушек, в отличие от молодых людей, вторая ассоциация мать, и в числе актуализированных - жена. У китайских молодых людей на втором месте мать, в то время как у китайских девушек на втором месте мужчина и только у них в числе актуализированных внешний признак одежда.

Это сравнение показывает специфику данного фрагмента в языковой картине мира рассматриваемой социальной группы — русской студенческой молодёжи на фоне китайской, и в то же время отличия от реакций, зафиксированных в Русском ассоциативном словаре, в которых отражена языковая картина мира предшествующего поколения русских.

Полученные в ходе эксперимента реакции, характеризующие женщин, рассматривались по смысловым областям в трех аспектах: социальном, физическом, личностном.

Социальные характеристики. Языковые данные эксперимента отражают социальную реализацию женщины, положение в обществе, по следующим смысловым областям: тендерной

оппозиция, роду деятельности, профессии, родственными отношениями, репродуктивной функции.

В ассоциациях информантов обеих стран обнаруживаются основные дефиниции слова «женщина»: человек (т.е. лицо) и женский пол (рус. - это женщина, человек женского пола, человек; кит. - пол, женский пол) и слова-реакции, выявляющие *гендерную оппозицию*: «в соотношении с мужчиной» (РАС - и мужчина, мужик, мужчина; рус. ~ прекрасная половина человечества, половинка; Где есть женщины, там всегда найдутся и мужчины; лучшая половина человечества, прекрасный пол (положительная оценка) и слабый пол (отрицательная оценка); кит. - половина на Земле, равноправие с мужчиной, с другой стороны, полнеба, небо) и «в противоположность мужчине» (кит. - не мужчина), в русском это отсутствует).

В ассоциациях русских студентов представлена лексика, выявляющая достаточно высокий уровень осознания идеи равноправия с мужчиной, равных гражданских прав: государство, гражданка, Россия, Родина, равенство, свобода, независимость, независимая, самодостаточная, самостоятельная, права, спасет мир, феминизм. В китайских ассоциациях также акцентирован новый взгляд на положение женщины в обществе: женские права, равноправие с мужчиной, цивилизация, свобода, дело, успешная, профессиональная женщина.

Мужской взгляд на место женщины в обществе: «Цыц, женщина: Твой день 8 марта» (рус).

Перечень наименований роля занятий и профессий в ассоциациях русских студентов оказался шире, чем в РАС. В современном языковом сознании и русских и китайских студентов существует представление об успешной деловой женщине. В русском эксперименте: бизнес-леди, успешная, деловая, состоявшаяся, карьера, работа. Такие реакции, как успешная, профессиональная женщина, белый воротник, женщина-коллега, женщина - доктор (наук) показывают, что в современном обществе Китая появилось понятие «сильная женщина» — умная, образованная, способная составить реальную конкуренцию мужчине. Но есть и реакция занимается не своим делом (кит).

В обоих языках обнаруживаются одни и те же слова-реакции, указывающие на родственные связи: жена, муж, мама, мать, бабушка. В отличие от РАС и русского эксперимента, включающих слово сестра, китайские студенты употребили дифференцирующие традиционные названия старшая сестра, младшая сестра. Женщина в Китае особенно тесно связана со всеми членами семьи, что показывает ассоциаты чувство к родным, любовь к родным. Вполне закономерно появление реакции на стимул женщина реакции главный хозяин в доме, что соответствует конфуцианской традиции. Среди реакций русских студентов есть близкое понятие глава семейства, которое отражает новое время, сдвиг в ролевой системе семейных отношений.

Реакций в китайском эксперименте намного больше, чем в русском, что свидетельствует о большей значимости этой категории для современного китайского сознания, нежели для русского.

Репродуктивная функция не ограничивается деторождением. Она связана и с воспитанием и проявлением материнских качеств: материнство, мать детей, воспитатель, заботливая мать материнские руки, родители (рус); воспитание детей, материнская любовь (кит.).

В экспериментах в обеих странах выявились многочисленные сходства: во-первых, в описании лиц женского пола определенного возраста: девушка, молодая = молодая женщина, дама- старая (пожилая, в возрасте) старушка — старость:, во-вторых, в выделении временного отрезка, характеризующего возраст женщины. Для современного сознания русских и китайских студентов женщина ассоциируется с возрастом старше 30 лет (в русском - леди старше 30 лет, бальзаковский возраст, ср. в РАС — старше 25 лет.).

Лексика, широко представленная в Русском семантическом словаре: бабенка, бабец, дивчина, молодайка, отроковица и под. — для языкового сознания молодого поколения оказалась неактуальной. Оба эксперимента дают множественные ассоциации, характеризующие женскую внешность. Материалы ассоциативного эксперимента, проведенного среди современных русских студентов, свидетельствует об изменении ценностной значимости параметра внешность.

Физический облик человека, общий внешний вид воспринимается по первому впечатлению эмоционально и оценивается с точки зрения красоты. Таким образом, общая оценка внешности основана на эмоциональном восприятии и является эстетической.

В двух русских экспериментальных вариантах представлен многочисленный ряд слов-реакций по признаку «внешность». Это, в первую очередь, слова-реакции, включающие компонент значения «красивая женщина»: красивая, красота, красива, красавица, прекрасная, прекрасное создание, великолепная, ослепительная, прелесть, очарование, очаровательная, восхищение, восторг и др. Между словами-реакциями в обоих языках существует сходство. Зрительные впечатления от восприятия, с нашей точки зрения, содержат метафорические реакции: солнечная, луч солнца, солнце, солнышко, игра красок, рассвет, праздник, молния, гармония (рус).

Особенности женской фигуры получают в двух языках обозначение с указанием на противоположные качества толстый - стройный. Очевидна актуализация признака стройная в экспериментальных данных молодежи: сбавка в весе (кит.), лишний вес, следит за фигурой, соблюдает фигуру, худеет (рус).

В языковых репрезентациях обоих языков отражены реакции по признаку «части тела»: лицо, глаза, волосы, ноги (рус, кит.); губы, руки, пальцы, ногти, ресницы (рус). В сознании русских информантов мужского пола, кроме того, фигурируют бедра, грудь, просторечное сиськи. Длинные волосы как стереотип женской красоты представлен в РАС и обоих экспериментах.

Только в русском эксперименте отмечены улыбка, взгляд и голос: всегда улыбается, улыбающаяся, женский взгляд, томный взгляд, добрый взгляд; мелодичность, приятный голос, громкий и неприятный голос немного низкий голос.

В обоих экспериментах выявляются слова-реакции, отражающие психофизические характеристики, связанные с проявлением сексуальности: страсть, чувственная, прелестница, желанная (рус); секс, сексуальная (рус, кит.). В них отражается

обычно мужской взгляд на женщину с позиций сексуальной привлекательности.

Мир вещей представлен в ответах русских студентов намного шире, чем в РАС и в ответах китайских студентов. Особенно широко в экспериментах представлены названия косметических принадлежностей и процедур: рус - тушь, лак, краска, маска, помада и т.д., отбеливать зубы, наращивание ногтей, — которые отсутствуют в РАС; косметика, помада, духи (кит.).

Личностная характеристика. Полученный в ходе экспериментов материал позволил выделить следующие смысловые зоны, в которых представлены качества и свойства: интеллект и воображение, воля, чувства и эмоции, отношения, мораль, нравственность, этика, поведение.

Женщина идентифицирована как личность в реакциях индивидуальность, неповторимость (рус). Личностная характеристика женщины в совокупности свойств, в её целостности представлена общеоценочной лексикой с позиций ценности. В РАС, русском и китайском эксперименте дана положительная оценка на стимул женщина в реакции хорошая. В отличие от РАС в материалах русских и китайских студентов есть отрицательная оценка на стимул женщина - плохая. Общая характеристика с точки зрения соответствия или несоответствия идеалу, стандарту, норме представлена таким противопоставлением: с одной стороны, идеальная (РАС, рус, кит.), настоящая (рус), женщина как женщина (РАС), с другой - необычная, неординарность (рус), странная (РАС, рус). Значение типичности, стереотипности закрепилось в лексеме женственность и сочетаниях женская логика, женская доля, женское счастье, женское лицо, представленных в реакциях русских студентов. Значение национальной специфичности есть в сочетании русская женщина, также представленном в русском эксперименте (в РАС нет). Возможное сочетание «китайская женщина» в ассоциациях китайских студентов отсутствует. Отсутствие конкретизации свойств и качеств можно увидеть в следующих реакциях с общим смыслом «непознаваемость со стороны воспринимающего субъекта»: загадка, загадочная (РАС, рус), тайна, неизвестность, непонятное для окружающих (рус). Подобный смысл в китайских ассоциациях отсутствует.

Ядро группы слов смысловой области «интеллект и воображение» составляют рациональные оценки качеств со стороны воспринимающего субъекта: интеллект (рус), ум, умная (РАС, рус, кит.), способная (рус, кит.).

Слово ум в русском эксперименте оказалось высокочастотным. Этому ряду слов противостоят единичные реакции с отрицательной оценочностью: глупая (рус, кит.), все глупы (РАС), не умная, плохая мысль (кит.), дура, нелогичность, отсутствие логики, тупые (рус). Соотношение по частотности слов с положительно окраской и слов с отрицательной окраской свидетельствует о высокой оценке интеллекта женщины современными русскими и более высокой значимости для современных молодых людей по сравнению с предшествующим поколением.

Психологическая способность к воображению, заключающемуся в создании новых представлений на основе уже имеющихся путем их преобразования, проявляется в творчестве. Лексика с этим компонентом значения представлена только в реакциях русских студентов: воображение, творчество, талант, талантливый, вдохновение, фантазия, волшебница.

В психологии **воля** понимается как сознательное регулирование человеком своего поведения **и** деятельности, связанное с преодолением внутренних **и** внешних препятствий. Волевые качества предполагают активность, самостоятельность **и** силу. Данные качества считаются традиционно мужскими.

Волевые качества, характеризующие женщин, отражены в реакциях как русских, так и китайских студентов: решительная (рус, кит.), твердая (рус), смелая (рус, кит), упорная (кит), стремление, сила, уверенность, самоуверенность, мужское начало (рус); стремление вперед, самостоятельная, непринужденная (кит.). В РАС нет.

Отсутствие волевых качеств выражено в общем для двух языков понятии кротость, кроткая (рус, кит.), в РАС и рус - слабость, слабая, в рус. -изнеженность, уязвимость, беззащитная, защищать, нуждается в заботе, зависимость] терпеливая, терпение; в кит. - послушная. Согласно последним реакциям признак слабости женщины сохраняется в сознании русских, но он не относится к частотным. Большая частотность у признака сильная, сила.

Принято считать, что чувствительность и эмоциональность являются типично женскими качествами. Это отмечено в работах психологов, тендерных исследованиях. В реакциях информантов чувства и эмоции, свидетельствующие о повышенной чувствительности и эмоциональности, а также о типично женских чувствах, отражены. Присутствуют общие номинации эмоция, эмоциональность, чувство (рус.) и с указанием на степень проявления: глубина чувств (рус), волнение, возбуждение, тревога, нервы, вспыльчивость, истерика, бешенство (рус), в экстазе (РАС). В реакциях китайских студентов подобные реакции отсутствуют. Все эксперименты предъявляют типичный для женщин способ проявления чувств: плачет (РАС), плач (рус), слезы (кит).

Из всего многообразия позитивных чувств в реакциях есть только два основных: любовь и счастье. Это универсальные концепты, они относятся к ключевым в РЯКМ и актуальны для языкового сознания русских. Но концепт любовь большую значимость имеет для русских студентов (второе место по частотности) по сравнению с китайскими (14 место). Есть отличия в частотности по данным нашего эксперимента и в РАС (десятое место). Т.е. ценность этого концепта иная у современной молодежи.

Смысловая область «отношения» занимает важное место в русской языковой картине мира. Это видно по разнообразию и количеству репрезентаций, в которых содержится оценка качества и свойства женщин в отношении к людям, к делу, к нормам этики, морали и нравственности, материальным и духовным ценностям.

Критерием характера отношения к людям, выраженного в лексике, является наличие или отсутствие компонента «расположенность / нерасположенность к людям». Позитивное качество отражено в русских материалах в широком круге реакций, представляющих фактически концепт «доброты» в его смысловом многообразии: доброта, добрая (РАС, рус); добродушие, душевная, душевность, душа; чуткость; отзывчивость, внимательная; забота, заботливая, тепло; помощь, взаимопомощь, помощница, покровительство; жертвенность. Можно считать, что в языковом сознании современной молодежи базовые смыслы концепта «доброта» присутствуют. В материале есть слово «жертвенность», выражающее крайнюю

степень проявления «расположенности к людям» — «направленность на других, только, всё для других».

Основной смысл «расположенный к людям» есть и в ряду лексем с более узким по сравнению со смыслом «доброта» значением, называющим конкретные чувства, «проявляющий по отношению к кому-либо определенное чувство»: уважение, доверие, доверчивость, любовь, жалость (рус); нежность (РАС, рус) нежная, ласка, ласковая, милая (рус). Например: нежный имеет значение «проявляющий любовь, ласку по отношению к кому-либо, в обращении с кем-либо» (МАС).

У русских студентов реакция на стимул женщина - нежная (35 употреблений) превосходит реакцию добрая (21 употребление). Реакцию нежная можно считать специфической в женской характеристике. В отличие от русских данных в китайских ассоциациях меньшее разнообразие, нет реакций типа жертвенность, чуткость, надежность, жалость, доверчивость, помощь (рус). Определяя структуру ценностей в разных культурах, исследователи отмечают различия между западными и восточными культурами. Например, помощь в западных культурах отнесена к ценностям, имеющим первостепенное значение, в восточных — к несущественным ценностям, т.е. к последней ступени. Языковые данные эксперимента это различие подтверждают.

Свойства, которые реализуются в отношениях и оцениваются негативно, представлены в однотипных реакциях: зло (РАС, рус.) и зло, источник зла (кит.), змея (РАС, рус.) и змеиная (кит.), зверь (РАС) и зверь (кит.), исчадие, вамп (РАС) и ведьма (кит.). В этом ряду образные, переносные употребления. Они дают общую оценку.

Коммуникативные качества, которые проявляются в общении, оцениваются с позиций норм поведения, правил приличия, т.е. этических. В языковом сознании русских студентов присутствует представление об этических нормах. На стимул женщина даны реакции: вежливая находящая компромиссы; деликатная. Из отрицательных характеристик названы: чопорная, наглость: без комплексов. Китайские студенты отметили только надоедливая.

Есть ряд реакций, характеризующих речевую сторону общения: разговор, разговорчивая, болтушка, хорошая пра-

вильная речь (рус), болтовня (РАС и рус), окает (РАС). В ассоциациях китайских студентов слова с негативной окраской: болтает, ворчит, сварливая (кит). Понятие общения и его значимость для женщин выражено в оценочном суждении русских студентов: ничто не увлекает женщину как общение, женщины - хорошие собеседники.

В каждом обществе складываются представления о *моральных* и *нравственных нормах*. В языке отражаются оценки поведения с точки зрения этих норм. Они складываются под влиянием культурно-исторических процессов и религии и обладают признаками универсальными и национально-специфичными.

Положительную зону личностной характеристики женщины, полученные в ходе эксперимента составили следующие реакции: порядочная, искренняя, открытая (рус). Отрицательно оцениваются противоположные качества: подлость, обман, лживость, хитрая (рус), экспрессивная оценка дана в реакциях: стерва (РАС и рус), стервозная (рус), тварь (РАС). В китайских реакциях нет лексем, называющих положительные свойства, отрицательные — без высокой степени эмоциональности: хитрая, лукавая, фальшивая. Фактически все слова с отрицательной оценкой передают значение одного плана: «скрывающий истинные намерения, идущий обманным путем к достижению своей цели». Совпадение лексем может свидетельствовать об универсальности данного свойства как типично женского.

Широко представлена лексика, дающая оценку морально-нравственной стороны проявления и поведения женщины в отношении к другому полу. Оценка отношения женщины к брачным отношениям представлена противопоставлением верная - неверность (рус). В обоих экспериментах обнаружили сходные слова-реакции: с одной стороны, слова со значением «строгой нравственности»: целомудрие (рус, кит.) и непорочность (рус), с другой, слова с отрицательной оценкой: любовница (рус, кит.), проститутка (РАС. рус. кит.), падшая, потаскуха (РАС), шлюха, развратница, грешника, порок (рус.) и сочетание секс без обязательств (рус). Смысловая область «секс», «сексуальность», как видно из частотности, занимает важное место в языковом сознании молодых людей, и русских и китайцев. У русских студентов секс — 51 реакция, сексуальная — 8, страсть

- 15, желания— 5, чувственная, интим, соблазнительная, желанная - 3.

Оценочная лексика, содержащая оценку *по отношению к материальным и духовным ценностям* в русском и китайском варианте однотипна: деньги, хищница, корысть (рус); деньги, жадная, скупая (кит.). Основные смыслы - обогащение, нажива, nepозволительные средства получения, личная выгода. Противоположный позитивный смысл в представлении русских связан со смыслами слов романтика, дух, душа, доброта, святость, Бог, религия, касающимися духовной стороны.

Как и ожидалось, национально-культурная специфика структуры сознания проявилась прежде всего в базовом ядре стереотипных знаний: прецедентных именах, высказываниях, метафорах, ассоциативных образах, количество которых существенно преобладает в ассоциациях русских студентов.

Сопоставление русских и китайских фразеологических (в широком смысле) единиц позволяет выявить типичные женские черты, существующие в виде стереотипов в культурах двух народов.

Выделены четыре смысловые области: супружество, материнство, внешность и качества женского характера.

В обеих культурах высоко оценивается материнство. Материнские черты женщины во фразеологических системах двух языков предстают как универсальные и коннотированы, главным образом, положительно. Мать выступает как источник комфорта, заботы, спасения, защиты: От солнышка тепло, от матушки добро; Мать праведна - ограда камена; Материнская молитва со дна моря вынимает; в китайском - Дочь является крючком беспокойства для матери. Особо подчеркивается необходимость матери для детей (в русском - Без матки пчёлки пропащие детки, в китайском - Плеть без матери — не нашла корня). Есть некоторые отличия. В русских пословицах ценность матери подчеркивается противопоставлением мать - отец, мать - кормилица, мать - мачеха (Отцов много, а мать одна). В КЯКМ противопоставление отца и матери не представлено;

В Китае подчеркивается взаимосвязь матери и детей: положение матери становится уважительным благодаря повышению авторитета сына.

В результате анализа характеристик, определяющих семантику фразеологических единиц с компонентом красота было установлено, что мотивы положительной оценки женской внешности в различных социумах имеют разные основания. Китайский язык относит привлекательную внешность к числу значимых ценностей. Понятие женской красоты (а точнее — ценности) в русской языковой картине мира перемещается в плоскость морально-нравственных и социокультурных норм: не ищи красоты, ищи доброты.

Стереотипным является представление о слабом и нелогичном уме женщин: в русском - Волос длинный, а ум короткий. То же и в китайском. Недостаточность, ограниченность и неполноценность женского интеллекта в древние времена считалась нормой добродетельной китайской женщины, т.е. оценивалась положительно.

Сравнение гендерно релевантных образов дает основания видеть как сходства, так и различия в картинах мира русского и китайского языкового сообщества.

Было также исследовано отражение концепта «Женщина» в текстах художественных произведений в тех же аспектах - социальном, физическом, личностном.

Социальный аспект концепта «Женщина». Героини Токаревой в социуме проявляют себя многоплановое поэтому социальный аспект описания концепта имеет сложную семантическую структуру. Мы выделили в нем несколько смысловых областей: род деятельности, профессия, социальный статус, тендерная оппозиция женщина — мужчина, родственные отношения и репродуктивная функция, а также область, объединившую ряд различных отношений в социуме - с подругами, знакомыми, общение в повседневной жизни - в магазине, поликлинике, в очереди и т.п.

Смысловая область род деятельности, профессия, социальный статус находит выражение в многочисленных и обширных лексико-семантических полях и микрополях, иерархически организованных и соотносящихся на основе включения и пересечения: «Социальная реализация женщины», «Профессия, должность», «Низшие социальные слои (рабочие и крестьяне, средний персонал)», «Высшие социальные слои (интеллигенция - творческая, научная, номенклатурные работники)», «Бизнес», «Социальные группы», «Социальный статус женщины по положению мужа»,

«Социальный статус женщины, определяющий положение мужчины», «Образование».

Список номинаций здесь гораздо шире, чем в эксперименте (более пятидесяти наименований профессий против приблизительно пятнадцати).

Различия связаны прежде всего со списком «низких» профессий - дворничиха, домработница, няня, лифтерша, гардеробщица и др., - присутствующих только в литературе, полно и объективно отражающей жизнь. Современное же языковое сознание дает женщине более высокую оценку в этом плане, совершенно игнорируя занятость женщин неквалифицированным трудом. В художественном тексте явно преобладают профессии, требующие специальной подготовки или высшего образования - их список вдвое длиннее. Среди них геолог (геологиня), педагог, учительница, врач (врачиха), нотариус и др. Характерная особенность творчества В. Токаревой - особое внимание к сферам деятельности женщины, требующим ученой степени, творческой одаренности и способности к управлению: ученый, заведующая лабораторией, кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, профессор биолог, автор фильмов, артистка, арфистка, художница, писательница, переводчица болгарской литературы, сценаристка, в городе работать, на государственной службе быть.

Нами была проанализирована также реализация ближайших синтагматических связей номинаций женщины по роду занятий. Этот анализ показал, что *профессия* определяет внешние и внутренние *качества женщины*, вызывающие определенную *оценку*. Официантка ответила высокомерно; продавщица посмотрела презрительно; продавщица в винном отделе разодралась. Это отражает безусловно отрицательную оценку в обществе. Особенность литературы в том, что *писательница не дает однозначных оценок*, рассматривает явление с разных сторон, что тоже отражается в сочетаемости: продавщица и официантка не хотят раба-тать на чужого дядю, улыбались бы, если бы работали на себя. Ближайшая сочетаемость отражает общий взгляд на представительниц той или иной профессии, а более широкий контекст, более

отдаленные области семантических полей открывают взгляд писательницы.

Учитывая это, можно сказать, что общество невысоко оценивает представителей низших социальных слоев и более благосклонно к высшим классам. Выдающаяся карикатуристка, талантливая художница, модельер гремит, как кинозвезда, наследственная учительница, и др. - сочетаемость показывает восхищение и уважение. Вместе с тем геологиня - жалкая, обычная, серийная, живущая на одну зарплату, племянница-инженер приходит занимает деньги - сочетаемость выражает презрительное отношение к людям низкого достатка, хотя и образованным. Номенклатурные работники в обществе всегда вызывали отрицательное отношение, и писательница солидарна с этим мнением, что проявляется в такой синтагматике (и парадигматике): инструктор райкома с толстыми ногами, толстая тетка, кэзэбешница - настройщица, бык с кудельками и крашеными губами, тетка ... из ТЕХ ЛЮДЕЙ, не имела к искусству никакого отношения, за ней стояла какая-то сила.

Вопрос о соотношении профессиональной и женской реализации отражается в таких противопоставлениях: личная реализация — женская реализация, социальная реализация, самостоятельная общественная деятельность, личная жизнь, работа ... сжирает личную жизнь.

Показательно, что часто в жизни женщины работа и дом, профессиональное и личное, накладываются друг на друга. Это проявляется в словоупотреблении: Но и дома и на работе, днем и ночью, она бессменно думала о Саше; Мара постоянно работала: парила, хохотала, блестя нарядными белыми зубами, золотисто-рыжими волосами. Я рассказываю ему (внуку) сказки, работаю Ариной Родионовной.

Смысловая область - гендерная оппозиция женщина - мужчина.

Языковая тендерная дискриминация женщины проявляется в таких высказываниях: Его жена — общественный деятель, для нее общественное было выше личного, делом занималась замкнутая домработница Валя, себе на уме. Что важно в женщине? Не то, как она пишет, а как варит.

В то же время писательница выступает против «стереотипов наоборот», того, что все женщины должны иметь образование и заниматься умственным трудом: Моя мама принесла бы больше пользы, если бы работала поваром в заводской столовой, кормила голодных мужчин. Она превосходно готовит, помногу кладет и красиво располагает еду на тарелке. Вместо этого мама пропагандирует зарубежную литературу, в которой ничего не понимает. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше всего получается. Это позиция автора.

С успешной профессиональной реализацией и возможностью собственного заработка связана независимость *женщины* от *мужчины*. Женщина сама выбирает в начале жизненного пути - стать ей зависимой или самостоятельной: Как этого достичь? Можно стать подругой знаменитости. Отражать чужой свет... Нет. Так не пойдет. Надо иметь свое пространство и свое имя. Самой платить за свой салат. Материально независимая женщина все равно держится за мужчину: - Я с ним разведусь. ... Он мне не помогает. Я сама зарабатываю деньги, сама таскаю сумки с продуктами..., — говорит мать Танки и плачет, боясь, что муж не вернется, когда задерживается по вечерам; - Земля круглая... Муж нужен, чтобы было за кого зацепиться и не соскользнуть.... Мысль о необходимости держаться за мужчину прочно укоренилась в сознании даже самой эмансипированной женщины.

Зависимость социального и материального положения женщины от положения ее мужа, мужчины, любовника отразилось в конструкции «женщина при мужчине»: Лариса при Вите, Мара при Мойсодыре, маркиза Помпадур при Людовике, где предлог указывает на несамостоятельный статус женщины как «приложения» к мужчине. Лексически это представлено номинацией содержанка, имеющей негативную окраску. В произведениях Токаревой реализована и другая модель отношений мужчины и женщины: Екатерина для Потемкина. И хотя смысл сочетания обратный (женщина содержит мужчину), но предлог меняет так, что языковое сознание и здесь выражает идею подчиненности женщины мужчине: она существует для него.

Смысловая область - родственные отношения и репродуктивная функция реализуются в лексико-семантических полях «Мать», «Дочь», «Бабушка», «Теща», в отдельных словоупотреблениях «Сестра», «Племянница», «Родственница».

Особенность номинаций - имен полей этой семантической области состоит в том, что они в значительно большей степени концептуализированы в художественном тексте, чем лексемы сферы род деятельности, проявляющие лишь отдельные яркие семантические признаки. Поэтому мы считаем целесообразным представить здесь эти номинации в виде концептуальных структур.

Итак, МАТЬ- это центр, связующий поколения, точка пересечения их жизней и ценностей. Это героиня, чаще всего соотносимая по возрасту с автором, являющаяся одновременно и матерью и дочерью (отношения строятся по вертикали): Бабушка (мать) - Мать (дочь) - дочь (внучка, внук, внуки)

МАТЬ. 1. Источник любви в семье. 2. Прообраз дочери. 3. Стержень рода, опора и надежность, гарант целостности семьи.

БАБУШКА 1. Замена матери для внуков. 2. Корни, связь с прошлым, память рода. 3. Помощь МАТЕРИ (своей дочери). 4. Источник особой любви для внуков.

ДОЧЬ рассматривается в основном по отношению к матери. Сама по себе дочь - еще не сформировавшаяся личность - в силу молодости и зависимости от матери, от родителей. ДОЧЬ. 1. Объект особой любви, нежности, гордости матери. Смысл ее жизни; то, что остается, что передают в будущее. 2. Повторение, копия матери. 3. Опора для матери. Поддержка в трудную минуту. Свое государство, где мать и дочь находят утешение. 4. Источник постоянных забот и проблем для матери, беспокойства и раздражения. 5. Молодая красивая девушка или девочка, красивый и любимый ребенок.

Теща выступает как мать, бабушка и теща одновременно. Но само именование ТЕЩА - с позиций зятя, мужа дочери, этим определяется в основном негативная оценка. Однако эта оценка неоднозначна и для самого зятя. В зависимости от обстоятельств он видит ее по-разному. С одной стороны, ТЕЩА 1. Вечная противница зятя. 2. Несправедливая, придирчивая. 3. Самовластная хозяйка в доме. 4. Причина ссор в семье, настраивает дочь против зятя. 5. Жадная, меркантильная. 6. Грубая, крикливая. 7. Отталкивающая внешне. С другой стороны, ТЕЩА 1. Защитница интересов дочери и внуков. 2. Хранительница очага, домовитая, практичная. 3. Стойкая в жизни. 4. Знающая истинную цену вещей. 4.

Справедливая. 5. Благодарная. 6. Любящая близких. 7. Привлекательная внешне.

Особое положение занимает поле «Жена». Оно отражает одну из главных ролей женщины в семье, ее место в доме и характеризует отношения с мужчиной, включаясь тем самым в оппозиции «Любовница», «Подруга», «Другая женщина» и характеризуя определенный тип отношений в социуме (внебрачные связи).

Слова, называющие женщину состоящую в любовных или внебрачных отношениях с мужчиной или во втором для него браке. - другая жена, новая жена, любовница, другая (у кого), другая женщина (у кого), женщина (у кого) (какая), баба (чья, у кого), баб (сколько у кого), девушка (чья), кого себе нашел, блондинка (у кого) и др. - лексически связаны или конструктивно обусловлены, что говорит об их несамостоятельности, «вторичности», меньшей степени важности для мужчины, чем жена.

Бытовые условия, в которых существует женщина, переданы в полях «Быт»: «Жилище», «Предметы быта».

Моральные ориентиры и социальные стереотипы переданы в поле высказывания «Говорит женщина», Умирать собирайся, а жито сей, Старуха на город сердилась, а город и не знал, - такие слова вкладываются обычно в уста матери или бабушки и является затем руководством в жизни.

Физический аспект описания концепта «Женщина» реализуется в смысловых зонах возраст, внешность (общий вид, фигура, тело). Смысловая область возраст представлена лексико-семантическими полями «номинаций по возрасту женщина - девочка - девушка ~ старуха и др.», «возраст - время — память». Это смысловая область центральная в тексте. Она связана с моральными категориями.

Писательское восприятие выделяет во внешности женщины крупные белые зубы и сверкающую улыбку, а так же длинные золотистые волосы. Индивидуальным является внимание к ушам: Жена была. немного ушастая, именно за эти оттопыренные уши он и полюбил ее. Определяющей для выбора мужчины чертой является не самая броская по красоте, а самая индивидуальная, уникальная, противоречащая стереотипному пониманию красоты.

Личностный аспект описания концепта «Женщина» включает смысловые области интеллект и воображение, воля, чувства и эмоции, отношения, мораль, нравственность, этика, поведение. Наиболее ярко представлены в тексте эмоции.

Прямо названных различных эмоций насчитывается около 150, что неизмеримо больше представленных в экспериментах. Мы сосредоточили свое внимание не столько на определении и распределении самих эмоций, сколько на способах их языковой репрезентации в тексте. Кроме прямого названия чувств, эмоций и состояний (радость, грусть, тоска, отчаяние ...), мы выделили следующие способы и средства их передачи в художественном тексте.

Эмоции передаются через характеристики речи и голоса (виновато попросила, возмущенный крик жены, горько заклЮчила, доверчиво сказал голос, интонации ровные и какие-то деревянные, оторопело проговорит, с раздражением спроста и др.).

Эмоции передаются через дыхание (задохнулась, вздохнула нечем было дышать до того, что даже говорить невозможно).

Эмоции передаются взглядом (с восторгом косясь на мать, смотрели нахально и весело, с тревогой смотрела на врача).

Эмоции передаются мимикой, выражением лица (у нее было виноватое страдальческое выражение лица, отсвет пережитого восторга лежал на ее лице и др.).

Эмоции передаются через развернутое описание, в т. ч. метафорическое: ... это состояние ... все волосы дыбом и мозги дыбом, все во мне устремляюсь куда-то вверх, в другие ветры и воды...; ... была набита злобой от макушки до пят, как адский мешок. Находиться возле нее было опасно, как возле шаровой молнии. Того и гляди шарахнет разрядом и др.

Обилие соответствующего материала в тексте заставило нас выделить также скрытые эмоции, сильные, но никак не выражаемые (внешне это никак не выражаюсь, все остаюсь в душе); притворные эмоции.

Специфика представления концепта «Женщина» в художественном тексте состоит также и в обилии номинаций, характе-

ристик, оценок, в авторских перифрастических номинациях, определениях, метафорах, сравнениях, развернутых языковых образах, характеризующих женщину в разных аспектах, реализующаясь в различных семантических зонах (материально несущая балка, подпорка для мужчины, бесцветная моль, одинокая и стареющая пастушка, саперная лопата работы Фаберже, более сильный зверь; опутанная «неудобно» и «нельзя», несовременна и несвоевременна; как праздник, как звероящер; была похожа на «першинг». Единицы этого поля аккумулируют все отнесенное русским языковым сознанием к сфере реализации концепта «Женщина», тем самым проясняя и усиливая общие смыслы и добавляя к ним авторское неповторимое видение, что и составляет основную специфику представления «Женщины» художественным сознанием в отличие от общеязыкового.

Таким образом, исследование концепта «Женщина» в качестве фрагмента русской ЯКМ на фоне китайской позволяет охарактеризовать его как имеющего универсальные и национально-культурные специфические свойства. Данный концепт относится к ядру языкового сознания обоих народов, структурируется по одним и тем же смысловым областям и имеет отличительные содержательные признаки, связанные с различием культур; при этом совпадений больше, чем различий.

Литература

Лю Бо. Стереотипные представления о женщине в русской языковой картине мира на фоне китайской (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) // Мир русского слова. - СПб., 2009. №4. -С. 33-38.

Лю Бо. Категоризация концепта «Женщина» в русской и китайской языковых картинах мира (на основе данных словарей и эксперимента) // Вестник Помор. ун-та. 2009. - С. 179-182.

Лю Бо. Традиционное представление о женщине в китайском обществе по данным китайской иероглифики (иероглифов с элементом «пи») // Российско-китайское взаимодействие в политике, экономике, культуре и образовании: опыт, проблемы, перспективы. Материалы и тез. докл. к Междунар. науч.-иссл. семинару / Отв. ред. В.Ф. Печерица. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. - С. 374-379.

Лю Бо. Гендерный стереотип «супружество» в русском и китайском языках (на материале фразеологизмов, пословиц и поговорок) // Интеллектуальный потенциал вузов - на развитие Дальневосточного региона России: материалы X Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. 24-27 апреля 2008 г.: в 6 кн. Кн. 1. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. - С. 240-243.

Лю Бо. Концепт «Женщина» в лексико-семантической системе русского и китайского языка // Россия - Восток - Запад: Проблемы межкультурной коммуникации: программа и тезисы 4-й междунар. науч. конф., Владивосток, 2-4 марта 2009 г. - Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. - С.68.

Лю Бо. Национально-культурная специфика концепта «Женщина» в русской языковой картине мира на фоне китайской (по данным ассоциативного эксперимента) //1 Междунар. науч.-практ. интернет-конф. «Русский язык. Литература, Культура: актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом»: Секция 2. Проблемы межкультурной коммуникации. Языковая картина мира. [Электронный ресурс] <http://world.russianforallrui/conf/report.php?7P=17774>

М.В. Михалева (Курск)

БРАК

Брак - социальный институт, без которого невозможно существование и функционирование современного общества. Он возникает как элемент развития и укрепления общественного строя с целью социально одобренной репрезентации морально-этических норм. Наличие или отсутствие официальной регистрации брачных отношений является важным индикатором состояния семьи как социального института. В отличие от других социальных феноменов брак включает в себя естественно-биологическую, экономическую, эмоционально-психологическую, морально-этическую и правовую стороны. Многогранность брачно-семейных отношений, отражающаяся в структуре и содержании ментальных образований, обуславливает необходимость интегративного подхода к исследованию концептов, представленных лексически.

Обращение к названному концепту обусловлено острой актуальностью проблемы брака как постоянно трансформирующегося социального института. Согласно статистическим данным, в настоящее время наблюдается повышение среднего возраста вступления в брак, возрастание количества безбрачия и разводов, формирование браков с иностранными гражданами (А.И. Антонов, Т.В. Андреева, Б.А. Исаев, В.В. Ingoldsby, D.M. Klein, S.D. Smith, J.M. White и др.). Компаративное исследование избранного нами концепта брак/marriage может оказаться полезным в моделировании картин мира русских и американцев, между которыми в настоящее время заключается большое количество брачных союзов.

Настоящее исследование объединяет интересы смежных наук в исследовании концептов: этнопсихолингвистики, теории межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики, этимологии, лингвокультурологии, социолингвистики, социологии, психологии. В-третьих, анализ содержательных компонентов языкового сознания представителей разных лингвокультурных сообществ позволяет выявить специфику языкового бытования ментальных образований, вербализуемых в разных культурах эквивалентными лексемами. В-четвертых, результаты работы помогают установить «проблемные зоны» межкультурного общения, а, следовательно, определить способы их элиминации.

Объектом исследования является концепт брак / marriage как компонент языкового сознания русских и американцев. *Предметом* изучения выступают семантические, культурные, речевые и ассоциативные характеристики, определяющие его структуру и содержание в сравниваемых лингвокультурах.

Структурно-семантический анализ знаков исследуемого концепта -лексем брак и marriage - продемонстрировал, что в отличие от русской лексемы брак ее английский «эквивалент» marriage не имеет омонимов и является многозначным.

Универсальность исследуемого феномена брак/marriage в двух лингвокультурах обуславливает определенную область пересечения семантических компонентов, охватывающих, главным образом, ядерные признаки концепта (союз/union, отношения/relationship, мужчина/man, женщина/woman, муж/husband, жена/wife, супружество/wedlock). Данные семантические признаки составляют смысловое ядро концепта брак/marriage. Сравнение происхождения

лексем брак и marriage установило их этимологическую связь: marriage берет начало от лат. *maritare* «женить, выдавать замуж», которое, в свою очередь, образовано от лат. *maritus* «муж» (W. Little), а русское брак происходит от и.-е. корня **bher* «брат» (М.Фасмер, П.Я. Черных).

Под влиянием природных, этнических и социальных условий в структуре концепта брак/marriage, кроме универсальных, закрепились и уникальные черты, связанные с социокультурными различиями России и США. Так, сема family/семья, относящаяся к ядерной зоне семантического поля брак и являющаяся одним из важнейших смысловых составляющих лексики брак, отсутствует в дефинициях лексики marriage, а следовательно, не входит в ядро семантического поля marriage. Этот языковой факт позволил выдвинуть предположение об оторванности концептуального образа marriage от образа сознания family. Лексема marriage также сохраняет в своих значениях семы, отсылающие к обрядовым формам культуры и правовому пониманию концепта: wedding, ceremony, religious, legal, contract. В структуре значения лексики брак семантические признаки правового осмысления исследуемого явления присутствуют в определениях, данных только в специализированных лексикографических источниках. На основании выявленных расхождений можно говорить лишь о частичной идентичности концепта, представляемого лексемами брак и marriage.

В исследовании структурно-содержательной организации концепта важен его историко-этимологический слой. Исторически развитие института семьи и брака шло от нерегулируемых половых отношений (промискуитета) к их ограничению в рамках моногамной семьи. Обширный лексический пласт индоевропейского происхождения, отображающий взаимоотношения женщины, входящей в дом мужчины, и его родственников, отсутствие лексики, репрезентирующей отношения муж - родственники жены, подтверждает преобладание патрилокальности в древнем обществе. Современные моральные устои, согласно которым мужчина является инициатором брачного союза, закреплены во внутренней форме таких лексических единиц, как брак, замуж, wedding, to wed и др. Мужчина и женщина создают союз, представляющий собой основу брачно-семейных отношений, в структуру которых включается хозяйственно-экономический аспект (супруги - «в одной упряжке», в английском языке to husband - «экономно вести

хозяйство», в современном значении - «экономно расходовать, разумно использовать»).

Усложнение брачно-семейных отношений привело к возникновению таких терминов свойства, как зять, тесть, теща, невеста, супруг (супруга), шурин и др. Замена в современной речи лексем шурин, золовка и др. на соответствующие аналитические выражения брат жены, сестра мужа демонстрирует фиксируемые русским языковым сознанием тенденции к распаду тесных родственных связей, свойственных представителям русской культуры. Анализ терминов свойства в английском языке показывает, что родственные отношения вербализуются посредством терминов кровного родства с прибавлением оборота *-in law* (*mother-in-law, father-in-law, brother-in-law* и др.). Установленные языковые расхождения в терминах родства по браку отражают некоторые различия в менталитете: в процессе исторического развития брачно-семейных отношений у русских сложилась склонность к тесным родственным связям, общности, в то время как американцам свойственна автономность, склонность к конъюгальной (супружеской – М.М.) семье.

Полученные в ходе семантического и этимологического исследования результаты были верифицированы данными свободного ассоциативного эксперимента и анкетирования.

Интерпретация данных ассоциативных тезаурусов РАС (Русский ассоциативный словарь) и ЕАТ (*The Edinburgh associative thesaurus*), фиксирующих ассоциативные нормы русского и английского языка, явилась первым этапом моделирования концепта брак и *marriage*. Сравнение содержательных компонентов исследуемого концепта, представленных в РАС и ЕАТ, позволило утверждать, что структурная организация исследуемого фрагмента языкового сознания носителей русского и английского языков имеет как общие, так и отличительные черты, что объясняется частичным несовпадением значений стимулов брак и *marriage*. В использованных ассоциативных словарях отражены следующие когнитивные признаки исследуемого концепта:

1. Оформление брачного союза: свадьба/*wedding*, кольцо/*ring* и др.

2. Состав брачно-семейного союза: муж/*husband*, супруга/*wife*, мужчина/*man*, женщина/*woman* и др.

3. Межличностные отношения в браке: любовь/love, sex/bed (подобная ассоциация не представлена в РАС) и др.

4. Продолжительность существования брачного союза: навеки/eternal, постоянный/permanent и др.

5. Эмотивно-оценочные характеристики брака:

а) положительные: good, rocks (ЕАТ), счастливый, дружный (РАС);

б) отрицательные: cruel, dangerous, horror (ЕАТ) несчастный, неудачный (РАС).

6. Пространство брачно-семейных отношений: семья /family.

7. Прекращение брачного союза, расторжение брака: развод/divorce.

Вербальные репрезентанты некоторых из указанных содержательных компонентов отмечены национально-культурной спецификой. Так, выделенная нами смысловая группа «оформление брачного союза» в ЕАТ конституируется реакциями church (церковь), vicar (приходский священник, vikarий), что обусловлено традициями брачной церемонии англоязычных респондентов. Некоторые смысловые группы, выделенные в РАС, отсутствуют в статье ЕАТ. Например, реакции, вербализующие мотивацию брака (по любви, по расчету), в материалах ЕАТ не представлены.

Был проведен свободный ассоциативный эксперимент - 2005 - 2008 г.г., с русскими (303 информанта в возрасте от 17 до 82 лет.) и американскими респондентами (220 информантов в возрасте от 17 до 69 лет). Эксперимент с носителями русского языка проводился в г. Курске. Американские респонденты опрашивались в г. Кливленд, штат Теннесси. Материалом эксперимента, проведенного методом письменного опроса, явились списки 20 эквивалентных слов-стимулов, 10 из которых входят в лексико-семантическую группу брак. При обработке полученного материала анкеты были разделены по возрастному признаку на группы 17-25 лет, 26 - 35 лет, 36 - 45 лет, 46 - 55, 56 и старше с учетом пола и семейного положения.

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента вербальные ассоциации, отражают как универсальность, так и национально-культурную специфику исследуемого концепта. Реакции, формирующие ядерные зоны исследуемых ассоциативных полей брак и marriage, фиксируют наиболее устойчивые связи ментальных образований, вербализованных лексемами брак и marriage,

с другими концептами и отражают доминантные этнопсихологические стереотипы.

Наиболее устойчивой ассоциативной связью в русском языковом сознании является синонимическая лексическая пара *брак – семья* (47/303), в американском – антонимическая *marriage – divorce* (29/220). Реакция *family / семья* (3/220) по материалам эксперимента с американцами не входит в структуру ядра ассоциативного поля *marriage*, что подтверждает гипотезу об оторванности концептуального образа *marriage* от образа *family*, а, следовательно, о разграничении в языковом сознании американцев явлений *брак* и *семья*. Кроме того, ассоциативное поле *брак* включает реакцию *ребенок* (2/303), уточняющую состав нуклеарной семьи и, следовательно, подтверждающую связь концепта *брак* с концептом *семья* в языковом сознании русских. В материалах ассоциативного эксперимента с американцами подобная реакция отсутствует. Коррелирующими ядерными реакциями являются *wedding/свадьба*, *любовь/love*, *развод/divorce*, *обязательства/commitment*, *счастье/happy* и др. Этническая специфика концепта *брак/marriage* отражается в таких культурно обусловленных реакциях, как *ЗАГС* (18/303), *vows* (7/220), *license* (7/220), *engagement* (4/220) и др., входящих в ядерные зоны сравниваемых ассоциативных полей.

Единичные ассоциативные реакции актуализируют структуру ядра значения, являясь отражением глубоко индивидуальных, периферических для психологического значения ассоциаций. Этнически специфическими реакциями, образующими периферию ассоциативных полей *брак* и *marriage*, являются русские *мари Мендельсона*, *уборка-кухня*, *быт*, *хорошее дело не назовут*, *штамп* и др., американские *Carolyn*, *counselor*, *contract* и др. Единичные реакции значительно усложняют структурную организацию концепта *брак/marriage* в языковом сознании русских и американцев. Особого рассмотрения требуют реакции, обусловленные семейным положением (*ошибка*, *второй*, *супер*, *not for long*, *pain*, *stress*, *hopefully* и др.) Полисодержательность исследуемого концепта выявляется в синонимических (*союз/union*, *узы/bond*) и антонимических (*развод*, *разлад/divorce*) отношениях его языковых репрезентантов, их эмотивно-оценочной коннотации, в большинстве случаев обусловленной семейным положением испытуемых (*счастливый*, *несчастный*, *заботы*, *проблемы*,

happy, best for all, fun, hard, never, pointless, scary и др.), в языковых единицах, объективирующих межличностные отношения в браке (*любовь, верность, обман, маска, love, respect, devotion* и др.), состав брачного союза (*супруги, муж, жена, ребенок, husband, wife, couple* и др.).

На уровне интеграции содержательных компонентов брак фиксируется русским и американским сознанием как социальное явление, обладающее качественными, количественными и пространственно-временными характеристиками.

Учитывая данные, полученные в результате исследования как на синхронном, так и на диахронном уровне, можно констатировать, что концепт *брак/marriage* в языковом сознании русских и американцев организуется ядерными и периферийными компонентами. К ядерным относятся этимологические знания о содержательных признаках концептуальных знаков - лексем *брак* и *marriage* - и терминах свойства, отражающие эволюцию развития содержания концепта, а также система основных семантических элементов, выявленных в результате компонентного анализа знаков концепта - лексем *брак* и *marriage*, частично отражающая структуру и содержание стоящего за ними концепта.

Смысловое пространство концепта *брак/marriage* конституируется несколькими микрополями: «предбрачное поведение» (в большей степени представлено в языковом сознании американцев), «оформление брачных отношений», «родство по браку», «бытовые традиции и отношения в браке», «типология супружеских отношений», «расторжение брачного союза», каждое из которых реализуется в речевой деятельности определенными языковыми единицами с соответствующей семантикой и выполняет определенную функцию.

Периферия концептуальных полей *брак* и *marriage* представлена возможностями семантической трансформации языковых единиц в речевых употреблениях и, следовательно, является незамкнутым пространством. Этнокультурное содержание концепта *брак/marriage* проявляется в коннотативных смыслах, которые выражаются как языковыми (русские: ЗАГС, уборка-кухня, квартира; американцы: *vows, license, counselor* и др.), так и внеязыковыми средствами (этнокультурные установки (русские: помощь взрослым детям), стереотипы (русские: жена — хозяйка), идеологемы (американцы: подписание брачного контракта).

Результаты анкетирования, проведенного в качестве дополнительного средства верификации экспериментального материала, неоднозначны. Тем не менее, они подтвердили некоторые данные ассоциативного эксперимента, представляющие собой бессознательные проявления образов сознания русских и американцев и существенно дополнили содержание концепта брак/marriage.

Была использована анкета на русском и английском языках, состоящая из 11 пунктов. Каждый пункт анкеты, направленный на экспликацию наиболее значимых сторон концепта брак/marriage в языковом сознании русских и американцев, предполагал выбор одного из трех вариантов ответа: а) верно, б) трудно сказать, в) неверно. В эксперименте участвовало 104 русских (от 17 до 55 лет) и 102 американца (от 18 до 63 лет) разной социальной и профессиональной референтности. При обработке экспериментального материала учитывались возраст, пол и семейное положение респондентов. По данным анкетирования, являющимся результатом рефлексии русских и американцев, брак представляет собой официально зарегистрированный либо незарегистрированный союз мужчины и женщины, на характер и продолжительность которого оказывают определенное влияние такие факторы, как межличностные отношения, место проживания, рождение ребенка, религиозные воззрения и др., а расторжение брака - наиболее приемлемое решение, в случае неудачного брачного союза.

Проведенное исследование показало, что отмеченная тенденция разделения институтов семьи и брака, давно наблюдаемая в США и фиксируемая в речевой деятельности американцев, начинает проявляться и в сознании русскоязычного социума.

Таким образом, концепт брак/marriage имеет статус универсальной ментальной модели, проявляющейся в двух аспектах: общечеловеческом (предбрачное поведение, заключение брачного союза, система свойственных отношений, расторжение брака) и этническом. Так, русское языковое сознание концептуализирует брак как основу семьи, являющуюся ценностным ориентиром, несмотря на то, что в современном обществе констатируется снижение ценности брака как официально зарегистрированного семейного союза мужчины и женщины, а американское - прежде всего как союз двух партнеров, оформленный в соответствии с законом и традициями, либо совместное проживание партнеров.

Этнокультурное содержание концепта брак/marriage, предопределяемое этническими стереотипами сознания, ценностными ориентирами, выражается в языковом и ассоциативном соотношении данного концепта с концептами семья (у русских) и развод (у американцев). Семья в русском языковом сознании выступает семантическим дуплетом лексемы брак. В американском языковом сознании выявляются тенденции к разграничению этих двух явлений: концепт семья/family фиксируется как основанная на общесемейной деятельности совокупность родственников, связанных общностью традиций и ценностей, осуществляющая преемственность семейных поколений, социализацию детей.

Содержание концепта брак/marriage в языковом сознании современных носителей русской и американской культур обладает как положительной, так и отрицательной эмотивно-оценочной коннотацией метафоричностью, характеризуется возрастной дифференциацией, зависимостью от семейного положения.

Литература

Михалева М.В. Ассоциативное поле концепта брак (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Вестник МГЛУ. - М., 2007. - Вып. 541. - С. 168 - 174.

Михалева, М.В. Ассоциативное поле концепта брак // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 30 мая - 2 июня 2006 г. - Калуга: Эйдос, 2006. - С. 193 - 194.

Михалева М.В. Роль ассоциативного эксперимента в этнопсихолингвистических исследованиях языкового сознания // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.Ю. Сазоновой. - Курск : КГУ, 2007. - Вып. 7 - С. 76 - 81.

Михалева М.В. Этническая картина мира и объективные факторы ее формирования // Письменная коммуникация: межкультурный аспект. Межвузовский сборник научных трудов (по материалам Международной конференции «Письменная коммуникация: межкультурный аспект», Курск, 21-22 сентября 2007 г.) Ч. 2, РОСИ. -2007.-С. 30-34.

Михалева М.В. Концепт брак в этноэтимологическом аспекте // Проблемы ономастологии и теории номинации. Сборник материалов международной научной конференции 11-13 октября 2007 г. В 2-х частях. - Ч. 1. - Орел, ОГУ, 2007. - С. 98 - 102.

Михалева М.В. Структурная организация концепта семья (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Человек говорящий и

пишущий: материалы IV Международных Березинских чтений / отв. ред. А.П. Тусичишный. - М. : МГЭИ, 2008. - С. 72 - 79.

Михалева М.В. Особенности концептуальных знаков брак и marriage // Теория Языка и межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. тр. - Курск : Изд-во КГУ, 2008. - Вып. 8. - С. 60 - 65.

Михалева, М.В. Специфика ассоциативного поля marriage в языковом сознании американцев // Человек говорящий и пишущий / отв. ред. А.П. Тусичишный. - М. : МГЭИ, 2008. - С. 65 - 74.

Л.А. Базылова (Брянск)

ДОМ

Исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики и посвящено описанию разноуровневых средств репрезентации концепта «Дом» в русском и немецком языках.

Наибольший интерес для современных исследований представляют концепты, которые понимаются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний прежде всего о явлениях окружающего мира, сопровождающих человека с глубокой древности и являющихся частью национальной культуры. Одним из важнейших в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов является концепт «Дом».

Объектом данного исследования являются тексты на русском и немецком языках, прежде всего роман А.Г. Битова «Пушкинский дом», содержащие языковые репрезентанты концепта «Дом». Предметом исследования стали выявленные в ходе анализа художественного текста средства языковой объективации концепта «Дом», которые характерны для русской и немецкой языковой картины мира.

Материалом для исследования послужила картотека, составленная методом сплошной выборки из названного выше романа А.Г. Битова и его немецкоязычного перевода, так как данный роман содержит интересные данные для изучения собственно национальной и художественной картины мира, отражает индивидуально – авторское мировидение, позволяет моделировать содержание изучаемого концепта.

Цель исследования – моделирование концепта «Дом» с опорой на те лингвистические средства, которые выступают

его репрезентантами, и выявление особенностей изучаемого концепта в русской и немецкой концептосферах.

В исследовании применялась комплексная методика, представленная совокупностью методов и исследовательских приёмов описательного характера. Ведущим среди них является метод семантико-когнитивного анализа, который предполагает, что «в процессе лингвокогнитивного исследования мы переходим от содержания значений к содержанию концептов в ходе особого этапа описания – когнитивной интерпретации» [Стернин 2008 : 6].

Выявив максимально полно состав языковых средств, репрессирующих исследуемый концепт, и описав их семантику, применяя методику когнитивной интерпретации, мы моделировали содержание концепта «Дом» как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (русском и немецком) своеобразии. В работе использованы также традиционные методы и приемы семасиологического анализа, компонентный, контекстный и дефиниционный анализ, а также прием полевых исследований.

В художественном тексте исследуемого романа концепт «Дом», помимо общенациональных, универсальных черт, вбирает в себя национально-специфические представления и особенности индивидуальной картины мира писателя, приобретая такие дополнительные коннотации, как роман, литература, Россия, живое существо и т.д.:

*Напишу роман огромный,
Многотомный Дом-роман...*

*Назову его условно,
(Скажем, «Ложь» или «Обман»... [284].*

...Лева ощутил большое и легкое пространство своего тела. Оно было сейчас – весь этот ДОМ. Озаренный, плыл он сейчас в ночи, как прекрасный корабль, прорезая бесшумный мрак [331].

Согласно полевой модели, в центре макрополя всякого концепта должно находиться ядро. В нашем случае для русского языка ядро отражает лексема Дом, актуализирующаяся в совокупности семи основных взаимосвязанных микрополей I ступени: «Жилище», «Здание, строение», «Люди, живущие вместе», «Родина», «Учреждение», «Род, династия», «Очаг».

Для выражения семемы Дом в немецком языке имеются лексемы *das Haus*, *das Heim*, образующие разные комплексы значений. Наиболее близкой русской лексеме Дом по набору семантических компонентов является лексема *das Haus*. Анализ словарных дефиниций лексем Дом и *das Haus*, а также анализ языкового материала романа позволяют выявить наличие следующих схожих семантических компонентов вышеуказанных единиц в обоих языках: 1) здание, строение (большой дом- *ein großes Haus*); 2) жилое помещение, квартира, жильё (отправиться по домам *nach House gehen*); 3) семья, люди, живущие вместе (собрался весь дом – *das game Haus war vollzällig versammelt*; встретаться семьями, быть знакомым домами-*von Haus zu Haus verkehren*); 4) быт, хозяйство семьи (вести дом – *ein Haus führen*); 5) династия, род (Дом Романовых *das Haus Romanovs* – королевский дом – *das königliche Haus*); 6) учреждение (Дом Культуры- *das Kulturhaus*); 7) место (страна), где живут люди, объединённые общими условиями существования, интересами (Родина – наш общий дом – *Heimat ist inser gemeinsames Haus..*

В тексте романа «Пушкинский дом» ядерные лексемы Дом *Haus* чаще всего актуализируются в значениях «строение», «жилище», «семья»:

Будто так: раннее утро, молодая жена, мы строим **дом...** [283]. – *So vielleicht: frühmorgens, junge Ehefrau, wir bauen ein Haus...* [339].

И живут все **в этом доме**, из трухи сделанном, на землю просто так положенном, ...[82]. – *Und alle leben in diesem Haus, das hingepfuscht und einfach so auf die Erde gestellt wurde, ...* [99].

Был он когда-то, когда Левы не было, другом **дома**, любил бабушку и маму, а теперь вернулся [31]. – *Bereits, als es Ljowa noch nicht gab, war er Freund des Hauses gewesen, hatte die Großmutter und Mutter gemocht und kehrte nun zurück* [38].

Такие семантические компоненты лексемы Дом, как «уют», «семейность», «душевность», «безопасность», «защищённость» в большей степени присущи немецкой лексеме *das Heim*, которая представляет скорее не обобщенный прототип дома, а индивидуальный, сенсорный образ своего собственного дома-жилья или конкретного места, заменяющего дом:

«Нам некуда сворачивать, моя маленькая сестренка!- у нас ведь нет ни друзей, ни **дома...**» [136]. – « Wohin sollten wir auch abbiegen, mein kleines Schwesterchen, haben wir doch weder Freunde noch **ein Heim...**» [165].

При сопоставлении языковых представителей ядерных зон концепта «Дом» в русском и немецком языках выявляются различия в их объеме. Семантические компоненты ядерной лексемы Дом передаются на немецкий не только ядерными лексемами *das Haus, das Heim*, но и их синонимами (*das Zuhause, die Familie*), относящимися к приядерной зоне концепта «Дом» в немецком языке:

Левин **дом** оттаивал, будто это именно бездомный дядя Митя создал им **дом** [35]. – Ljowas **Zuhause** taufte auf, und es war, als hätte ebender unbehauste Onkel Mitja ihnen **ein Zuhause** geschaffen [43]. Тут и в Левином **доме**, при всей сдержанности что-то не то зашевелилось, не то как-то передвинулся воздух...[30]. – Auch in Ljowas **Familie** fing, trotz aller Zurückhaltung und Vorsicht, irgendwas sich irgendwie zu regen an, sei es, dass die Luft in Bewegung kam... [43].

Микрополя I ступени, репрезентанты которых отражают парадигматические отношения слова-имени концепта, образуют в своей совокупности его приядерную зону. Лексические экспликативы ядер микрополей, входящих в структуру концепта «Дом», представляют собой синонимы ключевого слова.

Ядром микрополя «Жилище» в русском и немецком языках являются как нейтральные (Квартира – *die Wohnung*; Жилище, Жилье – *die Behausung*), так и стилистически окрашенные средства репрезентации (Нора, Берлога, Логово – *die Bude, die Höhle, das Lager, der Ban*; Гнездо – *das Nest*; Пенаты – *die Penaten, Hans und Herd*; Кров – *das Obdach*).

Ядерная зона микрополя «Здание, строение» в русском языке представлена лексемами Здание, Постройка, Сооружение, переводимыми на немецкий язык как *das Gebäude, der Bau, das Bauwerk*.

Ядро микрополя «Люди, живущие вместе» актуализируется в анализируемом тексте при помощи лексем Семья, Семейство, Семейка (*die Familie*); Близкие (*die Nächsten, die nahen Verwandten*); Свои (*die Seinigen*), а также таких контекстуаль-

ных синонимов ядерной лексемы концепта, как Гнездо (das Nest), Пруд (der Teich), Все (alle) и др.:

Положа руку на сердце... нам больше нравится первый вариант Левиной **семьи** Первое Левин о **смейство** нам кажется чуть ли не честнее, «сюжетнее» второго [116]. – Hand aufs Herz – uns gefällt die erste Variante von Ljowas **Familie** besser... .Ljowas erste **Familie** kommt uns fast ehrlicher, «handlungsträchtiger» vor als die zweite [142].

Так он и пошел, цементом, в их **гнездо** [104]. – So war er auch, als Zement, in ihr **Nest** gekommen [126].

На пути с Гражданской в лагерь, на крепкой и невидимой лесе своей судьбы, попал он **в пруд** к Одоевцевым... [104].- Auf dem Weg cms dem Bürgerkrieg ins Lager, an der festen und unsichtbaren Angelschnur seines Schicksals, war er **In den Teich** der Odojewzews geraten... [126].

«Дом» – то место, где царят гармония, взаимопонимание и любовь, ощущается тепло домашнего очага. В ядре микрополя «Очаг» находится лексема Очаг (das Heim) в значении «семья, родной дом» [МАС 1982, т. II : 731], которую также можно отнести к синонимам ключевой лексемы и репрезентантам при ядерной зоны концепта «Дом».

В ядре микрополя «Родина» находится одноименная лексема Родина (die Heimat), с помощью которой в тексте исследуемого романа вербализируются такие составляющие данного микрополя, как «Город» и «Страна».

Ядро микрополя «Род, династия» представлено лексемами Род (das Geschlecht), Клан (der Klan (Clan)), а также Порода (die Spezies) в значении «устар. и прост, род, семья, родня» [МАС 1984, т. III : 303], одновременно выступающими синонимами лексемы Дом в данном значении.

Ядро следующего выделяемого микрополя I ступени «Учреждение» актуализируется при помощи лексем Учреждение и Институт (das Institut, die Institution):

На каждые праздники кого-нибудь из наиболее невезучих сотрудников оставляли дежурить **в институте** [286]. – An Feiertagen musste jemand von den glückloseren Institutsmitarbeitern jeweils **im Haus** Wache schieben [343]. В данном примере Институт передается в немецком как das Haus, что свидетельствует о принадлежности данной лексемы к синони-

мическому ряду слова-имени концепта как репрезентанту микрополя «Учреждение». Следует отметить и употребление в романе таких стилистически окрашенных контекстуальных синонимов Пушкинского дома, как Академическая цитадель (akademische Zitadelle), Богадельня (die Wohlfahrtseinrichtung), Клетка (der Käfig).

Лексический уровень репрезентации является наиболее информативным, способствует организации целостного концептуального поля, семантическому обогащению концепта и выявлению его национально- культурной специфики.

Репрезентанты фразеологического уровня позволяют обнаружить скрытые от прямого наблюдения коннотации, вытекающие из особенностей менталитета: «место спасения от невзгод»; «личное, безопасное пространство»; «то, у чего есть хозяин»; «имущество, ценность»; «охраняемое, оберегаемое пространство»; «место, где чувствуешь себя свободно»; «состояние психического здоровья, душевного равновесия» и т.д.

Репрезентанты морфологического уровня находятся на ближней периферии концепта. Они представлены деривационными, слово- и формообразовательными производными ключевой леммы, которые отражают такие когнитивные признаки концепта «Дом», как «замкнутость по отношению к внешнему миру», «ограниченность в пространстве, размер», «своя территория» «непринужденность, раскованность в поведении». Производные ядерной леммы концепта «Дом»: *Dóma* (zu Hause, daheim); *Домой* (nach Hause); *Домик, Домишко, Домок* (Häuschen, Häuslein); *Домина, Домище* (großes Haus, das Palais, das Riesenhaus); *Домашние, Домочадцы* ((Haus)angehörige); *Домохозяин, Домохозяйка* (Hauswirt,-in, Hausherr, Hausfrau, Hausbesitzer,-in); *Домработница* (Hausgehilfin, Hausangestellte); *Домовитость* (Häuslichkeit); *Домовито* (häuslich, sparsam); *Домодельный* (hausgemacht, selbst gemacht); *Доморощенный* (aus eigener Zucht, zu Hause gezogen (gezüchtet)); *Домашность* (Haushalt); *Домостроение* (Hausbau, Wohnungsbau); *Домовой* (Hausgeist) и др. связаны со значениями «двор», «хозяйство», «люди, работающие в доме», «семья», «хозяин (хозяйка) дома», «добрый или злой дух, живущий в доме», «черты характера», «привычки», «инвентарь,

утварь, мебель», «всё, сделанное в доме», «учреждение», «правила поведения в доме» и т.д.

Те из выявленных дериватов, которые представляют реалии исконно русской культуры, естественно, не имеют аналогов в немецком: Домострой, Домашник, Домовина и т.д. Безэквивалентность единиц и лакунарность являются ярким проявлением национальной специфики обоих языков в аспекте изучаемого концепта.

Немногочисленные средства репрезентации синтаксического уровня находятся на дальней периферии поля концепта и способствуют его смысловому обогащению за счет разного рода описательных средств (именных и глагольных сочетаний косвенной номинации, предложно-падежных словоформ (у + род. пач), и к + дат. пад. одушевленного имени существительного или личного/возвратного местоимения), а также пространственных локативов, представленных позициями куда и где, сопровождающихся глаголами движения (приходить, войти, появляться, идти) и бытия (быть, бывать, находиться, жить)), тем самым характеризуя «Дом» как пространственную константу и объект, на который направлено действие:

К деду он шел с новеньким бьющимся сердцем [57]. – Zum Großvater ging er funkelnagel neuen und klopfenden Herzens [70].

Одоевцевы же кивали, позевывая перед сном, и говорили в неостывший след дяди Диккенса, что да, каждому человеку должно быть «куда прийти» [104]. – Die Odojewzewes wiederum nickten, wenn sie, vor dem Schlaf gähnend, Onkel Dickens' noch nicht erkalteter Spur hinterdrein sagten, ja, jeder Mensch müsse etwas haben, «**wo er hinkann**» [127].

Доминантным и самым обширным микрополем концепта «Дом» является микрополе I ступени «Жилище», состоящее из четырех микрополей II ступени: «Элементы внутреннего пространства (типы помещений)», «Части (границы) жилого дома», «Убранство дома», «Окружающее пространство».

Лексическими средствами репрезентации микрополя «Типы помещений», следовательно, и ближней периферии концепта «Дом» являются ключевая лексема Комната (das Zimmer, der Raum) и ее текстовые синонимы: Светелка, Горница (die Stube), а также лексемы, называющие помещения по

их функциональному признаку в жилом доме: Прихожая (das Vorzimmer, die Diele); Коридор (der Flur); Кухня (die Küche); Гостиная (das Gastzimmer, das Wohnzimmer); Детская (das Kinderzimmer) и т.д. Периферия концепта «Дом» эксплицируется лексемами, называющими «границы» дома: Дверь (die Tür); Окно (das Fenster); Порог (die (Tür)schwelle); Крыша (das Dach); Пол (der Boden, der Fußboden) и т.д., которые несут в себе семантические компоненты «локус пространства», «элемент (часть) дома», «защитная функция», «связь между внутренним и внешним миром». Микрополе «Жилище» представлено также лексемами с общими семами «мебель»: Стол (der Tisch), Стул (der Stuhl), Кресло (der Sessel); «детали интерьера»: Ковер (der Teppich), Распятие (das Kreuzifix), (Оленьи) Рога (das Geweih); «домашняя утварь»: Стакан (das Glas), Чашка (die Tasse), Тарелка (der Teller), Сковорода (die Pfanne), которые в совокупности образуют репрезентативный фонд микрополя II ступени «Убранство дома».

Пространство «Дома» охватывает не только непосредственно пространство жилого помещения, но и пространство, окружающее дом, представленное в номинациях Двор (der Hof), Сад (der Garten) и включающее пограничные элементы: Забор (der Zaun), Ворота (das Tor), являющиеся средствами языковой объективации дальней периферии исследуемого концепта.

Жилое пространство «Дома» может расширяться до пространства «Города», «Страны», «Отечества», «Родины». Материал романа позволил выявить, что в ядре микрополя «Родина» находится лексема Родина (die Heimat). Приядерная зона представлена в номинациях Отечество, Отчизна (das Vaterland), а периферия – в конкретных географических названиях: Россия (Russland), Петербург (Petersburg) и их контекстуальных синонимах: родной город (die Heimatstadt), вторая столица (die zweite Hauptstadt) и т.д. В романе Петербург как один из репрезентантов микрополя «Родина» актуализируется через номинацию Музей, приобретая пространственные характеристики некоего дома, здания, строения:

С удивлением поймал себя на соображении, что, пожалуй, во всю жизнь ни разу не покидал старого города, жил в этом музее, ни один его житейский маршрут не пролегал за преде-

лы музейных же проспектов-коридоров и зал-площадей...[58]. – *Verwundert ertappte er sich bei der Überlegung, daß er wohl sein Leben lang mehr als **die Altstadt** verlassen hatte, daß er lebte **in diesem Museum**, keine seiner Alltagsrouten führte über die Grenzen **der Prospekte** und **Plätze, der Flure** und **Säle dieses Museums** [71].*

Ближняя периферия концепта «Дом» представлена репрезентантами микрополя I ступени «Здание, строение», которые объединяются в микрополя II ступени: «Типы строений», «Строительные части дома», «Стройматериалы, используемые при постройке дома». К многочисленным средствам языковой объективации микрополя «Типы строений» относятся лексемы Дворец (*das Palais, der Palast*); Особняк (*das Palais, die Villa*); Лачуга, Хиба, ((*kleine, elende*) *Hütte, die Kate, die Bude*); Изба (*das Bauernhaus, die Bauernhütte*); Храм (*der Tempel, das Gotteshaus*); Сарай, Амбар (*der Schuppen, die Scheune, der Speicher*) и др., которые подвержены групповому делению с вычленением доминирующих сем: «предназначенность для проживания/пребывания», «предназначенность для совершения богослужений», «предназначенность для бытовых, хозяйственных нужд». В некотором удалении от ядра находятся репрезентанты микрополей «Строительные части дома»: Фундамент (*das Fundament*); Подъезд, Парадная (*der Hauseingang*); Лестница (*das Treppenhaus, die Treppe*); Этаж (*das Stockwerk, der Stock, das Geschoss*), характеризующие дом как строение, в том числе многоэтажное, и «Строительные материалы, используемые при постройке дома»: Дровесина, Дерево (*das Holz*); Топор (*die Axt*); Бревно (*der Balken*); Кирпич (*der Ziegel*).

Следующий фрагмент периферийной зоны концепта «Дом» представлен лексическими средствами вербализации микрополя «Люди, живущие вместе», в рамках которого выделяются микрополя II ступени: «Семья», представленное в номинациях Родители (*die Eltern*); Дети (*die Kinder*); Мать, Мама (*die Mutter, die Mama*); Отец, Папа, (*der Vater, der Papa*); Дедушка, Дед (*der Großvater, der Opa*) и «Люди, имеющие то или иное отношение к дому», представленное в номинациях с общими семами: «тот, кто владеет домом» – Хозяин (*der Hausherr, der Hauswirt*); Домовладелец (*der Hausbesitzer*); «тот, кто живет в

доме, рядом с домом» – Жилец (der Mitbewohner); Сосед (der Nachbar); Соседка (die Nachbarin); «тот, кто работает в (при) доме» – Домработница (die Hausgehilfin, Hausangestellte); Дворник (der Hausmeister).

Микрополе «Учреждение» не является доминантным в макрополе концепта «Дом». Средства его языковой объективации в русском и немецком языках подвержены переходу в репрезентативный фонд микрополя «Здание», так как обозначают как само учреждение, так и то здание, в котором оно находится. Среди репрезентативных средств данного микрополя выделяются такие типы учреждений, как: образовательные, научно-исследовательские (Институт (das Institut); Университет (die Universität); Школа (die Schule)); культурные (Музей (das Museum), Театр (das Theater)); здравоохранительные (Больница (das Krankenhaus); Клиника (die Klinik)), учреждения общественного питания (Ресторан (das Restaurant); Кафе (das Cafe)) и учреждения сферы бытового обслуживания (Мастерская (die Werkstatt); Парикмахерская (das Friseur); Магазин (das Geschäft, der Laden)). В состав микрополя «Типы учреждений» входит компонент (микрополе III ступени) «Помещения внутри учреждения», репрезентанты которого находятся на дальней периферии концепта «Дом».

Отдельный фрагмент периферии исследуемого нами концепта представлен микрополем «Род, династия», которое делится на микрополя II ступени «Человек/люди, объединенные генеалогическими отношениями родства»: Предок (der Vorfahre); Потомок (der Nachfahre); Поколение (die Generation); «Родовая принадлежность»: Происхождение (die Herkunft); Родовитость (die Abkunft); Порода (die Herkunft, das Geblüt, der Schlag) и «Признаки, присущие определенному роду (дому)»: Сдержанность (die Zurückhaltung); Избранность (die Außerwähltheit), Исключительность (die Außergewöhnlichkeit); Безукоризненность (die Makellosigkeit) и т.д.

Чрезвычайно значимым микрополем, входящим в макрополе концепта «Дом», является микрополе «Очаг», так как идиллия «Дома» немислима вне тепла родного очага, уюта, атмосферы взаимодоверия и любви. В репрезентативный фонд данного микрополя входят лексемы, называющие признаки Дома как очага: Уют (die Gemütlichkeit); Тепло (die Wärme);

Душевность (*die Herzlichkeit*), и эмоционально значимые атрибуты Дома: Камин (*der Kamin*); Тапочки (*die Schläppchen*), Халат (*der Morgenrock*), представляющие периферийные компоненты концепта «Дом».

При сопоставлении единиц разных языков обнаруживается, что сходные по смыслу слова двух языков не всегда полностью совпадают по значению, в чем и проявляется национальная специфика семантики лексических единиц. В большинстве случаев используются не лексические эквиваленты, а разного рода (близкие или приблизительные) переводные соответствия.

При сопоставлении лексического наполнения вышеуказанных микрополей в русском и немецком языках были выявлены следующие различия:

1. Несовпадение по семному составу (денотативные различия), когда в одном из языков употребляется одна лексическая единица, а в другом – две или более: Гостиная – *das Gastzimmer, das Wohnzimmer*; Кабинет – *das Kabinett, das Büro, das Studierzimmer*; Этаж – *das Geschoss, der Stock*; Стена – *die Wand, die Mauer*; Хозяин – *der Hausherr, der Hauswirt*. С другой стороны, Кровать, Постель – *das Bett*; Подъезд, Парадная – *der Hauseingang*; Ванна, Ванная (комната) – *das Bad* и т.д. При этом указанные единицы содержат конкретные дифференциальные семы, отсутствующие в языке сопоставления.

2. Несовпадение эмоциональных и оценочных компонентов (коннотативные различия). В одном из языков лексическая единица приобретает дополнительные коннотации, отсутствующие в языке сопоставления (лексема Халат в значении «вид домашней одежды» в русском языке, помимо сем «удобство», «комфорт», «практичность», содержит отрицательные коннотации «неопрятность», «небрежность», отсутствующие в немецких соответствиях *der Schlafrock, der Morgenrock*).

3. Несовпадение лексико-грамматических характеристик (Ворота – только мн.ч., *das Tor (die Tore)* – ед. и мн. ч.; Хоромы – мн.ч., *das Gemach (die Gemächer)* – ед. и мн. ч.).

4. Несовпадение функционально-стилистических характеристик (Муж – межстил., *der Gemahl* – уст. и поэт.; Погребок – уст., *das Kellerlokal* -общепотр.).

В ходе анализа было установлено, что денотативные и коннотативные различия в семантике сопоставляемых лексем отражают национальную специфику исследуемого концепта, а несоответствия, выявленные в грамматическом и функционально-стилистическом компонентах значений, являются чисто языковыми явлениями и поэтому не могут быть использованы для моделирования такого ментального образования, как концепт.

Все микрополя, входящие в макрополе концепта «Дом», обладают «размытыми» границами. Репрезентанты одного из микрополей могут одновременно выступать в качестве экспликантов другого микрополя. Например, многие репрезентанты микрополя «Убранство дома», рассмотренные нами в рамках микрополя «Жилище», могут представлять наполнение микрополя «Очаг», так как они приобретают дополнительные коннотации и становятся атрибутами дома как символа домашнего очага и уюта.

Концепт «Дом» в свою очередь пересекается с полями других концептов: «Свобода», «Судьба», «Город», «Природа», «Любовь», «Семья» (Схема II), приобретая множество дополнительных смысловых приращений: «пространство личной свободы», «душевное единство», «широта, простор», «территория, где люди объединены общей культурой, условиями существования» и т.д.

Таким образом, концепт «Дом» представляет собой одну из важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант, составляющих русскую и немецкую национальные картины мира. Он вбирает в себя, наряду с универсальными общечеловеческими признаками, комплекс этнических, мифологических, религиозных, социокультурных, философских, образных элементов в их исторической динамике и дополняется в рамках художественного произведения особенностями индивидуально-авторской концептосферы.

Концепт имеет двойственную природу, обладая планом содержания (семантическая составляющая) и планом выражения (языковая реализация концепта), и представляет по своему устройству концептуальное макрополе, обладающее семантической и структурной организацией, представленной ядром, приядерной зоной и обширной периферией.

Все обнаруженные микрополя концепта не имеют четких границ, могут соприкасаться и пересекаться друг с другом, поскольку концепт функционирует, актуализируется в разных аспектах, соединяется с другими концептами, что и является его ролью в реализации задач мыслительного процесса.

Общей чертой для русского и немецкого концептов является наличие разноуровневых средств языковой репрезентации: лексических, фразеологических, морфологических и синтаксических, анализ которых выявляет многочисленные несоответствия (денотативные, коннотативные, лексикограмматические, функционально-стилистические), касающиеся как содержания, так и средств выражения. В результате экспликация такого сложного ментального образования, как концепт «Дом», происходит при помощи широкого спектра лингвистических средств, имеющих, как показал анализ, ряд общих и специфических черт, характерных для русской и немецкой языковой картины мира.

В русском языке ядерный слой концепта представлен базовыми компонентами значения ключевой леммы Дом. В немецком языке ядерный слой объективируется лексемами *das* Наш и *das* Heim, имеющими разное семантическое наполнение, что свидетельствует о дробности данного фрагмента действительности в немецкой языковой картине мира.

Структура и содержание индивидуально-авторского концепта «Дом», репрезентированного в романе А.Г. Битова «Пушкинский дом», способствуют расширению его наполнения за счет авторских смысловых «приращений»: Дом – творчество, Дом – роман, Дом- тело, Дом-литература и др.

Литература

Базылова Л.А. Дискурс и концепт в формировании поликультурной языковой личности // Национально-культурные особенности дискурса: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. -Воронеж : АНО МОК ВЭПИ, 2008. – С.9-11.

Базылова Л.А. Структура концепта «Дом» в русской национальной концептосфере // Социальные варианты языка – VI Материалы международной научной конференции. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2009. – С. 51-54.

Базылова Л. А. Концепт «Дом» в русских и немецких фразеологизмах // Слово. Предложение. Текст : Коллективная монография. - Орел : ГОУ ВПО «ОГУ», 2009. – С. 71-73.

Базылова Л.А. Семантические компоненты ядра концепта «Дом» в русском и немецком языках // Молодой ученый. – Чита, 2009. – №7. – С. 135-138.

Базылова Л.А. Содержание интерпретационного поля концепта «Дом» в русском и немецком языках // Лингвистический Вестник. – Выпуск 5. – Брянск : РИО БГУ, 2009. – С. 11-18.

Базылова Л.А. Микрополе «Родина» как фрагмент концептуального поля «Дом» (на материале произведений А.Г. Битова) // Молодой ученый. – Чита, 2010. -№> 5 (16). – С. 9-13.

Базылова Л.А. Концепт «Дом» в индивидуально-авторской картине мира А. Ахматовой // Вестник ЧГПУ. – Челябинск, 2009. – №6 – С. 202-209.

Базылова Л.А. Лексема Дом и ее дериваты как репрезентанты концепта «Дом» в русском и немецком языках // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 11(79). – С. 214-218.

И.С. Блинова (Волгоград) **СТАРОСТЬ**

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологии. Объектом исследования выступает концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах, а предметом — его культурно-специфические характеристики в языковом сознании русских и немцев.

Цель исследования заключается в сопоставительной характеристике концепта «старость» в русской и немецкой лингвокультурах. Указанная цель предполагает решение следующих основных задач: 1) охарактеризовать феномен старости с учетом достижений современных наук — философии, мифологии, социологии и психологии; 2) выявить корпус языковых единиц (лексических, фразеологических и паремиологических), в которых объективируется концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах; 3) определить понятийные, образные и ценностные признаки концепта «старость» в сопоставляемых лингвокультурах; 4) выявить национально-культурную специфику данного концепта в сопоставляемых языках; 5) провести социолингвисти-

ческую верификацию отношения русских и немцев к понятию «старость».

Социальные и психологические проблемы пожилых людей, а также отдельные аспекты старения человека являются предметом изучения многих отраслей естественных и общественных наук. Под старостью понимают «возрастной период в жизни организма, неизбежно наступающий за зрелостью и характеризующийся существенными обменными, структурными и функциональными изменениями в органах и системах, ограничивающими приспособительные возможности организма» (БСЭ). Определение понятия «старость» относится к числу дискуссионных проблем. Основная трудность заключается в том, что старение — процесс длительный, плавный, индивидуальный, и поэтому трудно четко отделить старость от среднего возраста. Принято различать несколько видов старости: хронологическую, физиологическую, психологическую и социальную. Представление о социальной старости связано, прежде всего, с возрастом всего общества в целом. Социальный возраст человека соотносится со средней продолжительностью жизни в определенной стране и определенном отрезке времени. Чем выше уровень старения населения в целом, тем дальше отодвигается индивидуальная граница старости.

Старость представляет собой не просто биологический, но сложный культурно- и социально обусловленный феномен, отношение к которому во многом зависит не столько от традиционно сложившихся стереотипов, сколько от уровня экономического и социального развития конкретного общества, а также нравственного здоровья этого общества, несущего ответственность за комфортное социальное, материальное, психологическое состояние людей преклонного возраста.

Понимание границ старости, форм ее протекания, оценки со стороны как самого стареющего человека, так и окружающих зависит от социума, этапа его культурно-исторического, экономического развития, политической конъюнктуры, социального климата, ценностных ориентиров и табу. Лишь в обществах с развитой социальной структурой старики символизируют непрерывность культурной трансмиссии, стабильность традиций и ценностей. Таким образом, старость как социальный феномен входит в систему социальных институтов. Институциональные признаки социальной старости находят вербальное отражение в культурно-

специфическом институциональном пространстве русского и немецкого сообществ.

Институциональные признаки старости актуализируются в названиях учреждений, созданных в целях социального и медицинского сопровождения пожилого населения. В России к ним относятся, в первую очередь, дома престарелых, дома-интернаты общего типа, пансионаты и дома ветеранов войны и труда, а также центры социального обслуживания, отделения дневного пребывания. Следует упомянуть также специальные жилые дома для одиноких пожилых граждан и супружеских пар с комплексом служб социально-бытового назначения, которые есть в России (правда, в небольшом количестве). В Германии это *Altersheime, Seniorenheime, Pflegeheime, Ambulante, Sozialstationen, Besuchsdienst, Vollstationäre, Pflegeeinrichtungen, Seniorenwohnanlagen, Seniorenzentren, Stationärer Mittagstisch, Tagesstätte*. Организацией досуга пожилых людей в России занимаются клубы пожилых людей, досуговые центры пожилых людей. Их аналогами в Германии являются *Seniorenzentren*. Институциональный статус и социальная роль пожилого человека облакаются в обозначения *пенсионер, Rentner, Pensionär*.

Образ старика встречается во всех формах общественного сознания — в идеологии, правовом сознании, морали, науке, искусстве, философии. В религии, литературе старик позиционируется как наставник, учитель, хранитель традиций, обычаев, опыта, бесценной житейской мудрости. Так, психоаналитик К.-Г. Юнг среди важнейших архетипов называл архетип духа «мудрый старик». Образ мудрого старца часто появляется во снах и встречается во многих волшебных сказках. Мудрый старец персонифицирует черты пожилых людей, самоконтроль, ответственность, систематичность, мудрость и консерватизм.

Чтобы понять и объяснить особый статус старых людей, а также предпосылки уважительного отношения к ним, мы обратились к такому понятию, как «мифологическое сознание» как к одной из первых моделирующих систем человеческого сознания. Миф помогает исследователю раскрыть и понять духовно-психическую жизнь древнего социума в то время, когда закладывались константы общеэтнического мировоззрения. В славянской и германо-скандинавской мифологии мы обнаружили персонажи с антропоморфными чертами и обликом старого человека. При

этом имеет место некоторая асимметрия. В славянской мифологии в образе старика представлены как высшие божества, так и персонажи низшей мифологии. Большое количество примеров хтонических существ, изображающихся в виде стариков (*Дед Всевед, водяной дедушка, дедушко-полёвушко, горный дед, Чур, домовый, Баба Яга, бабушка-запечельница, Дед Мороз* и др.), позволяет говорить нам о превалировании в системе мировоззрений славян культа предков, в основе которого лежал страх перед могущественной силой мира мертвых, проявляющийся в почитании и задабривании. В силу своего особого статуса старик был медиатором между миром мертвых и миром живых, и его облик мог служить образцом для персонификации могущественных существ потустороннего мира. Всем существам в облики стариков приписывались сила, власть и мудрость. За ними закреплялось право поощрять и карать. Им, как правило, подчинялись более «молодые» духи и божества. Подобная проекция была перенесена, вероятно, с отношений внутри рода и семьи, строившихся в соответствии с патриархальным укладом. Домашний очаг испокон веков имел важнейшее значение для славянских народов. Славянские предания, суеверия и сказки сохранили интереснейшую информацию о духах домашнего хозяйства. Символизируя предков, домовые, дворовики, овинники, банники покровительствовали семье, заботились о благосостоянии, наказывали за провинности — совсем как настоящие строгие, но справедливые деды. В образах духов-хранителей домашнего очага отражены две главные ценности русского народа — дом и семья.

В германо-скандинавской мифологии образ старика используется редко. Достаточно редкая апелляция к нему объясняется тем, как мы предполагаем, что в системе мировоззрений древних германцев культ предков постепенно перестал занимать главенствующую позицию и сменился более высокой формой поклонения героям и богам. Помыслы и стремления древних германцев были связаны с битвами, сражениями, войной. Так, Тацит, характеризуя древних германцев, обращал внимание на то, что «покой этому народу не по душе» и «гораздо труднее убедить их распахать поле и ждать целый год урожая, чем склонить сразиться с врагом и претерпеть раны; больше того, по их представлениям, потом добывать то, что может быть приобретено кровью, — леность и малодушие» (Тацит:

<http://www.apuzik.deutschesprache.ru/Tazit.html>). Примечательно, что даже среди низших мифологических существ покровителей дома и семьи образ старика встречается крайне редко (*Kobold, Winselmutter, Nix*).

Как в славянской, так и в германской мифологии верховные боги могут принимать образ старика, являясь людям, чтобы испытывать их нравственные качества, а потом, соответственно, наказывать или поощрять, чтобы напомнить об обязанностях почитать и бояться предков. В мифологическом сознании двух этносов закреплён базисный архетип первобытной культуры, включающий образ Старика-мудреца.

Для уточнения статуса старика в другой важнейшей форме общественного сознания — религии — мы обратились к текстам Священного Писания, а также к библейским словарям. Религиозное сознание имеет надэтнический характер, в нём нашли отражение «вечные истины», эталоны поведения для каждого человека, независимо от его этнической принадлежности. В христианстве старость рассматривается как состояние человека, полное метафизического значения, как последний отрезок жизненного пути, проникнутый духом мудрости и благословения, как духовный ориентир, свидетельствующий о реальности вечности. Для христианской традиции типично уважительное отношение к старости и старикам.

Изучение концепта как единицы языковой картины мира предполагает анализ способов и средств его языкового оформления. Для многоаспектного описания концепта целесообразен анализ его первичных форм закрепления в языковом сознании человека. Устанавливая этимон и сравнивая его с современной формой и значением слова, можно проследить становление концепта в диахронии лингвокультуры.

Слово *старость* (XI в.) представляет собой суффиксальный дериват от прилагательного «старый» (Этимологический словарь русского языка. URL: http://evartist.narod.ru/text_15/001.htm). Корень слова *старый* восходит к старославянскому «старъ». Это общеславянское слово индоевропейской природы. Лексема этимологически родственна литовскому *storas* — «толстый, объёмистый», древнеисландскому *storr* — «большой, сильный, важный, мужественный», древнеиндийскому *sthira* — «крепкий, сильный» (Фасмер). В этимологическом словаре Г.А. Крылова утвер-

ждается (в нашем исследовании мы придерживаемся этой точки зрения), что анализируемое слово восходит к той же основе, что и глагол «стать», и буквально означает «ставший». Лексема *старый* была образована от индоевропейского корня *ста-* со значением «стать, стоять». Изначально у слова *старый* отсутствовала сема «человек, достигший старости», которая есть в его современном значении. Этот факт можно объяснить тем, что в древности, видимо, существовало другое слово для обозначения старого человека (возможно, это была лексема *ded*), либо тем, что в те далекие времена существование старых людей как отдельной категории населения не было актуально для социума ввиду ее небольшого количества или неопределенности признака старости. В немецком языке наблюдается та же ситуация: лексема *alt*, номинирующая старого человека, также не содержит изначально признака человеческой старости.

Семантический признак «человек, достигший старых лет» мы обнаруживаем в значении слова *ветхий* (лит. *vetusas*, лтш. *vecs* «старый, престарелый, ветхий», лат. *vetus, vetustus*, греч. «год», др.-инд. *vatsas* «годовалый (о животном)», и.-е. **uetus-*, **uetuso-* «старый, престарелый» (Фасмер). По мере развития общества и языка произошла утрата первичной мотивации этого слова. В современном русском языке слово *ветхий* означает в первую очередь «разрушающийся или пришедший в негодность от времени, от употребления; обветшалый». Изначальная внутренняя форма прослеживается лишь в эпитете *ветхий старик*, но при этом его значение реализуется в появившихся вторичных дифференциальных семах «немогущий и слабый от старости», «дряхлый».

Заслуживает внимания этимология общеславянского слова *ded*. Оно восходит к детскому *de-de* и образовано подобно словам *тата, тятя, тетя*. Согласно этимологическим словарям, первоначально его главным значением было «старик». Мы предполагаем, что слово *ded* ранее употреблялось для обозначения вообще всех тех, кто много старше по возрасту других, необязательно отца матери или отца. В процессе эволюции языка произошла смена главного и инвариантного значений: «старик» - «отец матери или отец отца». Сегодня это слово многозначно: 1) «отец отца или матери», 2) «мужчина пожилого возраста, старик». Второе значение маркировано «шутл.» или «пренеб.». Функционируя в языке, это слово расширило свою семантику: мн.ч. деды —

«прадеды, предки вообще» (*Как жили деды наши, так и нам жить велели*); «состояние деда, бытность чьим-либо дедом» (*Дожил до дедовства*); «старослужащий» (воен. жарг.) (*Деды как с цепи сорвались*) (Даль).

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в случае со словом *бабка*. Оно пришло в общеупотребительный язык из детского. Это слово образовалось путем удвоения изначального *ба* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса и со временем стало восприниматься как самостоятельное слово, обозначающее родство. Слово-этимон *баба* с общим значением «старая женщина, старуха» родственно лит. *boba*, лтш. *Baba*, ср.-в.-н. *babe, bobe* «старуха» (Фасмер). В современном языке данное слово обладает расширенным арсеналом вариантных значений: «мать отца или матери», «повитуха», «знахарка». Кроме того, оно функционирует как пренебрежительное обращение к старой женщине. Во всех случаях инвариантным значением является значение «старая женщина».

Номинант концепта «Greisenalter» представляет собой сложносоставное слово с мотивирующим компонентом *Greis* и определяемым компонентом *Alter*. Возникновение слова *alt* (лат. *vetus*, гот. *aloeis*, аhd. *alt*, алтс. *ald*), являющегося в современном немецком языке именем прилагательным, датируется VIII в. Оно произошло от индогерманского корня *al-* — «wachsen, aufziehen, pдhgen» (расти, поднимать, подтягивать, тянуть вверх, питать). В исходной форме слово *alt* классифицировалось как причастие II со значением «aufgewachsen» (выросший, достигший определенного количества лет). Предположительно слово *alt* первоначально употреблялось только по отношению к человеку и, как правило, с указанием количества прожитых им лет, напр., *ein Jahr und drei Wochen alt*. Слову *alt* этимологически родственно слово *Eltern* (mhd. *altern*, аhd. *eldirōn*), которое первоначально представляло собой сравнительную степень прилагательного *alt*, т.е. «более старший по возрасту». Постепенно происходило расширение семантической структуры слова *alt*: к архисеме «выросший» добавились дополнительные семы. Анализ этимологии этого древнего слова обнаруживает изменения в его семантической структуре при сохранении звуковой формы. В народном сознании оказался забытым мотивационный признак «выросший», который лежал в основе словокорня.

Имя прилагательное *greise* (асдchs., mnd., mhd. *gros*) имеет своим этимологом значение «grau» (серый). Оно обладает высокой степенью этимологической прозрачности. Его значение восходит к средневерхненемецкому *gros* (индоевропейский корень «gherē» — «strahlen», от которого образовано и прилагательное «grau») (Grimm). Изначально слово *greise* (изменение звуковой формы произошло в результате процесса дифтонгизации) употреблялось в нижненемецком, и в его значении находила отражение категориально-лексическая сема «grau» (серый цвет). В своем развитии это слово в верхненемецком языке стало употребляться для обозначения признака «alt» (старый). Изменение значения можно объяснить метонимическим переносом — серые (седые) волосы старика - старь. Анализ этимологов номинанта концепта «Greisenalter» позволил раскрыть его внутреннюю форму (мотивирующее значение) — «старческий возраст».

Старый человек в немецком языке обозначается производным субстантивным прилагательным *der (die) Alte*, этимологически вторичным по отношению к прилагательному *alt*. Имя существительное *der Greis* (*alter Mann*) является, соответственно, производным от прилагательного *greis*.

Выявление понятийных признаков концепта «старость» предполагает обращение к анализу словарных дефиниций русских и немецких ключевых лексем, их репрезентирующих. Изучение данных, заключенных в лексикографических описаниях соответствующих слов, позволяет установить ядерную часть описываемого концепта, его наиболее релевантные признаки. Рассмотрение дефиниций русских и немецких номинантов анализируемого концепта позволяет выявить в их значениях следующие основные семантические признаки: 1) «возраст», 2) «период жизни, наступающий после зрелости», 3) «ослабление деятельности организма».

Старость является результатом процесса старения, т.е. стареть означает *становиться старым или старше*. Стареть означает *состариться, устареть, достигнуть глубокой старости, самых преклонных лет, одряхлеть годами, стариться, дряхлеть, ветшать, изнашиваться* (разг.); *стареться* (уст. и прост.) / о жен.: *отцветать, увядать*. Достигнув старческого возраста, человек становится *старым, стареньким, пожилым, староватым, старуховатым, старообразным*. Синонимическую парадигму с до-

минантой «старый» образуют прилагательные *престарелый, дряхлый, древний, пожилой, седой, поседелый*. Обращаясь к методу дефиниционного анализа лексемы *старый*, мы обнаружили, что главной в ее значении является сема «не молодой, не новый». Данная сема выступает в качестве интегрирующей, свойственной всем единицам этого семантического микрополя. К видовым (дифференциальным) семам относятся «давность, длительность существования», «слабость, немощность», «угасание», «разрушение», «изношенность», «устойчивость». Все эти семантические компоненты проявляются в лексикографических словарях в различных значениях многозначной лексемы «старый».

В концепте «старость» выделяется базисный когнитивный сегмент — «старый человек». Ядро данного сегмента составляют номинации с обязательными семами «лицо», «в старческом возрасте», «биологический пол». Сема «в старческом возрасте» является дифференцирующей по отношению к номинациям других возрастных групп. Основными средствами репрезентации сегмента «старый человек» служат лексемы, являющиеся синонимами с прямым номинативным значением «человек в старческом возрасте» и состоящие в отношении гипер-гипонимии со словом *человек* (всего 37 единиц): *старик, старушка, дед, бабка* и др.

В немецком языке старость также отличается большой номинативной плотностью, что свидетельствует о ее социокультурной значимости для общества. Словарь *Duden* дефинирует старость (*Alter / Greisenalter*) как «*hühere Anzahl von Lebensjahren, Bejahrt-heit; letzter Lebensabschnitt; Altersstufe des alten, betagten Menschen*» (Duden 1997). Старость определяется также как *fortgeschrittenes Alter, vorgerücktes Alter, Herbst des Lebens, Lebensherbst, Langlebigkeit, der zweite Frühling, Greisenum, Abend des Lebens, Ruhestand, Lebensabend, das alte Semester, Lebensausklang, die alten Tage, Betagtheit, Lebensneige*. Большинство этих номинаций в своей семантической структуре содержат образный компонент.

Старость наступает в результате старения: *alt werden* означает *zu [hohen] Jahren kommen, es zu Jahren bringen, ein langes Leben haben, altern*. Глагол *altern* имеет целый ряд синонимов, относящихся как к нейтральному, так и к сниженному регистру общения: *in die Jahre kommen, Moos ansetzen* (usg.), *ergrauen, grau werden, vergreisen, zu [hohen] Jahren kommen* и др. Старческий воз-

раст характеризуется ослаблением физических сил и здоровья — *aus den besten Jahren heraus sein, verkalken*. Достигнуть старости — значит быть в старческом возрасте: *im vorgerückten Alter sein, schon viele Jahre auf dem Rücken / Buckel haben* (usg.) и др.

К средствам апелляции к концепту «Alter» относятся прилагательное *alt* и его синонимы с различной стилистической окраской: *älter, bejährt, betagt, hochbetagt, bestanden, uralt, steinalt, senil, verkalkt* (abwertend), *verknöchert* (abwertend), *greise, öltlich, nicht jung, hilflos* (Duden 1998). В современном немецком языке наиболее употребительными номинациями старого человека являются прилагательные *alt* и *greise*. Лексема *greise* содержит помимо семы «старый» семы «дряхлый» и «седой» и употребляется в стилистически повышенном регистре общения.

В немецких словарях зафиксированы номинации определенных социальных учреждений, программ, законов, касающихся старых людей. Подавляющее большинство таких лексем представляют собой сложносоставные существительные с компонентами «Alter» и «Alte»: *Altenpflege, Altenpfleger, Altenheim, Altenasyl, Altenhilfe, Altengaststötte, Altersrente, Altersruhegeld, Altersgeld, Altersfürsorge, Altersheilkunde, Altersforschung, Alterskunde, Alterssicherung, Altersversorgung, Altersversicherung, Altersheim, Alterswohnheim*. Большое количество таких лексических единиц в немецком языке в отличие от русского указывает на особый социальный статус старых людей в современной Германии.

Старый человек обозначается в немецком языке лексемами *der/die Alte, der Greis, die Greisin*. Они имеют прямое номинативное значение «старый человек», т.е. обладают обязательными семантическими признаками «лицо» и «старый». Сема «старый» является идентифицирующей для всех наименований старого человека и дифференцирующей по отношению к номинациям других возрастных групп. Среди лексических обозначений старого человека в немецком языке встречаются вторичные номинации с различной стилистической характеристикой (17 единиц): напр., *Graubart, Graukopf, Antike, Uhu, Ruine, Barockteenager* и др.

В целом мы можем констатировать, что понятийный компонент описываемого концепта в двух лингвокультурах совпадает. Он сводится к следующей комбинации признаков: «возраст»,

«период жизни, наступающий после зрелости», «ослабление деятельности организма».

Выявить образный компонент концепта «старость» позволяет прежде всего анализ вторичных номинаций — перифраз, ряда фразеологизмов, фигур экспрессивной деривации (метафоры, метонимии) и сравнений. Кроме того, в поле нашего зрения были и эпитеты, характеризующие старость. Интерпретация русских эпитетов по семантическому параметру позволила выявить их следующие группы: а) эпитеты, дающие физиологическую, психологическую и поведенческую характеристику старости (*больная, трясучая, придирчивая, болтливая, ревнивая, печальная, мрачная, слезливая, честная*); б) эпитеты, характеризующие старость по внешним признакам, т.е. актуализирующие портретную характеристику (*плюгавая, опрятная, прекрасная*); в) эпитеты, отражающие ощущения, восприятие старости (*беспечальная, жалкая, глубокая, бесчеловечная, свежая, холодная*); г) эпитеты с темпоральным признаком (*запоздалая, поздняя, преждевременная, ранняя*); д) цветные эпитеты (*серая, светлая, бесцветная*). Большинство русских эпитетов характеризует старость как негативное явление (*безотрадная, мрачная, беспощадная, одинокая, неприкаянная*). Лишь 15 эпитетов содержат положительную оценку этого этапа жизни человека (напр., *беспечальная, почетная, прекрасная, светлая*).

Немецкие словари фиксируют сравнительно небольшое количество эпитетов, характеризующих старость (15 единиц). К группе эпитетов, отражающих восприятие старости, относятся *ein geruhsames, sorgenfreies, schünes, gesegnetes, ehrwürdiges Alter*. Поведенческая и физиологическая характеристика эксплицируется в эпитетах *ein rüstiges, geschwätziges Greisenalter*. Параметрический и темпоральный признаки реализуются в таких словосочетаниях, как *ein hohes Alter* и *das fortgeschrittene, vorgeŕckte Alter*. Интересно отметить, что в немецких словарях нами были обнаружены лишь 2 эпитета с отрицательной оценкой. Малое количество эпитетов с отрицательной оценкой в немецком языке позволяет сделать вывод, что завершающий этап жизни в немецком социуме не позиционируется как нечто неприятное, страшное.

Старость обозначается часто таким описательным приемом, как перифраза. Среди перифраз мы встречаем поэтические (*осень*

жизни, дар Божий, последняя глава человеческой жизни), актуализирующие третий возраст человека как завершающий этап жизни, оценочные (по терминологии В.П. Москвина) — *социальная смерть, неудобный возраст*, выражающие негативное отношение к старости.

В немецкой лингвокультуре к общепринятым относятся следующие перифразы: *Herbst des Lebens, Lebensherbst, Abend des Lebens, Lebensabend, Lebensneige, das alte Semester, die alten Tage, die graen Tage, Ruhestand*.

В сознании носителей русского и немецкого языков старость может иметь антропоморфные характеристики, она образно сравнивается с живым человеком. Старость может наступать, незаметно подкрадываться, приближаться к человеку, опаздывать, надвигаться. Исследование образного компонента концепта не мыслится без анализа фразеологических единиц.

Фразео-тематические поля концепта «старость» в русской и немецкой лингвокультурах насчитывают 136 единиц (30 в русской и 106 в немецкой), распределяющихся по следующим тематическим группам:

1) обозначения завершающего этапа человеческой жизни:

— темпоральный и пространственный признаки (*на склоне лет, на закате лет, годы ушли (уходят), аредовы веки жить, мафусаилов век жить; aus den besten Jahren heraus sein, in die Jahre kommen, an Jahren an Alter zunehmen; глубокая старость, das hohe Alter* и др.);

— близость смерти (*стоять одной ногой в могиле, mit einem Fuss im Grabe stehen*);

— соматическое проявление старости (*песок сынется, Moos ansetzen*);

— социальный признак (*на покой уйти, ins alte Register kommen*);

2) номинации старых людей:

— черты характера (*старая карга, мышинный жеребчик, alter Brummbdr, alte Hippe*);

— внешние маркеры старости (*старый пень, alte Hutzel*);

— социальный статус (*старая галоша / калоша, altes Register*).

Сравнение русских и немецких фразеологизмов обнаруживает во многом совпадающие характеристики старости и старого человека в двух лингвокультурах: подчеркивается временной при-

знак старости, дряхлость человека, его плохое соматическое состояние. В обеих лингвокультурах встречается ряд пейоративных обозначений старого человека, отражающих в своей семантике отрицательные черты характера и неодобряемые обществом паттерны поведения старых людей. В обоих социумах осуждаются такие черты характера старых людей, как болтливость, ворчливость, склочность (напр., *старая карга*, *alte Hippe*, *alter Knaster*), а также их стремление и желание вести себя подобно молодым (напр., *мышинный жеребчик*, *alter Sockel*).

В создании вторичных номинаций старого человека участвуют такие механизмы переосмысления, как метафора и метонимия. Сегмент «старый человек» в концепте «старость» в русской лингвокультуре вербализуется посредством зооморфной (напр., *мышинный жеребчик*), фитоморфной (напр., *божий одуванчик*) и артефактной (напр., *старая перечница*) метафор. В немецкой лингвокультуре этот сегмент распределен большим числом метафорических обозначений старого человека. В зависимости от вспомогательного субъекта сравнения можно выделить зооморфную (напр., *alter Bock*), фитоморфную (напр., *alter Knast*), физиологическую (напр., *altes Ekel*), музыкальную (напр., *alte Geige*), артефактную (напр., *alter Stiefel*) и гастрономическую (напр., *alte Zwetsche*) метафоры. Немецкоязычный материал позволяет констатировать достаточно большое количество метонимических наименований описываемого сегмента (напр., *Tatterich*, *alte Schrumpel*).

Исследуя языковую реализацию образного компонента описываемого концепта в русской и немецкой лингвокультурах, мы обнаружили ряд устойчивых, общеупотребительных сравнений, где старые люди выступают объектом сравнения (*седой как лунь*, *alt wie Methusalem* и др.). При этом, как правило, в русской лингвокультуре старик — это средство, а не объект сравнения (*он шаркает, ковыляет, кряхтит, ворчит, как старик*).

Интерпретация русского и немецкого пословично-поговорочных фондов показала, что в обоих языках есть корпус единиц, в которых объективируются ценностные установки, связанные со старыми людьми и старостью в целом. Паремнологические единицы основываются на образном переосмыслении разнообразных жизненных ситуаций. Они вариативно отражают специфику оценочных предпочтений, норм и стереотипов пове-

дения в отношении к старости и достаточно детально характеризуют данный феномен с разных сторон. Некоторые из них свойственны обоим социумам, а некоторые являются этнокультурно маркированными. Так, например, к совпадающим семантическим группам, которые, судя по количественным показателям, являются базисными, относятся пословицы, констатирующие внешние проявления старости и психосоматические изменения в данном возрасте (*Годы — что горе: борозды прокладывают. Die Runzeln zeigen das Alter. На старого и немощи валятся. Zehn alte Weiber, elf Krankheiten. Лето к осени дождливей, а люди к старости болтливей. Was alt ist, brummt gern*), а также пословицы, подчеркивающие значимость трудового и духовного опыта пожилых людей (*За старой головой как за каменной стеной. Wer guten Rat will, frage die Alten*). Кроме того, общими для обеих лингвокультур являются поговорки, представляющие собой дидактические установки и назидания младшим поколениям в плане отношения к старым людям (*Корми деда на печи: сам будешь там. Wer das Alter nicht ehrt, ist des Alters nicht wert*).

Этнокультурная специфика описываемого концепта проявляется в том, что в русском пословично-поговорочном фонде есть ряд пословиц, обозначающих отношение людей преклонного возраста к смерти. Смерть не является табуизированной темой в русской культуре (*Жить живи, да честь знай: чужого века не заедай* и др.). Культурологически значимыми для русских выступают изречения, где подчеркивается, что старые люди являются носителями традиции (напр.: *Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели*). Национально специфичной для немецкого народа можно рассматривать мысль о том, что совместное проживание старых и молодых людей негативно сказывается на последних (напр., *Junge Rebe muss verdorren, kommt sie neben alten Knorren*).

Для понимания русской и немецкой ценностной картины мира важно проанализировать отношение к старости и старикам, проявляющееся в афористических высказываниях. Русские и немецкие афоризмы, объективирующие концепт «старость» / «Greisenalter»:

— описывают общую ситуацию старческого возраста (*Старость — не столько одряхление тела, сколько утрата жизнен-*

ных интересов (И. Шевелев), *Das Leben wird gegen Abend, wie die Träume gegen Morgen, immer klarer* (Karl Julius Weber));

— критически выражают оценочное отношение к этому периоду возраста (*Старость не может быть счастьем. Старость может быть лишь покоем или бедой* (В.А. Сухомлинский), *Jung sein ist schön, alt sein ist bequem* (Marie von Ebner-Eschenbach));

— предлагают в качестве рекомендаций определенные модели поведения и в целом некий образ жизни старых людей, предупреждают о поступках, неодобряемых данным социумом (*Счастливы, кто в старости сохраняет все свои чувства* (Д.И. Фонвизин), *Wer in der Jugend zu oft über seine eigenen Grenzen geht, der zahlt im Alter dafür den Zoll!* (Erich Rue));

— сравнивают старость с другими возрастными периодами человека — детством, молодостью (*В юности лепечут о любви, в старости бормочут о болячках* (И. Шевелев), *Das Alter macht nicht kindisch, wie man spricht, / Es findet uns nur noch als wahre Kinder* (J.W. Goethe)).

В целом для немецкой лингвокультуры характерно преимущественно нейтральное отношение к старости, в то время как для русской — эмоционально-оценочное. Немецким афоризмам, а еще в большей степени русским свойственно ироничное отношение к старости — притворно-шутливое согласие с утратой прежних физических возможностей, с соматическим неблагополучием. Притворно-шутливое отношение к старости как к негативному феномену является своеобразным психологическим приемом, направленным на нивелирование страха перед старостью и связанными с нею потерями.

Проведенный нами анализ вербальных ассоциаций-реакций на слова-стимулы «старость» и «старый» позволяет констатировать, что ядро ассоциативного поля «старость» в русской языковой картине мира не полностью совпадает с ядром немецкого ассоциативного поля «Greisenalter». В современном русском социуме образ старости ассоциируется, прежде всего, с физической неполноценностью, жалким и одиноким существованием. Большое количество повторяющихся подобных ассоциаций указывает на стандартизированный концептуальный образ старости в русской лингвокультуре. Немецкое ассоциативное поле имеет более широкую и разнообразную периферию, и, в целом, в нем больше ассоциатов, отражающих положительный характер отношения

носителей немецкого языка к старческому возрасту, предопределяемого современной социально-экономической ситуацией в Германии. Для большинства немецких респондентов третий возраст связан, в первую очередь, с выходом на пенсию, т.е. со снижением социально-экономической деятельности, а также со временем отдыха и любимых занятий (слова-ассоциаты *die Brille, reisen* и др.).

Анализ ассоциативных реакций на слово-стимул «старый» показывает: несмотря на то, что в состав русского ассоциативного поля «старый» входят ассоциаты, коррелирующие со всеми ЛСВ многозначного слова «старый», самыми многочисленными стали реакции, активируемые в сознании носителей русского языка значением «человек, достигший старости». Таким образом, ядро русского и немецкого ассоциативных полей составляют реакции с концептуальными признаками «человек» и «возраст». Определенная асимметрия наблюдается в смысловом наполнении ядерной зоны ассоциативных полей. Так, немецкие респонденты чаще, чем русские, ассоциируют «старый» с пожилыми родственниками, а в русском ассоциативном поле преобладают экспрессивные вторичные номинации старого человека с отрицательной коннотацией, выраженные устойчивыми сочетаниями с общим компонентом «старый».

Как русские, так и немецкие информанты отметили внешние признаки старости, а также опыт и мудрость пожилых людей. Что касается оценочных (точнее — отрицательно-оценочных) реакций, то их больше в составе русского ассоциативного поля. Общая тональность русского ассоциативного поля — минорная. Заметим, однако, что эти реакции эксплицированы молодыми респондентами. Если же вести речь об оценке старости и старых людей, основываясь на всем языковом материале, то мы можем говорить об амбивалентно-оценочном отношении в российском социуме к этой возрастной категории.

Подведем основные итоги.

1. Концепт «старость» представляет собой конкретизацию концепта «человек» по параметру «возраст» с выделением основных этапов старости, объективацией типичных биологических знаков старческого возраста и типичных характеристик поведения пожилого человека.

2. Основное содержание концепта «старость» в русском и немецком сознании сводится к следующим признакам:

а) понятийную сторону этого концепта составляет комбинация признаков: «возраст», «период жизни, наступающий после зрелости», «ослабление деятельности организма»;

б) образную сторону данного концепта формируют устойчивые ассоциации старости прежде всего с такими явлениями, как 1) седина, 2) морщины, 3) клюка, 4) осень;

в) ценностную сторону этого концепта составляет амбивалентно-оценочное отношение русских и немцев к старости как к периоду жизни человека.

3. Основные отличия в репрезентации концепта «старость» в сопоставляемых лингвокультурах заключаются в следующем:

а) в русской лингвокультуре старость ассоциирована с соматической характеристикой человека (худоба, дряхлость, отсутствие зубов);

б) в немецкой лингвокультуре старость ассоциирована с выходом на пенсию, очками и путешествием;

в) русское сознание связывает старость с заботами, болезнями, смертью;

г) немецкое сознание в качестве важного ассоциативного признака выделяет социальную защищенность старости.

Литература

Блинова И.С. Этнокультурная специфика концепта «старость» (на материале русского и немецкого языков) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. : Филологические науки. — 2009. — № 5 (39). — С. 14—22.

Блинова И.С. Концепт «старость» в немецких и русских паремиях // Аксиологическая лингвистика: проблемы теории дискурса, лингвокультурологии и системно-структурной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград : Колледж, 2007. — С. 274—283.

Блинова И.С. Немецкий концепт «старый человек»: опыт лингвокультурологического анализа // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград : Колледж, 2007. — С. 162—168.

Блинова И.С. Лексикографическая объективация концепта «старость» в немецком языке // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики : материалы постоянно действующего семинара / под ред. В.Н. Мушаева [и др.] ; предисл. Г.М. Борликова. — Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2008. — Вып. 2. — С. 64—68.

Блинова И.С. Концепт «старость» в немецких афоризмах // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград: Колледж, 2008. — С. 43—50.

Блинова И.С. Лексикографическая объективация концепта «старость» в русском языке // Антропологическая лингвистика : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград : Колледж, 2008. — Вып. 10. — С. 82—88.

Блинова И.С. Этимология номинантов концепта «старость» в русском и немецком языках // Проблемы современной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Красавского. — Волгоград : Колледж, — 2009. — Вып. 2. — 2009. — С. 28—35.

Е.А. Ядрихинская (Воронеж) **ЧЕЛОВЕК**

Объектом изучения в данной работе выступает индивидуально-авторская картина мира А. Камю и, прежде всего, те ее аспекты, которые связаны с многосторонней объективацией базисного макроконцепта «*l'homme*». Предметом исследования являются содержание, структура и особенности функционирования лексических единиц, объективирующих макроконцепт «*l'homme*» в индивидуально-авторской картине мира А. Камю

Материалом послужили художественные произведения А. Камю: роман-хроника «*La Peste*» и повесть «*L'Étranger*» на языке оригинала, что составило около 450 страниц печатного текста. Исследовательский корпус представленной работы составил более 1200 образцов лексикализации концепта «*l'homme*» в индивидуально-авторской картине мира Камю, в том числе более 650 лексических единиц были привлечены в качестве аргументативно-экспериментального материала.

Структура макроконцепта «*l'homme*» в индивидуально-авторской картине мира А. Камю определяется основными параметрами французской экзистенциальной вербально-эстетической картины мира и центрообразующим местом человека в ней. В картине мира экзистенциализма человек познает сущность внешнего и внутреннего мира через экзистенцию (т.е. онтологическую самореализацию индивидуума / личности), обретаемую в процессе выбора.

На материале романов А. Камю «L'Étranger» («Посторонний») и «La Peste» («Чума») были представлены основные пути объективации, структуризации и вербализации концептосферы его философско-эстетических произведений в антропоцентрическом аспекте. В качестве базовой константно-динамической когнитивной (и вербальной) мегаединицы философско-экзистенциальной картины мира в произведениях А. Камю нами принят многосторонне вербализованный макроконцепт «l'homme», определяющий основы существования и сущности человека в индивидуальной картине мира писателя.

В анализируемых произведениях А. Камю уделяет всестороннее внимание человеку и особенностям его самореализации — во внутреннем и внешнем мире, в отношении к жизни и смерти, к проблемам свободы и выбора, глубоко значимых для философов и писателей (философов-писателей) этого направления, учитывая две возможных модели его поведения - активную («La Peste») и пассивную («L'Étranger»).

В соответствии с этим, определив центрообразующее место макроконцепта «l'homme» как интегрирующего и доминирующего лингвокогнитивного феномена экзистенциальной картины мира и творчества А. Камю, мы выделили структурирующие его микроконцепты, фреймы, слоты и скрипты, конституированные единством глобально-категориальных и идиостилистических архисем (Бабушкин 1996), вербализованных лингвоэстетической материей.

Как выяснилось в процессе исследования, макроконцепт «l'homme» объективирован и структурирован такими микроконцептами как: «человек трагический»; «человек мыслящий»; «человек абсолютно свободный»; «человек выбирающий / человек, отказывающийся от выбора»; «человек сущностный / человек, отказывающийся от своей сущности». Названные микроконцепты объективируются и вербализуются в следующих универсальных и одновременно индивидуально-креативных авторских фреймах: «жизнь / бытие»; «смерть / небытие»; «свобода»; «выбор».

Сами фреймы, согласно своей когнитивной семантике, структурируются соответствующими слотами и скриптами, вербализованными лексико-семантическими (идиоматическими, фразеологическими, паремиологическими) единицами, а также риторическими фигурами, микротекстами, выделенными в результате ана-

лиза и интерпретации экспликативных и имплицитивно-когнитивных структур произведений А. Камю, с учетом двух онтологически-характерологических модусов: «человек обыкновенный» (архетипический) и «человек экзистенциальный».

При этом необходимо отметить нелинейный характер самого мышления и сопутствующую ему амбивалентность порождаемых им и отраженных в языке границ между смежными явлениями, когда отдельные когнитивные феномены и их языковые формы могут пересекаться или в процессе реализации менять свой статус в когнитивной иерархии.

Фрейм «жизнь / бытие»

Фрейм «жизнь / бытие», входящий в состав микроконцепта «человек трагический», объективируется слотами:

- экстрамир

В экзистенциальной картине мира для человека обычного трагизм жизненного пути определяется невозможностью изменить обстоятельства жизни.

Константными признаками для человека экзистенциального являются чужеродность в окружающем мире и индивидуальный характер выбора, преимущественно в мыслительной, абстрактной сфере самореализации («l'abstraction» для которой тоже возможны безвыходные, тупиковые, в лучшем случае — пограничные ситуации.

- интрамир

Человек обычный, попадая в критическую ситуацию, замыкается в себе, прячется в толпе себе подобных, его чувства «приобретают абстрактное обличие» («prendre la figure abstraite»), обозначающее неспособность к действию.

Человек экзистенциальный в концепции А. Камю не приемлет мир, в котором он существует, он выступает против «формальной нравственности», принимаемой большинством, и потому он обречен на одиночество: «... j' avais d'être de trop, un peu comme un intrus» (A. Camus. L'Étranger).

- человек во времени

Для человека обычного не существует «будущего» («l'avenir»), он живёт только «мгновениями» («des instants»).

Человек экзистенциальный чувствует время во всей его протяженности.

- человек в пространстве

В пространстве природы, в онтологическом существовании, в непредсказуемом пространстве социальных и психологических катастроф человек обычный прячется от необходимости выбора, уходит в тайники своего сознания: «... sans avoir admis au fond d'eux-mêmes les événements surprenants...» (А. Camus. La Peste).

Для человека экзистенциального в пассивном модусе действия пространство сводится к миру «естественного» человека, выбравшего полное «отстранение» от общественного бытия, навязываемых им правил и законов.

Человек активный в философии и эстетике экзистенциализма и в романе «La Peste», существует одновременно и в объективном, и в субъективном пространстве, оказывая на них обратное воздействие.

Фрейд «жизнь / бытие» в микроконцепте «человек трагический» вербализуется в скриптах:

- жизнь как действие

Жизнь обычного человека - это постоянная борьба за существование, которая обесценивает чувства: «... comme s'ils n'avaient pas de sentiments individuels» (А. Camus. La Peste).

Жизнь человека экзистенциального подчинена трагическим законам бытия и собственному выбору или отказу от него: «J'avais vécu de telle façon, j 'aurais pu vivre de telle autre» (А. Camus. La Peste).

- жизнь как отказ от действия

Человек обычный отказывается от действий, поскольку ощущает принципиальную и необратимую несправедливость и бессмысленность своего существования: «Cette séparation <...> nous laissait décontenancés, incapables de réagir » (А. Camus. La Peste).

Экзистенциальный герой, даже отказываясь от действия, остаётся в состоянии сомнений и как бы незавершенного выбора: «Il errait alors de café en café <...> avec l'espoir d'y trouver quelques signes d'une fin prochaine de la maladie» (А. Camus. La Peste).

- жизнь как выбор

Трагическое мироощущение актуализируется тогда, когда человек обычный не знает, как справиться с проблемами бытия. Кто-то «мучается» («souffrir»), кто-то «терпит» («avoir une patience»), а кто-то, понимая всю серьёзность положения, «отказывается брать на себя ответственность» («se refuser à prendre des responsabilités»).

Экзистенциальные герои пытаются выбраться из тупика, «начинают все заново» («*recommencer*»), создают новые средства в борьбе с эпидемией (активный модус поведения).

- жизнь как отказ от выбора

Человек обычный «отказывается от выбора» («*retourner à l'atonie*»), если не чувствует себя в силах что-либо изменить в собственной и общей жизни.

Человеку экзистенциальному трудно даётся отказ от выбора: «*Rien au monde ne vaut qu'on se détourne de ce qu'on aime. Et pourtant je m'en détourne*» (A. Camus. *La Peste*).

Фрейм «жизнь / бытие» в составе микроконцепта «человек мыслящий» вербализуется в слотах: экстрамир в сознании, интрамир в сознании.

Также фрейм «жизнь / бытие» в микроконцепте «человек мыслящий» структурируется скриптами: жизнь как действие в сознании, жизнь как отказ от действия в сознании, жизнь как выбор в сознании, жизнь как отказ от выбора в сознании.

Фрейм «жизнь / бытие», входящий в состав микроконцепта «человек абсолютно свободный», реализуется в слотах:

- экстрамир

Все люди, согласно этике и эстетике экзистенциализма, абсолютно свободны, но большая их часть не знает, что делать с этой свободой: «*Ils se croyaient libre et personne ne sera jamais libre tant qu'il y aura des fléaux*» (A. Camus. *La Peste*).

Человек экзистенциальный осознает абсолют своей внутренней свободы, но осуществляет ее только в момент выбора: «... *cette grande colère t'avait purgé du mal, vide d'espoir ...*» (A. Camus. *L'Étranger*).

- интрамир

Человек обычный ощущает внутреннюю свободу, но проявляет ее непоследовательно и спонтанно: «*Les pauvres <...> pensaient <...> aux villes et aux campagnes voisines où la vie était libre*» (A. Camus. *La Peste*).

Главное в человеке, по экзистенциализму, его внутренний мир, отношение к жизни и обществу. Он должен отстаивать свое право быть свободным, чтобы быть независимым от мнения других, иметь «чистую совесть» («*une bonne conscience*»), но стоять на страже своих интересов, не теряя «ясности духа» («*la sérénité*»)

и обретая «внутренний мир» («la paix intérieure»), то есть себя как личность (Личность).

Фрейм «жизнь / бытие» в микроконцепте «человек абсолютно свободный» реализуется в следующих скриптах:

- человек во времени универсальном

Человек обычный склонен к гедонизму, и он пользуется каждой удобной минутой, чтобы почувствовать себя абсолютно свободным и счастливым во что бы то ни стало: «Il y fallait ces moments de distraction où ils formaient quelque projet qui impliquait que la peste eut cessé» (А. Камю. *La Peste*).

Человек экзистенциальный в пассивном модусе живет преимущественно «здесь и сейчас», стараясь не думать о трагическом прошлом и не менее трагическом будущем. Но он не может отрешиться от надежд на будущее: «... je n'avalais jamais pu regretter vraiment quelque chose. J'étais toujours pris parce que allait arriver, par aujourd'hui ou par demain» (А. Камю. *L'Étranger*).

- человек в пространстве реальном

Человек экзистенциальный, пребывая преимущественно в пограничной ситуации, может испытывать ощущение потерянности, неопределенности существования, до момента выбора или отказа от него: «j'étais un peu perdu entre le ciel bleu et blanc et la monotonie de ces couleurs» (А. Камю. *L'Étranger*).

В системе и структуре романа «*La Peste*» особое место занимает концептуальный хронотоп «Оран» как символизированное единство всех времен и пространств катастрофы в человеческой судьбе, в частности, оккупированной фашистами Франции. В романе «*La Peste*» город Оран как макрохронотоп объединяет в себе универсальные и актуальные, темпоральные и пространственные характеристики. В концептуально-эстетической системе романа они проявляют себя нераздельно, но экспериментально и теоретически могут быть дифференцированы на микрохронотопы: Оран и его отдельные топосы в концептуально-реальном (историческом), циклически-космическом и абстрактно-философском (ментальном) измерениях.

- Оран как хронотоп

Концептуально-реальное (историческое) время характеризуется вектором интеграции времен - в нем нераздельно слиты прошлое, настоящее и будущее, история и современность, время бытовое и бытийное.

Так, хроника чумы датирована сороковыми годами XX века: «... le sujet de cette chronique se sont produits en 194..» (А. Камю. *La Peste*), но включает в себя конкретно-исторические, индивидуально-личностные и вневременные признаки.

Концептуально-реальное (историческое) время включено в циклически-космический темпоральный ареал, обреченный на повторение сменяющихся циклов.

Абстрактно-философское время экзистенциализма и творчества Камю - это доминирующее внутреннее время героев, время духовного плана. Оно отражает отношение человека к событиям, происходящим в его жизни.

Оран - как концептуально-реальное (историческое) пространство.

Такие лексические единицы, репрезентирующие концепт-хронотоп «Оран», как *les quartiers, les faubourgs, les banlieues, le boulevard, la rue, la place, le jardin* - создают одновременно реальную и символическую картину города.

Лексические единицы *l'automobile, la locomotive, la voiture, les tramways* актуализируют наличие движения и транспортных средств в городе как знаков жизни. Данные лексемы сопровождаются целым набором производных лексико-семантических явлений: *la gare, le quai de la gare*.

Оран - как абстрактно-философское пространство.

В преимущественно мужской картине мира А. Камю, обозначающей неизбежность трагических испытаний и борьбы за существование, мы сталкиваемся, прежде всего, с лексемами, обозначающими профессии и род занятий: *un journaliste, un docteur, un employé*.

Но здесь необходимо отметить, что наименования профессий в этом романе носят многосторонне концептуальный характер, так как за ними стоят типы и характеры активных экзистенциальных героев, которые сделали свой выбор, обозначив (символизируя) действующие силы французского движения Сопротивления.

Оран - как циклически-космическое пространство.

На эксплицитном уровне роман «*La Peste*» представляет собой хронику одного бедствия в городе Оране, центре захолустной префектуры на «алжирском побережье» («*la côté algérienne*») Средиземного моря. На имплицитном - это универсальное, обще-

человеческое пространство всех исторических и социальных бедствий.

Оран - «уродливый» («laide»), «угрюмый» («tome»), «схваченный холодом» («gelé») город. Этот город «лишен зелени» («l'absence d'arbres») и имеет «неприглядный вид» («le plan absurde»).

Этот город-символ становится местом изгнания, тюрьмой для пленников «абсурдного мира» («l'absurde»). Это «огромный» («grand») «молчаливый» («silencieux») город, в котором поселился страх.

Таким образом, город у А. Камю предстаёт в единстве своих константных и динамических, темпоральных и пространственных измерений как живая непредсказуемая сущность, имеющая множество сторон и лиц, реализующих себя в космическом, социальном, историческом и индивидуальном времени.

- хронотоп «пограничная ситуация»:

Обычный человек, находясь в ситуации между жизнью и смертью, стремится отказаться от выбора и спастись любой ценой: «... les gens n'eurent pas le temps de songer à la façon dont on mourrait autour d'eux et dont ils mourraient un jour» (A. Camus. La Peste).

Для того чтобы понять смысл любой формы бытия, человек экзистенциальный (пассивный модус) должен освободиться от господствующих ценностей и адаптироваться к холодности и индифферентности окружающего мира: «... a la fin d'une vie elle (maman) avait pris un "fiancé"» (A. Camus. L'Étranger).

Оказавшись на одной ступени со смертью (смертями), активный герой Камю способен сохранить гордое внешнее бесстрашие или, испытав отчуждение от себя, может стать безразличным к собственному трагическому исходу и к суетным радостям обычных людей: «... il savait ce que cette foule en joie ignorait <...> que le bacille de la peste ne meurt ni ne disparaît jamais, <...> qu'il attend patiemment...» (A. Camus. La Peste).

Фрейм «жизнь / бытие» в составе микроконцепта «человек выбирающий / человек, отказывающийся от своего выбора» вербализуется в слотах:

- человек бунтующий

Человек обычный способен протестовать против насилия, но его бунт проявляется чаще на животно-физиологическом уровне,

на уровне бунта плоти: «... un homme bien portant dont le sang ... se mettrait tout d'un coup en revolution...» (А. Камю. La Peste).

Человек экзистенциальный в активном действии восстает против несовершенства мира, его трагических проявлений.

- человек, смирившийся с обстоятельствами

Человек обычный смиряется со своим существованием и выбирает отказ от свободы, храня ее зачатки глубоко в сердце («dans le coeиг»).

И все же на пороге смерти даже человек экзистенциальный не может смириться с конечностью бытия, хотя бы в последней надежде пытаюсь *мысленно вырваться на свободу*: «... je sentais en moi à la pensée de 20 ans de vie à venire. Mais je n'avais qu'à l'étouffer ... (А. Камю. L'Étranger).

Также фрейм «жизнь / бытие» в микроконцепте «человек выбирающий / человек, отказывающийся от своего выбора» объективируется в скриптах:

- причины выбора или отказа от него

Обычный человек при малейшей опасности перестает верить в себя, в возможность что-либо изменить во внешнем мире и даже в справедливость и осуществимость Божественного провидения: «... personne au monde ne croyait en un Dieu de cette sorte...» (А. Камю. La Peste).

Герой экзистенциального мира испытывает отчуждение не только от мира, но и от собственного существования или даже сущности: «C'était le tête soleil que <...> le front surtout me faisait mal et toutes ses voisins battaient ensemble sous le peau» (А. Камю. L'Étranger).

Причины, по которым человек совершает выбор, в романе «La Peste» обусловлены его профессиональной деятельностью. Так, профессия врача - представителя гуманистического рода деятельности - обязывает «разделять» («rejoindre») все тяготы жизни больного, именно так и поступает доктор Риё (alter ego писателя), современник французского Сопротивления.

Прямо противоположный - эгоистический и бесчеловечный выбор, хотя и спонтанно, делает герой повести «L'Étranger» — Мерсо, как «существо естественное», то есть не обремененное общественной моралью, бессмысленно жестокое. Убийство человека в его «естественной», освобожденной от всеобщих нравственных устоев системе - ничего не значащий акт: «... donne-moi

ton revolver. Si l'autre intervient, ou s'il tire son couteau, je le descendrai» (А. Камю. L'Étranger).

- последствия выбора или отказа от него

Одним из проявлений абсурдного мира становится смирение обычных людей перед убийственными для них обстоятельствами. Человеку свойственно ради покоя поступаться своей свободой, «закрывать глаза» («fermer les yeux») на тяготы «внешнего мира» («le monde extérieur»).

Человек же экзистенциальный постоянно находится в преддверии выбора («faire le choix») или платы за него. «Выбор между "и" и "но"» («choisir entre "mais" et "et"») и сделанный выбор (выбор как отказ от выбора) требуют от героев большой затраты жизненных сил.

Фрейд «жизнь / бытие», являясь составной частью микроконцепта «человек сущностный / человек, отказывающийся от своей сущности», объективируется в слотах:

- существование с обретенной сущностью

Когда в жизни человека экзистенциально (в актином модусе) происходят серьезные изменения, он не оставляет себе права смириться с ситуацией и начинает своё новое существование со стремления обрести собственную сущность: «J'ai pris le parti alors de parler et d'agir clairement, pour me mettre sur le bon chemin» (А. Камю. La Peste).

- существование без сущности

Существование без сущности подразумевает жизнь без обретения самого себя, что свойственно человеку обычному: «...avait vécu dans le déchirement et la contradiction, il n'avait jamais connu l'espérance» (А. Камю. La Peste).

Но и Мерсо, человек экзистенциальный, не нашёл своей сущности. Он отказался и от жизни, и от выбора. Мерсо уходит в свой внутренний мир, вспоминая ту жизнь, когда он жил, а не существовал: «Il n'y avait rien ni personne que je connusse mieux au monde» (А. Камю. L'Étranger).

Фрейд «жизнь / бытие» в микроконцепте «человек сущностный / человек, отказывающийся от своей сущности» репрезентируется также в скриптах:

- стремление к самореализации

Человек экзистенциальный стремится к обретению собственной личности, делая общезначимый, этапный выбор.

Человеку экзистенциальному в модусе активного самопроявления свойственно развиваться, работать для других и для себя и считать себя на «верном пути» («la bonne voie») но при этом не чувствовать себя счастливым, так как согласно принципам экзистенциализма, «победитель не получает ничего».

- стремление к суете, к уходу от реальности

Человек архетипический стремится к предельному отказу от сознательной жизни и выбора, к «аскетическому существованию» («la vie ascétique») и таким образом освобождается от серьезных забот и ответственности за других, скрывая себя неискренними масками.

Фрейд «смерть / небытие», входящий в состав микроконцепта «человек трагический», реализуется в слотах:

- смерть онтологическая («небытие»)

Человек в системе экзистенциализма - это временное, конечное существо, предназначенное к неизбежной смерти, и ему не уйти от осознания своей смертности: «... c'était toujours moi qui mourrais que ce soit maintenant ou dans 20 ans» (A. Camus. L'Étranger).

Активный экзистенциальный человек осознавая, что смерти не миновать, не опускает рук, а продолжает борьбу: «Je n'ai pas envie de mourir et je lutterai» (A. Camus. La Peste).

- смерть физическая

Смерть приходит тогда, когда ее не ждешь, и приносит с собой «зловоние» («une odeur épouventable»), «бессилие» («l'impuissance») и «страх» («la peur»).

Смерть для героя экзистенциализма - это трагическая неизбежность, и ее нужно научиться принимать стоически, как данность: «... le souci de sa propre mort peu plus ne lui était pas étranger» (A. Camus. La Peste).

Фрейд «смерть / небытие» в микроконцепте «человек трагический» объективируется в скриптах:

- бунт против смерти

Смерть неизбежна, но активные герои Камю не хотят сдаваться без боя: «Il importe seulement que vous l'empêchiez de tuer la moitié de la ville» (A. Camus. La Peste).

- принятие неизбежности смерти

Архетипический человек, испытавший весь ужас бедствия, готов принять неизбежность смерти: «... en période de fléau, il est

normal de souhaiter la fin des souffrances collectives» (A. Camus. La Peste).

Смирение со смертью как с неизбежностью ведёт экзистенциальных героев Камю, отказавшихся от выбора и от себя, к полному отчуждению от реального мира: «... vivre comme ip mort» (A. Camus. L'Étranger).

Они принимают смерть фаталистически, осознавая, что всем суждено уйти в забвение: «j'étais condamné à mort <...> nous étions tous condamnés à mort» (A. Camus. L'Étranger).

Фрейм «смерть / небытие» в составе микроконцепта «человек мыслящий» реализуется в слотах: представление о смерти, осознание неизбежности смерти, размышления о жизни после смерти. Также фрейм «смерть / небытие» в микроконцепте «человек мыслящий» объективируется в скриптах: бунт против смерти в сознании, принятие неизбежности смерти в сознании.

Фрейм «свобода» в составе микроконцепта «человек абсолютно свободный» вербализуется в слотах:

- обреченность на свободу

Обычный человек никогда не задумывается над смыслом и сущностью своего бытия, оставаясь погруженным в суету быта, даже перед лицом неизбежной смерти или катастрофы: «... tout était encore possibles. Ils continuaient de faire des affaires, ils préparaient des voyages...» (A. Camus. La Peste).

Герой в картине мира экзистенциализма не только свободен, но и обречен на свободу, и безграничность этой духовной свободы - одновременно и счастье, и своеобразное бремя: «...je ne vauх plus rien pour ce monde lui-tête <...> je me suis condamné à un exil définitif» (A. Camus. L'Étranger).

- свобода физическая

Свобода рядовых людей проявляется в безудержном стремлении к реализации простейших желаний: «... ils ont du goût aussi pour les joies simples, ils aiment les femmes, le cinéma et les bains de mer» (A. Camus. La Peste).

Человек экзистенциальный, живущий по своим собственным правилам, отчуждается от норм поведения, которые приняты в социуме. Он придерживается только собственных норм и правил поведения: «... le lendemain de la mort de sa mère, cet homme prenait des bains, commençait une liaison irrégulière, et allait rire devant un film comique» (A. Camus. L'Étranger).

- свобода духовная, экзистенциальная

Человек экзистенциальный, реализуя свою свободу и выбор, обретает себя как Личность, ответственную за судьбы других людей и за себя: «... retrouver leur bonheur et ôter à la peste cette part d'eux-mêmes qu'ils défendaient contre toute atteinte» (A. Camus. La Peste).

Фрейм «свобода» в микроконцепте «человек абсолютно свободный» вербализуется в скриптах:

- стремление к свободе

Стремление к свободе у человека обычного - это часто эгоистическое стремление к самосохранению. Так, многие герои романа «La Peste» хотят «вырваться» («échapper») из зачумленного города, чтобы «спасти душу» («la délivrance»).

- бегство от свободы

Человеку толпы свойственно отказываться от свободы из-за страха, усталости, безнадежности и безразличия, поэтому он впадает в состояние бесчувственности («retourner à l'atonie») и замыкается («s'enfermer») в своем маленьком мире.

Фрейм «выбор» в составе микроконцепта «человек абсолютно свободный» объективируется в слотах:

- стремление к личностной самореализации

Человек обычный пытается всеми средствами избежать испытаний и достичь хотя бы своего маленького счастья: «... dégrasser de la sourde appréhension» (A. Camus. La Peste).

В то же время экзистенциальный герой активного выбора реализует себя в сфере нравственной, гуманистической деятельности. Он идет на борьбу против зла, чтобы помочь тем, кто ему дорог: «Je voudrais retourner au camp <.. > je me sentirais moins séparé de mon garçon» (A. Camus. La Peste).

- равнодушие к своей судьбе

Чаще всего рядовой человек настолько разочаровывается в окружающем мире, что «отдает» себя в руки действительности и надеется лишь на то, что его оставят в покое: «... il leur avait parfois de n'espérer plus qu'en son sommeil... » (A. Camus. La Peste).

Предельное отчуждение экзистенциального человека в его пассивном самопроявлении от других людей и от себя выражено в тотальном равнодушии к любым проявлениям своих и чужих чувств: «cela m'était égal» (A. Camus. L'Étranger).

Таким образом, лингвокогнитивная и лингвоэстетическая объективация антропоцентрической системы творчества А. Камю осуществляется в сложной структуре макроконцепта «l'homme» с его основными когнитивно-структурными компонентами посредством различных лексических, фразеологических, микротекстуальных единиц.

Анализ лексико-семантического пространства концепта «l'homme» в индивидуально-авторской картине мира А. Камю проводился в различных направлениях.

При анализе лексического значения феномена «l'homme» как словарной дефиниции и особенностей лексикализации макроконцепта «l'homme» в вербально-эстетической картине мира А. Камю было установлено, что макроконцепт «l'homme» включает в себя как общесловарные значения (живое существо, обладающее профессиональными навыками и занимающее определенный социальный статус в обществе), так и обрастает множеством смыслов, свойственных индивидуально-авторской картине мира А. Камю (человеческая природа, согласно его философии, определяется временем и пространством, в которые помещены герои, в их основных измерениях, и царящей в ней атмосферой, жизнью которую ведет персонаж, а также смертью, к которой человек экзистенциальный приближается с самого рождения).

Семантический анализ вербальных репрезентантов общесловарной номинации «l'homme» показал, что лексические единицы, вербализующие исследуемую номинацию, можно объединить в квалификативно-квантитативную иерархическую структуру, включающую 12 характеристик: антропологически-биологический признак, социально-статусный и характерологический признаки, темпоральный, исторический, социальный, социально-профессиональный, тендерный признаки, признак родства, национальный, географический, теологический, интерперсональный признаки.

Сравнительный семантико-этимологический анализ лексемы «l'homme» во французской языковой картине мира и в ее индивидуально-авторском узусе показал, что в квалификативно-квантитативной иерархии лексических единиц и словосочетаний, вербализующих концепт «l'homme» в индивидуально-авторской картине мира Камю отсутствуют исторические, темпоральные и географические признаки; в квалификативно-квантитативной

иерархии общесловарной номинации лексемы «l'homme» антропологически-биологический признак (27%) является основным, тогда как в соответствии с иерархией макроконцепта «l'homme» в вербально-эстетической картине мира А. Камю наиболее статусным является социально-профессиональный признак (29%); феминно-гендерный признак в иерархии общесловарной номинации представлен менее значительно (9 номинаций), чем маскулинно-гендерный, тогда как в картине мира А. Камю феминный признак занимает очень незначительное место (4 номинации).

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «l'homme» в вербально-эстетической, философско-эстетической картине мира А. Камю является макрополем, структурированным несколькими микрополями, соответствующими структуре самого макроконцепта и производных от него микроконцептов: «человек трагический»; «человек мыслящий», «человек выбирающий / человек, отказывающийся от своего выбора», «человек сущностный / человек, отказывающийся от своей сущности».

В то же время макрополе «l'homme», лексикализирующее макроконцепт, может быть выделено в автономную структуру, вступающую в многочисленные и самые разнообразные взаимосвязи с микрополями микроконцептов, как и других лексических групп. Вступая в сложные процессы взаимовлияния, они обогащают и обогащаются лексико-семантическим составом друг друга.

Ядерными компонентами названного микрополя, формируемого из лексических единиц, эксплицирующих соответствующий макроконцепт в текстах А. Камю, являются узуальные синонимы и антонимы к имени поля, так как они составляют инвариантную часть исследуемого макроконцепта, известную всем носителям языка и отразившуюся в текстах писателя.

Область центра и периферии представляют окказиональные синонимы и антонимы, выражающие вариативное содержание макроконцепта, производное из индивидуально-авторской картины мира А. Камю. Они обусловлены индивидуальным замыслом писателя, особенностями его языка и стиля. В обычном употреблении эти слова не являются синонимами (не связаны близостью значения) и антонимами (вне контекста не выражают противоположных значений), их сближение происходит на основе общности ассоциативных связей.

При сравнении общесловарного и авторского лексико-семантических полей на основе центральной лексемы «l'homme» выявлено, что ЛСП «l'homme» общесловарной языковой сферы включает в себя в 2,5 раза больше лексических единиц, чем ЛСП «l'homme» индивидуально-авторской картины мира А. Камю; процентное соотношение составляющих ядра и периферии в двух ЛСП почти одинаково; ядро индивидуально-авторского ЛСП включает в себя компоненты как общесловарной языковой сферы, так и представлено окказиональными компонентами.

В результате анализа категориально-семантической лексикализации макроконцепта «l'homme» в индивидуально-авторской картине мира А. Камю, было установлено, что микроконцепт «человек выбирающий / человек, отказывающийся от выбора», представляет собой органическую часть структуры макроконцепта «l'homme» на универсальном, экзистенциально-специфическом, акциональном, аксиологическом, кондициональном и качественном уровнях и одновременно фокусирует в себе основные онтологические, социальные и психологические аспекты концептосферы в романе А. Камю.

Стиль письма А. Камю отличается намеренной нейтральностью и интенциональным эстетически-риторическим, акционально-экспрессивным аскетизмом. Произведения состоят из ограниченных микротекстов, каждый из которых инициирует новую микротему. Будучи связанной с предыдущими высказываниями, новая микротема объединяется с остальными только в смысловом целом, ибо и жизнь в истолковании Камю — лишь хаос отдельных мгновений, без прошлого и будущего. Кажущуюся заурядность и оголенную прямоу этого архетипически упрощенного стиля, Р. Барт обозначил как «нулевой градус (нулевая степень) письма» (Барт 1983).

Частеречный и лингвостилистический анализ идиостиля А. Камю, показал, что язык его произведений, действительно, по видимости прост, так как автор избегает сложных стилистических конструкций, изобразительных и оценочных риторических фигур.

Идиостиль А. Камю на лексико-семантическом уровне характеризуется преобладанием денотативных компонентов семантики, которые несут в себе закодированные коннотативные приращения смысла. Но за всеми значимыми словами скрываются аб-

страктно-обобщающие, символические значения, что подтверждает доминирующую денотативность стиля А. Камю.

Наличие преимущественно логических риторических фигур и концептуальных метафор приближает нас к выводу Р. Барта о «нулевой степени письма» А. Камю, о преобладающей денотативности семантического пространства его произведений-притч. Однако в результате исследования семантической структуры лексического состава произведений А. Камю мы отметили явление скрытой и полиструктурной коннотативности, что может внести некоторые коррективы в умозаключения выдающегося филолога.

В результате лингвокогнитивного анализа макроконцепта «l'homme» были выделены его следующие структурные параметры: 5 микроконцептов, содержание которых отражено в 4 фреймах, состоящих из 22 слотов и реализующих сему движения в 22 скриптах - с учетом двух онтологически-характерологических модусов: «человек обыкновенный» (архетипический) и «человек экзистенциальный».

Анализ вербально-эстетического материала показал, что макроконцепт «l'homme» и его когнитивно-структурные классификаторы вербализуются релевантными для его содержания и структуры лексемами, фразеологическими сочетаниями, свободными словосочетаниями, микротекстами.

Лингвокогнитивное исследование макроконцепта «l'homme» показало, что макроконцепт «l'homme» является базисным, системо- и структурообразующим феноменом индивидуально-авторской картины мира А. Камю. Он включает в себя общесловарные компоненты, а также обогащается окказионально-креативными лексемами и их семантическими приращениями, в результате чего макроконцепт «l'homme» получает дополнительные значения, обусловленные философско-эстетическими задачами и особенностями идиостиля А. Камю.

Литература

Ядрихинская Е. А. Проблема структурирования лексико-семантического поля на материале французского языка // Вопросы современной лингвистики. Международный сборник научных трудов. - Вып. 1. - Воронеж : Научная книга, 2005. - С. 106-109.

Ядрихинская Е. А. Интра- и экстраструктурные компоненты семантики слова // Проблемы языковой подготовки студентов : подходы и

перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Воронеж : ВГТА, 2006. - С. 159-162.

Ядрихинская Е. А. Лингвистическая теория концепта и преподавание русского языка как иностранного // Международное образование: Теоретические и прикладные аспекты: материалы Межвузовской научно-методической конференции. - Воронеж: ВГТА, 2006. - С. 50-54.

Ядрихинская Е. А. Теория эстетического концепта в обучении иностранных студентов чтению художественных текстов // Международное образование: Теоретические и прикладные аспекты: материалы Межвузовской научно-методической конференции. - Воронеж: ВГТА, 2006. - С. 54-56.

Ядрихинская Е. А. Теория общенациональных концептов в обучении иностранных студентов // Материалы XLIV отчётной научной конференции за 2005 год : в 3 ч. - Воронеж: ВГТА, 2006. - Ч. 3. -С. 225.

Ядрихинская Е. А. Лингвокогнитивное измерение сознательно-бессознательного коллективного выбора в романе А. Камю «La peste» // Актуальные проблемы германистики и романистики : сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. - Часть II. Язык в тексте. - Смоленск : СмолГУ, 2007. – Вып. XI. - С. 225-230.

Ядрихинская Е. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях // Материалы XLVII отчётной научной конференции за 2007 год: в 3 ч. - Воронеж: ВГТА, 2006. - Ч. 3. - С. 228-233.

Ядрихинская Е. А. Основные средства вербальной экспликации антропологических аспектов концепта «le choix» («выбор») в экзистенциалистской картине мира (на материале произведений А. Камю) // Вестник ВГАСУ. Серия : Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. - 2008. - № 1 (9). - С. 47-52.

Е.Н.Заречнева (Барнаул) **УЧИТЕЛЬ**

Предметом исследования выступают структура и содержание социокультурного концепта «*учитель*», объектом анализа являются языковые средства актуализации когнитивных признаков концепта.

Цель работы - на материале словарей, текстов СМИ и исследования обыденного сознания выявить когнитивные признаки, составляющие содержание концепта, репрезентированного словом «*учитель*» как фрагмента русской профессиональной когнитивной картины мира

Фактологическую базу исследования составили:

- дефиниции имени концепта в различных толковых, энциклопедических, этимологических словарях. Привлечены данные словарей синонимов, иностранных слов, словообразовательного словаря русского языка и Интернет-словаря (www.glossary.ru). Комплексный характер предпринятого исследования обусловил использование разнообразных словарей, в основе отбора которых лежит идея полноты концептуального описания;

- данные, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, который проводился в 2006 - 2009 гг. в группе информантов школ г. Барнаула, г. Бийска, г. Заринска, г. Новоалтайска, г. Камня-на-Оби, г. Славгорода и районов Алтайского края - учителей в возрасте от 22 до 70 лет (1012 человек, 1294 реакции на стимул «*учитель*»), учащихся 7-11 классов в возрасте от 12 до 18 лет (в эксперименте участвовало 982 школьника, получено 1205 реакций), родителей учащихся (853 человека, 1037 реакций). Проанализировано 3536 реакций;

- контекстные реализации концепта «*учитель*» в СМИ (высокотиражных газетах «Аргументы и факты», «Известия», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Учительская газета» и др. за 2000-2009 годы) и взятые из Интернета: поисковые системы Google (4 780 из домена www.gazeta.ru для «*учитель*») и Яндекс. Server на сайте «Национальный корпус русского языка» www.ruscorpora.ru (найдено и проанализировано 1314 документов, около 5 тысяч контекстов для исследуемого слова). Всего 9970 контекстов.

В диссертационной работе исследуется социокультурный концепт «*учитель*», являющийся фрагментом профессионально-педагогической ККМ как институциональной,

Профессия учителя является одной из древнейших. На протяжении веков функцию учителя поучать и наставлять осуществляли представители разного рода деятельности, и каждая историческая эпоха добавляла когнитивные признаки в понятийное содержание концепта «*учитель*»: первобытная - «*родственные связи*», античность - «*тот, кто учит, воспитывает*», средние века - «*служитель культа*» и др., что способствовало разностороннему содержательному наполнению концепта как фрагмента профессионально-педагогической ККМ, которая была связана с родственной (члены рода), религиозной (жрец, монах, священник),

педагогической (наставник) и социальной (чиновник, должность) сферами.

Исследование понятийного компонента концепта, вербализованного словом «*учитель*», помогло выявить шесть когнитивных сфер и 14 когнитивных декларативных признаков. Ведущей можно назвать педагогическую сферу с ядерными когнитивными признаками «*тот, кто преподает, учит*» и «*тот, кто воспитывает*», т.к. они представлены во всех рассматриваемых источниках. Дефиниции толковых и энциклопедических словарей констатируют разнообразные функции учителя («*тот, кто преподает, учит*»; «*тот, кто воспитывает*»; «*тот, кто работает*»; «*тот, кто мыслит*»), при этом в лингвистических словарях актуальна узкая профессиональная специфика - педагогическая деятельность («*тот, кто преподает, учит*»), а в энциклопедических - широкая профессиональная направленность («*тот, кто работает*»), также характерна для социокультурного концепта «*учитель*» социальная сфера с когнитивными признаками «*тот, кто проявляет общественную деятельность*» (общественный деятель, служащий, чиновник).

Семантика слова «*учитель*» не остается неизменной на протяжении своего бытования в языке, динамика свидетельствует о перемещении его смыслового центра: в этимологических словарях актуальна религиозная сфера с когнитивным признаком «*служитель культа*», а в толковых и энциклопедических - данный признак отсутствует.

Экскурс в историю позволил сделать вывод о том, что концепт «*учитель*» - это константа русской культуры, так как существует на протяжении многих веков.

Результаты ассоциативного эксперимента показывают, что в сознании информантов наиболее значимы понятийный и эмоционально-оценочный компоненты концепта «*учитель*» (Таблица 1).

Таблица 1.

Количественное соотношение компонентов концепта «*учитель*»

Компоненты концепта	Реакции (%) групп информантов		
	Учителя	Учащиеся	Родители
Понятие	44	33,4	48

Эмоции и оценка	41,1	32,2	39,7
Предметное содержание	5,3	24,1	8,1
Представление	9,1	9,5	4,1

Доля понятийного компонента достаточно велика: понятийные реакции сопоставимы с представленными в словарях значениями слова «учитель», и ассоциаты информантов отразили актуальность тех когнитивных признаков «*тот, кто преподает, учит*», «*объект обучения и воспитания*», «*место обучения*», «*тот, кто воспитывает*», «*тот, кто*», которые были выявлены в результате анализа словарных дефиниций (из 9 понятийных когнитивных признаков 6 было определено в процессе словарного этапа, а 3 признака {«*профессия*», «*средства обучения*», «*форма организации обучения*») было выявлено в качестве дополнительных). При этом для учителей наиболее важен признак «*объект обучения и воспитания*» (*учащиеся*), у учеников учитель чаще ассоциируется с «*местом обучения*» (*школа*), для родителей значим признак «*тот, кто воспитывает*» (*наставник*).

На актуальность исследуемого концепта указывает интенсивность реакций эмоционально-оценочного компонента. Для учителей важны статусные признаки (их положение в обществе), учащиеся и родители актуализируют личностные: учащиеся ставят на первое место когнитивный признак «*качества ума*», родители - «*качества характера*» учителя (*добрый, строгий, справедливый*). Различия обнаруживаются в содержательном наполнении концепта: эксперимент зафиксировал исчезновение когнитивного и религиозного смыслов «*глава учения*», «*служитель культа*» в сознании учащихся и родителей, а в сознании учителей он единичен (*Бог; гуру*).

«Предметное содержание» концепта принципиально не различается: для учащихся (24,1%) и родителей (8,1%) данный компонент более значим {*учит, дает знания, ставит оценки*}, чем для информантов-учителей (5,3%) {*помогает, учит*}.

Компонент концепта «представление» в основном содержит конкретные образы-примеры, одинаковую гендерную принадлежность {*женщина*, хотя исторически учитель - это мужчина}, но метафорическое наполнение различно (у учителей - *источник, лошадь, свет*, у учащихся - *дар, крик, путеводитель* и др.).

В реакциях информантов всех групп относительно невелика доля компонента «индивидуальные ассоциации» концепта «*учитель*»: когнитивные признаки в основном представляют хроно-топ (*утро, высоко*).

В сознании русского человека концепт «*учитель*» оказывается богат смыслами, превосходя лексикографические данные: в реакциях учителей обнаружилось культуроспецифические прецедентные высказывания (*учитель - только звучит гордо, тянуть ляжку*), у учащихся - жаргонные ассоциации, отражающие стереотипное юношеское отношение к действиям учителя (*достал, напрягающий, носящий*).

В ассоциациях выявляются конфликтные отношения в системе «ученик-учитель» (*демон, надзиратель, мучитель, тиран* и др.), реакции информантов отражают противоречивое восприятие учителя: прослеживается различная степень резкости и категоричности оценок (большая - в группе «*учащиеся*», меньшая - в группах «*учителя*», «*родители*»).

Проведенное ассоциативное исследование позволяет говорить об актуальности обучающей и воспитывающей функций учителя и показывает, что профессия учителя воспринимается как проявление его сущностных свойств, ценностных параметров его личности и статусных характеристик.

Также описана метафорическая модель концепта «*учитель*», вербализованного в текстах СМИ, через выявление когнитивных признаков сфер-источников, представляющих значимые характеристики концепта, и контекстуальная модель концепта «*учитель*» через выявление актуальных когнитивных признаков в процессе анализа употребления имени концепта в контекстах СМИ. Дискурсивный этап позволил уточнить актуальное содержание концепта на основе обращения к сознанию авторов текстов СМИ как сторонних наблюдателей профессионально-педагогической деятельности.

Метафорический анализ актуализировал компонент концепта «представление» (48,7%) с ядерными (социальная - 42,7% и антропоморфная - 29,3%) метафорическими конструкциями, в которых наиболее продуктивны контексты военной и физиологической сфер, сферы творчества. Среди доминантных метафорических смыслов, репрезентирующих образ современного учителя, можно выделить следующие: «*учитель - это человеческий орга-*

низм» (26,7%), «учитель - это воин» (21,3%), «учитель -это творец» (8%).

Источником метафоры чаще всего выступают человек и социум, несколько реже - природа и артефакты. Выявлены пять основных метафорических конструкций из сфер-источников - «Социум», «Человек», «Артефакты», «Философия», «Природа».

Необходимо отметить сохранение единичных позитивных образов, акцентирующих идею естественности, близости и взаимосвязанности учителя и природы (4%), природная фитоморфная метафора отражает фундаментальность (*земля, почва*) профессии учителя.

В текстах СМИ мы выделили два вида метафорического переноса, один представляет собой уподобление учителя предметам действительности, другой - приравнение его к одушевленным деятелям. Показателен и достаточно актуален когнитивный признак *«то, что учит»* (26,7 %) метафорического поля концепта *«учитель»*, представляющий основную функцию учителя в разных неодушевленных предметах: *война, время, жизнь, писание, почва, телевизор, улица, язык* и др.

Построение контекстуальной модели позволило установить следующее: в контекстах СМИ в основном представлен компонент «предметное содержание» (53%), так как учитель активно вовлечен в различные виды деятельности, поэтому концептуализируется как профессия (педагогические действия), как человек (личностные действия и свойства), как общественный деятель (социальная деятельность).

Признаки *«осуществляет коммуникативные действия»* (47,5%) и *«учит, преподает»* (21,2%) значимы для носителей языка, потому что специфика профессии учителя - это разносторонние коммуникативные контакты (*рассказывает, говорит, ругает, кричит, поясняет* и др.), имеющие обучающую цель.

Статусные характеристики (46,3%) учителя актуализируют эмоционально-оценочный компонент. Материальные и социальные проблемы в сфере образования отражены в контекстах (которые значительны - 79,4%), раскрывающих низкий социальный статус учителя: *«учитель думает только о хлебе насущном», «стимулировать труд учителя», «интерес к профессии учителя снизился», «бесквартирные учителя», «хуже учителя живут только бомжи»* и др. Информация о низкой зарплате учителя, о

том, что он *бедный труженик*, малообеспеченный, ведет нищенское существование, поэтому готов *выходить на забастовку*, значима для авторов; а контексты, представляющие авторитетность и профессиональную защищенность учителя единичны, хорошо оплачиваемую работу - отсутствуют, что становится базой для формирования профессионально-педагогической ККМ.

Анализ позволил зафиксировать концептуальные противоречия: обществу нужен авторитетный, добрый, умный учитель (образ идеального учителя в контекстах со словом «должен»: «*учитель должен любить детей*», «*учитель должен быть профессионалом*» и под.), но пресса в основном выставляет идеал нищего и голодного учителя, который ведет «*военные действия*»: ему приходится «*защищаться*», на него «*нападают*».

Труд учителя, его квалификация в целом оцениваются положительно, а признаки «*качества характера*», «*тактика поведения*», «*качества ума*» имеют разные оценки (*добрый, хороший - плохой; заботливый - мучитель; умный - глупый*).

Рефлексия результатов исследования сопровождается выделением ядерных и периферийных когнитивных признаков в построенных моделях концепта «*учитель*»: при этом психологически реальные ядерные признаки, выделенные на основе исследования сознания учителей, учащихся и их родителей, и подобные актуальные признаки (в рефлексивном конструкте они не отражены), выделенные в результате исследования сознания авторов текстов СМИ, составляют ядро профессионально-педагогической ККМ, а оставшиеся признаки - периферию.

Результаты исследования концепта «*учитель*» показали, что каждый этап КА способствовал расширению содержания концепта, актуализируя его определенные компоненты (словарный этап - понятийный компонент, ассоциативный - понятийный и эмоционально-оценочный, дискурсивный – «представление» и «предметное содержание»).

Рефлексивный конструкт концепта «учитель» имеет следующую структуру.

Понятийные декларативные признаки, сгруппированные по сферам деятельности:

1) антропоцентрическая (тот, кто), 2) когнитивная (тот, кто мыслит; глава учения), 3) религиозная (служитель культа), 4) социальная (тот, кто проявляет общественную дея-

тельность), 5) педагогическая (тот, кто преподает, учит, воспитывает; место обучения; объект обучения и воспитания; предмет обучения; тот, кто показывает), 6) профессиональная (тот, кто работает в области специальности; служебная обязанность);

Психологически реальные когнитивные признаки:

Компонент «понятие»

Ядерные признаки: место обучения; объект обучения и воспитания; тот, кто; тот, кто преподает, учит; тот, кто воспитывает; профессия; форма организации обучения.

Периферийные признаки: предмет обучения; средства обучения.

Компонент «эмоции и оценка»

Ядерные признаки: качества ума; качества характера; оценка труда, квалификация; статус (положение в обществе; деятель; родственные связи); тактика поведения.

Периферийные признаки: внешний вид; характеристика состояния; служитель культа.

Компонент «представление»

Ядерные признаки: перцептивный образ (индивидуальные образы-примеры; гендерная принадлежность; возраст); метафорически-метонимический образ (атрибуты; метафорические образы).

Периферийные признаки: перцептивный образ (внешность).

Компонент «предметное содержание»

Ядерные признаки: специальная деятельность (профессионально-педагогическая деятельность: обучает, воспитывает; процесс образования: обучение и воспитание); личностная деятельность (коммуникативная; проявление чувств и стремлений; физические действия).

Периферийные признаки: личностная деятельность (интеллектуальная).

Компонент «индивидуальные ассоциации»

Ядерные признаки: время, пространство.

Периферийные признаки: выражение чувств; приветствие; растительный мир; связь; существование.

Периферийные актуальные признаки концепта:

Компонент «представление»

Социальная метафора (субъекты и объекты военных действий, соревнований; тот, кто творит; метод); артефактная метафора (составные части; механизм; то, что связывает).

Хронотопный образ; физические особенности.

Компонент «предметное содержание»

Социальная метафора (военные действия; соревнование; актерская деятельность; экономические действия); антропоморфная метафора (жизнь и смерть); философская метафора (ориентация в пространстве).

Субъектная социальная деятельность; объект деятельности.

Компонент «эмоции и оценка»

Антропоморфная метафора (психическая болезнь); артефактная метафора (ресурсы); философская метафора (звание; праздник).

Сравнение когнитивных признаков построенных моделей позволило обнаружить изменения, которые произошли в содержательном наполнении концепта «*учитель*»: религиозная и когнитивная сферы являются неактуальными для современного носителя русского языка, также незначимы внешность, состояние учителя, его интеллектуальные действия, преподаваемый предмет и средства обучения.

Экспериментальное исследование концепта «*учитель*», закрепленного в культурно-языковой памяти русского народа, позволяет сделать выводы о том, что выделенные когнитивные признаки в содержании структурных компонентов отражают специфику профессионально-педагогической ККМ: понятийные («*место обучения*», «*объект обучения и воспитания*», «*тот, кто*»; «*тот, кто преподает, учит*», «*тот, кто воспитывает*», «*профессия*»; «*форма организации обучения*»), ценностные («*статус*», «*качества ума*», «*качества характера*», «*оценка труда, квалификация*», «*тактика поведения*»), образные (перцептивный образ («*образы-примеры*», «*гендерная принадлежность*», «*возраст*») и метафорически-метонимический образ («*атрибуты*», «*метафорические образы*») и деятельностные (педагогические, социальные, личностные действия) составляющие.

Таким образом, социокультурный концепт «*учитель*» представляет собой сложное ментально-языковое образование, содержащее информацию о профессиональном деятеле.

Понятийный компонент концепта «*учитель*» наиболее полно проявляется на словарном этапе КА, его когнитивные признаки («место обучения»; «объект обучения и воспитания»; «тот, кто»; «тот, кто преподает, учит»; «тот, кто воспитывает»; «профессия»; «форма организации обучения») составляют ядро русской профессионально-педагогической ККМ.

Когнитивные признаки эмоционально-оценочного компонента концепта «*учитель*»: «статус», «качества характера», «качества ума», «оценка труда, квалификация», «тактика поведения», - наиболее разнообразно актуализируются в процессе ассоциативного этапа КА и представляют собой ценностные ориентиры профессии учителя.

Образные характеристики личности учителя находят выражение прежде всего в когнитивных признаках компонента концепта «представление», выявленных в процессе дискурсивного и ассоциативного этапов КА: в перцептивном плане - «индивидуальные образы-примеры», «гендерная принадлежность», «возраст», «родственные связи»; в метафорически-метонимическом плане - «атрибуты», а также сравнение с одушевленными (воин, актер, лошадь) и неодушевленными предметами (метод, природа, телевизор, улица, язык и др.).

Неметафорические контексты СМИ дискурсивного этапа КА представляют учителя как профессионального деятеля и придают большую значимость компоненту концепта «предметное содержание», что объясняется вовлеченностью учителя в разные виды деятельности: педагогическую, социальную и личностную, при этом ядерным когнитивным признаком социокультурного концепта «*учитель*» и педагогической ККМ является признак «осуществляет коммуникативную деятельность».

Литература

Заречнева Е.Н. Концептуальный анализ в лингвистической концептологии // Вестник МГЛУ. Вып. 541. Ч. 2 Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия Лингвистика. М.: МГЛУ, 2007. С. 61-66.

Заречнева Е.Н. Экспериментальное исследование концепта «*учитель*»: лингвокультурный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3 (10). С. 52-56.

Заречнева Е.Н. Эмоционально-оценочный компонент концепта «учитель» (на материале исследования обыденного сознания учащихся) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 162 - 168.

Заречнева Е.Н. Образ современного учителя по материалам СМИ: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Проблемы гуманизации образования (памяти Я. Корчака): Материалы краевой научно-практической конференции, г. Барнаул, 19-20 апреля 2005 г. - Барнаул: АК ИПКРО. 2005. С. 43 - 45.

Заречнева Е.Н. Концепт «учитель»: система ценностей современной молодежи // Духовно-нравственное воспитание и развитие личности детей и учащейся молодежи в системе образования. Теория и практика: Материалы Краевой научно-практической конференции. - Барнаул, 2006. С. 107 - 111.

Заречнева Е.Н. Региональный аспект в когнитивном исследовании концепта «учитель» // Региональный компонент в школьном образовании: Материалы краевой научно-практической конференции. 22-23 марта 2006, г. Барнаул. - Барнаул: АК ИПКРО, 2006. С. 141 - 145.

Заречнева Е.Н. Концептуальный анализ как метод когнитивного исследования языковых структур // Очерки гуманитарных исследований. Выпуск 4. - Барнаул: типография Мастер-Принт, 2006. - С. 61 - 73.

Заречнева Е.Н. Методологическое осмысление концептуального анализа // Очерки гуманитарных исследований. Выпуск 5. - Барнаул: Мастер-Принт, 2007. С. 15-28.

С.И. Агаюлова (Астрахань)

ИНТЕРНЕТ

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований. Объектом изучения выступает концепт «Интернет», предметом исследования являются его специфика в обиходном и профессиональном языковом сознании.

Цель исследования состоит в характеристике концепта «Интернет» в обиходном и профессиональном языковом сознании. Для достижения данной цели выдвинуты следующие задачи: 1) установить понятийные, образные и ценностные характеристики концепта «Интернет», 2) выявить специфику осмысления и обозначения этого концепта в обиходном языковом сознании, 3) раскрыть особенности осмысления и обозначения данного концепта в профессиональном языковом сознании.

Материалом для работы послужили данные сплошной выборки из толковых и энциклопедических словарей русского и английского языков, сборников афоризмов, материалы печатных изданий, тексты из Интернет-ресурсов, анкеты и интервью представителей русской и американской лингвокультур. Единицей исследования является текстовый фрагмент, в котором реализуется концепт «Интернет». Всего исследовано около 3000 текстовых фрагментов, представляющих концепт «Интернет» в русском и английском языках. Было опрошено 400 российских и американских информантов.

Понятийные характеристики концепта «Интернет» в русской и американской лингвокультурах могут быть представлены в виде базового фрейма: 1) Система, которая выражается через понятие «система», «сеть»; а) средство доступа, выражается через понятие «компьютер»; б) характеристики, которыми обладает сеть Интернет, делятся на несколько групп: по параметру распространенности (глобальная, мировая); по параметру доступа к информации (общедоступная, открытая); по техническим параметрам (цифровая, компьютерная); в) функции, которые выражаются через понятия «коммуникация», «получение и обмен информацией»; 2) сфера «взаимодействие человек – Интернет»: а) процесс взаимодействия, выражающийся понятием «пользоваться»; б) форма взаимодействия выражается понятием «соединение»; в) цель взаимодействия – поиск информации, развлечений, институциональное и межличностное общение; г) участники взаимодействия – пользователи, которые осуществляют доступ в Интернет посредством компьютера; д) результат взаимодействия можно выразить как «информация»/ «общение».

Фреймы исследуемого концепта, выстроенные на основе словарных дефиниций ключевых слов, объективирующих его в английском и русском языках, частично совпадают в вершинных узлах. Вершинный узел, представляющий характеристики сети Интернет, не совпадает в английском и русском языках. В английском фрейме представлен компонент «digital». В русской модели добавляются компоненты «информационная», «коммуникационная». Выявляется несовпадение английского и русского фреймов в вершинном узле «функции сети». В английском варианте функция «получение и обмен информацией» выражается через «provide and exchange information», а в русском актуализируется как «доступ и обмен информацией». В английской модели акцентируется факт предоставления информации, а в русской – ее использование.

Вершинный узел фрейма «Интернет» «взаимодействие человек – Интернет» представлен участниками взаимодействия (англ.: *user, net user, lay user, net potato, newbie, net surfer, silver surfer, computernik, programmer, hacker, black-hat hackers, white-hat hackers, programmer, coder, part-programming engineer, computer expert, programming specialist, program analyst, application developer, websmith, cyberspastic, webhead*; в рус.: *пользователь, юзер, хакер, кракер, ламер, чайник, программист*). «Участник» взаимодействия репрезентируется с помощью различных лексических единиц, которые используются для обозначения простого пользователя («*user*», «*net user*», «*lay user*», «*newbie*»), опытного пользователя («*net surfer*», «*silver surfer*»), специалиста, деятельность которого легальна («*programmer*», «*coder*», «*part-programming engineer*», «*computer expert*», «*programming specialist*», «*program analyst*», «*application developer*», «*websmith*», «*computernik*») и профессионала-взломщика различных сетей («*hacker*», «*cracker*», «*cyberpunk*»). В русском языковом сознании понятие «Участник» репрезентируется как в лексемах русского языка («*пользователь*», «*программист*», «*чайник*»), так и в лексемах, заимствованных из английского языка («*юзер*», «*хакер*», «*ламер*», «*кракер*»).

Актуализация концепта «Интернет» в американской лингвокультуре происходит путем наименования реального объекта (Интернет как система) и с помощью производных словообразовательных единиц. Каждая группа делится на подгруппы по типу синтаксического функционирования лексемы.

В первой группе концепт актуализируется с помощью глаголов, выражающих состояние или изменение состояния: *to be, to remain* («*The Internet is a giant context that invites informal communication, and there is lots of experimentation going on*»), которые приписывают Интернету признаки бытия, субъекта действия, обладания каким-либо качеством, состоянием. С помощью глаголов *to become, to change, to develop* Интернет описывается как самостоятельно меняющаяся сущность («*Internet develops online trading technology for CMC Group Plc*»).

Во второй группе концепт актуализируется посредством глаголов с семантикой обладания (*to have / have got, to possess, to own, to be able to use or give; to receive or obtain*), которые актуализируют признак концепта «обладание, владение» («*Already widely used in the more international world of higher education, the Internet has a number of obstacles to overcome, however, before doors to classrooms are thrown open*»).

В третью группу входят предикативные словосочетания с глаголами перцепции и речи. Словосочетания «*Internet feels*», «*Internet knows*», «*Internet tells*», представляя антропоморфные метафоры, приписывают Интернету антропоморфные свойства и качества, образуя концептуальную структуру «Интернет – человек» («*If your computer or Internet feels slower than usual, Auslogics might have a remedy*»).

Четвертая группа, сформированная путем объединения словосочетаний с предикатами – глаголами с семантикой движения (*Internet moves*, *Internet grows*) описывают Интернет как движущийся к чему-либо, куда-либо, распространяющийся на дальнее расстояние («*Internet moves toward virtual zoning*»).

Производные словообразовательные единицы отличаются лексико-семантической взаимосвязанностью и выступают в роли наименований специфических реалий в виде словосочетаний Интернет/Internet + существительное и отражают такие области действительности, как «экономика» («*Any person who buys or sells using the internet auction site is presented a special member card*»), «медицина» («*Internet is one of the best inventions in the world, but it's a pity Internet addiction has become a common case*»), «управление» и «оборона» («*Internet ideology is supposed to be a set of specific rules to regulate the Internet*»), «услуги» («*Television has lost its position in the society, Internet Broadcasting is a new era in entertaining and informing people*»), «сообщество», («*Internet society can't be described in several words because it's huge*»), «наука» («*Internetics is a new science studying different means of Internet usage*»).

На этапе исследования образно-перцептивного компонента мы обратились к обиходному языковому сознанию, носителями которого являются активные или начинающие пользователи сети Интернет. Для уточнения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» был проведен опрос среди 105 представителей американской и 108 представителей русской лингвокультуры, различающихся степенью активности и целью использования сети Интернет.

Наиболее многочисленной является группа респондентов в возрасте 16 – 25 лет, из них русских 37% и американских 40%. Они пользуются Интернетом для общения с друзьями и поиска информационных материалов для подготовки домашнего задания и итоговых аттестационных проектов. Они являются наиболее активными пользователями Сети.

Для следующей группы респондентов в возрасте 25 – 35 лет, из которых русских 33% и американских 28,6%, актуальным является возможность общения посредством электронных писем, осуществление покупок (например, авиабилетов, книг) через Интернет. Кроме того, они налаживают контакты как в профессиональных, так и в личных целях, осуществляя поиск одноклассников, потерявших друзей и т.д.

Старшая группа респондентов в возрасте 36 – 50 лет, из них русских 18,5% и американских 26,7%, занимается поиском преимущественно такой информации, которая необходима в быту: рецепты, советы, примеры документов, гороскопы, сонники и прогнозы погоды. Среди респондентов самой малочисленной оказалась группа от 50 лет и выше (11,1% русских и 4,8% американских респондентов). Необходимо отметить, что взрослое и даже пожилое поколение американцев пользуются Интернетом, в то время как неработающие русскоязычные респонденты взрослого поколения указывали, что не умеют пользоваться Сетью.

Следует отметить, что среди респондентов мужского пола (11,4% американцев и 8,3% русских) встречается описание такой возможности Интернета как легкий доступ к сайтам с информацией эротического содержания, которая рассматривается как один из видов развлечений и приятного времяпрепровождения, что не находит отражения в ответах женщин.

В ходе изучения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» в обиходном языковом сознании были выделены следующие группы: «Интернет – источник информации» (*The Internet enables us to access vast amounts of information across a breadth of topics; Интернет предоставляет множественный выбор разнообразной информации*), «Интернет – средство общения» (*Already the Internet, a worldwide network of computers linked by telephone lines, allows 30 million people only to communicate with one another; Интернет обеспечивает нас новым средством общения*), «Интернет – это развлечение» (*Moreover, the Internet allows people to download services such as music and films; С Интернетом отпала необходимость ходить в кино, ведь все новинки можно там достать задолго до показа в кинотеатрах*), «Интернет – это место» (*The internet is the absolute best place; Я представляю себе огромный виртуальный мир, в котором идет своего рода виртуальная жизнь*), «Интернет – это сообщество» (*Around 45*

per cent of adults have logged on to the Internet to date; Для меня Интернет – это одноклассники.ru).

В обиходном языковом сознании представителей исследуемых лингвокультур Интернет ассоциируется с сетью, по форме представляющей множество скрещенных, переплетенных каналов, линий или нитей, расположенных в различных направлениях на каком-либо пространстве (*When thinking about the internet I imagine a vast network of integrated systems; Я представляю множество проводов, связывающих между собой весь мир).*

В русском и американском языковом сознании Интернет воспринимается, с одной стороны, как реальное место для реализации широкого спектра действий, с другой стороны, как обширное пространство, не имеющее границ (*I also picture the internet as the first step in creating a world that is no longer separated by borders; Интернет – это огромная страна, живущая по своим законам).*

Для обиходного русского языкового сознания характерно сравнение Интернета с огромной библиотекой, книгой, магазином, почтовым ящиком (*I imagine that I am wandering in the library picking up many books).*

Для обиходного языкового сознания представителей американской лингвокультуры характерно сравнение Интернета с торговым центром, гипермаркетом, рынком, картинной галереей (*You can find and buy almost everything at this global market; В Интернете можно делать все, даже ходить по магазинам).*

Для уточнения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании мы обратились к специалистам в области компьютерных и Интернет-технологий. Общее количество респондентов составляет 90 представителей американской и 110 носителей русской лингвокультуры, из них 58% являются представителями мужского пола, а 42% женского. На современном этапе развития информационных технологий количество женщин среди профессионалов и специалистов значительно возросло. Самой многочисленной является группа респондентов в возрасте 16 – 25, из которых русских 54,5% и американских 41,1%. Примечательно, что количество русских информантов в этой возрастной группе превышает количество американских, что обусловлено открытием новых специальностей в высших учебных заведениях и популяризацией профессий, связанных с программным обеспечением, компьютерными и Интернет технологиями.

Следующую группу 25 – 35 лет, из них русских 31,8% и американских 33,3%, составляют респонденты, чья работа непосредственно связана с Интернетом. Самой малочисленной является группа в возрасте 35 – 50 лет: 13,7% русских и 25,6% американских респондентов. Следует отметить, что количество американских респондентов в данной возрастной категории превышает количество русских в связи с более ранним распространением компьютеров, изобретением Интернета и совершенствованием Интернет-технологий на территории США.

В ходе изучения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании были выделены профессионально-осмысленные группы: «Интернет – это технологии» (*This technology makes researching, communicating on distance quicker, can be used everywhere; Интернет сравним с прогрессом, потому что Интернет растет, развивается и дает толчок для развития новых технологий*), «Интернет – это образ жизни» (*When I think about Internet, I imagine a life itself, because it's so tightly coupled together; Мы, те, кто сидит по ночам за машинами. Вокруг нас нет живых, как это происходит в клубах и на различных сборищах. Нет, мы общаемся сами с собой и тенями других*), «Интернет – это место работы» (*Ночь, я, комп и Интернет по модемному соединению... - так я работаю всегда; The Internet revolution was supposed to encourage «telecommuting», armchair shopping and stay-at-home entertainment. It has increased mobility by inducing more people to live out of town and thus spend ever more time at the wheel of a vehicle*), «Интернет – источник неограниченных возможностей» (*When I think about the Internet I think of limitless possibilities. I use it for work, home, and recreation. I think you can learn about anything on the internet. In the US we use it to order food, buy tickets, talk to friends, and watch videos. I think in today's society it is very difficult to live here without using the internet*), «Интернет – это наркотик» (*You can easily get addicted to internet and can't live without it afterwards; Я подсел на аську*).

В русском профессиональном языковом сознании наиболее распространенной является смысловая зона «Интернет – это технологии», а в американском Интернет воспринимается как «источник неограниченных возможностей». Специалисты в области информационных технологий демонстрируют профессиональную компетенцию, подробно описывая алгоритм поиска информации в сети (*The original sears and roebuck catalog – everything you want at your fingers*).

Для русских и американских субъектов сетевой компьютерной коммуникации актуальным является поиск профессионально-обусловленной информации в сети. При этом профессионалы склонны к оценке качества полученной в сети информации (*нужная, необходимая, полезная, важная*). Для русского и американского профессионального языкового сознания характерно восприятие сети как вместилища, представленного в виде ограниченного или неограниченного пространства, имеющего различного рода наполнение (*Интернет – это вместилище гигантских объемов информации, постоянно перемещаемой на тысячи километров и непрерывно пополняемой терабайтами свежих файлов*).

В русском и американском профессиональном языковом сознании Интернет воспринимается как реальное место реализации широкого спектра действий (*We can compare Internet with all spectrums of services we have in real life. It is a media service, multimedia presentation, shopping sphere, communication means, banking system, business area and so on*).

В профессиональном сознании представителей исследуемых лингвокультур Интернет представлен как соединение множества проводов, кабелей, труб. Важным для профессионалов является электронная, цифровая основа сети Интернет (*I imagine a series of tubes; Я думаю, Интернет – это огромный ком взаимосвязанных проводов*).

Важнейшие образно-метафорические характеристики концепта «Интернет» представлены следующими метафорическими моделями «открытого и закрытого пространства», «неодушевленного и одушевленного предмета» (Л.Ратзан). Модель «открытого пространства» актуализирует такие признаки, как «отсутствие границ», «глобальность», и «всеобъемлющий охват». Интернет как «закрытое пространство» представлен следующими ассоциатами: «замкнутость», «совместная деятельность», «общность».

В обиходном языковом сознании метафорическая модель «открытого пространства» включает следующие метафоры: «океан» (*The way people navigate in a foreign environment may affect on-line information retrieval and future Web search engine design; The virtual ocean is overflowing with useless cyber trash*), «воздух» (*Интернет – это воздух, он везде*), «паутина» (*Интернет – это всемирная паутина, куда легко попасть, но трудно выбраться*), «сеть» (*Многочисленные ссылки нацелены на то, чтобы заманить в эту глобальную сеть*), «информационная магистраль» (*Netscape has too many crashes*).

Fewer people are just sitting on the curb of the information highway) и «киберпространство» (Internet is a vast cyberspace with lots of computers; Киберпространство – это бесконечность цифр, знаков и букв, бесконечное пространство виртуального мира).

Метафорическая модель «закрытого пространства» включает метафоры: «глобальная деревня» (*Today ordinary people can participate in a real-life “global village”: can post messages, create Web pages proclaiming their interests to the world*); «дом» (*Виртуальный дом отличается от реального своей невежественностью: здесь нет стен, столов или стульев, есть только тексты, картинки, звуки - информация, которую нельзя потрогать, можно лишь пережить*); «дворец информации» (*Все средства вещания и общения сплавлены воедино во всемирном дворце информации*); «рынок» (*Information Flea Market, You have the Hot Dog vendors - large companies who hire Madison Avenue to build them a flashy, commercial web site*).

Метафорическая модель «неодушевленные предметы» включает такие метафоры, как: «трубопровод», «сундук», «почтовый ящик» (*They want to deliver vast amounts of information over the Internet. And again, the Internet is not something you just dump something on. It's not a truck. It's a series of tubes*). Метафорическая модель «одушевленные предметы» представлена моделью «организм» (*Развитие сети – это процесс роста организма, служба каталогов - центральная нервная система. Сама сеть – хребет*).

Пространственные метафоры, с помощью которых Интернет актуализируется в русском языковом сознании, не описывают его как дорогу. Самыми актуальными метафорами для русского обиходного языкового сознания являются метафоры «паутины» и «сети», а для американцев-непрофессионалов является метафора «супермагистрали».

Метафорическое восприятие концепта «Интернет» в обиходном языковом сознании разнообразно и многогранно. На основе классификации Р. Джонстон выделяются метафоры физического пространства / *physical space (Its structure supports both market and cooperative approaches to finding social resources in virtual communities)*; скорости / *physical speed (the Internet allowed issues to be addressed in a more timely manner, it provided investment models faster than we can think)*; разрушения / *destruction (Web sites were flooded, experienced a wave of hits, eroded revenue, acted like fast-flowing waters, and had comments poured on them, Armed with PDAs the Internet is the best way of knocking down*

those rumors and also the most effective way of spreading them); спасения / salvation (the Internet handles housing assistance cases, helps poor children, accepts some responsibility for the content posted there, transforms poverty, transforms business, transforms approaches, stages incredible online revolution, transforms our health system).

В профессиональном языковом сознании метафорическая модель «открытого пространства» включает метафоры «электронной агоры», «электронного фронта» и «дыры» (*Internet is like Agora the marketplace in Athens used for popular meetings; I spend lots of hours in the bottomless pit searching for free soft; Интернет как фронтир, как новая осваиваемая территория привлекает своими неизведанными возможностями*). В профессиональном языковом сознании одной из наиболее частотных метафор, связанных с альтернативными реальностями, является представление о «бегстве». Под электронным фронтиром подразумевается приобщение новых пользователей в число сторонников сетевых технологий, «бегство» от повседневного обыденного существования в виртуальную реальность Интернета.

Метафорическое восприятие концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании представлено социумно-ориентированными метафорами. Данный тип метафор основывается на идее объединения компьютеров и людей в сетевые сообщества. Интернет представляется как огромное свободное государство, в котором институциональность носит относительный характер, т.е. с одной стороны, имеются Интернет-ресурсы актуального мира – сайты институтов власти, компаний и т.п.; с другой – любой пользователь может высказать свое мнение (*Internet is crowded with different people and companies working and talking*).

Метафорическая модель «закрытое пространство» представлена следующими метафорами: «Интернет – это свалка, помойка» (*Сеть большая помойка, и вы, называя себя «Планета Интернет», становитесь смешны; Googling I've always come across with so much garbage; Mail и Yandex хорошие поисковики, но там столько мусора, что можно не найти того, что нужно*). Метафорическая модель «одушевленные предметы» представлена метафорой «организм», Сеть воспринимается как место обитания вирусов (*Без обновленной антивиры Троян съел все мои папки*). В рамках метафорической модели «неодушевленные предметы» актуализируется метафора бизнеса (*It's all about money on the Internet, there are lots of companies and people selling and buying something; В Сети можно хорошо зарабо-*

тать. Есть сайты, где выкладываешь свою музыку, и чем больше людей ее прослушают и закачают, тем дороже песня, соответственно больше денег).

Результаты исследования подтверждают идею о том, что в обиходном и профессиональном языковом сознании актуализируются различные типы метафор. Обращение к метафорам является одним из способов восприятия и осознания действительности. Метафоры обиходного языкового сознания раскрывают поверхностное восприятие Интернета, в то время как метафоры, актуализирующиеся в профессиональном языковом сознании, характеризуются более детальным осмыслением информационно-коммуникативного пространства сети Интернет.

Представители обиходного языкового сознания склонны описывать Интернет как место, неизменное в пространстве и во времени. Например, библиотека – это здание, которое имеет четкую структурную организацию и ассоциируется с информацией. Профессиональные пользователи редко используют эту метафору. Возможно, менее опытным пользователям Интернета необходим когнитивный «якорь», чтобы концептуализировать Сеть, в то время как профессионалам требуется иное когнитивное осмысление.

Материалом для выявления ценностной составляющей концепта «Интернет» послужили афоризмы и результаты анкетирования. В исследовании также учитывались комментарии на форумах, затрагивающие данную тематику и содержащие высказывания с мотивирующим оценочным контекстом.

Ценностные характеристики концепта «Интернет» раскрывают оценочный компонент изучаемого концепта, выражающийся в ценностях и нормах поведения общества.

Интернет характеризуется амбивалентно: Интернет есть благо, и Интернет есть зло.

Интернет притягивает людей безграничным объемом полезной информации и развлекательных услуг (*Give a person a fish and you feed them for a day; teach that person to use the Internet and they won't bother you for weeks*). Интернет предоставляет возможность осуществлять то, что в реальной жизни человеку недоступно (*Интернет – это самое свободное место на земле, делай, что хочешь. Кто-то лезет на сайты для взрослых, а кто-то взламывает базы данных*), «*What we are 'managing' is a world, not a network, and what is emerging is a way of understanding that world, not*

'information). Факт, что в Интернете имеется огромное количество информации, которая постоянно обновляется и пополняется, говорит о том, что следует пользоваться размещенной в Сети информацией, вместе с тем необходимо учитывать возможную недостоверность предоставляемой информации. Актуальным является вопрос о соблюдении авторских прав, получающий двойственную интерпретацию: с одной стороны, используется чужая информация без ссылок на авторов, а с другой стороны, как отмечают пользователи, главное, что информация есть, она доступна.

С глобальным распространением Интернета изменилось пространственное восприятие мира, процесс взаимодействия между людьми стал быстрым и удобным (*Интернет – это открытость и интернациональность; The development of a lifestyle based in communication was the first step towards the development of the Internet*).

Пользователи Интернета выражают негативную оценку организации информационного пространства Интернета и самой Сети. В Интернете содержится большое количество ненужной информации, что затрудняет поиск чего-то необходимого (*Интернет меняется ежеминутно: то толковое, что и так было не найти, надо вытаскивать из-под новых слов чепуху; The Net is a waste of time, and that's exactly what's right about it*).

Негативное отношение к Интернету основывается на восприятии Сети как нереальной субстанции вследствие отсутствия у Сети материального воплощения, осязаемой оболочки (*Интернет – это такой мир, которого вроде бы и нет...*). Более того, программное обеспечение Сети позволяет скрывать личность, персональную информацию. Интернет предполагает защиту персональных данных, но следует принимать во внимание возможность вторжения в приватное пространство пользователя, так как можно проследить, с какого компьютера осуществляется доступ в Интернет.

Интернет – это глобальная система взаимосвязанных компьютерных сетей, однако как любая система он может превосходно работать, а иногда давать сбой. Технические неполадки, мешающие постоянному взаимодействию в Сети, вызывают у пользователей негативную реакцию. Отрицательно оцениваются состояние телефонных линий и скорость связи (*Терпеливо жди, сеть отключилась; I'm getting crazy when the connection is slooow*). Большое недовольство вызывает нестабильная работа серверов, прекращение существования сайтов (*There*

are three kinds of death in this world. There's heart death, there's brain death, and there's being off the network). Примечательно, что нестабильная работа Интернета не влияет на негативное восприятие Сети в целом, так как для рядового пользователя Интернет ассоциируется не с совокупностью порталов, серверов, программным обеспечением и т.п., а с возможностью общения, получения информации. Технические трудности носят временный характер и это только очередное препятствие при установке соединения.

Всеобъемлющее распространение Интернета, учитывая все возможности получения информации и осуществления различной деятельности в Сети, заставляет постоянно им пользоваться. Использование Интернета для удовлетворения все возрастающих потребностей постепенно увеличивается, перерастая у некоторых пользователей в непреодолимое влечение к Сети.

Известно, что частое пользование Интернетом может привести к интернет-зависимости, которая пользователями не воспринимается как серьезная проблема, а высмеивается, подчеркивая увлеченность Интернетом в гиперболизированной форме (*Вы серьезно заболели Интернетом, если вы видите сны на языке HTML, целуете домашнюю страницу своей девушки, не знаете пол трех своих лучших друзей, потому что у них нейтральные Ники, а спросить вам не приходило в голову...*).

Таким образом, прослеживается амбивалентное отношение к сети Интернет. Интернет является благом, им следует пользоваться, так как это быстро, удобно, полезно и увлекательно. Положительная оценка концепта доминирует над отрицательной. Более того, отрицательная оценка проявляется не по отношению к Интернету в целом, а к той или иной его части, таким как, технические проблемы, оплата, некоторые услуги, в то время как положительная оценка, даваемая также под влиянием каких-либо частей, например, легкость, удобство в обращении, предоставляемая информация, переносится на отношение к концепту в целом. Положительно оцениваются функциональные возможности сети Интернет: хранение большого количества информации; скорость выполнения запросов пользователей (например, поиска информации); возможность дистантного общения; глобализация общения представителей всех стран мира. Отрицательные характеристики, приписываемые сети Интернет весьма вариативны: ненадежность (технические неполадки, низкая скорость связи, нестабильная работа серверов, прекращение существования сайтов); нелегаль-

ность использования персональных данных (нарушение авторских прав; использование информации без ссылок на авторов); снижение возможности прямого, непосредственного общения.

Подведем основные итоги.

1. Понятийные характеристики концепта «Интернет» сводятся к следующим признакам: а) электронная сеть, б) созданная для хранения оцифрованной информации, в) функционирующая как особый канал общения, г) удовлетворяющая потребности пользователей в различных сферах жизнедеятельности, д) организующая свое сообщество в виде мирового коммуникативного социума, е) структурирующая информацию, предназначенную для обиходного и профессионального общения, ж) порождающая специфические коммуникативные средства.

2. Базовые образно-перцептивные характеристики концепта «Интернет» представлены следующими признаками: а) сеть, по форме представляющая собой множество скрещенных, переплетенных каналов, линий или нитей, расположенных в различных направлениях на каком-либо пространстве, б) закрытое пространство, предназначенное для хранения каких-либо предметов, в) множество работающих компьютеров с сидящими за ними людьми.

3. Важнейшие образно-метафорические характеристики концепта «Интернет» таковы: а) открытое пространство (океан, воздух, паутина, сеть, магистраль), б) закрытое пространство (глобальная деревня, дом, хранилище, рынок), в) неодушевленный предмет (трубопровод, сундук, почтовый ящик), г) одушевленный предмет (организм).

4. Основные ценностные характеристики концепта «Интернет» сводятся к следующим нормам поведения: а) Интернет есть благо, б) следует осваивать Интернет, в) следует пользоваться размещенной в Интернете информацией, г) следует воспринимать Интернет как новый канал общения, объединяющий человечество, д) Интернет есть зло, е) следует учитывать вероятную недостоверность размещенной в сети информации, ж) следует принимать во внимание возможность вторжения в приватное пространство пользователя, з) следует быть готовым к тому, что сеть затягивает людей, выключая из реального мира.

5. Главные отличия в осмыслении и обозначении характеристик Интернета в обиходном и профессиональном сознании таковы: а) сфера профессионального сознания специалистов представляет собой детально разработанную систему признаков компьютеров, программ

и способов их использования, рядовые пользователи владеют только базовыми понятиями в этой сфере; б) профессионалы проявляют себя как творцы компьютерных технологий, пользователи – как пассивные потребители; в) профессионалы общаются в специализированных форумах компьютерной тематики в сети, в которых рядовые пользователи обычно не участвуют; г) специалисты активно используют жаргонные обозначения различных характеристик компьютерных технологий, рядовые пользователи оперируют обиходными словами.

Литература

Агаюлова С.И. Структурные признаки концепта «Интернет» // Гуманитарные исследования №3 (31). – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2009. – С. 10-15.

Агаюлова С.И. Образное восприятие концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании // Вестник Ленинградского гос. ун-та имени А.С. Пушкина. Научный журнал № 5 (серия Филология). Т. 2. – СПб, 2009. – С. 7-17.

Агаюлова С.И. Понятийные характеристики концепта «Internet» // Ученые записки. Материалы докладов итоговых науч. конференций АГУ 2006-2007гг. Т.1. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2008. – С. 174-179.

Агаюлова С.И. Способы реализации концепта «Internet» на примере словообразовательных единиц // Межкультурная коммуникация: концепты и модели поведения. Материалы межд. науч. конф. 15-16 октября 2007 г. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский ун-т», 2007. – С. 133-136.

Агаюлова С.И. Концепт «Internet» в англоязычной лингвокультуре // Материалы 5 Всероссийской науч. конф. молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» 7-8 февраля 2008 года. Т.3. – Майкоп: Издательство АГУ, 2008. – С. 75-79.

Агаюлова С.И. Языковая репрезентация концепта «Internet» в словосочетаниях Internet+ существительное // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии. Материалы 3 межрегионального научного семинара молодых ученых 27-31 октября 2008 [Текст] / под ред. С.Г.Воркачева. Вып.3 – Армавир: РИЦ АГПУ, 2008. – С. 5-7.

Агаюлова С.И. Опыт экспериментального исследования концепта «Internet» в американском сознании // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы. Актуальные проблемы лингвистики. Материалы межд. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. Т.2. Актуальные проблемы лингвистики. – Волгоград: «Парадигма», 2008. – С. 3-9.

Агаюлова С.И. Дефиниционные и фреймовые характеристики концепта «Internet» // Креативная лингвистика [Текст]: сборник статей /

сост. В.С. Плавинская, Е.Н. Горбачева; под ред. Е.М. Стомпель. – Астрахань: Изд. Дом «Астраханский ун-т», 2009. – С. 41-48.

Агаюлова С.И. Образно-перцептивное восприятие концепта «Интернет» в обиходном языковом сознании представителей американской лингвокультуры // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы II Межд. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. Т.2. Актуальные проблемы лингвистики. Волгоград: «Парадигма», 2009. – С. 3-7.

Агаюлова С.И. Профессиональный язык программистов как средство реализации профессионального языкового сознания // Знаменские чтения: Филология в пространстве культуры: Материалы II Всероссийской с международным участием науч.-практ. конф. (г. Тобольск, 22-23 октября 2009 года). – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. – С. 96-97.

Агаюлова С.И. Образно-метафорическая составляющая концепта «Интернет» в русском языковом сознании // Межкультурная деловая коммуникация: проблемы и перспективы российско-молдавского сотрудничества в формировании коммуникативной компетенции кадров агробизнеса / Материалы междунауч.-практ. конф., посвященной 65-летию образования Волгоградской гос. сельскохозяйственной академии, 12-14 ноября 2009 г. – Волгоград: Нива, 2009. – С. 348-351.

Агаюлова С.И. Профессиональное и обиходное языковое сознание: проблема описания // «Актуальные проблемы лингвистики и переводоведения»: материалы междунауч.-практ. конф., 27-28 нояб. 2009 г. – Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2009. – С. 14-18.

Е.В. Гориславец (Волгоград) НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Данная работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований. Объектом исследования являются лингвокультурные концепты настольных игр. Предметом изучения стали сравнительные характеристики концептов настольных игр в английской и русской лингвокультурах.

Цель исследования – сопоставительная характеристика концептов настольных игр в английской и русской лингвокультурах. В соответствии с целью исследования были выдвинуты следующие задачи: 1) рассмотреть существующие подходы к изучению феноменов «игра» и «лингвокультурный концепт»; 2) выявить концепты настольных игр, наиболее значимые для русской и английской лингвокультуры; 3) описать экстралингвистический кон-

текст формирования концептов настольных игр в русской и английской лингвокультурах; 4) осуществить сравнительный анализ интразоны и экстразоны концептов настольных игр в русской и английской лингвокультурах.

Материалом исследования послужили данные словарных определений ключевых лексем-репрезентантов концептов из толковых и этимологических словарей английского (британский и американский варианты) и русского языков, тексты печатных, электронных и устных средств массовой информации. В качестве единицы анализа рассматривался текстовый фрагмент, в котором было зафиксировано языковое обозначение или выражение одного или нескольких концептов настольных игр. Всего проанализировано около 5000 текстовых фрагментов на английском и русском языках.

Настольные игры являются одним из древнейших типов игр, придуманных человеком. Сущность этих игр состоит в регламентируемых правилами манипуляциях с относительно небольшим набором предметов, которые можно целиком разместить на столе или другой небольшой плоской поверхности, а также в руках играющих.

Высокая степень популярности настольных игр у всех слоев общества, потребность в детальном обозначении игровых феноменов в процессе игры или при изложении хода уже состоявшихся игр, применимость игровой терминологии к описанию внеигровых ситуаций делают настольные игры значимым объектом языкового картирования мира и позволяют говорить о существовании лингвокультурных концептов настольных игр.

Концепт является одним из наиболее разнообразно трактуемых терминов современной лингвистики. Существует множество его определений. В данной работе используется понимание концепта, сформулированное В.И. Карасиком: «Лингвокультурный концепт – это сложное ментальное образование, включающее образный, понятийный и ценностный компоненты при доминировании последнего и опредмечиваемое в языке и тексте».

Реконструкция лингвокультурного концепта может осуществляться как построение его ассоциативной модели. В рамках этой модели функционирование концепта рассматривается как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языко-

выми единицами и номинируемыми объектами. Ассоциативная структура концепта включает интразону – совокупность входящих смысловых ассоциаций и экстразону – совокупность исходящих смысловых ассоциаций (Г.Г. Слышкин).

Интразона концептов настольных игр формируется следующими лексическими группами:

1) название игры в целом (*шахматы, шашки, карты, chess, draughts / checkers, cards*) и ее видов (*поддавки, козел, дурак, покер, бридж, poker, bridge*);

2) названия используемых в игре отдельных предметов (*пешка, шашка, карта, туз, король*) и их групп (*колода, масть, пики*), включая статусы, приобретаемые ими во время игры (*kozyрь, дамка*);

3) приемы игры (*гамбит, рокировка, рокировать, поддавок, жертва, западня, ключ, любки, петля, блеф, ставка, castling, to castle, gambit, stake, bank, pass, bluff*);

4) положения во время игры (*шах, шаховать, мат, эндшпиль, цугцванг, оппозиция, check, to check, checkmate, endgame, zugzwang, opposition*);

5) названия игроков (*шахматист, гроссмейстер, картежник, банковщик / банкир / банкомет, понтёр / понтировщик, chess player, grand master, gambler, banker, punter*).

Различные игры формируют концепты разного объема. Так, структуру концепта «домино» в русской лингвокультуре формируют десять элементов интразоны (*домино, доминошник, козел, кость, пустышка, дубль, выкладка, расклад, рыба, любки*), большинство из которых не принадлежат литературному языку, и один элемент экстразоны (*принцип / эффект домино – ‘сочетание, использование противоположных вещей; события, происходящие одно за другим, являющиеся причинами последующих’*).

Можно говорить о существовании в каждой лингвокультуре концептосферы «настольные игры», обладающей ядром и периферией. Проведенный анализ английской и русской лексики данной тематики показал, что в русской и английской лингвокультурах ядро концептосферы «настольные игры» составляют концепты «шахматы», «шашки» и «карты», поскольку именно они обладают наиболее высокой номинативной плотностью. Всем им, кроме концепта «шашки» в английской лингвокультуре, свойственна также значительная метафорическая диффузность.

История шахмат насчитывает не менее пятнадцати веков. В Европе они распространились в VIII-IX веках, на Руси – в IX веке. За время существования игры правила неоднократно менялись. Современная система правил сложилась к XV веку и подверглась окончательной стандартизации в XIX веке. За время своего существования шахматы неоднократно запрещались церковными институтами как языческая и азартная игра. В настоящее время имеют статус организованного вида спорта с иерархией званий и развитой системой соревнований. В обыденной культуре обладают репутацией интеллектуальной и, следовательно, социально одобряемой игры.

В русском языке концепт «шахматы» номинируется группой слов из 17 лексем: *шахматы, шахматист, король, ферзь, конь, ладья, пешка, гамбит, гроссмейстер, шах, шаховать, мат, цугцванг, рокировка, рокировать, эндшпиль, оппозиция*. В английском языке данный концепт представлен 18 номинирующими единицами: *chess, chess player, king, queen, bishop, knight, rook, castling, to castle, pawn, grand master, check, to check, checkmate, endgame, zugzwang, gambit, opposition*.

Рассмотрим интразону концепта «шахматы» в обеих лингвокультурах. У большинства шахматных терминов в английском и русском языках выявлены сходства в области этимологии и внутренней формы. Это объясняется следующими факторами:

- Общность происхождения. Так, этимология английской лексемы *gambit* совпадает с происхождением русскоязычной лексемы *гамбит* (итал. *dare il gambetto* буквально «дать подножку»). Этимология английской лексемы *king* имеет древнегерманское начало, как и единица *король*.

- Единство метафоры, на которой основано название. Названия русского термина *тура* и английского *castle* берут свое начало от наименования части крепости, а именно – башни. Происхождение английской единицы *pawn* (от *pedonem* – ‘one going on foot’) аналогично этимологии русской лексемы *пешка* (от слова *пеший*).

- Единство метонимического переноса. Происхождение русской единицы *рокировка* и английской *castling* аналогичны: обе берут начало от названий шахматных фигур *ладья* (от франц. *roc*) и *castle* соответственно. Метонимия основана на том, что именно ладья, стоящая в определенной позиции и не двигавшаяся в течение

ние партии, является необходимым условием осуществления данного хода.

Общим для рассматриваемых лингвокультур является также наличие двух наименований у некоторых шахматных фигур. Это можно объяснить следующими факторами:

- Один из терминов является официальным в игровой терминологии (*слон, ферзь, rook*), а другой – разговорным вариантом (*офицер, королева, castle*).

- Одно из наименований является устаревшим и менее употребимым в современной речи (*тура*).

Различия в интраzone концепта «шахматы» русской и английской лингвокультур были выявлены в области этимологии некоторых лексем. Причины следующие:

- Различие источников заимствования в двух языках. Так, происхождение названия шахматной фигуры *ферзь* в русском языке, в отличие от большинства языков западноевропейских, связано с восточной традицией. В Западной Европе эту фигуру называют *королевой* (*Dame* – в немецком, *Queen* – в английском). Русский же термин восходит к персидскому *ferz* – «полководец». Однако в разговорном русском *ферзь* называется *королевой*, что отмечает метафорическое сближение русской шахматной терминологии с европейскими.

- Различия в метафорическом ассоциировании. Например, наблюдается различие в этимологии единиц *ладья* и *rook*. Лексема *ладья* – заимствование из старославянского языка, где оно является суффиксальным производным от *olda* (челн, лодка). Хотелось бы отметить, что это слово – результат языковой ошибки; правильно было бы *лодья*, так как это слово одного корня с *лодкой*. Название этой шахматной фигуры возникло в результате переосмысления существительного *ладья* в значении «лодка, судно». В английском языке русской лексеме *ладья* соответствует лексема *rook*. Как отмечается в английских этимологических словарях, происхождение слова *rook* связано со среднеанглийским *rok*, англо-французским *roc*, арабским *rukhh*, персидским *ruk*, точное значение которого неизвестно, но, по-видимому, восходит к слову языка хинди *rath* – колесница. Как мы видим, данная лексема берет свое начало, предположительно, от названия транспортного средства («chariot» – колесница). Таким образом, как русский, так и английский термины связаны с названием военных

транспортных средств, но в русском языке это водный транспорт, а в английском – сухопутный. Шахматный термин *bishop* в английском языке был заимствован из сферы религии. В русском языке данная фигура ассоциируется с боевым животным – *слон* и воином – *офицер*. Ассоциированности с религией в русской шахматной терминологии не наблюдается. Шахматный термин *knight* в английском языке был заимствован из сферы военного дела, а первоначально обозначал «юношу», «слугу». В русском же языке происхождение лексемы *конь* не имеет связи с военной терминологией.

- Особенности грамматического строя рассматриваемых языков. В русском языке налицо большее количество аффиксальных дериватов от лексем, относящихся к шахматам: *шахматница*, *дошаховать*, *зашаховать*, *расшаховаться*, *шахованье*, *шахователь*. Для грамматического строя английского языка характерным представляется явление конверсии, присущее некоторым единицам: *to queen*, *to checkmate*, *to castle*.

Следует отметить, что в словарях английского языка определения шахматных терминов представлены более детально по сравнению с русскими. Возможно, данное различие связано с тем, что в русской культуре шахматная игра более популярна и известна, и не требует подробного описания. Английская же трактовка ориентирована на как можно более полное, развернутое толкование понятия. Еще одним возможным объяснением может служить строение английской словарной статьи, где принимается во внимание не только статистическая частота употребления слова, но и его структурная и стилистическая значимость, степень общеупотребительности, характер предметной области, словообразовательные возможности.

Рассмотрим экстразону концепта «шахматы» в обеих лингвокультурах.

Для определения уровня текстовой реализации концепта «шахматы» в русской и английской лингвокультурах, мы распределили все примеры с использованием терминов шахматной игры по группам согласно сфере их метафорического употребления.

Несмотря на популярность шахматной игры, как в русской, так и в английской культурах, метафорические значения лексем *шахматы* и *chess* нами не выявлены. Достаточно часто исполь-

зуются метафоры, содержащие в составе рассматриваемые единицы и их производные.

Некоторые шахматные единицы, как в русском, так и в английском языке, вообще не имеют метафорического значения (*ладья, rook, castle, to castle, король, king, слон / офицер, bishop*). Это можно объяснить, во-первых, тем, что представленные лексемы являются многозначными, и в качестве метафор используются другие, не шахматные их значения. Во-вторых, некоторые термины являются устаревшими, а, следовательно, либо малоупотребительными в современном языке, либо употребительными в узкой сфере (*ладья, bishop*).

Анализ рассматриваемых нами шахматных терминов показал, что в основном переносные значения лексем в обоих лингвокультурах полностью совпадают. Это можно объяснить также и схожестью игровых значений в двух языках. Переносные значения отдельных единиц (*гамбит* и *gambit*) схожи лишь в некоторых элементах значений.

В целом в русском языке шахматные лексемы имеют большее количество ассоциаций, чем английские. Причем переносное значение одних лексем зафиксировано в словарных статьях, а других нет.

К примеру, у лексемы *конь* выявлен только один элемент экстразоны – словосочетание «ход конем» («сделать ход конем») → «о смелом, решительном действии» [СОЖ]; «использовать хитрый и эффективный приём для достижения какой-либо цели» [ФСРЛЯ].

Это был ход конем – привлечь внимание общественности к партии с помощью личности самого главы государства (Газета «Газета.Ru», 01.10.2007).

Гамбит → «неожиданный, ловкий ход (действие)», «непредсказуемая, рискованная тактика действий». Данное значение не отражено в словарных статьях.

Такой вот фрейдистский гамбит, в результате которого в президентские ферзи может пройти Хиллари Клинтон, а ее гуляка-муж, победивший «демонов секса», стать регентом при дворе – Белом доме. (Газета «Известия», 06.02.2003).

В английском же языке метафорическое значение всех шахматных единиц отражено в словарных статьях. Исключением является лексема *zugzwang* → «a hopeless, weakening position». Так

же как и в русском языке, данное значение не зафиксировано в словарных статьях. Однако представленная лексема используется в качестве метафоры в текстах английских СМИ.

... *trying to make a virtue out of his mistake. As a result, Germany is likely to lose much of its influence. That's the kind of zugzwang.* (Roger Boyes, 12 December 2008, The Times).

Наибольшее количество примеров метафорического употребления выявлено для русской лексемы *рокировка* (33 пример) и английской лексемы *gambit* (31 пример).

Шахматные концепты обеих лингвокультур наиболее употребимы в качестве метафор в сфере политики. Возможно это результат того, что в современном мире концепция политики – как игры получает все большую популярность. Соответственно игровые термины используются для выражения привилегированного положения, власти, силы, влияния и т.д.

В меньшей степени они находят свое употребление в сфере военного дела, несмотря на тот факт, что исторически шахматная игра имела целью планирования военных действий и отработки стратегий ведения боя.

История шашек уходит в глубокую древность и время появления этой игры с точностью не определено до настоящего времени. Современное английское название игры – *checkers* – произошло от слова, обозначающего шахматную доску – *checkered* – что в переводе означает «клетчатый». Пилигримы, приплывшие в Северную Америку из тех областей Англии, где игру в шашки было принято называть на современный лад, стали причиной распространения слова «*checkers*» во всех англоязычных странах.

Г. Мюррей, занимавшийся изучением истории шахмат и шашек, нашел лишь несколько упоминаний об этой игре в период XII – XVI веков. Все свидетельствовало о том, что игра в этот период была распространена только на территории Англии, Франции и, возможно, Испании. В средневековой Европе умение играть в шашки было обязательным условием воспитания рыцарей. Шашки находят свое отражение в литературных произведениях таких как «Декамерон» Боккаччо, «Дон Кихот» Сервантеса.

На территории Киевской Руси игры, похожие на современные шашки, были распространены уже в IV веке. Упоминания о тавлеях (так называлась распространенная на Руси шашечная игра) можно найти в некоторых былинах и письменных свидетельствах

посещавших Русь иностранцев. В эпоху Петра I шашки приобрели большую популярность. В более поздние времена шашками увлекались многие известные российские политики, деятели искусства, ученые.

В русской лингвокультуре лексика, апеллирующая к концепту, включает 15 единиц: *шашки, шашка, поддавок, поддавки, дамка, жертва, западня, ключ, любки, петля, поддача, рожон, запираение, роздых, столбняк*. В английском языке данный концепт представлен 14 номинирующими единицами: *draughts / checkers, draught / checker, king, blockade, crowning, to crown, jump, to jump, pitch / sacrifice, to sacrifice, trap*.

Рассмотрим интразонный концепта «шашки» в русской и английской лингвокультурах.

Одинаковым для обеих рассматриваемых нами лингвокультур представляется совпадение игровых значений некоторых шашечных терминов (*шашки, draughts, шашка, draught, дамка, king, жертва, sacrifice*,). Общим является также то, что многие из проанализированных нами шашечных терминов, как в русском, так и в английском языках, имеют игровые значения, зафиксированные лишь в специализированных источниках.

Схожим явлением также является наличие лакун в терминологии шашечной игры в обеих лингвокультурах.

Русский шашечный термин *поддавки*. В английских словарях мы обнаружили только перевод данной русской единицы (*giveaway draughts; giveaway checkers*). Однако определений данных словосочетаний нами обнаружено не было. Возможно, в английской игровой культуре данная разновидность шашечной игры или отсутствует, или широкого распространения не имеет.

В английском языке соответствие русской лексеме *рожон* нами не выявлено, возможно, по причине того, что данная единица является устаревшей в русской лингвокультуре. В современном языке она используется лишь как шашечный термин, а также в устойчивых фразеологических выражениях.

В русском языке аналога английской лексемы *crowning*, который бы имел игровое значение, нами не выявлено. Вероятно это является следствием того, что в русском языке данное действие в шашечной игре или не получило никакого названия, или имеет разговорный вариант, не зафиксированный в источниках.

Выявлены различия в области этимологии некоторых шашечных терминов.

Лексема *дамка* – от «дама» – заимствовано в петровскую эпоху из французского языка, где *dame* – госпожа (от *domus* – дом) [ШЭСРЯ]. В английском языке лексеме *дамка* соответствует единица *king* (from Old English *cyning*; related to Old High German *kunig* (king), Danish *konge*). Основное значение данной единицы исходит из ее этимологии – a male sovereign prince who is the official ruler of an independent state; monarch [AWMLD], [CDAE], [CED], [COD].

Стоит отметить наличие двух наименований в английском языке у названия игры – *draughts* / *checkers*, у предметов игры – *a draught* (*draughtsman*) / *a checker*, у одного из приемов игры – *pitch* / *sacrifice*. Эта разница в наименовании определяется британским и американским вариантами английского языка.

Рассмотрим экстразону концепта «шашки» в русской и английской лингвокультурах.

Большое число единиц, входящих в состав концепта «шашки», казалось бы, свидетельствуют о высокой популярности игры, как в русской, так и в английской лингвокультурах. Однако проанализировав лексемы по принципу метафорической диффузности, мы выявили, что в русской лингвокультуре концепт «шашки» реализуется активнее, поскольку для английских лексем элементов экстразоны выявлено не было. Возможно это результат того, что рассматриваемая нами настольная игра имеет большую популярность и распространение в русской культуре, чем в английской.

Среди русских лексем мы обнаружили элементы экстразоны только для единиц *дамка* и *поддавки* в словосочетаниях «в дамках; пройти в дамки» и «в поддавки; играть в поддавки».

И все же Америка изжила наиболее явные и массовые проявления коррупции. Не привилась там селекция правящего слоя по принципу: кто подлее, тот и в дамки пройдет (Газета «Российская газета», 23.11.2003).

Эту великодушную игру в поддавки Аршавина, Погребняка и Зырянова, которые в концовке первого тайма расшаркивались перед пустыми воротами, пытались вывести беднягу Пасанена на второй автопас, а в конце концов – в тайме втором – угово-

рили на автогол другого несчастного северянина (Газета «СпортЭкспресс», 15.10.2008).

Концепты, относящиеся к сфере шашечной игры, в русской лингвокультуре наиболее употребимы в качестве метафор в сфере политики.

Разнообразие правил, множественность игровых ситуаций, увлекательность самого игрового процесса позволили завоевать большую популярность игральным картам по всему миру и среди людей всех поколений, статусных ролей, разных социальных условий и культур. На протяжении всей своей истории карточные игры постоянно подвергались гонениям со стороны церкви, государства. К XX веку карты приобрели большую популярность по всему миру. К тому времени стали известны практически все существующие карточные игры, некоторые из них заслужили особую популярность. Бридж, например, становится обязательной дисциплиной в военных академиях стран НАТО. Во Франции, Польше, Швеции и некоторых других странах бридж преподают в школах и колледжах. Согласно социологическим исследованиям сегодня в восьми из каждых десяти домов Великобритании играют в карточные игры.

В России карты появились лишь в XVII веке и очень быстро завоевали большую известность. К концу XIX века карты становятся популярны практически во всех слоях русского общества. При этом наблюдалась социальная дифференциация игр. Ярким свидетельством большого интереса к карточным играм является представленность карточной тематики с классической русской литературе. В наше время карточные игры популярны во всем своем многообразии. Продолжают развиваться уже известные игры, появляются новые. Однако, в отличие от шахмат и шашек, общественное отношение к картам включает и негативный компонент, поскольку карты ассоциируются с азартом как социально неодобряемым феноменом.

Представленный концепт «карты» – самый обширно номинируемый из исследуемых нами концептов. В русском языке концепт «карты» номинируется группой слов из 28 лексем: *карты / карта, дурак, покер, бридж, картежник, банковщик / банкир / банкومت, понтёр / понтировщик, туз, король, дама, картеж, банк, козырь, пас, блеф, масть, пики, черви, тrefфы, бубны, колода, валет, джокер, ставка*. В английском языке данный концепт

представлен 24 номинирующими единицами: *cards / card, faro, poker, bridge, gambler, banker, punter, stake, ace, bank, joker, pack, dummy, trump, pass, bluff, suit, clubs, hearts, diamonds, spades, knave / jack*.

Большое число единиц, входящих в состав концепта «карты» свидетельствует о высокой популярности игры, как в русской, так и в английской лингвокультурах.

Рассмотрим интразону концепта «карты» в русской и английской лингвокультурах.

Одинаковым для обеих лингвокультур является совпадение игровых значений рассматриваемых нами лексем. Это, возможно, объясняется тем, что независимо от разнообразия видов карточных игр, существует единая карточная терминология для обозначения мастей, наименования карт, названия общепринятых игр.

Также в обоих языках мы отмечаем наличие двух наименований у некоторых карточных обозначений: *банковищик / банкер / банкومت, понтёр / понтировищик, вини / пики, трефы / крести, knave / jack*. Это объясняется тем, что один из терминов является официальным в игровой терминологии (*трефы*), а другой – разговорным вариантом (*крести*). Еще одним возможным объяснением может служить тот факт, что одни термины являются устаревшими и малоупотребительными (*банковищик, knave*) по сравнению с другими наименованиями (*банкер, jack*).

В отношении происхождения некоторых карточных терминов также наблюдается сходство (*карта, card, король, king*).

Различия в отношении интразоны концепта «карты» также были выявлены в области этимологии.

В отличие от русской лексемы *туз*, которая получила свое название от числительного «два», английская лексема имеет наименование от числительного «один».

Русская лексема *банк* заимствована в Петровскую эпоху (вероятно через французское посредство) из итальянского языка, где *banco* – «конторка, стол менялы» восходит к немецкому *Bank* – «стол, скамья» [ШЭСРЯ], [ЭРСФ]. В английском языке карточный термин *faro*, соответствующий русской единице *банк* имеет другое происхождение: *probably spelling variant of Pharaoh*.

Лексема *дама*. Почтительное название женщины, с эпохи Петра I. Заимствование из французского *dame*, возможно, через посредство польского *dama*, восходит к латинскому *domina* («гос-

пожа») [ЭРСФ], [ЭСК]. Английская единица *queen* получила свое название от титула монархини – from Old English *cwēn*; related to Old Saxon *qiān* (wife), Old Norse *kvæn*, Gothic *qēns* (wife) [CED], [MWOD], [OED].

Лексема *черви* или *червы* – производное от общеславянского «*чървь*» – «*вервь*» (красная краска исконно готовилась из определенного вида червей) [ШЭСРЯ]. Происхождение английской лексемы *hearts* отлично от этимологии русской единицы (Old English *heorte*; related to Old Norse *hjarta*, Gothic *hairtō*, Old High German *herza*, Latin *cor*, Greek *kardia*, Old Irish *críde* [CED]).

Хотелось бы отметить факт наличия лакун в английской лингвокультуре. Это, возможно, связано с тем, что в английской игровой культуре отсутствуют понятия, обозначаемые русскими терминами. В одних случаях нами выявлен лишь переводной эквивалент, в других данный эквивалент вообще отсутствует.

Русская лексема *картеж* – страстная игра в карты [СД]; длительная и азартная игра в карты [СУш]. В английском языке эквивалент данной единице нами не выявлен.

Карточный термин *дурак* – название одной из игр в карты [СУш]. В английском языке мы находим лишь перевод русской лексемы *дурак* – *fool*, значение которой не относится к области карточной игры.

С точки зрения грамматического строя в обеих лингвокультурах имеются свои особенности. В русском языке она выражается в большем количестве производных от лексем, относящихся к картам: *карточный*, *карточник*, *картежный*, *картежить* / *картежничать* и т.д. Для грамматического строя английского языка характерным представляется явление конверсии, присущее некоторым единицам: *to trump*, *to pass*, *to stake etc.*

Рассмотрим экстразону концепта «карты» в обеих лингвокультурах.

Для определения уровня текстовой реализации концепта «карты» в русской и английской лингвокультурах, мы распределили все примеры с использованием терминов карточной игры по группам согласно сфере их метафорического употребления.

Следует, однако, отметить, что некоторые единицы как в русском, так и в английском языке, вообще не имеют метафорического значения (например, *банковщик* / *банкер* / *банкомет*, *понтёр* / *понтировщик*, *король*, *черви*, *бубны*, *clubs*, *hearts*, *diamonds*,

spades, knave / jack). Причиной этому может служить тот факт, что некоторые из представленных лексем являются устаревшими, а, следовательно, не употребляются в современном языке (*банковщик, понтировщик, knave*). Другие же единицы являются многозначными, и в качестве метафоры используются другие их значения. Отдельные термины относятся только к сфере карточной игры и не получили широкого распространения в современном разговорном языке (*банкер, черви, бубны, spades и т.д.*).

Некоторые лексемы отличаются большим, по сравнению с другими единицами, количеством элементов экстразоны.

В английской лингвокультуре экстразона единицы *cards* представляется большим количеством элементов, по сравнению с русской единицей *карты*. Выражения, являющиеся лакунарными для русской лингвокультуры: *be on the cards, play the race/nationalist/environmentalist etc. card; play your cards right; play / keep your cards close to your chest; somebody's card is marked*.

В целом в русском языке лексемы, репрезентирующие карточную игру, имеют большее количество ассоциаций, чем английские. Причем переносное значение одних лексем зафиксировано в словарных статьях, а других нет. В английском же языке метафорическое значение карточных лексем отражено в словарных статьях.

Туз (козырной туз) → «влиятельный, знатный вельможа, богач» [СОж], [СОСИ], [СУш]; «высокопоставленное или влиятельное должностное лицо» [СТСРЯЕф.].

Как отмечает *The Financial Times*, многие финансовые тузы и политики Европы обеспокоены тем, что грядет эра финансового протекционизма (*Газета «Известия», 30.01.2009*).

Джокер → «что-то скрытое, неожиданное, что может изменить ситуацию, положение»; «человек, чье влияние может быть важно для чего – или кого-либо». Данное значение не отражено в словарных статьях.

Но с другой стороны, у Москвы в ответ на это в кармане всегда есть своеобразный «джокер» в виде признания независимости Абхазии и Южной Осетии и заключения с ними двухсторонних договоров безопасности (*Газета «Газета.Ру», 04.10.2006*).

Наибольшее количество примеров метафорического употребления выявлено для русской лексемы *карты* в различных слово-

сочетаниях (131 пример) и английской лексемы *cards* также в сочетаниях (115 примеров).

Карточные концепты обеих лингвокультур наиболее употребимы в качестве метафор в сфере политики. Возможно, азарт карточной игры сравним с азартом игры политической, и обе они получают все большую популярность в современном мире. Соответственно карточные термины используются для выражения привилегий, власти, силы, влияния, мощи, ничтожности и т.д.

В меньшей степени концепты, входящие в концептосферу «карты», находят свое употребление в сфере науки и техники, видимо ввиду того, что в рамках научного стиля использование метафор менее приемлемо.

Подведем основные итоги.

1. В русской и английской лингвокультурах ядро концептосферы «настольные игры» составляют концепты «шахматы», «шашки» и «карты», обладающие наиболее высокой номинативной плотностью. Всем им, кроме концепта «шашки» в английской лингвокультуре, свойственна также значительная метафорическая диффузность.

2. Интразона лингвокультурных концептов настольных игр формируется следующими лексическими группами: 1) название игры в целом и ее видов; 2) названия используемых в игре отдельных предметов и их групп, включая статусы, приобретаемые ими во время игры; 3) приемы игры; 4) положения во время игры; 5) названия игроков. Наиболее развитой интразоной в обеих рассматриваемых лингвокультурах обладает концепт «карты». Элементы интразоны концептов настольных игр в русской и английской лингвокультурах в основном совпадают. Отдельные отличия обусловлены различными источниками заимствования игровых терминов, разницей в метафорических ассоциациях и наличием или отсутствием разговорных эквивалентов у общепринятых терминов.

3. В экстразоне концептов настольных игр в обеих лингвокультурах доминируют апелляции, связанные с властью и политикой. У концепта «шахматы» наиболее коммуникативно востребованным элементом экстразоны является *пешка / pawn*, у концепта «шашки» – *дамка* и *поддавки*, у концепта «карты» – *карты / cards*.

Литература

Гориславец Е.В. Концепты настольных игр в английской лингвокультуре // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2010. – № 5 (49). – С.124-126.

Виноградова Е.В. Концептосфера «шахматы» в современной русской лингвокультуре // Единицы языка и их функционирование. Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. – Вып. 12. – С. 175 – 181.

Виноградова Е.В. Интразона и экстразона концепта «карты» // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, семантики и стилистики. Сб. научных трудов. / Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград, «Колледж», 2006. – С. 83 – 87.

Виноградова Е.В. Концептосферы «шашки» и «домино» в современной русской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. статей / отв. ред. Г.Г. Слышкин. – Волгоград: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. – С. 204 – 208.

Гориславец Е.В. Обозначение властных отношений при помощи метафор настольных игр // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 2: сб. статей / отв. ред. Г.Г. Слышкин. – Т. 2. – Волгоград: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2008. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2008. – С. 114 – 117.

Гориславец Е.В. Экстразона концептов настольных игр в русской лингвокультуре // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. 5.: межвузовский сб. науч. тр. / отв. ред. Т.С. Есенова. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. – С. 35 – 41.

Содержание предыдущих выпусков Антологии концептов

Антология концептов. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005.

Предисловие	<i>В.И.Карасик, И.А.Стернин</i>
Введение. Некоторые направления современной концептологии	
Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку	<i>З.Д.Попова, И.А.Стернин (Воронеж)</i>
Постулаты лингвоконцептологии	<i>С.Г.Воркачев (Краснодар)</i>
Базовые характеристики концептов в лингвокультурной концептологии	<i>В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин (Волгоград)</i>
Методология концептуальных исследований	<i>М.В. Пименова (Кемерово)</i>
Концепты	
Быт	<i>А.В. Рудакова (Воронеж)</i>
Воля	<i>Н.М. Катаева (Екатеринбург)</i>
Дружба	<i>О.А. Арапова, Р.М. Гайсина (Уфа)</i>
Душа, сердце, ум	<i>О.Н. Кондратьева (Кемерово)</i>
Закон	<i>И.В. Палашевская (Волгоград)</i>
Здоровье	<i>А.Н. Усачева (Волгоград)</i>
Красота	<i>Ю.В. Мецрякова (Волгоград)</i>
Любовь	<i>Л.Е. Вильмс (Волгоград)</i>
Любовь и ненависть	<i>Е.Ю. Балашова (Саратов)</i>
Обман	<i>Н.Н. Панченко (Волгоград)</i>
Приватность	<i>О.Г. Прохвачева (Волгоград)</i>
Пунктуальность	<i>Я.В. Зубкова (Волгоград)</i>
Свобода	<i>А.С. Солохина (Волгоград)</i>
Страх	<i>С.В. Зайкина (Волгоград)</i>
Тоска	<i>Е.В. Димитрова (Волгоград)</i>
Удивление	<i>Н.В. Дорофеева (Краснодар)</i>
Ум и разум	<i>Н.М. Сергеева (Кемерово)</i>
Форма	<i>В.М. Топорова (Воронеж)</i>
Язык	<i>Д.Ю. Полиниченко (Краснодар)</i>

Антология концептов. Том 2. Волгоград: Парадигма, 2005.

Концепты	
Америка	<i>О.А. Урусова (Кемерово)</i>
Вода	<i>А.В. Костин (Иваново)</i>
Встреча, приветствие, прощание, расставание	<i>В.А. Шемарова, Р.М. Гайсина (Уфа)</i>
Грех	<i>Н.О. Козина (Иваново)</i>
Деньги	<i>Н.Э. Агаркова (Иркутск)</i>
Домовой и русалка	<i>О.В. Абыякая (Санкт-Петербург)</i>
Дорога	<i>О.О. Ипполитов (Воронеж)</i>
Дурак	<i>Е.В. Бусурина (Санкт-Петербург)</i>
Женщина	<i>Н.А. Паскова (Иркутск)</i>
Жизнь	<i>О.А. Ипанова (Санкт-Петербург)</i>
Купля / продажа	<i>А.Г. Осипова (Санкт-Петербург)</i>
Наказание	<i>А.А. Контримович (Иркутск)</i>
Оскорбление	<i>Г.В. Кусов (Краснодар)</i>
Преступление	<i>Ю.Г. Евтушок (Иркутск)</i>
Пространственная ориентация	<i>Е.Н. Евтушенко (Волгоград)</i>
Путешествие	<i>Лю Цзюань (Волгоград – Чанчунь, КНР)</i>
Риск	<i>Н.Н. Ефимова (Иркутск)</i>
Россия	<i>О.Г. Орлова (Кемерово)</i>
Собственность	<i>Е.В. Бабаева (Волгоград)</i>
Торг	<i>Ю.Н. Петелина (Астрахань)</i>
Труд	<i>Т.В. Гоннова (Волгоград)</i>
Труд	<i>О.Е. Чернова (Екатеринбург)</i>
Умение жить	<i>Э.В. Грабарова (Волгоград)</i>

Антология концептов. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006.

Предисловие	<i>В.И. Карасик, И.А. Стернин</i>
Концепты	
Русский язык	<i>Л.А. Тавдгиридзе, И.А. Стернин (Воронеж)</i>
Родной язык	<i>Г.Н. Милованова (Нальчик)</i>
Добро и зло	<i>Н.Ю. Моспанова (Брянск)</i>

Воля	<i>Р.И. Веселова (Иваново)</i>
Свет и тьма	<i>Т.М. Григорьева, Р.М. Гайсина (Уфа)</i>
Рай и ад	<i>А.Ф. Гершанова (Стерлитамак)</i>
Правда и истина	<i>М.И. Агиенко (Кемерово)</i>
Бог	<i>А.В. Полина (Харьков)</i>
Ангел	<i>И.П. Черкасова (Армавир)</i>
Бог и дьявол	<i>Т.Ю. Передриенко (Челябинск)</i>
Надежда	<i>Е.А. Мошина (Кемерово)</i>
Любовь	<i>Л.Э. Кузнецова (Краснодар)</i>
Дружба	<i>М.А. Хизова (Краснодар)</i>
Стыд и вина	<i>Е.А. Дженкова (Волгоград)</i>
Мечь	<i>И.И. Чесноков (Волгоград)</i>
Долг	<i>Г.В. Елохова (Абакан)</i>
Судьба	<i>Е.Н. Сергеева (Уфа)</i>
Мечта	<i>С.А. Сергеев (Кемерово)</i>
Одиночество	<i>Н.В. Подзолкова (Волгоград)</i>
Мысль	<i>Е.П. Бондарева (Кемерово)</i>
Интеллект	<i>А.В. Крюков (Волгоград)</i>
Смерть	<i>А.А. Осипова (Магнитогорск)</i>

Антология концептов. Том 4. Волгоград: Парадигма, 2006.

Концепты

Время	<i>З.М. Дударева (Уфа)</i>
Семья	<i>Н.Н. Рухленко (Белгород)</i>
Успех	<i>Н.Р. Эренбург (Воронеж)</i>
Деньги	<i>И.А. Майоренко (Краснодар)</i>
Материальное богатство	<i>Т.Н. Новоселова (Владивосток)</i>
Победа и Поражение	<i>Т.Г. Смотрова (Таганрог)</i>
Застолье	<i>Ма Яньли (Волгоград)</i>
Кочевье	<i>Ж.Н. Церенова (Элиста)</i>
Родина	<i>Д.А. Кожанов (Барнаул)</i>
Германия	<i>Р.Д. Керимов (Кемерово)</i>
Германия	<i>О.А. Куданкина (Кемерово)</i>
Социальный протест	<i>И.Л. Лебедева (Владивосток)</i>

Порицание	<i>О.А. Евтушенко (Волгоград)</i>
Обвинение	<i>Ю.Г. Соловьева (Иркутск)</i>
Конфликт	<i>Е.Н. Ермолаева (Иркутск)</i>
Спор	<i>Е.Н. Горбачева (Астрахань)</i>
Брань	<i>С.С. Катуков (Воронеж)</i>
Услуга	<i>М.В. Прищепенко (Волгоград)</i>
Гарантия	<i>Н.С. Федотова (Астрахань)</i>
Футбол	<i>М.В. Малинович, Н.И. Свистунова (Иркутск)</i>
Вода	<i>Т.И. Бадмаева (Элиста)</i>
Цветок	<i>А.И. Молоткова (Екатеринбург)</i>

Антология концептов. Том 5. Волгоград: Парадигма, 2007.

Концепты	
Добро	<i>И.С. Шевченко, И.В. Змиева (Харьков)</i>
Добро	<i>Е.С. Палеха (Казань)</i>
Зло	<i>С.А. Тихонова (Омск)</i>
Злость	<i>Ю.В. Крылов (Новосибирск)</i>
Скромность	<i>О.В. Кошманова (Астрахань)</i>
Терпение	<i>И.А. Долгова (Волгоград)</i>
Страх	<i>Е.Ю. Бутенко (Ростов-на-Дону)</i>
Антипатия	<i>И.В. Корогодина (Иркутск)</i>
Гармония	<i>Т.В. Лунёва (Киев)</i>
Культурный	<i>М.Ю. Шевченко (Воронеж)</i>
Вежливость	<i>Е.А. Зацепина (Воронеж)</i>
Женщина	<i>Л.В. Адонина (Воронеж)</i>
Семья	<i>Г.А. Гуняшова (Кемерово)</i>
Детство	<i>И.А. Калюжная (Волгоград)</i>
Война	<i>В.Б. Крячко (Волгоград)</i>
Труд	<i>Л.М. Мирошниченко (Краснодар)</i>
Демократия	<i>М.А. Филиппова (Волгоград)</i>
Демократия	<i>Е.С. Миронец (Владивосток)</i>
Значение	<i>Т.Г. Панина (Иркутск)</i>
Деньги	<i>Л.И. Федеянина (Кемерово)</i>
Воровство	<i>О.А. Кирияк (Ярославль)</i>

Антология концептов. Том 6. Волгоград: Парадигма, 2008.

Дискуссионные проблемы
современной лингвоконцептологии

«Антология концептов»:
рецензия *В.Б. Гольдберг (Тамбов)*

«Антология концептологии»:
рецензия *И.Б. Левонтина (Москва)*

Как описывать концепты
*И.А. Стернин (Воронеж),
В.И. Карасик (Волгоград)*

Концепты
Свободная страна *М.С. Онищенко (Воронеж)*

Слава и позор *Е.В. Русина (Волгоград)*

Татарский язык, русский язык, ан-

глийский язык

Провинция *А.В. Архарова (Благовещенск)*

Путешествие *Е.А. Боброва (Иркутск)*

Путешествие *Т.Ю. Сазонова, Е.А. Стародубцева (Курск)*

Возраст *О.А. Авдеева (Санкт-Петербург)*

Возраст *И.М. Любина (Краснодар)*

Женщина *М.С. Досимова (Астрахань)*

Остроумие *Т.М. Григоренко (Краснодар)*

Предательство *У.А. Савельева (Астрахань)*

Верность и предательство *Н.В. Саварцева (Иркутск)*

Здоровье и болезнь *Л.В. Туленинова (Луганск)*

Труд *Л.Л. Банкова (Нижний Новгород)*

Дом *С.А. Тимощенко (Краснодар)*

Театр *Е.В. Илова (Астрахань)*

Времена года *Т.В. Салашник (Саратов)*

Пицца *Н.Н. Кацунова (Иркутск)*

Антология концептов. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009.

Свет и тьма	<i>М.А. Садыкова (Ижевск)</i>
Радость	<i>О.А. Сайко (Иркутск)</i>
Волеизъявление	<i>Н.Ю. Чайковская (Волгоград)</i>
Толерантность	<i>С.Г. Растатуева (Тула)</i>
Толерантность	<i>Ли Же (Симферополь)</i>
Толерантность и терпимость	<i>Н.А. Неровная (Воронеж)</i>
Родина	<i>Е.М. Игнатова (Москва)</i>
Народ	<i>Д.В. Хохлов (Иркутск)</i>
Запрет	<i>Д.И. Медведева (Ижевск)</i>
Богатство и бедность	<i>Е.Г. Стешина (Саратов)</i>
Зависть	<i>Н.В. Григоренко (Белгород)</i>
Глупость	<i>Е.Н. Бочарова (Белгород)</i>
Cool	<i>В.М. Радван (Астрахань)</i>
Fun	<i>В.С. Плавинская (Астрахань)</i>
Подарок	<i>Е.Н. Черкасова (Астрахань)</i>
Питие	<i>А.Г. Бойченко (Абакан)</i>
Винопитие	<i>Т.С. Глушкова (Омск)</i>
Болезнь	<i>Н.Е. Некора (Санкт-Петербург)</i>
Похороны	<i>Лю Сун (Волгоград)</i>
Свадьба	<i>Дун Жань (Волгоград)</i>
Родство	<i>З.С. Мержоева (Саратов)</i>
Семья	<i>А.С. Трущинская (Воронеж)</i>
Книга	<i>Н.В. Киреева (Екатеринбург)</i>
Чай	<i>Цзоу Сюецянь (Санкт-Петербург)</i>

Антология концептов

Том 8

Научное издание

Подписано к печати 18.09.11. Формат 60x84x16.

Печать офс. Бум. офс. Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд.л. 17,6. Тираж 200 экз. Заказ 134.

Издательство «Парадигма»

400006, Волгоград, ул. Академическая, 22.

Типография «Светокопия»

400001, Волгоград, ул. Академическая, 22